

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Ю.Г. Виноградов

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ОЛЬВИЙСКОГО ПОЛИСА

VII—I вв. до н.э.

**историко-
эпиграфическое
исследование**

Ответственный редактор
доктор исторических наук *Е. С. ГОЛУБЦОВА*

МОСКВА «НАУКА» 1989

Рецензенты:

доктор исторических наук *Д. Б. Шелов*,
кандидат исторических наук *С. Ю. Сапрыкин*

Виноградов Ю. Г.

В 49 Политическая история Ольвийского полиса VII—I вв. до н. э.: Историко-эпиграфическое исследование. — М.: Наука, 1989. — 288 с., с ил.
ISBN 5-02-008961-3

Книга представляет первый после столетнего перерыва (т. е. после выхода в 1887 г. монографии В. В. Латышева) опыт систематического изложения политической истории одного из крупнейших северочерноморских античных полисов — Ольвии (VII—I вв. до н. э.). Базируясь на исследованиях как давно известных, так и вновь найденных эпиграфических документов, на сведениях античных писателей, нумизматическом материале, а также на результатах новейших археологических открытий, последовательно реконструируется история Ольвийского полиса в отдельные периоды его существования.

Для историков, археологов.

В 0503010000—319 86—89—II
042(02)—89

ББК 63.3(0)3

ISBN 5-02-008961-3

© Ю. Г. Виноградов, 1989

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1987 г. исполнилось сто лет со дня выхода в свет одного из самых значительных трудов прошлого века в области истории античных государств Северного Причерноморья — «Исследований об истории и государственном строе города Ольвии», принадлежащего перу выдающегося русского эпиграфиста, историка и филолога академика Василия Васильевича Латышева. Эта монография, образцовая по добросовестности обращения с источниками, по глубине анализа текстов, по широте охваченных вопросов и эпох, наконец, совершенная в методическом плане, надолго пережила своего создателя. Для лучшего понимания переворота, который произвел В. В. Латышев в отечественной науке о классических древностях Юга России, достаточно сравнить его труд с защищенной всего годом позже магистерской диссертацией Ф. Линдиша¹ — типично гелертерской антикварной работой, которая, кроме фактических ошибок, не содержит ничего нового.

Труд В. В. Латышева имел сильный резонанс в научных кругах: он был и по сей день заслуженно остается настольной книгой всякого, кто занимается историей Ольвии; многократно цитируется он и на этих страницах. Однако он — против своей воли — имел и одно нежелательное последствие. «Исследования», как мне представляется, казались современникам и последующим поколениям ученых настолько исчерпывающе разработанными, что, несмотря на все возраставший новый материал эпиграфических, нумизматических и археологических источников, ни у кого не поднялась рука, чтобы взяться за перо и написать хотя бы приблизительно подобную обобщающую работу².

Между тем потребность в этом назрела давно. Говоря об «устаревании» книги В. В. Латышева, принято ссылаться обычно на то, что в его время практически не производилось археологических изысканий в Ольвии. Действительно, систематические, планомерные раскопки Ольвии, Березани и их сельскохозяйственной округи, славное начало которым было положено экспедициями Б. В. Фармаковского и Э. Р. фон Штерна, принесли с собой массу новых, самых разнообразных источников — надписей, монет, строительных остатков, керамики, скульптуры и т. д., — позволивших не только по-новому взглянуть на историческое развитие Ольвий-

¹ *Lindisch F. De rebus Olbiopolitarum: Diss. Halle, 1888.*

² С этим я могу сравнить разве что эффект, вызванный фундаментальным исследованием М. И. Ростовцева «Античная декоративная живопись на Юге России» (СПб., 1913).

ского полиса, его экономику, культуру, религию, взаимоотношения с окружающим миром, но и переосмыслить прежние, известные уже В. В. Латышеву данные нарративных источников и эпиграфики. Но причины «устаревания», как мне кажется, этим не исчерпываются, ибо сама мировая историческая наука за истекшее столетие не стояла на месте: постоянно совершенствуясь, она выработывала новую методiku исследования, новые модели и концепции, что особенно заметно ощущается в изучении проблем колонизации и эллинизма. Нас уже едва ли может удовлетворить, например, точка зрения В. В. Латышева, полагавшего, что «Ольвия во все времена своего существования представляется нам с резко очерченными признаками благоустроенной демократической республики»³, в то время как мы знаем, что соседние и родственные ей милетские колонии прошли и через олигархический, и через тиранический образы правления.

Тем не менее каждого, кто отваживается на попытку синтезировать добытые многолетними изысканиями данные в единую картину исторического развития Ольвийского полиса, не может не охватывать невольный трепет перед тенью выдающегося предшественника: окажется ли его произведение столь же адекватным современному уровню науки и предъявляемым ею требованиям, сколько оказалось вполне соответствующим им исследование В. В. Латышева сто лет тому назад. И если автор этих строк взял на себя смелость предпринять такой шаг, то главным образом в силу твердого убеждения в том, что наука имеет право время от времени — хотя бы раз в столетие — коренным образом пересматривать свои позиции. Насколько это удалось — судить другим.

Не случайно заглавием книги выбрана «Политическая история Ольвийского полиса». По сравнению со временем появления монографии В. В. Латышева сейчас накопилось достаточно материалов, разработаны новые концепции, заставляющие изучать Ольвию не просто как город и политический организм, в отрыве от подвластной ей территории — хоры, интенсивное и продуктивное изучение которой в последние два десятилетия показало со всей очевидностью, что она — зеркало истории полиса, а потому всегда чутко реагировала на изменения внутри- и внешнеполитической ситуации, происходившие в тот или иной период.

Недаром вынесены в подзаголовок работы и слова «Историко-эпиграфическое исследование». Применяя комплексную аналитико-синтетическую методiku разработки по возможности всех доступных разнохарактерных источников, я тем не менее учитываю ограниченность и нехватку свидетельств об Ольвии древних авторов и отдаю приоритет перед остальными документам эпиграфическим. Ведь иногда составленное по банальной формуле посвящение или простой проксенический декрет дают для воссоздания исторической ситуации больше, нежели находка совершенной по испол-

---

³ Латышев. Исследования. С. 305.

нению вазы или скульптуры. Однако я всегда старался, где это возможно, не замыкаться на изучении ольвийских надписей *progritis auxiliis*, но постоянно подыскивал им как фразеологические, терминологические, так и ситуационные параллели в эпиграфике других греческих центров. В первую очередь предметом поиска служили аналогии из лапидарного архива причерноморских и особенно западнопонтийских полисов, находившихся примерно в тех же, что и Ольвия, географических и этнополитических условиях, а потому прошедших во многом схожие пути развития.

Ольвия представляет собой один из наиболее благодатных объектов исторического исследования. Ее можно по праву назвать одной из наиболее ярких звезд в плеяде греческих колоний, рассеянных по берегам Понта Евксинского. Ее выдающееся положение в истории Причерноморья объясняется не только той ролью, которую она играла в политике, экономике и культуре региона, но и самим характером памятника, степенью его изученности и потенциальными возможностями, в нем заложенными. В Ольвии в отличие от других полисов на Понте открыты к настоящему времени в совокупности все главные архитектурные компоненты полиса: агора, два теменоса, гимнасий, дикастерий, жилые кварталы, оборонительные сооружения и др. Но Ольвия, кроме того, единственная из понтийских апоекий Милета, где, с одной стороны, так ярко и полно представлены государственные и религиозные институты, культуры, а также явления ионийской культуры, перенесенные из метрополии, а с другой — отчетливо улавливаются и элементы их своеобразия, порожденные особыми условиями существования. Поэтому одной из главных задач данного исследования было показать, что Ольвийский полис неправомерно рассматривать как отсталый, «медвежий» угол античной цивилизации: не утрачивая присущего ей своеобразия, Ольвия не отставала от времени, переживая те же процессы и разделяя те же судьбы, которые пришлось испытать полисам Средиземноморья и Причерноморья.

В заключение мне остается высказать слова глубокой признательности всем тем, кто так или иначе содействовал созданию этой работы, в частности взял на себя труд прочесть книгу в рукописи. Особо благодарен я недавно безвременно скончавшемуся П. О. Карышковскому, который постоянно дружески и бескорыстно делился со мной своими самыми последними, еще не введенными в научный оборот наблюдениями и соображениями по ольвийской истории и особенно нумизматике, протагонистом которой он по праву считается. Искренне признателен я своим коллегам и товарищам по Сектору истории древнего мира Института всеобщей истории АН СССР, в стенах которого создавалась эта работа. Не могу не выразить я благодарности и западногерманским эпиграфистам и историкам М. Вёрле, П. Херрману, В. Шуллеру, Н. Эрхардту, в беседах и консультациях с которыми неоднократно и плодотворно обсуждались различные аспекты использованных в работе эпиграфических документов, и отдельно — Фонду им. Ал. фон Гум-

большага, стипендия которого предоставила мне возможность собрать в нескольких институтах ФРГ необходимые для исследования материалы.

Особая благодарность адресуется моим наставникам, коллегам и товарищам по раскопкам Ольвии и Березани — Е. И. Леви, Я. В. Доманскому, К. К. Марченко, а также безвременно ушедшим К. С. Горбуновой, Л. В. Копейкиной и И. Б. Брашинскому, благодаря общению с которыми во время раскопок я ближе соприкоснулся с «живой» ольвийской историей. Автор выражает также свою искреннюю признательность руководителям экспедиций, отрядов, дирекции и хранителям музеев, любезно предоставившим в его распоряжение публикационные эпиграфические материалы. Это кроме названных последними: Г. А. Дзис-Райко, С. Д. Крыжицкий, В. В. Лапин, Н. А. Лейпунская, А. С. Русяева, И. И. Саверкина, Н. П. Сорокина, В. В. Крапивина.

Наконец, я не могу с тихой благодарной грустью не вспомнить имена своих учителей: в эпиграфике — Б. Н. Гракова, а в археологии — А. Н. Карасева, которые первыми открыли для меня сложный и увлекательный мир этих областей знания. Пусть эта работа послужит скромным символом признательности *magistris amicisque vivis et defunctis* — всем, кто внес научный вклад и вложил частицу своей души в благородное дело изучения Ольвии⁴.

---

⁴ Данная книга была окончательно завершена и подготовлена к печати к началу 1985 г. Из всей обильной литературы по теме, вышедшей после этого, я старался по возможности учесть все наиболее значительные работы. За неизбежные пропуски высказанных в последние годы точек зрения и наблюдений заранее прошу извинения как у их авторов, так и у читателя.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ОЛЬВИЙСКОЙ ИСТОРИИ

История Ольвии в современной историографии¹

Всю историю изучения Ольвии можно подразделить на четыре периода, характеристика которых дается ниже.

1. Антикварный период (от начала XIX в. до 1885 г.)

Интерес ученых к Южной России вообще и к Ольвии в частности стал проявляться в отечественной науке после включения Крыма и Новороссии в состав Российской империи. В конце XVIII в. туда отправляются П. Сумароков и П. С. Паллас, правильно локализовавшие в своих трудах местоположение Ольвии у с. Ильинское (соврем. Парутино) в низовьях Буга и описавшие остатки ее развалин².

Первая попытка создать краткий очерк истории Ольвии на основании известий древних авторов и данных нумизматики принадлежит голландскому эмигранту И. П. Бларамбергу³. Практически одновременно с ним выпустили свои труды Д. Р. Рошетт и П. Кёппен⁴, не бесполезные для своего времени главным образом тем, что они ввели в научный оборот новые эпиграфические памятники; последний, например, одновременно с Г. Келером⁵ впервые издал знаменитый Протогеновский декрет, снабдив его скромным комментарием⁶.

¹ Отчеты о раскопках и просто публикации добытых материалов здесь не рассматриваются, тем более что истории археологического изучения Ольвии и ее округа посвящено несколько обзорных работ: *Жебелев С. А.* Введение в археологию. Пг., 1923. Гл. V: Археология в России; *Славин Л. М.* Основные этапы изучения Ольвии // ЗОАО. 1960. 1. (34). С. 47—59 (от начала раскопок и до конца 50-х годов); *Карасев А. Н., Леви Е. И.* Исследования Ольвии после Б. В. Фармаковского // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 22—45 (с 1920 по начало 70-х годов); *Крыжицкий С. Д.* Античность в УССР в 1972—1982 гг. // ВДИ. 1983. № 2. С. 81—90; *Он же.* Ольвия. Киев, 1985; *Леви Е. И.* Ольвия. Л., 1985.

² *Сумароков П.* Путешествие по всему Крыму и Бессарабии. М., 1800; *Pallas P. S.* Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reiches in den Jahren 1793 und 1794. Bd. 1, 2. Leipzig, 1799—1801. (2. Aufl. 1804—1805).

³ *Blaramberg I. P.* Choix de médailles antiques d'Olbiopolis ou Olbia. P., 1822. Рус. пер.: М., 1828.

⁴ *Rochette D. R.* Antiquités grecques du Bosphore Cimmérien. P., 1822; *Koepfen P.* Altertümer am Nordgestade des Pontus. Wien, 1823. Рус. пер.: М., 1828.

⁵ *Koehler H. K. E.* Zwei Aufschriften der Stadt Olbia. St. Petersburg, 1822 (=Gesammelte Schriften. St. Petersburg. 1850. Bd. 1. S. 62 ff.).

⁶ *Kёппен П.* Древности северного берега Понта. М., 1828. С. 143—160.

Однако все перечисленные работы, несмотря на отдельные удачные наблюдения⁷, ни по охвату источников, ни по методическому уровню их изучения нельзя признать в полном смысле научными исследованиями. Первым, кто поставил изучение ольвийских надписей и свидетельств древних авторов о городе на подлинно научный уровень, был «отец греческой эпиграфики», выдающийся немецкий историк и эпиграфист Август Бёк, который в вводной главе к надписям Сарматии своего «Корпуса греческих надписей» дал монографически связный очерк истории Ольвии⁸.

Образцовые для своей эпохи в археологическом и нумизматическом отношении сочинения А. С. Уварова⁹ и Б. В. Кёне¹⁰ в своих исторических разделах выглядят очень слабыми и не соответствуют даже уровню современной им науки.

В целом антикварный период не прошел для науки бесплодно: он положил начало собиранию, систематизации и публикации нумизматических, эпиграфических и археологических памятников из Ольвии. В эту пору предпринимаются и робкие попытки проводить раскопки на Ольвийском городище¹¹, а также первые опыты обобщения ее истории.

2. Начало систематического изучения Ольвии и ее истории (1885—1917 гг.)

1885 год ознаменовался крупным событием в науке о классических древностях Юга России: недавний выпускник Петербургского университета, питомец школы Ф. Ф. Соколова, тридцатилетний ученый Василий Васильевич Латышев, которому Русское археологическое общество в 1882 г. по возвращении его из командировки в Грецию поручило собрать и издать греческие и латинские надписи античных городов Северного Причерноморья, выпускает том I своего корпуса «*Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*», включивший эпиграфические памятники Тире, Ольвии и Херсонеса. Выполненный с учетом строгих требований тогдашней эпиграфической науки, исчерпывающий по охвату, этот Свод стал краеугольным камнем для дальнейшего систематического изучения истории северопонтийских колоний вообще и Ольвии в частности. Плодами своего широко задуманного и блестяще выполненного предприятия не замедлил воспользоваться прежде всего сам его исполнитель. Еще до издания тома I Сборника надписей он публикует исследование «Эпи-

⁷ Так, Рошетт (Op. cit. P. 99 et suiv.) верно распознал в Скиле владыку Ольвии (см. гл. III).

⁸ Corpus inscriptionum Graecarum. 1843. Vol. 2, cap. 1. P. 86—89. §§ 5—10.

⁹ Уваров А. С. Исследования о древностях южной России и берегов Черного моря. СПб., 1851. Вып. I. Об истории Ольвии см.: С. 35—103.

¹⁰ Кёне Б. В. Описание музея князя В. В. Кочубея и исследования об истории и нумизматике греческих поселений в России, а также Понтийского царства и Боспора Киммерийского. СПб., 1857. Т. I.

¹¹ Первым начал раскопки Ольвии в 1801 г. инженер-генерал Сухтелен.

графические данные о государственном устройстве Херсонеса Таврического»¹², а через два года после его выхода в свет — в 1887 г. — защищает докторскую диссертацию по только что вышедшей монографии «Исследования об истории и государственном строе города Ольвии». Когда Латышев через три года издает том II IOSPE, куда на сей раз входят боспорские надписи, он предпосылает им «Brevis conspectus historiae Regni Bosporani»¹³.

«Исследования об истории и государственном строе города Ольвии» стали образцовым трудом, в котором использованы все наличествующие к тому времени письменные источники, включая эпиграфические, извлечен из них максимум информации и на основании ее построена предельно возможная историческая картина развития Ольвии от основания колонии до ее окончательной гибели. Трудно поставить в упрек автору неиспользование археологических источников тогда, когда ольвийской археологии как таковой еще практически не существовало. Трудно упрекнуть автора в том, что он не использует нумизматические материалы с желаемой полнотой¹⁴ — ведь и нумизматы тех лет были далеки еще от единства во взглядах на атрибуцию монет тому или иному центру либо правителю, не говоря уже о вопросах хронологии. Даже при недостаточном привлечении аналогичного эпиграфического материала из других греческих центров для более детальной реконструкции и заполнения лакун в ольвийской истории тот титанический труд, который он проделал, может вызвать только восхищение. Большую роль в развитии изучения истории Ольвии и всего Северного Причерноморья сыграла составлявшаяся много лет Латышевым хрестоматия «Scythica et Caucasia»¹⁵, вобравшая в себя практически все свидетельства греческих и латинских авторов о Северном Причерноморье и Кавказе.

На конец XIX в. приходится и начало систематических археологических исследований ольвийского региона. С 1901 г. Б. В. Фармаковский начинает планомерные исследования Ольвийского городища и некрополя. В 1900—1901 гг. предпринимает кратковременные, но интенсивные раскопки Березанского некрополя Г. Л. Скадовский, а с 1904 г. Э. Р. фон Штерн в течение семи раскопочных сезонов изучает древнее поселение на Березани. В начале XX в. В. И. Гошкевич производит первые обследования поселений ольвийской хоры¹⁶.

Эти планомерные изыскания привели к накоплению большого количества нового материала, потребовавшего оперативной обра-

¹² См.: ЖМНП. 1884. Июнь. С. 35—77; То же // ВСН. 1885. 9. Р. 265—300.

¹³ Рус. пер.: Краткий очерк истории Боспорского царства // ИОИТАКА. СПб., 1909. С. 60—128.

¹⁴ Это признает и сам Латышев. См.: Исследования. С. IX и след.

¹⁵ Scythica et Caucasia. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., Т. 1. 1893—1900; Т. 2. 1904—1906.

¹⁶ См. обзоры в работах, указанных в примеч. 1. Ср. также: Карасев А. Н. Б. В. Фармаковский и Ольвия // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 13—21.

ботки и исследования. Латышев регулярно публикует в разных изданиях вновь прибывающий эпиграфический материал¹⁷. Блестящим венцом его плодотворных усилий стал выход в 1916 г. вторым изданием первого тома его «Корпуса» — образцового колоссального труда, до сего дня ничем не замененного. М. И. Ростовцев сосредоточил свои основные интересы в латинских надписях, но не устранился вовсе и от исследования греческих¹⁸. Особо следует отметить фон Штерна, явившегося пионером издания граффити, остававшихся до него фактически вне поля деятельности ученых¹⁹. Важной вехой в изучении нумизматических памятников явился «Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря» (Одесса, 1884), изданный П. О. Бурачковым. Несмотря на все недостатки, он, по словам его критика А. Л. Бертье-Делагарда, «скоро стал настольной книгой каждого нумизмата»²⁰.

Важно отметить, что в начале нынешнего столетия предпринимаются первые после защиты диссертации Латышева опыты обобщения ольвийской истории в рамках общих монографий по Северному Причерноморью. Здесь следует прежде всего назвать капитальный труд Э. Минза, не утративший значения и по сей день. Однако, несмотря на полноту сведенного материала, исчерпывающую библиографию и отдельные интересные авторские соображения, он не перерос рамки добросовестной компиляции источников и литературы²¹. Полный контраст ему составляет очерк Ростовцева «Эллинизм и иранство на Юге России» (Пг., 1918). Нарисованная шедрыми мазками впечатляющая картина исторического развития эллинских колоний и их варварского окружения насыщена смелыми идеями и гипотезами, многие из которых — и это явственно ощущается — не были подкреплены исследователем строгой аргументацией. Интересно, что в значительно расширенном и снабженном научным аппаратом оксфордском издании этой книги²² Ростовцев уже гораздо сдержаннее в своих концепциях, что в еще большей степени определилось в главах, написанных им для академической «Кембриджской древней истории»²³.

Из специальных работ по Ольвии следует назвать брошюру Фармаковского «Ольвия» (М., 1915), где, к сожалению, не на-

---

¹⁷ Далее для экономии места приводятся только наиболее значительные публикации; ссылки на статьи по более частным проблемам читатель найдет далее в сносках по главам. В задачи обзора не входило также приводить все фамилии и все вышедшие по теме работы.

¹⁸ Упомяну, к примеру: *Ростовцев М. Митридат Понтийский и Ольвия* // ИАК. 1907. 23. С. 21—27.

¹⁹ *Фон Штерн Э. Р. Graffiti на античных южнорусских сосудах* // ЗООИД. 1897. 20. С. 163 и след.

²⁰ *Бертье-Делагард А. Л. Поправки Общего каталога монет П. О. Бурачкова*. М., 1907. С. 1.

²¹ См.: *Ростовцев М. И.* [Рецензия] // ЖМНП. 1913. Нояб. С. 173—194. — Рец. на кн.: *Minns E. H. Scythians and Greeks*. Cambridge, 1913.

²² *Rostoutzeff M. Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford, 1922.

²³ САН. VIII. P. 561—589; IX. P. 22 ff.

шло место для собственно истории, и две его статьи для «Энциклопедии» и «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона, в исторической части которых он, однако, не ушел дальше результатов «Исследований» Латышева и его последующих публикаций. Не больше способствовала изучению ольвийской истории и объемистая статья фон Штерна «Политическая и социальная структура греческих колоний на северном берегу Черного моря» (*Hermes*. 1915. 50. S. 161—224), в которой автор, несмотря на ее многообещающее название, базируется, как и в предшествующей работе²⁴, почти исключительно на археологических материалах, а потому говорит преимущественно об экономике и, кроме того, считает полисы Северо-Западного Причерноморья в политическом и социальном аспекте неинтересными, так как они пошли, по его мнению, по обычному и типичному для греческих колоний пути (*Ibid.* S. 165).

Нельзя не упомянуть и о книге И. И. Толстого «Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте» (Пг., 1918), посвященной культурам Ахилла и Девы, но по ходу изложения неоднократно касающейся эпиграфических памятников и исторических проблем, с ними связанных.

Из сказанного видно, что неизмеримо возросший материал источников настоятельно требовал новой обобщающей работы, которая, однако, так и не появилась.

3. Расширение источниковой базы (1917—1960 гг.)

После некоторого перерыва, последовавшего следом за Октябрьской революцией, с новой силой возобновляется археологическое изучение Ольвии самим Б. В. Фармаковским, а после его смерти — преемниками. Ученик фон Штерна М. Ф. Болтенко в довоенные годы и сразу после войны проводит в общей сложности семь раскопочных сезонов на Березани. Очень важным было начало систематического археологического обследования периферии (А. П. Манцевич, М. С. Сеницын, Б. М. Рабичкин, Ф. М. Штителъман, С. И. Капошина), хотя вопрос об ольвийской хоре как таковой тогда еще не стоял.

Для изучения политической истории крайне важным стало открытие в Ольвии общественного центра — агоры с прилегающими к ней комплексами. Их исследование не только позволило выяснить архитектурно-градостроительную структуру общественно-политического и религиозного центра Ольвии, но и принесло с собой массу важнейших эпиграфических находок, среди которых следует отметить серию лапидарных посвящений мольпов Аполлону Дельфинию, проксенические и почетные декреты IV—II вв., граффити позднеархаического времени с посвящениями Аполлону,

---

²⁴ *Stern E. von Die griechische Kolonisation am Nordgestade des Schwarzen Meeres im Licht archäologischer Forschung // Klio. 1909. 9. S. 139—152.*

Зевсу и Афине, граффити коллегии нумениастов и др. Публикация в разных изданиях этих материалов (главным образом усилиями Е. И. Леви и Т. Н. Книпович) пролила новый свет на политическую историю Ольвийского государства.

Вместе с тем продолжается и переосмысление обнаруженных прежде эпиграфических источников. С. А. Жебелев посвятил до войны ряд статей как надписям самой Ольвии, так и связанным с ней закону Каноба, договору с Милетом, декрету в честь амигенского кибернета²⁵. Последнему документу уделили внимание и крупнейшие западные эпиграфисты Ад. Вильхельм и Л. Робер²⁶. Качественно новым моментом в изучении ольвийской истории стали две статьи Н. В. Шафранской²⁷ (которыми она, к сожалению, ограничилась), где для интерпретации Протогеновского декрета впервые был широко привлечен эпиграфический материал других полисов и показано, что кризис Ольвии III в. был не изолированным явлением, но общегреческим феноменом.

Кроме названных выше публикаций лапидарных памятников продолжалось изучение и ольвийской малой эпиграфики — граффити, дипинти, надписей на металле (С. Дложевский, А. С. Коцевалов, А. А. Белецкий, З. А. Билимович, Е. И. Леви и др.). Определенным событием стало издание И. И. Толстым сборника граффити Эрмитажного собрания²⁸, который, однако, не свободен от недочетов. Впервые на надлежащий методический уровень поставил изучение ольвийской нумизматики в ряде статей и в монументальном труде «Античные монеты» (М.; Л., 1951) А. Н. Зограф. Большую роль в анализе нарративной базы источников сыграл выход в свет книги Ростовцева «Скифия и Боспор» (Л., 1925)²⁹, где были впервые подвергнуты серьезному рассмотрению концепции древних авторов, писавших о Северном Причерноморье, структура их произведений, вопрос об источниках.

На этом этапе предпринимаются новые попытки обобщений истории Ольвии. В 1937 г. выходит диссертация В. Цибеля³⁰, ученика Э. Цибарта, о которой можно сказать лестных слов не многим больше, чем о работе Линдиша (см. Предисловие). Вышедшая в том же году статья «Olbia» Э. Диля³¹, несмотря на комплимент, сделанный в ее адрес Жебелевым³², также целиком компилятивна и фактически элиминирует политическую историю, уделяя ей всего два столбца. Бесспорным прогрессом было сравнительное

²⁵ Жебелев. СП. С. 38—47, 275—298.

²⁶ Wilhelm Ad. König Mithradates Eupator und Olbia // Klio. 1936. 29. S. 50—59; Robert L. Hellenica. 1946. II. P. 58—60.

²⁷ Шафранская Н. В. К вопросу о кризисе Ольвии в III в. до н. э. // ВДИ. 1951. № 3. С. 14—20; Она же. О миксэллинах // ВДИ. 1956. № 3. С. 37—48.

²⁸ Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л., 1953.

²⁹ Нем. изд.: Rostowzew M. Skythien und der-Bosporus. B., 1931.

³⁰ Ziebell W. Olbia. Eine griechische Stadt in Südrußland: Diss. Hamburg. 1937.

³¹ Diehl E. Olbia // RE. 1937. Hbbd. 34. Sp. 2405—2423.

³² Жебелев. СП. С. 298. Примеч. 2.

исследование Ф. Билабеля³³, впервые широко сопоставившего культы, календарь и государственные институты Милета и его колоний, подвергнув обсуждению даты основания последних. Напротив, диссертация И. Рёлига³⁴, вышедшая из школы того же Цибарта, не идет дальше идей Ростовцева. В своей объемистой статье «Pontos Euxeinus» (RE. 1962. Supplbd. IX) Х. Данов ограничился в той части, где речь идет об Ольвии, исключительно библиографией, полезной для западного читателя, но не имеющей выхода в историю.

В советской историографии также предпринимаются попытки составления кратких очерков по истории Ольвии: В. Ф. Гайдукевичем, Д. П. Каллистовым, Т. Н. Книпович, Д. Б. Шеловым³⁵. Всех их объединяет одно: они основаны не на собственных исследованиях, но лишь резюмируют выводы предшественников. Несколько страниц уделил ольвийской истории в своих путеводителях Л. М. Славин³⁶, однако те немногие оригинальные мысли автора, которые мы там находим, представляются крайне спорными, так как они базируются скорее на конъюнктурной логике, чем на источниках (см. гл. IV).

4. Совершенствование методики (с 1960 г. по настоящее время)

Современный этап изучения истории Ольвии качественно отличается от предшествующих неуклонным стремлением не только к расширению круга источников, но и к совершенствованию методики, к выведению ее на комплексный уровень. У археологов отчетливо обозначается тенденция, во-первых, увязать материалы раскапываемых ими объектов с данными других источников; во-вторых, сопоставить результаты такого синтеза с реалиями политической истории и, в-третьих, после данного сопоставления и взаимопроверки заново переосмыслить получаемое на раскапываемых объектах. Приведу один пример. Если на начальном этапе изучения теменоса в 40—50-е годы казалось, что значительные строительные работы в нем и на агоре были предприняты вследствие разрушений времени Зопирионовой осады, причем

³³ Bilabel F. Die ionische Kolonisation // Philologus. 1920. Supplbd. XIV. 1.

³⁴ Röhlig J. Der Handel von Milet: Diss. Hamburg, 1933.

³⁵ Гайдукевич В. Ф. Очерк истории // АГСП. 1955. С. 30—65; Каллистов Д. П. Северное Причерноморье в античную эпоху. М., 1952. С. 79—90; Он же. Северное Причерноморье // Древняя Греция. М., 1956. С. 358—365; Книпович Т. Н. Ольвия и Тира // Очерки по истории СССР. М., 1956. С. 326—334; Шелов Д. Б. Античный мир в Северном Причерноморье. М., 1956. Второе переработанное издание: Шелов Д. Б. Северное Причерноморье 2000 лет назад. М., 1975. С. 40—53; Ср.: Он же. История // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 11 и след.

³⁶ Славин Л. М. Ольвия. Київ, 1938. С. 7—17; Он же. Древний город Ольвия. Киев, 1951. С. 6—15; Он же. Здесь был город Ольвия. Киев, 1967. С. 5—13. Кроме этих вышли и другие путеводители, где история Ольвии также излагается в конспективном порядке: Лапин В. В., Бураков А. В., Борисов Б. В. Ольвия: Путеводитель по раскопкам и музею. Киев, 1959. С. 3—13; Крыжицкий С., Лейпунская Н. Ольвия — память тысячелетий: Очерк. Одесса, 1982. С. 8—29.

последние связывались с социальными волнениями в городе в условиях напряженной военной обстановки³⁷, то после завершения раскопок теменоса выяснилось, что в последней четверти IV в. происходит не разрушение, а сознательная реконструкция общественного центра города, что, в свою очередь, было поставлено в связь со стремлением демоса торжественно отметить свою победу³⁸.

Аналогичное стремление осмыслить вновь открываемое и переосмыслить уже раскопанное присуще исследователям, систематически и планомерно изучающим Березань с 1960 г. по сей день. В итоге прояснились многие вопросы, связанные с колонизацией и древнейшим периодом истории Ольвийского полиса, которые нашли отражение в ряде работ В. В. Лапина, К. С. Горбуновой и Л. В. Копейкиной³⁹. Однако наиболее ощутимые результаты прогресс в археологической методике дал при изучении ольвийской периферии. Собственно, и сам вопрос о сельских поселениях Нижнего Побужья как составной части Ольвийского государства — его хоре — был поставлен только в 60-е годы; до этого они назывались в литературе греко-скифскими и считались принадлежащими каллипидам (элино-скифам) Геродота или миксэллинам. Кроме того, тщательное картографирование аграрных памятников на основании прежних и новых разведок и раскопок⁴⁰ позволило установить, что они концентрируются от Николаева на севере до Очакова на юге, а на западе — по берегам Березанского лимана на довольно большой территории, центр которой составляет Ольвия, что в совокупности с наблюдениями над преимущественно греческим характером их материальной культуры, хотя и со значительной долей варварского компонента, непреложно доказывало принадлежность их к хоре Ольвийского государства. Внимательная ревизия археологических материалов на базе дифференцированных прецизных датировок определила время возникновения и гибели поселений, а главное — перерыв в их существовании, приходящейся на последние две трети V в.⁴¹ Обнаруженный феномен потребовал своего истолкования, что привело в конечном итоге к выводу об изменениях во внешнеполитической обстановке в начале V в. и установлении скифского протектората (см. гл. III). Скрупулезное же изучение и сопоставительный анализ лепной керамики из Ольвии, Березани и их хоры дал возможность К. К. Марченко предложить решение ряда важных вопросов этнической истории: соотношение греческих и вар-

³⁷ Леви Е. И. Ольвийская агора // МИА. 1956. № 50. С. 112.

³⁸ Карасев А. Н. Монументальные памятники ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. М.; Л., 1964. С. 39 и след. Примеч. 5.

³⁹ Лапин В. В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966; Горбунова К. С. Древние греки на о. Березань. Л., 1969: работы Копейкиной приводятся в сносках в гл. II.

⁴⁰ Ольвийскую хору в последние годы интенсивно и плодотворно изучают С. Б. Буйских, А. В. Бураков, Н. В. Головачева, Я. В. Доманский, К. К. Марченко, В. М. Отрешко, А. С. Русяева, В. В. Рубан.

⁴¹ Подробнее эти вопросы обсуждаются в последующих главах книги.

варских компонентов во всех трех видах памятников, их этнический состав и динамику развития⁴².

Продолжение исследований общественного центра Ольвии привело к открытию здания дикастерия, комплекса гимнасия и территории второго ольвийского теменоса, что обогатило эпиграфический фонд Ольвии важными историческими источниками: самым ранним декретом начала V в. (НО 1), декретами в честь Тимесилея, в честь Антестерия, бронзовыми псефами для голосования и другими памятниками, широко использованными в настоящем исследовании. Важным событием в ольвийской эпиграфике была публикация сборника «Надписи Ольвии: 1917—1965» (Л., 1969) — супплементарного к IOSPE. I², включившего в себя лапидарные надписи, как опубликованные после Латышева, так и совсем не изданные. Принцип полной иллюстративности сборника стимулировал дальнейшее изучение этих документов. Кроме этого, в отдельных статьях, перечисляемых далее по главам, был опубликован ряд памятников большой и малой эпиграфики⁴³. Издатели их также постоянно стремились соотнести публикуемый документ с определенными историческими событиями.

На качественно новый методический уровень было поставлено изучение ольвийской нумизматики, в которой ведущая роль, бесспорно, принадлежит П. О. Карышковскому. Его работам присуще не только уточнение хронологии, классификации типов, выяснение состава денежного обращения в отдельные периоды, но и неуклонное стремление связать полученные нумизматическими методами результаты с фактами ольвийской политической истории для дальнейшей ее детализации. Итогом его многолетних штудий явилась до сих пор, к сожалению, не изданная докторская диссертация «Монетное дело и денежное обращение Ольвии: VI в. до н. э. — IV в. н. э.» (1969).

В этот период появляются исследования, синтезирующие имеющиеся источники с целью разработки отдельных периодов истории Ольвии или отдельных вопросов, связанных с ней и с ее государственным древностями. В качестве примера бесспорных по своим выводам работ приведу две статьи — Карышковского и Рубана⁴⁴. Но наряду с этим выходили и публикации, в которых анализ конкретных источников подменялся презумптивной логикой, пусть она и приводила к правильным выводам⁴⁵. Оживление публикационной деятельности советских эпиграфистов привлекло внимание западной науки, которая вносит свои, порой очень удачные, пред-

⁴² Марченко К. К. Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII—первой половине I в. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1974. Другие работы автора см. в гл. II и III.

⁴³ Обзор публикаций, вышедших после IOSPE. I² см.: Vinogradov Ju. G. Epigraphik in der UdSSR // Arheološki Vestnik. 1980. 31. S. 301—316 (состояние на 1978 г.).

⁴⁴ Карышковский П. О. Ольвийские эпонимы // ВДИ. 1978. № 2. С. 82—88; Рубан В. В. Магістратура агораномів в Ольвії // Археологія. 1982. 39. С. 30—40.

⁴⁵ См., например: Зуц В. Л. Державний лад Ольвії // УІЖ. 1970. 9. С. 67 и след.

ложения по изданным надписям⁴⁶. Продолжает привлекать внимание проблема взаимоотношения Ольвии и Милета, исходным пунктом исследования которой служит договор обоих этих полисов⁴⁷. Изучение милетской колонизации вообще и милетских религиозных и государственных институтов в понтийских колониях в частности поднял на новый методический и фактологический уровень Н. Эрхардт в своей новейшей диссертации⁴⁸, которая сразу же частично сделала устаревшей ценную для своего времени работу Билабеля.

Однако, несмотря на достигнутые успехи, и более того благодаря им, все острее ощущается отсутствие обобщающего монографического исследования по истории Ольвии. Предпринятые недавно попытки такого рода нельзя признать удачными. Книга Э. Беллен де Баллю⁴⁹ — от первой до последней страницы компилятивное сочинение, не использовавшее много новых, важных и доступных памятников, а потому не отражающее современное состояние вопроса и переполненное к тому же громадным количеством ошибок и погрешностей⁵⁰. По своему исследовательскому уровню неизмеримо выше стоит монография А. Вонсович⁵¹. Однако и она по ряду причин не в состоянии заполнить зияющую лауну. Во-первых, задачи ее ограничены: как следует из подзаголовка, автор поставил себе целью исследовать *l'aménagement de l'espace* — «освоение пространства», т. е. динамику развития как урбанистической структуры самой Ольвии, так и ее аграрной территории. Отсюда следует, что главным и единственным источником книги остаются археологические объекты, что, как мы увидим чуть ниже, без корреляции с другими видами источников может привести и, как правило, приводит к односторонним и неверным выводам. Наконец, автор полностью игнорирует письменные источники, строя свою периодизацию исключительно на данных археологии; «исторические» введения в книге едва занимают две страницы. Наконец, Вонсович, прекрасно знающая русскую и советскую литературу, полностью устранилась от критической ревизии археологических источников, веря на слово каждому публикатору — от Гошкевича до современных авторов. Это привело, например, к таким абберациям, как продление «второго периода процветания» города на сотню лет, т. е. до середины II в. до н. э., в то время как все наши данные, и прежде всего материалы раскопок хоры, единогласно свидетельствуют о глубоком кризисе

⁴⁶ См., например: *Graf F.* Das Kollegium der Μολλοί von Olbia // *Mus. Helv.* 1974. 31. S. 209—215.

⁴⁷ *Seibert J.* Metropolis und Apoikie. Würzburg, 1963; *Graham A. J.* Colony and Mother City in Ancient Greece. Manchester, 1964.

⁴⁸ *Ehrhardt N.* Milet und seine Kolonien. Frankfurt; Bern; N. Y.; B., 1983.

⁴⁹ *Bellin de Ballu E.* Olbia. Cité antique du littoral nord de la Mer Noire. Leiden, 1972.

⁵⁰ См. суровую, но справедливую рец.: *Брашинский И. Б., Карышковский П. О.* [Рецензия] // ВДИ. 1974. № 4. С. 134—142. — Рец. на кн. E. Bellin de Ballu (см. примеч. 49).

⁵¹ *Wqosowicz A.* Olbia Pontique et son territoire. P., 1975. (Далее: *Wqosowicz*).

Ольвийского полиса, начавшемся около середины III в. до н. э. Таким образом, книга Вонзович, содержащая ряд ценных наблюдений и соображений, в методическом отношении, я бы сказал, даже шаг назад по сравнению с тем уровнем, которого достигла советская наука в последние два десятилетия⁵².

Источники

Источники по политической истории Ольвии разнообразны, но неравнозначны как по своему количеству, так и по уровню информативности.

1. *Нарративные источники.* Надо откровенно и с сожалением признать, что свидетельства древних авторов об Ольвии весьма скудны. Из более или менее связанных рассказов можно назвать только два: новеллу Геродота о Скиле (*Herod. IV. 78—80*) и вступительный раздел Диона Хрисостома (*Dio Chrys. XXXVI. 1—18*). Они бесценны для нас тем, что оба — объективные свидетельства очевидцев, однако целью их не было специальное описание города: для «отца истории» Ольвия служит декорацией, перед которой разыгрывается драматическая история скифского царя-вероотступника; для бродячего ратора-изгнанника из Прусы — это опять же экзотический фон, на котором ему удобнее, как Орфею перед фракийцами, излагать свое философское credo о «хорошо устроенном городе».

Остальные свидетельства отрывочны и разрозненны. Это объясняется тем, что Ольвия за редкими исключениями не была втянута в мировые катаклизмы древней истории. Так, едва ли бы мы узнали от Макробия (*Sat. I. 11. 33*) об осаде города Зопирином, если бы тот не был полководцем Александра Македонского и не исполнял широко задуманные планы великого царя. О местной же историографической школе нам практически ничего не известно. По дошедшему до нас отрывку из какого-то сочинения ольвийского писателя Дионисия⁵³ нельзя даже определенно судить, было ли оно географического или исторического содержания. Из такого положения вещей неизбежно вытекает прерывистость в освещении древними авторами Ольвии и соответственно наших представлений об ее истории.

2. *Эпиграфические источники.* Наибольшее значение имеют данные греческих надписей, как аутентичные и наиболее объек-

⁵² Ср. рецензии на ее книгу: Рубан В. В. [Рецензия] // ВДИ. 1977. № 2. С. 150, 152 и след.; Брашинский И. Б. [Рецензия] // СА. 1977. № 2. С. 301.

⁵³ См.: Блаватский В. Д. Дионисий Ольвианский // СА. 1978. № 3. С. 80—89. Автор полагает, что, «судя по доступной литературе», Дионисий «до сего времени почти не привлекал внимания исследователей», и ссылается лишь на работу А. С. Коцевалова. Однако ссылки на Дионисия нередки в литературе: о нем упоминает Минз (*Minns. P. 465*), Цибель (*Ziebell W. Op. cit. S. 60. Anm. 3*), называющий его *Geschichtsschreiber*, и, наконец, этот фрагмент вошел в свод Ф. Якоби (*FGrH III. 804*), который тем самым также считает его историком. Против его происхождения из понтийской Ольвии см.: Diehl E. *Pontarches 2* // RE. 1954. Hbhd. XLIII. Sp. 5.

тивные. Преимущество их перед свидетельствами авторов еще и в том, что они зачастую заполняют собой лакуны, оставленные античными писателями. Так, например, об ольвийской истории III в. до н. э. мы узнаем исключительно из таких замечательных документов, как декреты в честь Протогена, Антестерия, сыновей херсонесита Аполлония и др. Для воссоздания политической истории наиболее важные постановления, надписи почетные, посвященные строительные, каталоги, да и все прочие категории надписей, поскольку, как справедливо повторил однажды Л. Робертские слова Ж. Соваже: «Нет банальных надписей, есть только банальный способ обращения с ними»⁵⁴. Особенно же ценны для нас те редкие случаи, когда надписи подтверждают либо даже дополняют нарративную традицию о тех или иных событиях: для Ольвии можно назвать пока только две такие счастливых случайности: декреты в честь Тимесилея и в честь Каллиника (см. гл. III и IV).

Тем не менее и надписи, несмотря на всю их объективность, неравнозначны по информативности, а потому и они оставляют пробелы в наших знаниях об ольвийской истории. В силу какого-то магического закона в Ольвии это почти все первые половины столетий: из-за стандартного характера документов они пока скрывают от нас во мгле «событийную» историю (*Verlaufsgeschichte*) первых половин V—II вв., для реконструкции которой мы вынуждены прибегать к другим источникам либо к косвенным данным, что особенно характерно для архаического периода. На помощь приходят здесь памятники малой эпиграфики: многочисленные и как нигде разнообразные по содержанию граффити на керамике, а также уникальные, свойственные почти исключительно данному региону и не такие уж теперь редкие документы — частные письма на свинцовых пластинках⁵⁵. Они дают бесценную информацию о социальной, экономической, а отчасти и о политической истории Ольвийского полиса. Сюда же следует присовокупить и называемое условно «письмом жреца» многострочное граффито на остраконе (см. гл. II).

3. *Нумизматические источники.* Ольвийское монетное дело уходит своими корнями в VI в. до н. э., а прекращается только с окончательным упадком города в III в. н. э. Отсюда понятно и значение монет: они документируют практически всю историю полиса. Естественно, памятники нумизматики, чутко реагирующие на любые изменения экономической конъюнктуры, дают бесценную информацию о состоянии хозяйства полиса и его финансов. Но при сопоставлении с другими источниками они могут пролить дополнительный свет и на ход исторического процесса, как, например, это произошло с событиями конца IV и второй четверти

⁵⁴ Robert L. Die Epigraphik der klassischen Welt. Bonn, 1970. S. 31.

⁵⁵ После обнаружения писем Ахиллодора и Апатурия в Ольвии и на Березани найдено, по моим сведениям, по крайней мере еще две пластинки с надписями, одна из которых на четверть века старше послания Ахиллодора.

II в. до н. э. (см. гл. IV и VI). Однако в исключительных случаях монеты выступают и непосредственным источником по политической истории. Так, преимущественно на материалах ольвийского литья и серебряной чеканки V в. удастся гипотетически реконструировать генезис ольвийской тирании и порядок чередования ее с властью варварских наместников (см. гл. III). Наконец, сами эти уникальные в античном мире литые фигурные и круглые монеты VI—IV вв. позволяют сделать вывод о культурных контактах между Ольвией и варварским миром, с одной стороны, и греческими полисами Понта — с другой. Не менее важны и результаты, получаемые при изучении денежного обращения Ольвийского полиса: так, наблюдения над притоком туда понтийской меди в эпоху Митридата позволяют уточнить время вхождения Ольвии в состав его панпонтийской державы, формы подчинения ему полиса и дату выхода из-под власти Митридата (см. гл. VI).

4. *Археологические источники.* Эта многообразная категория источников по своей природе в отношении политической истории молчалива: археология способна лишь *отображать* определенные процессы, происходившие в экономической, политической, религиозной или культурной сферах жизни полиса, но не призвана *вскрыть* сущность. Для того чтобы заставить эти источники заговорить, необходимо постоянное сопоставление данных археологии с результатами, полученными на другой источниковедческой основе. Например, если бы у нас не было свидетельства Макробия и согласующихся с ним показаний декрета в честь Каллиника, что мы могли бы сказать о причинах резкого взлета экономики, подъема домостроительства, масштабных перестроек общественных сооружений и т. д. в конце IV в. (см. гл. IV)? Как уже говорилось, особенно чутко реагировала на изменения политической ситуации ольвийская хора. Ее исследованиям в последние десятилетия мы обязаны прежде всего изменением наших представлений об истории Ольвии V в. до н. э.

Методика исследования

Выше уже было показано, какая опасность подстерегает исследователя, пытающегося воссоздать довольно слабо документированную историю какого-либо отдельного периода, опираясь лишь на один источник. Отсюда проистекают и основные методические принципы, которыми постоянно стремился руководствоваться автор в своей работе. Суть их в следующем:

1. Привлечение для реконструкции истории отдельных эпох или для объяснения того или иного феномена возможно большего числа источников.

2. Предварительная аналитическая внутрисистемная разработка каждого источника с применением современной, наиболее совершенной методики, выработанной данной отраслью исторической науки: экзегетики, эпиграфики, нумизматики, археологии, исторической географии, ономастики и т. д.

3. Корреляция, взаимопроверка и как высшая ступень — синтезирование полученных на предшествующей стадии результатов с целью воссоздания исторической картины, наиболее приближающейся к действительности.

К этому следует добавить, что никогда не следует упускать из виду информативные потенции данного источника, избегая переоценивания его возможностей, ибо это может повести исследование по ложному пути, а кроме того, при «выпадении» показаний того или иного источника из совокупности всех прочих данных необходима повторная проверка правильности его интерпретации и в случае положительного ответа — попытка объяснить сам факт «выпадения», который в состоянии привести порой к детализации исторической картины. Пример применения на практике названных принципов интерпретации археологических материалов приведен выше; другие читатель найдет по ходу дальнейшего исследования.

Периодизация истории Ольвийского полиса

Методические принципы периодизации должны быть зеркальным отражением основных методических положений самого исследования и могут быть сформулированы так:

1. На основе привлечения максимально большего числа источников, их предварительного внутрисистемного анализа и последующих корреляции и синтеза выявление резких *качественных* изменений в процессе исторического развития. Моменты, на которые приходится эти изменения, должны служить вехами, ограничивающими один период истории от другого.

2. При выделении этих периодов в локальной истории следует постоянно соотносить их с эпохами истории общегреческой. Это отнюдь не означает механического наложения общепринятой для античной истории периодизационной сетки, к примеру, на историю Ольвии, но только то, что следует избегать увлечения слишком мелкими изменениями в локальной истории, прослеживаемыми к тому же не по большинству источников, а лишь по одному из них: слишком дробная периодизация губит дело.

Прежде чем перейти к изложению и обоснованию собственной периодизации, имеет смысл привести уже предложенные хронологические схемы с краткой их характеристикой, которым необходимо, однако, предпослать небольшое вступление. В отличие от некоторых других государств Западного и Северного Причерноморья несчастливый для Ольвии разгром ее Буревистой около середины I в. до н. э. сослужил службу историкам: он как бы рассек ольвийскую историю на две неравные по продолжительности и качественно различные части. Послегетский период не только знаменует вхождение Ольвии в орбиту Рима и усиление влияния последнего, но и характеризуется, с одной стороны, разительной сарматизацией⁵⁶, а с другой — дальнейшей элитаризацией об-

---

⁵⁶ В этот процесс прекрасно вписываются результаты последних исследований

щества, приведшей к осязательным изменениям в государственном устройстве.

В полном соответствии с этим была построена самая первая периодизация ольвийской истории, предложенная Уваровым⁵⁷. Он выделял три периода: 1) греческий — от основания города до гетского разгрома (655—54 гг. до н. э.); 2) скифо-греческий — от гетского разгрома до подчинения Риму (54 г. до н. э. — 196 г. н. э.), 3) римский (196—235 гг.).

Критику слабых сторон его схемы дал уже Латышев. Он заметил, что «в течение первого периода в положении Ольвии происходили настолько резкие перемены, что его в свою очередь можно было бы подразделить на более мелкие периоды»⁵⁸. Считая «возможным провести в истории Ольвии только одну резкую черту» — гетский разгром, он тем не менее сохранил членение Уваровым послегетской эпохи и разделил его первый период на три части: 1) период процветания — от основания Ольвии до осады Зопириона; 2) период упадка — от осады Зопириона до установления власти скифских царей; 3) период власти скифских царей до гетского разгрома⁵⁹.

Как видим, периодизация того и другого ученого базируется только на письменных и нумизматических памятниках: периоды Латышева слишком недифференцированы, и если в 1887 г. удовлетворяли науку, то теперь, разумеется, недостаточны.

Следующей по времени была периодизация Фармаковского⁶⁰, разделившего историю Ольвии на пять эпох: 1) ионийская (вторая треть VII—первая треть VI в.), 2) афинская (вторая треть VI—конец IV в.), 3) эллинистическая (начало III—вторая треть II в.), 4) греко-варварская (последняя треть II в.—конец I в.), 5) римская (начало I в. н. э.—первая треть IV в. н. э.). В таком членении он руководствовался преимущественно данными археологии, выделенными им 12 культурными слоями на городище и торговыми сношениями с теми или иными центрами, местами согласуя свои периоды с эпохами общеантической истории. Таким образом, и здесь мы видим несоблюдение вышеизложенных методических принципов, почему и не можем считать данную периодизацию удовлетворительной.

Первым, кто попытался обосновать принципы создания периодизации, был Л. М. Славин, считавший «целесообразным разделить историю Ольвии на ряд периодов, качественно отличаю-

---

Карышковского, убедительно доказавшего, что протекторы Ольвии Фарзой и Инисмей были царями не скифов, как принято считать, а сарматов: *Карышковский П. О.* О монетах царя Фразоя // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982. С. 66—82; *Он же.* Ольвия и Рим в I в. н. э. // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1982. С. 6—28; Ср.: *Шукин М.* Царство Фарзой. Эпизод из истории Северного Причерноморья // СГЭ. 1982. XLVII. С. 35—38.

⁵⁷ Уваров А. С. Указ. соч. С. 71.

⁵⁸ Латышев. Исследования. С. 37.

⁵⁹ Там же. С. XI—XII и др.

⁶⁰ Фармаковский Б. В. Отчет о раскопках в Ольвии в 1924 г. // СГАИМК. 1926. I. С. 152.

шихся один от другого прежде всего по признакам экономического развития, социально-политической жизни, исторических судеб»⁶¹. Автор впервые попытался применить к созданию хронологической шкалы комплексную методику разработки источников и выделить пять периодов ольвийской истории⁶²: 1) греческая колонизация Побужья и основание Ольвии (середина VII—конец VI в.), 2) процветание Ольвии (начало V—конец III в.), 3) кризис и подчинение Ольвии Скифскому государству в Крыму (начало II в. до н. э.—начало I в. н. э.), 4) подъем Ольвии и ее связи с Римской империей (начало I—середина III в. н. э.), 5) упадок Ольвии (середина III в. — прекращение ее существования в конце IV в.). Каждый период подробно охарактеризован. Периодизация Славина гораздо более совершенна, чем все предшествующие, однако и ей можно предъявить ряд претензий. Автор, бесспорно, учитывает факторы политической истории, но базируется все же преимущественно на данных археологии, причем не всегда верно датированных и интерпретированных. Не говоря уже о том, что такие дефиниции, как «период процветания», не отражает ни социально-экономической, ни политической сущности синхронных явлений; продление этого периода до конца III в. до н. э. вступает в резкое противоречие с письменными и археологическими свидетельствами, рисующими нам Ольвию этого времени находящейся в состоянии глубокого кризиса (см. гл. V). Серьезные возражения вызывает и определение третьего периода: подчинение Ольвии царству Скилура было слишком непродолжительным явлением (около 150—110 гг.), чтобы вносить его в дефиницию периода, длившегося полтора столетия, а кроме того, тогда следовало бы указать в ней и вхождение полиса в состав державы Митридата.

Не стоит подробно останавливаться на периодизации Карышковского⁶³, поскольку она — по словам самого автора — создана исключительно для характеристики денежного обращения и монетного дела Ольвии и не претендует быть распространенной на всю историю Ольвии.

В 1975 г. две новые периодизации независимо друг от друга были предложены Вонсович и Рубаном. О первой из них уже было сказано выше: она построена исключительно на данных археологии, преимущественно — с поселений хоры, к тому же не всегда верно датированных; так, например, «второй период процветания»⁶⁴ удлиняется на столетие. Следует отметить и искусственность выделения некоторых периодов; например, «первого периода процветания», заканчивающегося в середине IV в. до н. э.: археологическое изучение и самой Ольвии, и ее хоры не показывает

---

⁶¹ Славин Л. М. Периодизация исторического развития Ольвии // ПИСП. 1959. С. 90.

⁶² Там же. С. 90—107.

⁶³ Карышковский П. О. Монетное дело и денежное обращение Ольвии: Автореф. дис. . . д-ра ист. наук. Л., 1969. С. 17 и след.

⁶⁴ О научной ценности подобной дефиниции см. выше по поводу периодизации Славина.

в это время никаких качественных изменений в жизни полиса. В целом же сетка, предложенная Вонсович, выглядит так: 1) начало греческой колонизации Днепро-Бугского лимана (VII—первая половина VI в.), 2) возникновение Ольвийского полиса (вторая половина VI в.)⁶⁵, 3) первый период процветания Ольвийского полиса (V—первая половина IV в.), 4) второй период процветания Ольвийского полиса (конец IV—первая половина II в.)⁶⁶, 5) кризис Ольвийского полиса (вторая половина II—I в. до н. э.), 6) римская эпоха (I—IV вв. н. э.). Положительным моментом этой периодизации следует считать выделение особого, второго периода — возникновения Ольвийского полиса.

Наиболее дробную из всех периодизацию истории Северо-Западного Причерноморья догетской эпохи представил в тезисном порядке Рубан⁶⁷: 1) вторая половина VII—начало VI в. — появление и существование изолированного поселения на Березани; 2) начало VI—вторая четверть V в. — освоение греками прибрежной части материка; зарождение денежного обращения; 3) вторая половина V—начало IV в. — сосредоточение населения в городах (в Ольвии, на Березани, в Никонии и Тире); 4) вторая и третья четверть IV в. — появление на территории названных городов урбанизированных поселков; в начале последней трети их гибель, возможно в связи с походом Зопириона; 5) последняя четверть IV—вторая четверть III в. — восстановление прежних и появление новых поселений (вилл); начало кризиса полисного строя; гибель поселений во второй четверти или середине века; 6) вторая половина III в. — существование лишь Ольвии и Тиры, переживавших кризис; на поселениях бугского Левобережья жизнь теплится до начала II в.; 7) II—первая половина I в. до н. э. — время углубления кризиса и упадка экономики, жизнь в Ольвии и Тире обрывается с гетским нашествием.

Как видим, периодизация Рубана самая дифференцированная и, пожалуй, наиболее точно отражающая реальную картину из всех предложенных, однако и она — в нарушение сформулированных выше принципов — построена исключительно на археологических источниках, преимущественно на материалах раскопок хоры, местами согласуемых с историческими событиями. Как следует из заглавия тезисов, автор периодизирует не ход исторического процесса, а античные памятники, но и с этой стороны можно предъявить ряд претензий. Как показал сам же автор в более поздних работах⁶⁸, поселения ольвийской хоры исчезают не во вто-

⁶⁵ На те же периоды делит архаическую эпоху и К. К. Марченко (см.: Модель греческой колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1980. № 1. С. 133—142). О периодизации березанской и ольвийской архаики, предложенной В. П. Яйленко, см. гл. II.

⁶⁶ Непонятно, куда делись 30—40 лет ольвийской истории.

⁶⁷ Рубан В. В. О периодизации античных памятников Северо-Западного Причерноморья доримского времени // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР: Тез. докл. Киев, 1975. С. 130—132.

⁶⁸ Рубан В. В. О датировке поселения Козырка II // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев., 1979. С. 78 и след.

рой четверти, а в первой трети V в. и возрождаются не во второй, а в первой четверти IV в., так что третий период надо несколько сдвинуть по фазе в глубь веков, выделив ему хронологический отрезок от второй четверти по конец V в. Во-вторых, Рубаном не выделен присутствующий в конструкции Вонсович период второй половины VI в., когда начинается массовое освоение ольвийской хоры, тогда как в первой половине столетия возникают лишь немногие поселения в округе Березани. В-третьих, автор в кратких тезисах, к сожалению, не приводит аргументов в поддержку своей мысли о начале кризиса Ольвийского полиса еще в первой половине III в.; по моему мнению, говорить о столь раннем возникновении этого феномена нет пока никаких оснований (см. гл. V). Таким образом, рассмотренная периодизация может быть приложена к процессу исторического развития Ольвийского полиса в частности, но не в целом⁶⁹.

Исходя из определенных выше методических положений, я счел оправданным построить периодизацию на фактах политической истории, которая должна, однако, пониматься как основной итог комплексного исследования всех доступных источников. Отделяются же друг от друга качественно различные периоды, как уже сказано, рядом коренных вех⁷⁰.

1. **Вторая половина VII в.** От возникновения поселения на Березани до основания Ольвии.

2. **Первая половина VI в.** Основание Ольвии как будущего центра полиса; освоение березанской «ближней» хоры и Ягорлыцкого производственного района; период «диктатуры ойкиста».

3. **Вторая половина VI—первая четверть V в.** Становление Ольвийского полиса; массовое освоение хоры; период правления аристократического режима; приход к власти тирании.

4. **Вторая и третья трети V в.** Период правления ольвийской тирании и установление скифского протектората.

5. **Первые две трети IV в.** Ликвидация тирании и скифского протектората; период (умеренно) демократического режима.

6. **Последняя треть IV—первая половина III в.** Период радикально-демократического режима; осада Зопириона; реконструкция полиса.

7. **Вторая половина III—первая половина II в.** Период кризиса Ольвийского полиса и правления элитарной демократии; протекторат сарматских кочевников.

8. **Вторая половина II—середина I в. до н. э.** Ольвия под властью государств эллинистического типа (царство Скилура, держава Митридата); гетский разгром.

⁶⁹ Новейшая периодизация С. Д. Крыжицкого (Ольвия. Гл. VI) основана на изучении эволюции градостроительства и археологических объектов к тому же только самого Ольвийского городища, а потому применима лишь по отношению к ним.

⁷⁰ В конспективном виде эта периодизация уже была изложена: *Виноградов Ю. Г.* Варвары в просопографии Ольвии VI—V вв. до н. э. // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981. С. 134—136.

В соответствии с перечисленными периодами строятся и главы монографии; исключение составляют только: гл. II, объединяющая по проблемному принципу в единую архаическую эпоху периоды I—III, и гл. IV, куда входят по композиционным соображениям (во избежание диспропорции) периоды V и VI.

Политико-географическая топонимия Ольвийского полиса

Вопрос о названии города Ольвии обращал на себя внимание ученых начиная с XIX в. В последнее время он был обстоятельно рассмотрен в специальном исследовании Карышковского⁷¹, что избавляет от необходимости перечислять предшествующие точки зрения и позволяет сконцентрировать внимание на выводах его статьи.

Первым исследователь разбирает вопрос о древнейшем названии города. Как известно, у античных авторов он назывался то Ὀλβία, то Βορυσθῆνης. Единственный раз в литературе город назван Olbiopolis et Miletopolis Плинием Старшим (NH. IV. 12. 82). Принимая во внимание это свидетельство и анализируя показания надписей и монетных легенд, Карышковский приходит к окончательному выводу о первоначальном официальном самоназвании города — Ὀλβιόπολις или Ὀλβία πόλις и неофициальном — кратком — Ὀλβία⁷². Посмотрим, насколько этот вывод подкреплён источниками.

Самое раннее упоминание демотикона «ольвиополиты» мы встречаем у Геродота (IV. 18), сообщающего, что скифов-земледельцев, обитающих выше Гилеи, греки, живущие у Гипаниса, называют борисфенитами, а самих себя — ольвиополитами⁷³. Самое же раннее упоминание демотикона Ὀλβιολοῖται в эпиграфике — это исследуемый в гл. III декрет в честь Тимесилея, изданный около 437 г.; на протяжении IV в. он зарегистрирован неоднократно надписями как в Ольвии, так и за ее пределами. На монетах демотикон ольвиополитов появляется в конце V в. в сокращении ΟΛΒΙΟ, которое Карышковский вполне справедливо раскрывает в (τὸ) Ὀλβί(ο)πολιτικόν sc. χαλκίον) или Ὀλβί(ο)πολιτῶν⁷⁴. Из этого и из свидетельства Плиния им делается вывод, что, несомненно, первоначально «город именовался де юре

⁷¹ Карышковский П. О. Заметки об Ольвии и Борисфене // ЗОАО. II (35), 1967. С. 75–90.

⁷² Там же. С. 77.

⁷³ Еще Латышев (HONTIKA. С. 47 и примеч. I) указал на ошибку Бурачкова, считавшего, что это племя скифов называло себя борисфенитами и ольвиополитами (такое понимание происходит из ложного отнесения слов σφέας δὲ αὐτοῦς не к жителям Ольвии, что грамматически единственно возможно, а к скифам). Может быть, об этой ошибке и не стоило бы распространяться, если бы она неожиданно не повторилась в таком солидном издании, как Афинские податные списки (ATL. Vol. I. P. 529).

⁷⁴ Карышковский П. О. Заметки... С. 76; скорее в это время надо полагать еще ин. форму Ὀλβί(ο)πολιτέων).

Ольвиополем, а не Ольвией, как это читается, по-видимому, в одном из декретов III в. (IPE. I². N 46)»⁷⁵.

С таким заключением безоговорочно согласиться трудно. Во-первых, приводимый декрет очень поздний — Северовского времени, когда название города могло измениться; во-вторых, в стк. 3 сохранилось лишь -ολόλει, поэтому [ἐν 'Ολβι]ολόλει — не более чем дополнение⁷⁶. Наименование же Ольвии Olbiorolis Плинием Бёк (SIG. II. P. 86) вполне резонно считал произведенным от этника. Кроме того, обозначенному выше противоречит и самое раннее упоминание официального названия города в договоре Ольвии с Милетом (Syll.³, 286=StV. III. 408), где два раза стоит ἐν 'Ολβίῃ λόλει (стк. 2 и 24) и один раз ἐν 'Ολβίαι (стк. 15).

Обратив внимание на двоекратное отсутствие подписной *ἰοῦ* в dat., Карышковский делает отсюда вывод: «Из этого видно, что 'Ολβίῃ λόλις договора с лишенной признаков склонения первой частью является пережитком более древнего составного имени города, причем в эту эпоху уже могла параллельно использоваться и склоняемая краткая форма 'Ολβία», которую он видит и на «ассах» IV в. в ионийской огласовке ΟΛΒΙΗ⁷⁷. Однако это заключение построено на неверной посылке: 'Ολβίῃ — отнюдь не несклоняемая часть, а типичный ионийский dat. на η=ηι, в чем убеждает стк. 19 договора: ἐν ἄλλῃ λόλει⁷⁸. Поэтому едва ли оправданно на основании демотикона 'Ολβιοπολιται реконструировать исконную форму топонима 'Ολβιόπολις: согласно определенному фонетическому принципу, конечное *α* не удерживалось в composita, переходя в *ο*, так, Νέα πόλις>Νεολοιται, Μεγάλη πόλις>Μεγαλολοιται, 'Ολβία πόλις>'Ολβιοπολιται и т. д. Отсюда мы можем сделать только один вывод: исконными названиями Ольвии были 'Ολβίῃ λόλις и сокращенное 'Ολβίῃ, причем как в разговорном, так и в официальном языке (договор, монеты), а форма 'Ολβιόπολις как исконная пока проблематична⁷⁹.

Следующий вопрос о том, что понимать под «Борисфеном» в декрете Каноба IOSPE. I², 24. 1. Еще Латышев полагал, что формулировкой преамбулы к этой надписи: [Εἰς Βο]ρυσσθένῃ εἰβληεῖν τὸν βουλόμενον κατὰ τάδε — ольвиополиты, «называя свой город Βορυσθένῃς, применялись к тому usus, который рас-

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ К сожалению, надпись, видимо, пропала, что затрудняет ее изучение. У меня создается впечатление — впрочем, недоказуемое, — что в этой строке приведено две даты — по календарю Ольвии и, возможно, другого полиса, откуда был родом чествуемый. Во всяком случае, я предпочитал бы в конце стк. 3 дополнять не Βο[ρυσθένῃ] (см.: *Свенцицкая И. С.* К вопросу об Ольвии и Борисфене // ЗОАО. 1967. II. (35). С. 265. примеч. 17) с далеко идущими отсюда выводами, а название месяца: ε. g. Βω[ἡδρομιῶνος] (sic!).

⁷⁷ Карышковский П. О. Заметки... С. 76.

⁷⁸ Ср.: стк. 15: ἦ=ἦι, но стк. 7: φῆληι, т. е. заметны колебания во всегда более устойчивой флексии *conj.*

⁷⁹ В пользу такой формы могло бы говорить возможное дополнение в декрете конца IV в. до н. э. ἐν 'Ολβιο[λόλ]ει (IOSPE. I², 325. 1), однако, не видя оригинала, трудно говорить, правильно ли воспроизвел Латышев спецшрифтом остаток букв (см. гл. IV).

пространен был между иностранцами, для которых главным образом и был издан занимающий нас декрет»⁸⁰. Его мнение было оспорено Жебелевым, полагавшим, что в своих документах греки не считались с утилитарными целями, и «смело высказавшимся» за то, что наименования Ольвии Βορυσθένης ввел в литературный обиход Геродот⁸¹. В «Борисфене» декрета он увидел Буго-Днепровский лиман, подкрепив его лексико-грамматическим аргументом: грек-де обычно говорил εἰσπλεῖν τὸν κόλπον, τὴν θάλατταν, но πλεῖν εἰς τὴν πόλιν (νῆσον, χώραν)⁸².

Рядом убедительных аргументов Карышковский опроверг гипотезу Жебелева о том, что Ольвия стала называться Βορυσθένης с «легкой руки Геродота»⁸³, отвергает он и его попытку увидеть в «Борисфене» декрета Каноба не Ольвию, а Днепро-Бугский лиман, приводя, в частности, один пример употребления εἰσπλεῖν+εἰς в отношении гаваней⁸⁴. Полностью соглашаясь с Карышковским в том, что под «Борисфеном» ольвийского декрета о деньгах следует понимать город Ольвию, хочу возразить только по поводу того главного аргумента, который он противопоставляет рассуждениям Жебелева. Автор полагает, что ольвиополиты послали в Гиерон (соврем. Анатолу-Кавак, где и был найден камень) не плиту с вырезанным на ней декретом, а только текст его (δί' ἐπιστολάς), а уже на месте она была снабжена заголовком, соответствующим содержанию, т. е. отсюда фактически следует, что мы не можем считать документ памятником ольвийской палеографии.

Мне представляется, однако, что исследователь не обратил должного внимания на формулу прескрипта, показывающую, что это не просто заголовок, а преамбула закона, составленного в виде псефисмы⁸⁵. Преамбулы, начинавшиеся с дейктических местоимений ὅδε, ἥδε, τόδε, были характерны как раз для таких документов, как законы или договоры, имевшие силу законов. Приведу лишь два примера из многих. Недавно изданный интереснейший паросский закон рубежа III—II вв. о реформе нотариальной практики мнемонев и борьбе с фальсификацией документов начинается словами: Τάδε συνέγραψαν καὶ εἰσήνεγκαν οἱ αἰρεθέντες ὑπὸ τοῦ δήμου⁸⁶. Так же начинается другой законодательный документ,

⁸⁰ Латышев. Исследования. С. 34.

⁸¹ Жебелев. СП. С. 292—294.

⁸² Жебелев. СП. С. 297 и след.

⁸³ Карышковский П. О. Заметки. . . С. 80 и след.; Ср.: Свенцицкая И. С. Указ. соч. С. 264.

⁸⁴ Карышковский П. О. Заметки. . . С. 80 (*Plut. Lys.* 9). В поддержку того, что это было обычное словоупотребление греков, см.: *Polyb.* I. 46.4: εἰσπλεύσας εἰς τὸ Λιλύβαϊον; *Arr. Anab.* VII. 1.3: ἐς τὸν πόντον τὸν Εὐξεινον εἰσπλεῖν ἐπενοεῖ ἐς Σκύθας τε καὶ τὴν Μαϊῶτιν λίμνην . . . ἐς Σικελίαν τε καὶ ἄκραν Ἰταλίαν; ср. восстановление мною ольвийской надписи HO 74. 2: [εἰσ]πλεύσας τὸ ἐ[μ]πόριον].

⁸⁵ О подобном оформлении законов см.: *Quass F. Nomos und Psephisma.* München, 1971. S. 23—30; S. 27 — о нашей надписи.

⁸⁶ *Lambrinudakis W., Wörle M. Ein hellenistisches Reformgesetz über das öffentliche Urkundenwesen von Paros // Chiron.* 1983. 13. S. 285. Z. 1 ff.

близкий ольвийской псефисме по времени и по непосредственному отношению к полису — договор Милета и Ольвии: *táδε λάτρια Ὀλβιολοίταις καὶ Μιλησίοις* (Syll.³, 286=StV. III. 408. 1 sq.). После всего сказанного едва ли следует сомневаться в справедливости объяснения Латышевым внесения «Борисфена» в прескрипт псефисмы: ведь не все купцы, особенно плывущие туда первый раз, знали, что город на Гипанисе называется Ὀλβίη (πόλις), в то время как имя *Βορυσθένης* им было хорошо знакомо; заинтересованные в увеличении товарооборота ольвиополиты потому и ввели в преамбулу имя «Борисфен», чтобы пояснить иноземцам, что это и есть Ольвия.

С этим вопросом тесно связан и другой: что следует понимать у Геродота под *Βορυσθενεϊτέων ἔμποριον*, *Βορυσθένης ἔμποριον* и просто *Βορυσθένης*, а также: как в древности назывались полуостров Березань и поселение на нем? Поскольку эти вопросы были в свое время мной подробно разработаны⁸⁷, ограничусь лишь кратким изложением выводов. «Эмпорием борисфенитов» называлась у Геродота (IV, 17) Березань, а это означает, что она как внутривосточный эмпорий входила в состав Ольвийского государства. Под «эмпорием Борисфеном» (IV. 24) или просто «Борисфеном» (IV. 78) следует понимать Ольвию, которую греки метрополии стали так называть по имени раньше основанного и лучше знакомого им Березанского поселения, после того как они объединились в единый полис с центром (ἄστυ) в Ольвии. Первоначальным наименованием Березани (полуострова и поселения) могло быть как *Βορυσθένης*, так и *Βορυσθενίς* — обе формы путались у поздних авторов и переписчиков их рукописей (например, Евсевия) из-за итацизма. В итоге проведенного анализа я решительно не могу согласиться с теми исследователями, которые хотят видеть в *Βορυσθένης* и *Βορυσθενεϊτέων ἔμποριον* Геродота, а также в «Борисфене» декрета Каноба не только город, но и весь прилегающий район, всю территорию Нижнего Побужья, освоенную греками и подвластную Ольвийскому полису⁸⁸. Геродот и составитель декрета имеют в виду под ними вполне конкретный населенный пункт.

Недавно были предприняты попытки отыскать новые названия Березани в эпиграфических источниках. Б. Браво в рамках развиваемой им концепции об абсорбции Березани Ольвией путем принудительного синойкизма (см. гл. II) предложил видеть в не поддающемся однозначной трактовке слове *θυσρά* письма Ахилло-

⁸⁷ Виноградов Ю. Г. О политическом единстве Березани и Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 75—84.

⁸⁸ Капошина С. И. Оборонительные сооружения Ольвии как исторический источник // ИГАИМК. 1938. 100. С. 390 и след.; *Kotsevalov A. Borysthenes-Borysthenites and Tanais-Tanaites // Annales of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the US. 1959. VII. 1—2. P. 1517—1523; Лапин В. В. Греческая колонизация. С. 68 и след.; Свенцицкая И. С. Указ. соч. С. 264; *Hind J. G. F. // Archaeological Reports. 1983—84. P. 80*; знакомый с моей вышеуказанной статьей автор относит, однако, все упоминаемые Геродотом топонимы к Ольвии, под «эмпорием» же он понимает то же, что и перечисленные исследователи.*

дора⁸⁹ официальное название Березанского полиса; в τῆμ πόλις того же документа он усматривает также Березань, а не Ольвию (как, по моему мнению, единственно возможную)⁹⁰. Ход мысли автора таков: на одной серии «дельфинов» содержится надпись ΑΡΙΧ:Ο или ΑΡΙΧΟ, где, по мнению автора, Ο=’Ο (ἀβιολοιτέων), следовательно, ΑΡΙΧ — это название неизвестного до сих пор города Ольвийского полиса, поэтому на другой серии дельфинов ΘΥ=Θυ(ωρά) — название другого города, а коль скоро письмо Ахиллора найдено на Березани (аргументы первоиздателя при этом даже не упоминаются), то она и называлась официально (если учесть монеты) Θυωρά и была ἡ πόλις. Отсюда уже один шаг до основного вывода: Березань изначально была полисом и после абсорбции Ольвией сохранила (как и мистическое Αριχ.) автономию и вместе с ней право эмиссии монеты. Все эти голословные, громоздящиеся друг на друга домыслы опровергаются уже тем, что, если взять не пару экземпляров «дельфинов» (как это делает Б. Браво, да еще не по оригиналам, а по таблицам Минза и Зографа), то окажется, что на подавляющем большинстве эпитафических «дельфинов» личное имя ΑΡΙΧΟ пишется без отрыва последней буквы. Кроме того дельфины с ΘΥ датируются уже V веком, т. е. временем окончательного сложения единого Ольвийского полиса, когда ни о каких сепаратных монетных эмиссиях не могло быть и речи.

Не более удачной следует признать и недавнюю попытку В. П. Яйленко окрестить Березань «Арбинатами» или «Арбинами». В свое время он предположил, что под словами ἐν Ἀρβινατησίω письма Ахиллора (стк. 12) следует видеть карийский топоним⁹¹, занесенный в район Ольвии милетскими колонистами⁹². Теперь он старается прочесть в одном березанском граффито, датированном им второй половиной VII—началом VI в. (ни из формы, ни из покрытия сосуда, ни из палеографии — если здесь вообще можно говорить о палеографии — этого не следует), по нижним частям

⁸⁹ Виноградов Ю. Г. Древнейшее греческое письмо с о. Березань // ВДИ. 1971. № 4. С. 76, стк. 13.

⁹⁰ Bravo B. Une lettre sur plomb de Berezan' // DHA. 1974. 1. P. 111 et suiv., 170 et suiv., 174 et suiv. Э. П. Миллер недопустимо считает τῆμ πόλις Милетом (см.: Miller A. P. Notes on the Berezan Lead Letter // ZPE. 1977. 17. 2. P. 159). Не больше повезло Браво и с другим его открытием — «Малым Борисфеном», поскольку для обоснования этого ему приходится допустить (Ibid. P. 179. Not. 5), что многочисленные и лучшие рукописи «Хроники» Евсевия, дающие Βορυσθένης / Borysthenes, «банализировали» чтение Βορυσθηνίωμ худшей рукописи L, кажущееся автору «аутентичным!» Критику вышеразобранной гипотезы см.: Брашинский И. Б. // СА. 1977. № 3. С. 304; Hind J. Op. cit. P. 270: «unlikely in extreme»; Ehrhardt. S. 74: «höchst unwahrscheinlich». Даже сам ее инициатор теперь от нее отказался; см.: Bravo B. SULĀN // Annali della Scuola normale superiore di Pisa. 1980. Vol. X. 3. P. 880.

⁹¹ Топонимом считают Арбинаты Дж. Чадвик (Chadwick J. The Berezan Lead Letter // PCPhS. 1973. 199. P. 36 ff.) и О. Н. Трубочев (Трубочев О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье // Этимология. 1982. М., 1985. С. 146 и след.).

⁹² Яйленко В. П. К датировке и чтению письма Ахиллора // ВДИ. 1974. № 1. С. 146.

букв (?), а вернее — по жалким их остаткам «предположительно» (sic!) — — ὕρβιϋ — —, после чего делается решительный шаг: «название Березанского поселения в архаическую эпоху, возможно, звучало как ('Α)ρβιναται или ('Α)ρβιναί»⁹³.

Едва ли стоит много говорить о методическом и практическом уровне подобных эпиграфических экзерсисов. Даже если допустить, что датировка и чтение данного графито верны (оснований для этого нет абсолютно никаких), то как объяснить, что в устах грека топоним — каким бы карийским он ни был — мог благозвучно произноситься, начинаясь на невероятное сочетание Ρβ-? Не больше повезло автору и с карийским происхождением Арбинат. Как недавно убедительно показал Р. Шмитт⁹⁴, считавшееся всеми ликийским личное имя Ἀρβινας / Erbina⁹⁵ имеет настолько адекватные изоглоссы в иранском и прозрачную этимологию: «малюсенький, молоденький», что в его иранском происхождении теперь вряд ли кто может сомневаться⁹⁶. Наконец, несочетаемость ἐν + dat. с глаголом отправления, посылки (а не движения, как пишет Яйленко), особенно ввиду стоящего рядом ἐς τῆμ λόλιϋ, а также одно неизданное ольвийское граффито, где читается слово [Α]ρβινησσ [ιϋ] — отнюдь не топоним, а скорее dat., имеющий временное значение — праздник (?), подрывают все основы предложенной интерпретации. Нуждается ли березанская топонимика в подобных открытиях, о научной достоверности которых говорить не приходится?

Возвращаясь к названию Ὀλβίη, следует упомянуть остроумную гипотезу М. В. Скржинской, полагающей, что прил. ὀλβίη = «счастливая» — в приложении к основываемому полису могло входить в ответ, данный колонистам — основателям Ольвии дельфийским оракулом⁹⁷. Получив такой оракул, считает она, жители решили навсегда закрепить за своим поселением имя Ὀλβιη λόλις, сократившееся потом до Ὀλβίη. По поводу этой привлекательной гипотезы следует заметить: милетянам не обязательно было обращаться к Пифии, когда у них был свой дидимейский оракул Аполлона, к тому же конкурировавший с Дельфами. По весьма вероятному предположению Эрхардта, идущему в развитие высказанной мною гипотезы⁹⁸, милетяне получили в Дидимах единый для всех

⁹³ Яйленко В. П. Греческая колонизация VIII—III вв. до н. э. М.; 1982. С. 276. № 2.

⁹⁴ Schmitt R. Marginalia Irano-Graeca // Die Sprache. 1978. 24. S. 47—51. Ср.: Zgusta L. Kleinasiatische Ortsnamen. Heidelberg, 1984. S. 89 ff. § 88.

⁹⁵ На это последнее личное имя (а не топоним!) на ликийских монетах и опирается Яйленко, стремясь доказать его карийское (!) происхождение.

⁹⁶ Что делает, однако, лингвист О. Н. Трубочев (Указ. соч. С. 147), не знающий статьи Шмитта и предлагающий невероятную индоарийскую этимологию: «покровитель малым». Интересно, как семантика этого иранского слова (не говоря уже об индоарийском!) должна быть согласована с топонимом?

⁹⁷ Скржинская М. В. О происхождении названия города Ольвии // ВДИ. 1981. № 3. С. 142—147.

⁹⁸ Vinogradov. Griechische Epigraphik. S. 300.

понтийских апойкий оракул, по которому их божеством-покровителем должен был стать Ἄλολλων Ἴητρος⁹⁹.

О названиях остальных населенных пунктов ольвийской округи мы знаем очень мало. В одном эллинистическом декрете НО 34.6, согласно восстановлению Коцевалова, читается упоминание ἐκ Νομίας κώ [μης] — «из Пастушьей деревни»¹⁰⁰. Кроме того, где-то в районе Гилеи находилось не то поселение, не то местность под названием Χαλκήνη; оно нам стало известно из «письма жреца», о котором речь пойдет в следующей главе.

---

⁹⁹ Ehrhardt. S. 145—147.

¹⁰⁰ Недавно Яйленко (Материалы к «Корпусу лапидарных надписей Ольвии» / Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический источник. М., 1985. С. 195 и след. № 23) прочел здесь вместо этого выражения «за необыкновенную заботу» путем подмены «неподходящих» букв жω- оригинала на «подходящее» κο[μὸβῆς], гармонично сочетав гомеровское значение этого слова — «забота, уход за кем-либо» с поэтическим же ἐκνόμιος = «необычайный» в ...канцелярском контексте клаузулы.

АРХАИЧЕСКАЯ ЭПОХА

Освоение греками берегов Черного моря представляло собой не изолированное явление, но часть единого исторического процесса, получившего в историографии название Великой греческой колонизации VIII—VI вв.¹ Этот процесс часто именуют миграцией и ставят в один ряд с предыдущими переселениями эллинов (микенской эпохи, «темных веков») и последующими (походами Александра). Такое сопоставление колонизации VIII—VI вв. не кажется удачным, поскольку здесь перед нами пример не *миграции* крупных этнических (племенных) групп населения, а *эмиграции* из гражданского коллектива уже сложившихся в целом полисов отдельного, как правило немногочисленного, контингента². По сравнению с другими эпохами различались политическая и социальная база, исторический фон, экономические стимулы и характер организации процесса колонизации VIII—VI вв.

Не исключено, что уже в VIII в. состоялось первое знакомство греков с Понтом, а возможно, тогда же появились на его берегах и их первые поселения (Синопа, Трапезунт)³. Однако западное и северное побережья начали осваиваться не ранее середины VII в., достигая наибольшего размаха в следующем — VI в., т. е. на позднем (втором, согласно периодизации некоторых исследователей⁴) этапе греческой колонизации. Естественно, к этому времени был накоплен богатейший общегреческий опыт колонизационной практики, разработаны, как это принято называть, модели ее применительно к каждой конкретной ситуации⁵. Это обстоятель-

¹ По вопросам колонизации существует огромная литература, привести которую в данной главе немислимо. Я старался сконцентрировать внимание на последних и в то же время наиболее обобщающих работах.

² Mossé C. La colonisation d'antiquité. P., 1970. P. 28 et suiv.

³ См. из последних: Drews R. The Earliest Greek Settlements on the Black Sea // JHS. 1976. 96. P. 18—31, где указаны предшествующие работы Карпентера, Лабари, Грейема. Не убеждает вывод автора о выводе Синопы из Коринфа, противоречащий всей античной традиции. Следуя за Р. Дрюсом, можно и Ольвию считать коринфской колонией VIII в. на том основании, что имя музы Борисфениды упомянуто Евмелом Коринфским. Свидетельство Евмела, сохраненное Цецем, могло бы говорить о знакомстве греков с низовьями Днепра уже в середине VIII в. до н. э. (см.: Блаватский В. Д. Βορυσθενίς // ЗОАО. 1967. II. С. 252—254. То же см.: ВДИ. 1968. № 4. С. 119—122), если только имя этой музы произведено от названия реки в Скифии, а не от вариантного названия Геллеспонта (*Карышковский П. О.* Заметки об Ольвии и Борисфене. С. 82). В отличие от М. И. Максимова (Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.; Л., 1956. С. 45) и Р. Дрюса Н. Эрхардт сомневался в основании Синопы Милетом в VIII в. (см.: Ehrhardt. S. 49, 55).

⁴ Mossé C. Op. cit. P. 32 et suiv.

⁵ Брашинский И. Б., Щеглов А. Н. Некоторые проблемы греческой колониза-

ство окажется немаловажным для выяснения организационной структуры ранних поселений Нижнего Побужья.

Метрополия, дата основания, контакты с материнским городом, контингент колонистов

Как известно, наиболее активно берега Черного моря вообще и северный в частности осваивал Милет, которому в древности приписывалось основание 75 или даже 90 апойкий⁶. Из этой метрополии выселились в низовья Буга и Днепра будущие жители Ольвийского и, по всей вероятности, Березанского поселений.

Об Ольвии как об апойкии Милета единодушно свидетельствуют античные авторы начиная с Геродота⁷. Безусловный, ярко выраженный ионийский характер раннего Березанского поселения, общие данные о неоспоримой доминанте Милета в освоении берегов Черного моря, а также наблюдения над сложившейся в греческой колонизационной практике моделью продвижения в глубь материка (*Festlandssprung*). Подробнее см. ниже) приводят к практически неколебимому убеждению в том, что и Березанское поселение было основано милетянами. Имеются определенные данные и о времени выведения обеих апойкий.

Евсевий под вторым годом 33-й олимпиады (647/6 г. до н. э.) сообщает, что «в Понте основан Борисфен» (*Euseb. Chron. cap. / Helm. B., 1984. P. 95b*)⁸. Как уже говорилось в гл. I, Борисфеном в устах средиземноморских греков называлась Ольвия. Вторую дату приводит Псевдо-Скимн (809 Müller, 814 Diller), указывающий, что Ольвия основана «во время мидийского владычества» (*κατὰ τὴν Μηδικὴν ἑπαρχίαν*). Большинство исследователей вполне законно понимало эти слова как указание на время существования или расцвета Мидийской державы и датировало, таким образом, основание Ольвии в широких пределах от 709/8

ции // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979. (Далее: Проблемы... колонизации). С. 42.

⁶ *Seneca. Consol. ad Helv. matr.* VII. 2; *Plin. NH.* 112. Ср.: *Bilabel F. Die ionische Kolonisation.* Leipzig. 1920. S. 11 f.; *Ehrhardt.* S. 266. Anm. 2.

⁷ *Herod.* IV.78.3: οἱ δὲ Βορυσθενεῖται ὅτιοι λέγουσιν σφέας αὐτοὺς εἶναι Μιλήσιους; *Strab.* VII. 3. 17: Ὀλβία... κτίσμα Μιλήσιων; *Pseudo-Scymn.* 813—814 (Diller): ταύτην (τὴν πόλιν) [sc. Ὀλβίαν] Μιλήσιοι κτίζουσι; Cf.: *Anon. PPE.* 86; *Steph. Byz., s. v. Βορυσθένης*... πόλις Ἑλληνίς... Μιλήσιων Ἀποικία.

⁸ Эту дату дает наибольшее число рукописей Иеронима: OAMLPNQTD. Латышев (Исследования. С. 38. Примеч. 2), пользовавшийся изданием (*Eusebii Chroniconum caponum / Ed. A. Schoene. B., 1866*), в основу которого, как он пишет, положено новое сличение рукописей, отнес основание Борисфена к четвертому году 33-й олимпиады (645/4 г.). Однако эту дату дает лишь один кодекс В; кроме того, рукопись Х относит это событие к 655/4, С — к 649/8, а F — к 646/5 г. (*Euseb. / Ed. J. K. Fotheringham. L., 1923. P. 167*). Принятая большинством современных исследователей дата 647/6 г., таким образом, предпочтительнее. Разные рукописи дают и различные написания имени города: borysthenes OAT, borystenis B, borystenes M, boristenes F, boristhenes PQ, boristhenes N, boresteres X, borysthenis D, boresthenes C, наконец, boristhenium ciuitas L (о последней форме см. гл. I).

(или 687) до 550/49 (или 559/8) гг.⁹ Особняком стоит мнение М. Ф. Болтенко, прочитавшего в справке Псевдо-Скимна указание не на мидийское, а на персидское господство в Азии и датировавшего поэтому основание Ольвии второй половиной VI в.¹⁰

Еще дальше Болтенко, хотя и не ссылаясь на него, пошел В. П. Яйленко¹¹. Он также молчаливо постулирует, что под ἡ Μηδικῆ ἐπαρχία следует понимать либо персидский протекторат над Ионией, установившийся после 546 г., либо даже полное подчинение милетян персам после 514 г. и отмечает, что подобная дата противоречит археологическим данным, которые свидетельствуют об Ольвии как относительно крупном поселении уже в середине VI в. Для того чтобы привести «свидетельство Псевдо-Скимна... в соответствие с археологией», он предпринимает «минимальную эмендацию текста», исправляя Μηδικῆν на Λυδικῆν, и относит, таким способом возникновение Ольвии ко времени царствования Крёза и лидийского владычества над Милетом (560—546 гг.). Автор считает такую дату согласующейся не только с археологическими данными, но и с исторической ситуацией 550—540-х годов, когда нашествие сначала Лидии, а потом Мидии (т. е. Персии) вынудили ионийцев массами эмигрировать.

Несостоятельность подобных умозрительных рассуждений видна с первого взгляда прежде всего в методическом аспекте. Следовало бы не приводить показания древних авторов в согласие с археологией, а, наоборот, проверять, соответствуют ли ее данные сведения письменных источников. Кроме того, предложенная вовсе не «минимальная эмендация» требует палеографического обоснования. Наконец, прежде чем голословно подменять «мидийское» владычество «персидским» (к тому же из контекста фразы Псевдо-Скимна вовсе не следует, что он имел в виду господство именно над Милетом), необходимо проанализировать географические и исторические дефиниции составителя Перизегезы.

Как известно, в начале своего труда Псевдо-Скимн (*Pseudo-Scymn.* 114—127 Müller) перечисляет свои источники, перечень которых дошел до нас лакунообразно. Однако еще М. И. Максимова тонко подметила, что его метод синхронизации дат основания колоний с событиями переднеазиатской истории вовсе не похож на хронологические методы Аполлодора, Эратосфена, Деметрия Каллатийского и Эфора, откуда ею и был сделан вполне оправданный вывод о том, что Псевдо-Скимн пользовался каким-то

⁹ Lindisch F. De rebus Olbiopolitarum, P. 4. (655—558 гг.); Ziebell W. Olbia. S. 9 (та же дата); Cook R. M. // JHS. 1946. 66. Tabl. (708—561 гг.); Alexandrescu P. Autour de la date de fondation d'Histria // St. Clas. 1962. 4. P. 65. et suiv. (автор критикует необоснованную датировку А. Р. Бёрна — около 618 г.); Hind J. Rez. op A. Wąsowicz // JHS. 1980. 100. P. 270 (709/8—550 гг.). В. Д. Блатовский (Архаический Боспор // МИА. 1954. 33. С. 16) без аргументации относит показание Псевдо-Скимна к первой половине VI в.

¹⁰ Болтенко М. Ф. До питання про час виникнення та назву давньої йонійської оселі над Борисленом // Віс. ОКК. 1930. 4/5. С. 38.

¹¹ Яйленко В. П. Архаическая Греция // Античная Греция. М., 1983. Т. 1. С. 137 и след.

надежным трудом о $\chi\tau\acute{\iota}\sigma\epsilon\iota\varsigma$ понтийских городов, в котором даты их основания синхронизировались с событиями древневосточной истории¹².

Действительно, внимательное прочтение *Периэгеzy* снимает упрек в адрес как ее составителя, так и его хронографического источника в неосведомленности в событиях истории Переднего Востока, и в частности в нередком у античных авторов смешении мидян с персами. Говоря об основании греческих колоний, он упоминает о прорытии Ксерксом канала возле Аканфа (*Pseudo-Scymn.* 647—649), о походе Дария на скифов (742) и преследовании последними киммерийцев (770—772, 952), о происхождении Амастрии от перса Оксиатра (964—965). Основание Элеи и Абдер он относит ко времени персидского господства (251 и 671: $\acute{\upsilon}\lambda\omicron\ \tau\acute{\alpha}\ \Pi\epsilon\rho\sigma\iota\acute{\chi}\acute{\alpha}$), Аполлонии — за 50 лет до воцарения Кира (730—733) и, напротив, Одесса — ко времени правления Астиага над Мидией (749: Μηδίας). Наконец, последнее, что ставит точки над *i*, это справка о выведении Гераклеи, основанной «в то время, когда Кир покорил Мидию» (975: $\kappa\alpha\theta'\ \omicron\upsilon\delta\varsigma\ \chi\rho\acute{o}\nu\omicron\upsilon\varsigma\ \acute{\epsilon}\kappa\rho\acute{\alpha}\tau\eta\sigma\epsilon\ \text{Κύρος}\ \text{Μηδίας}$). Это свидетельство делает бесплодными дальнейшие попытки вычитывать в словах $\kappa\alpha\tau\acute{\alpha}\ \tau\eta\nu\ \text{Μηδισκῆν}\ \acute{\epsilon}\lambda\alpha\rho\chi\acute{\iota}\alpha\nu$ какой-либо намек на время персидского господства (не говоря уже о лидийском, так как лидийцы не упомянуты Псевдо-Скимном ни разу!) и поместить основание Ольвии в вышеуказанных широких рамках.

Таким образом, в нашем распоряжении остается единственная точная дата, сообщаемая Евсевием, — 647/6 г. Существенную помощь в ее проверке и конкретизации оказывают археологические данные, добытые многолетними раскопками. Самая ранняя расписная керамика, происходящая с Березани, датируется второй половиной VII в., кроме того, были обнаружены фрагменты, относящиеся даже ко второй четверти этого столетия¹³. Ошибочно, видимо, представление об отсутствии культурного слоя в упомянутое время¹⁴: в северо-восточной части поселения раскопками выявлен слой и закрытые археологические комплексы VII в. — ямы и колодцы¹⁵.

¹² Максимова М. И. Указ. соч. С. 49—52.

¹³ См. последнюю обобщающую работу: *Копейкина Л. В.* Родосско-ионийская керамика VII в. с о. Березань // *Художественные изделия античных мастеров*. Л., 1982. С. 6—35; *Она же.* Самый ранний образец расписной древнегреческой керамики из раскопок на о. Березань // *СА*. 1973. № 1. С. 240—244. Ссылаясь на информацию Б. В. Фармаковского (АА. 1910. S. 227, Abb. 27), А. Дж. Грейем (*Graham A. J.* *The Colonial Expansion of Greece* // *САН*². 1982. Vol. III. 3. P. 123) упоминает происходящий с Березани среднегеометрический кувшинчик второй половины VIII в., связывая его с доколонизационными контактами. Однако этот сосуд не может служить надежным историческим источником, так как он приобретен Археологической комиссией у частного лица и лишь по его словам был найден на Березани.

¹⁴ *Яйленко В. П.* Греческая колонизация. С. 266. Этот «археологический» аргумент служит автору для ответственных выводов исторического порядка (см. ниже).

¹⁵ См.: *Копейкина Л. В.* Особенности развития Березанского поселения в связи с ходом колониационного процесса // *Проблемы... колонизации*. С. 107; *Она же.* Родосско-ионийская керамика VII в. ... С. 31.

Иначе обстоит дело в Ольвийском поселении, из которого происходит пока лишь один керамический фрагмент третьей четверти VII в.¹⁶ Массовой же керамика становится с первой четверти VI в., причем это отнюдь не малочисленные, как иногда утверждается¹⁷, керамические материалы: внимательно изучившая их Л. В. Копейкина отмечает «довольно многочисленные фрагменты родосско-ионийских сосудов», «довольно много фрагментов кратеров», «в большом количестве обломки родосско-ионийских киликов первой и второй половины VI в. до н. э.» и т. п.¹⁸ Все эти богатые материалы и дали возможность исследовательнице присоединиться к выдвинутой при публикации граффито Ксанфа датировке основания Ольвии рубежом VII—VI вв. или началом VI в.¹⁹ В свою очередь, эта надпись на сосуде местного изготовления свидетельствует о налаженном местном керамическом производстве в первые десятилетия после основания города.

Итак, рассмотренные археологические данные окончательно заставляют отнести основание города Ольвии примерно к рубежу VII—VI, самое позднее — к началу VI в., что укладывается в широкие хронологические рамки сообщения Псевдо-Скимна, но мини-

¹⁶ Фармаковский Б. В. Архаический период в России // МАР. 1914. 34. Табл. I, I. Ср.: Копейкина Л. В. Некоторые итоги исследования архаической Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 138 и след. Второй фрагмент VII в. был найден на участке АГД в 1984 г.

¹⁷ Марченко К. К. Модель греческой колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1980. № 1. С. 137; Яйленко В. П. Архаическая Греция. С. 137. К сожалению, упомянутая в названной последней работе специальная статья В. В. Рубана, видимо, до сих пор не опубликована, так что пока остается неизвестным, какие соображения привели автора к выводу об основании Ольвии как города в середине VI в. Прежде Рубан отодвигал этот процесс, соотносясь с теорией синойкизма, даже в начало V в. (см. ниже). Ср.: Крыжицкий С. Д. Ольвия. С. 57.

¹⁸ Копейкина Л. В. Некоторые итоги. . . С. 137—139.

¹⁹ Предложенная мною датировка граффито Ксанфа началом VI в. (см.: Виноградов Ю. Г. Из истории архаической Ольвии // СА. 1971. № 2. С. 232—238) была оспорена недавно Яйленко (см.: Архаическая Греция. С. 137. Примеч. 23), который, ссылаясь на Л. Джеффри, полагает, что форма *tety* с точкой не могла возникнуть на дорийской почве ранее середины VI в., и относит ольвийское граффито к этому времени или скорее ко второй половине этого столетия. Не говоря о том, что отдельные рецидивы подобной формы встречены уже в начале VII в. (Jeffery L. H. LSAG. P. 89; Guarducci M. Epigrafia greca. Roma, 1967. Vol. I. P. 145 sg, N 1; предположение Джеффри об ошибочном пропуске креста у *tety* этого беотийского вотива опровергается метким наблюдением М. Гвардуччи: мастер использовал здесь технику не гравировки, а прямолинейных и круглых пунсонов, при которой случайное появление точки вместо креста просто необъяснимо), обращение к самим «имеющимся памятникам» (но не по книге Джеффри, нотерная тенденция которой к завышению датировок надписей неоднократно отмечена рецензентами) приводит к иным результатам. Так, в обширной сводке родосских надписей А. Джонстона (Johnston A. Rhodian Readings // BSA. 1975. 70. P. 152 f, 157 f. Fig. 3, 47) находится одно граффито с *tetoy* с точкой на черно-фигурной амфоре с протомой коня, которое он датирует 560—550 гг. Автор тут же приводит, однако, точку зрения целого ряда исследователей (среди них такие имена, как Дж. Бордмен), согласно которой этот тип амфор, возникнув в первой трети VI в., не перешагивает рубеж 566 г. Приведенная аналогия вместе со всей совокупностью шрифтовых показателей граффито Ксанфа устранивает все препятствия для датировки его в пределах первой четверти VI в. О появлении *tety* с точкой в греческих надписях с начала VI в. см.: Guarducci M. Op. cit. P. 94, 133.

мум на полвека отстоит от даты Евсевия. Это дало Болтенко полное право отнести указание последнего к основанию не Ольвийского, а Березанского поселения²⁰. Оригинальную версию выдвинула А. Вонсович, предложившая распределить обе даты — Евсевия и Псевдо-Скимна — между основаниями соответственно Березани и Ольвии²¹. Эта гипотеза, ничем не обоснованная, отталкивающаяся к тому же от неаргументированного отношения второй даты к середине VI в., вызвала законную критику²².

Определенные соображения можно высказать и по поводу демотического состава колонистов, выселившихся на Березань и в Ольвию. Публикуя родосско-ионийскую керамику VII в. с Березани, Копейкина сделала ряд интересных наблюдений. Во-первых, это самая многочисленная из наиболее ранних групп расписной керамики, найденной при раскопках на острове: наряду с ней отмечены только фрагменты хиосских кубков и одной коринфской ойнохои. Во-вторых, она представлена двумя выработывавшимися в Ионии группами (Камир и «ориентализирующей» или «группой диких козлов», по Куку), третья же — группа Эвфорба, производившаяся в большинстве своем на Родосе, — практически отсутствует²³. Отсюда сделан вполне обоснованный вывод о том, что костяк не просто торговцев с Березанью, но ее колонистов составили выходцы из восточноионийских полисов, ведущая роль среди которых принадлежала Милету²⁴. Такое положение вещей окончательно подрывает доверие к выдвинутой в свое время К. М. Колобовой и поддержанной С. И. Капошиной гипотезе²⁵ о двух волнах колонизации Северного Причерноморья — сначала родосской, а с середины VI в. милетской.

Показаниям керамических материалов вторят и другие источники²⁶. На Березани был найден небольшой клад, содержащий среди прочего 4 электровые монеты второй половины VII—начала VI в., и среди них статер, скорее всего милетской чеканки²⁷. В об-

²⁰ Болтенко М. Ф. Указ. соч. С. 38 и след. Эта убедительная гипотеза принята большинством исследователей; только Блаватский (см.: *Блаватский В. Д.* Архангелский Боспор. С. 16) отнес показание Евсевия к некоему эмпорию, существовавшему якобы в VII в. на месте Ольвии (ср.: *Шелов Д. Б.* Античный мир в Северном Причерноморье. М., 1956. С. 42 и след.; впоследствии автор отказался от этой точки зрения), что опровергается археологическими (см. выше) и другими наблюдениями. См.: *Карышковский П. О.* Заметки об Ольвии и Борисфене. С. 83 и след.

²¹ Wasowicz. P. 54.

²² Hind J. Op. cit. P. 270; Ehrhardt. S. 358. Anm. 603.

²³ Копейкина Л. В. Родосско-ионийская керамика VII в. ... С. 6, 31.

²⁴ Там же. С. 33.

²⁵ Колобова К. М. Из истории раннегреческого общества (Родос IX—VII вв.). Л., 1951. С. 164; Капошина С. И. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья // МИА. 1956. 50. С. 233 и след.

²⁶ Подробнее см.: *Виноградов Ю. Г.* Милет и Ольвия // Проблемы... колонизации. С. 47—52.

²⁷ *Карышковский П. О., Лапин В. В.* Денежно-вещевой клад эпохи греческой колонизации, найденный на Березани в 1975 г. // Проблемы... колонизации. С. 105. Интересен и сам кувшинчик, в котором был сокрыт клад; он относится к группе Reifenwaren, которую раскопщики Милета считают местной или даже карийской продукцией (см.: *Kleiner G.* Alt—Milet // Sitzungsberichte der Univ.

ласти эпиграфики следует указать на полное до мельчайших нюансов копирование шрифта²⁸ и системы письма²⁹ метрополии, а в языковой — на филиацию отдельных фонетических явлений, свойственных в раннее время только Милету³⁰. То же касается и некоторых привычек, вывезенных с родины³¹, и типично ионийско-милетской антропимии³². Аналогичная картина проявляется в некоторых элементах градостроительства³³ и архитектуры³⁴. Наконец, наиболее важными представляются заимствования из метрополии березанскими и ольвийскими жителями религиозных и государственных институтов: ольвийский календарь в деталях копирует милетский, подавляющее число типично милетских богов присутствует в березанско-ольвийском пантеоне, здесь же засвидетельствована культовая коллегия мольпов во главе с эсимнетом — городским эпонимом³⁵.

Все сделанные выше наблюдения, а особенно последнее обстоятельство, приводят к заключению о наитеснейших контактах

Frankfurt. 1965. Hf. 4. 1. S. 23 f.; *Tuchelt K. Didyma*, 1969/1970 // *Ist. Mitt.* 1971. 21. S. 64; *Von Graeve V. Milet*, 1963 // *Ist. Mitt.* 1973 / 74. 23/24. S. 86, 110).

²⁸ Предположение о том, что часто встречающееся в архаических надписях Березани и Ольвии *po* в форме R не зафиксировано пока в Милете по причине гибели граффити из его раскопок вследствие двух последних войн (см.: *Vinogradov. Griechische Epigraphik*. S. 297, Anm. 19), нашло свое полное подтверждение: П. Хоммель (Франкфурт-на-Майне) в 1980 г. любезно ознакомил меня с фотографиями граффити из раскопок Милета 1959 и 1961 гг., где на десятке надписей дважды встретилась подобная форма. Этот факт заставляет теперь целиком отказаться от утверждений, что «хвостатое» *po* не характерно для восточноионийских центров Додекаполиса (см.: *Яйленко В. П.* Греческая колонизация. С. 276 и примеч. 40), но и позволяет, может быть, считать эту форму типичной для Милета.

²⁹ Стойхедон в Ольвии возник скорее под милетским, а не аттическим влиянием (см.: *Vinogradov. Griechische Epigraphik*. S. 297, Anm. 20, 21).

³⁰ Например, *ev > eo* в письме Ахиллодора. (См.: *Виноградов Ю. Г.* Древнейшее греческое письмо с о. Березань // ВДИ. 1971. № 4. С. 80.

³¹ *οἱ ἔρωτες τοῦ τῶν ἀρρέων* (*Dio Chrys. XXXVI. 8 Arnim*).

³² Краткий список омонимов дается в кн.: *Ehrhardt. S. 375. Anm. 597.*

³³ Открытая на северо-западном участке Березанского поселения центральная осевая улица (См.: *Копейкина Л. В.* Новые данные об облике Березани и Ольвии в архаический период // СА. 1975. № 2. С. 188 и след.) имеет такую же ширину и устройство, что и милетская улица на Калабак-тепе (См.: *Milet. I. 8. S. 42 ff., Abb. 29—30*).

³⁴ Раскрытое на том же участке круглое сооружение, интерпретированное поначалу как база опорного столба (См.: *Копейкина Л. В.* Новые данные... С. 189 и след. Примеч. 4. Рис. 3—4), на самом деле следует скорее считать местной грубой имитацией найденных в Дельфинионе архаических круглых алтарей и баз под статуи и треножки (См.: *Milet. I. 3. S. 29—32, Abb. 41—45*; Ср.: *Копейкина Л. В.* Особенности развития поселения на о. Березань в архаический период // СА. 1981. № 1. С. 202: «дом с так называемым алтарем»). Учитывая весь исторический фон контактов Милета и Ольвийского полиса, а в особенности наблюдения, сделанные последними, выглядит крайне спорным вывод о распространении, в частности на Березанском поселении рассматриваемой нами эпохи, домостроительных традиций не из Восточной Ионии, а из материковой Греции, в первую очередь из Аттики (См.: *Крыжицкий С. Д.* Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев, 1982. С. 163). Влияние Афин проявляется в культуре Ольвии не ранее середины V в. (см. гл. III).

³⁵ Исчерпывающую сводку источников и литературы см.: *Ehrhardt. 2. Kap. V, C, D. Na S. 157* автор говорит, что именно в Ольвии можно констатировать наибольшие соответствия с метрополией.

колонии и метрополии, не ограничивавшихся изначальным культурным импульсом при выведении апойкий, но перманентных, базирующихся на экономической взаимозаинтересованности материнского города в своем дочернем выселке и *vice versa*³⁶. Более того, становится очевидным, кто был реальной метрополией Березани и Ольвии и кто составлял преимущественный контингент первопоселенцев. Наконец, не следует гипертрофировать нередко высказываемое положение, что-де «активная колонизационная деятельность Милета означала его руководящую роль в колониальных переселениях ионийцев в целом, а не одних лишь милетян»³⁷. Трудно себе представить такую колонизационную экспедицию, где кучка милетян во главе с ойкистом сумела бы навязать значительно превосходящей их массе других ионийцев религиозные и особенно политические установления своего родного города. Выходцы из других городов Додекаполиса (и не только из них³⁸), разумеется, принимали участие в колонизационных предприятиях милетян, которые организовывались, однако, в интересах прежде всего Милета, а потому комплектовались преимущественно из его жителей³⁹.

Принципы выбора места поселения. Причины и цели эмиграционного процесса.

Для нашего исследования немаловажно выяснить, в какой обстановке очутились греческие первопоселенцы на берегах Северного Понта вообще и Нижнего Побужья в частности, с какими этно- и демографическими условиями им пришлось столкнуться. Археологическими изысканиями последних лет надежно установлено, что к моменту прихода греков оседлое население в Северном Причерноморье почти повсеместно отсутствовало. Это прослеживается в Нижнем Побужье⁴⁰, Северо-Западном⁴¹ и Восточном Крыму, хотя последний характеризовался, видимо, более стабильным, но также исключительно кочевым населением. Менее ясна

³⁶ *Vinogradov. Griechische Epigraphik. S. 297.*

³⁷ *Яйленко В. П. Архаическая Греция. С. 140.*

³⁸ В этом отношении показателен пример вышеупомянутого родосца Ксанфа, не означающий, естественно, что родосские колонисты играли заметную роль в основании Березани и Ольвии. Здесь не место останавливаться на предпринятых недавно попытках выявить немилетский элемент в составе березанских колонистов (см.: *Яйленко В. П. Греческая колонизация. С. 268—280*); искать его следует в других надписях, привлеченные же интерпретированы неверно.

³⁹ К аналогичному выводу приходит Н. Эрхардт (*Ehrhardt. S. 251*).

⁴⁰ *Ланин В. В. Греческая колонизация. С. 35—59.* Автор, обнаруживающий тенденцию к абсолютизации феномена, подчеркивает, что он имеет в виду хронологический разрыв между оседлыми культурами поздней бронзы и раннего железа (С. 54), но тут же высказывается об отсутствии вообще в этом регионе местного населения (С. 39), о временном обезлюдении (С. 54) и т. п. Ср.: *Брашинский И. Б., Щеглов А. Н. Указ. соч. С. 37, 43; Марченко К. К. Взаимоотношение эллинских и варварских элементов на территории Нижнего Побужья в VII—V вв. до н. э. // Проблемы... колонизации. С. 131; Он же. Модель... С. 133 и след.*

⁴¹ *Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым. С. 30.*

ситуация на Азиатском Боспоре, где, по-видимому, также наблюдается *interregnum* между археологическими культурами поздней бронзы и раннего железа и, по всей видимости, постоянного оседлого населения также не было, но и плотность заселения Таманского архипелага номадами также была невелика⁴². Иная картина наблюдается в Юго-Западной Таврике: согласно новейшим исследованиям, поселения оседлых таврских племен на Геракле-йском полуострове прекращают существование к моменту появления здесь греков⁴³.

Многообразии этнополитической ситуации породило различные способы контактов первых колонистов с аборигенным населением. По всей видимости, в Побужье и Поднепровье встреча милетян с номадами была почти или вовсе бесконфликтной. По крайней мере, фортификационные сооружения Березани не обнаружены до сих пор, а наиболее раннее оборонительное строение Ольвии фиксируется пока лишь для первой половины V в. до н. э.⁴⁴ Аналогичная картина прослеживается и в других районах Северного Причерноморья за исключением разве лишь Геракле-йского полуострова и то в более позднее время, в IV в. до н. э., где жизнь на таврских поселениях прекращается, что предполагает захват колонистами земель аборигенов⁴⁵. Ни в одном из остальных районов мы не располагаем пока документальными материалами о наличии в VI в. враждебных отношений эллинских перво-поселенцев с автохтонным населением, экспроприации у местных жителей земли и т. п. Вероятно, освоение новой территории велось либо с молчаливого согласия скифов, либо на каких-то договорных началах⁴⁶.

На фоне такой в целом типической ситуации еще более красноречивым выглядит то обстоятельство, что во многих местах

---

⁴² *Иссен А. А.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947. С. 33.

⁴³ *Савеля О. Я.* К проблеме взаимоотношений Херсонеса Таврического с варварами Юго-Западного Крыма в V—III вв. до н. э. // *НОСА*. 1975. 2. С. 101; *Он же.* О греко-варварских взаимоотношениях в Юго-Западном и Южном Крыму в VI—IV вв. до н. э. // *Проблемы... колонизации*. С. 171 и след.

⁴⁴ *Herod.* IV. 78 sq. Ср.: *Гриневиц К. Э.* К вопросу об экономике архаической Ольвии // *Античный город*. М., 1963. С. 51—54; *Он же.* О достоверности сведений Геродота об Ольвии // *ВДИ*. 1964. № 1. С. 105—110. Е. И. Леви полагает (устное сообщение), что открытая на этом участке стена относится не к V, а к IV в. до н. э. Ср.: *Крыжицкий С. Д.* Ольвия. С. 91.

⁴⁵ Подробнее о столкновении греков и варваров в разных районах Северного Понта см.: *Виноградов Ю. Г.* Полис в Северном Причерноморье. С. 370—373.

⁴⁶ Ср.: *Хазанов А. М.* Социальная история скифов. М., 1975. С. 235. Определенную и немаловажную роль здесь могло сыграть и то обстоятельство, что примерно с середины VII в. (т. е. как раз ко времени основания Березанского поселения) предполагается значительный отток скифского населения из Северного Причерноморья в Переднюю Азию, что «северопричерноморская Скифия как политический организм, объединяющий различные скифские племена, в VII в. до н. э. еще не сложилась» (*Мурзин В. Ю.* Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев, 1984. С. 98 и след.). Иными словами, ионийцы располагали сведениями об этнополитической ситуации в северопонтийских степях, а потому умело воспользовались благоприятным моментом.

северопонтийского побережья прослеживается один и тот же принцип колонизационной практики: несмотря на мирный характер отношений греков и варваров, милетские апойкии основываются на защищенных самой природой местах — прежде всего на островах и полуостровах, перешеек которых было легко перегородить стеной или валом с последующим продвижением в ряде случаев в глубь материка.

Сейчас может считаться устоявшимся мнение о том, что Березань к моменту появления здесь греков была полуостровом⁴⁷. С аналогичной картиной мы сталкиваемся и на Азиатском Боспоре, где эллинские апойкии были основаны на нескольких островах архипелага в дельте древнего Антикита-Гипаниса, великолепно защищенных естественными преградами — «болотами, речками и топями» (*Pseudo-Scymn.* 893 sq. Ex *Anonym.* PPE. 74)⁴⁸. Описанный принцип выбора места отнюдь не был присущ одним северопонтийским апойкиям; он хорошо прослеживается в целом ряде полисов Западного Причерноморья. Так, на острове была основана Аполлония, на полуостровах или выдающихся в море мысах — Истрия, Одесс, Месембрия и, видимо, Тома, а также Керкинитиды⁴⁹.

Однако эллины, переселившиеся во второй половине VII и VI в. до н. э. на берега Понта, не явились пионерами подобной колонизационной практики. Выбор для поселения места, защищенного естественными рубежами, при этом с учетом демографической ситуации, характеризует уже самый ранний этап Великой греческой колонизации⁵⁰. Самым, пожалуй, ярким примером служит древнейшая колония греков на Западе — поселение на острове Питекуссы, основанное во второй четверти VIII в., жители которого влились в новую волну эвбейских колонистов, основавших Киму на побережье Неаполитанского залива⁵¹.

Нас в данном случае интересует другое. Несмотря на то что

---

⁴⁷ Щеглов А. Н. Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды. I: Остров Березань // ВДИ. 1965. № 2. С. 107—110; Лалин В. В. Греческая колонизация. С. 128—137. В этом, по-видимому, продолжает сомневаться В. П. Яйленко, называющий Березань то (полу)островом, то просто островом. (См.: Яйленко В. П. Архаическая Греция. С. 141 и 155).

⁴⁸ Ср.: Каллистов Д. П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949. С. 180. Однако мнению автора о том, что природные условия Тамани делали «излишним создание искусственных укреплений», противоречит крепостная ограда V в. до н. э., открытая в Фанагории. См.: Кобылина М. М. Культура Фанагории досарматского периода // Античный город. М., 1963. С. 86; Она же. Раскопки юго-восточного района Фанагории в 1964 г. // КСИА. 1967. 109. С. 127; Она же. Сооружения V в. до н. э. на южной окраине Фанагории // КСИА. 1969. 116. С. 98 и след.

⁴⁹ См.: Блаватская. ЗПГ. С. 23—33. Для Истрии см.: *Alexandrescu P.* Peisajul histrian în antichitate // Pontica. 1970. 3. Для Керкинитиды см.: Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым. С. 20, 30 и след.; Кутайсов В. А. Античный город Керкинитиды: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. Киев, 1987. С. 6.

⁵⁰ О выборе колонистами места для основания поселения и о принципах его укрепления см. подробнее: *Winter F. E.* Greek Fortifications. Toronto, 1971. Chap. I. Choice of Site. P. 3—46.

⁵¹ См.: *Boardman J.* P. 165—169.

вопросы доколониционных контактов в последнее время оживленно дебатуются^{51а}, трудно предположить, чтобы милетяне не были знакомы с этнодемографической ситуацией Северного Понта, по крайней мере во второй половине VII в., когда были уже основаны Истрия и Березанское поселение⁵². Однако в отличие от западного побережья, где греки могли столкнуться с более враждебным отношением со стороны гето-фракийских племен⁵³, принцип выбора места с точки зрения его безопасности и обороноспособности продолжал ими соблюдаться в VI в. и в Северном Причерноморье, где ситуация, как сказано выше (исключая Таврику⁵⁴), гораздо более им благоприятствовала. Этот факт, бесспорно, говорит в пользу того, что к моменту основания большинства ионийских (преимущественно милетских) колоний в этом регионе греческая колонизация вообще и милетская в частности оставили за плечами солидный путь развития, позволивший грекам создать ряд апробированных приемов колонизационной практики⁵⁵.

Второй существенный момент колонизационной практики милетян, который опять же — как показывает вышеприведенный пример с Питекуссами и Кимой — не был их первооткрытием, составлял так называемый «скачок на материк» (*Festlandssprung*)⁵⁶. Милетские колонисты, закрепившиеся первоначально на защищенном самой природой полуострове Березань, примерно через полвека после основания колонии проникли по берегу Днепробугского лимана на 40 км в глубь материка, где ими была основана

^{51а} О спорах по этой проблеме см., например: *Will E. La Grèce archaïque // IIe Conférence internationale d'histoire économique, 1962. P.; La Haye, 1965. P. 43 et suiv., 109—113; Roebuck C. Op. Cit. P. 100—103; Брашинский И. Б., Щеглов А. Н. Указ. соч. С. 38—41.*

⁵² О знакомстве ионийцев с этими землями уже к середине VII в. (если не раньше) может говорить имя мастера *Ἰστροκλέης*, сделавшего или расписавшего кратер из Смирны, датируемый этим временем. См.: *Guarducci M. Epigrafia greca. I. P. 270 e seg. N 11; Boardman J. P. 249; Ehrhardt. S. 49.*

⁵³ Прямых данных об этом почти не имеется, однако следует принимать во внимание тот факт, что аборигенное население данного региона было, во-первых, оседлым; во-вторых, более компактным и, наконец, весьма воинственным. По крайней мере, перипетии борьбы фракийцев с паросцами, заселившими Фасос и противлежащую Перею, неудачные попытки основания Амфиополя, столкновения эллинов и фракийцев в Пропонтиде, жестокое фракийское пиратство у Салмидесса, т. е. не так уж далеко по Черноморскому побережью от Аполлонии и Мессембрии, позволяют предполагать — *mutatis mutandis*, конечно, — возможность схожего характера первых греко-варварских контактов и на Левом Понте. Во всяком случае, показательно, что в отличие от Ольвии крепостная стена Истрии сооружается, видимо, не позже середины VI в. См.: *Coja M. Sectorul Z₂ // MCA. 1962. 8. P. 409 sqq.; Eadem. Les phases d'habitat du plateau ouest de la cité d'Histria à l'époque gréco-romaine // Dacia. 1970. 14. P. 101 et suiv.; Eadem. Zidul de apărare al cetății Histria // SCIV. 1964. 15. 3. P. 388.*

⁵⁴ *Щеглов А. Н. Тавры и греческие колонии в Таврике // Демографическая ситуация. С. 209—212.*

⁵⁵ Многочисленные примеры соблюдения подобной практики милетскими колонистами на берегах Эгеиды, Пропонтиды и Понта сведены в кн.: *Ehrhardt. I. Kap. B, C, D.*

⁵⁶ Ср.: *Ehrhardt. S. 77.*

новая апойкия — Ольвия⁵⁷. Подобным же образом со временем «перепрыгнула» на материк Аполлония и, возможно, Тира.

Выбор места для нового городского центра был не случаен, но обуславливался рядом соображений принципиального характера (рис. 1). Во-первых, нигде по побережьям Бугского, Днепровского и Березанского лиманов нет столь удобного в географическом и топографическом плане места: только Ольвийское городище располагает наличием двух террас — верхней и нижней; вторая из них изобилует родниковой и колодезной водой и представляет собой удобную платформу для устройства гавани. Во-вторых, Ольвия занимает крайне благоприятное местоположение у слияния двух крупнейших водных артерий — Днепра и Буга, служивших великолепными речными магистралями для торговли с лесостепными и степными районами Северного Причерноморья⁵⁸. В-третьих, крайне важно положение «ольвийского треугольника» и в стратегическом аспекте: он прекрасно защищает естественными рубежами обороны — Заячьей балкой с запада, Северной балкой на севере и берегом Бугского лимана с востока⁵⁹, т. е. и здесь повторно применен первый из названных приемов милетской колонизационной практики. Наконец, не случайно к моменту окончательного сложения Ольвийского полиса как территориального единства во второй половине VI в. Ольвия «оказалась» точно посредине его обширной хоры. Это наводит на мысль о первоначальном «программировании», с одной стороны, местоположения города как центра будущего государства, а с другой — и примерных границ будущего государства⁶⁰, что было вызвано, вероятно, представлением скифами заранее и строго ограниченной территории для заселения (см. выше).

Недавно были предложены другие критерии выбора места, но не при основании Ольвии как города, а при переходе к этому якобы «рядовому аграрному поселку» во второй половине VI в. функций центрального поселения: местоположение «у кромки большого массива плодородных земель Бугского устья и вместе с тем на стыке морского побережья и Днепровско-Бугского лимана»⁶¹. Однако первому названному условию удовлетворяют десятки сельских поселений ольвийской хоры, и к тому же

⁵⁷ Безусловно, ошибочно мнение А. Дж. Грейса (См.: *Graham A. J. The Colonial Expansion of Greece*. P. 125. ff. Ср.: P. 160 ff.) о одновременном основании и Березани и Ольвии: два черенка VII в., найденных в последней, не идут ни в какое сравнение с обильными березанскими материалами этого времени. Не приводя аргументов, к тому же заключению пришла ранее и Т. В. Блаватская. См.: *Блаватская Т. В. ЗПГ*. С. 33.

⁵⁸ Ср.: *Graham A. J. The Colonial Expansion of Greece*. P. 125.

⁵⁹ *Виноградов Ю. Г.* Полис в Северном Причерноморье. С. 389. Примеч. 101; Ср.: *Кудренко А. И.* К вопросу о соответствии местоположения Ольвии рекомендациям древних авторов // Тезисы Парутино. 1985. С. 92 и след.

⁶⁰ Однако нет никаких оснований предполагать, как это делает Вонсович, что в основу «программирования» территориальных границ Ольвийского полиса был положен геометрический принцип треугольника (*Wasowicz*. P. 84). Эта гипотеза вызвала законную критику. См.: *Hind J.* Op. cit. P. 270: «borders on the mystical».

⁶¹ *Яйленко В. П.* Архаическая Греция. С. 145 и след.

Р и с. 1. План Ольвии

I — раскоп Северных ворот города; II — участок И;
 III — раскоп НР; IV — раскоп Северо-Запад; V — раскоп Б-В; VI — раскоп Зевсов курган; VII — участок АГД; VIII — теменос и стоя; IX — район дикастерия; X — западные ворота; XI — раскопы на территории предместья; XII — Центральный квартал и кварталы к юго-западу от агоры; XIII — восточный торговый ряд; XIV — гимнасий; XV — НГЦ; XVI — НГ; XVII — НГФ; XVIII — раскоп К; XIX — раскоп 1908 г. на центральной возвышенности Верхнего города; XX — P-19; XXI — М; XXII — раскоп северо-восточного участка обороны цитадели; XXIII — Л; XXIV — оборонительный комплекс на Заячьей балке; XXV — P-25; XXVI — остатки развалов оборонительных стен в затопленной части Нижнего города; XXVII — «амфорные поля»; XXVIII — «пристань».

непонятно, чем в аграрном отношении местоположение у устья Буга более «выигрышно» по сравнению, скажем, с устьем Днепра. Что касается второго критерия, то он вовсе ошибочен, и Ольвия под него не подходит, поскольку, как известно, Днепровско-Бугский лиман стыкуется с морским побережьем не у Парутина, а у Очакова.

Для описанного выше второго элемента греческой колонизационной практики тем же автором предлагается определение «перешагивание» или даже «переползание» на материк⁶². Подобные дефиниции порождены не новым уже представлением об Ольвии первой половины VI в. как о «рядовом аграрном поселении» в ряду прочих поселений хоры, на котором следует остановиться подробнее. Едва ли не первым эта идея была высказана В. В. Лапиным, полагавшим, что создание Ольвии как города пережило два этапа: «на раннем этапе — ряд мелких поселений, группирующихся вокруг одного, более крупного; город еще не оформлен окончательно, оборонительной стены не существует. Завершающий этап оформления города мыслится нами как синойкизм этих поселений»⁶³.

Дальнейшее развитие «теория синойкизма» нашла у В. В. Рубана, который вписал предполагаемый синойкизм в определенные хронологические рамки и связал с ним некоторые ставшие недавно известными археологические факты. Он прямо пишет, что «Ольвия во второй половине VI в. до н. э. в основном представляла собой систему деревень с земляночными жилищами. . . Формирование Ольвии как города в классическом его виде должно приходиться на первую половину V в. до н. э.». А поскольку «в количественном отношении население только этих деревень (т. е. на площади самого Ольвийского городища. — Ю. В.) не было бы в состоянии обеспечить ни крупномасштабные строительные работы, ни полное заселение территории города», то «надо полагать, что в процесс синойкизма были втянуты практически все поселения Нижнего Побужья. Материальным выражением его было прекращение существования поселений и рост города»⁶⁴.

Судя по одной неопубликованной работе⁶⁵, Рубан теперь отказался как от теории «синойкизма», так и от попыток датировать становление Ольвии как города в начале V в. Действительно, теория «синойкизма» не выдерживает критики под натиском имеющих археологических фактов⁶⁶. Сейчас уже можно считать

⁶² Там же. С. 141.

⁶³ Лапин В. В. Греческая колонизация. С. 176. Следует отметить некоторую противоречивость позиции автора: на с. 183 утверждается, что сельские поселения возникали одновременно с городами.

⁶⁴ Рубан В. В. Некоторые аспекты изучения процесса формирования античных городов Северо-Западного Причерноморья // Древние города: Материалы к Всесоюз. конф. «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья». Л., 1977. С. 43; Ср.: Он же. [Рецензия] // ВДИ. 1977. № 2. С. 150. — Рец. на кн. Wąsowicz. Та же идея высказывается в статье: Козуб Ю. И. Предметы Ольвии // Проблемы античной истории и культуры. Ереван, 1972. 2. С. 316.

⁶⁵ См.: Яйленко В. П. Архаическая Греция. С. 137. Примеч. 24.

⁶⁶ Ср.: Марченко К. К. Модель. . . С. 142.

установленным, что в общих чертах в середине VI в. Ольвия формируется как урбанистический центр, причем на большей части верхнего плато. К этому времени прокладывается центральная осевая магистраль города, перерезавшая его с севера на юг⁶⁷, распланирована территория теменоса, древнейшие алтари которого — ботросы — начинают функционировать уже с третьей четверти столетия⁶⁸. Выделен участок под общественную площадь, агору и прилегающие к ней с юга (см. ниже) и северо-запада административные здания⁶⁹, иными словами, складываются основные элементы монолитной урбанистической структуры, именуемой греческим полисом. С другой стороны, теперь уже никто, пожалуй, не сомневается в том, что во второй половине VI в. происходит не синойкизм, а, напротив, массовое освоение земель Нижнего Побужья путем основания поселений, причем происходило это освоение из двух городских центров — сначала Березани, а потом и Ольвии (см. ниже).

Однако представление об Ольвии первой половины VI в. как о рядовом сельском поселении продолжает иметь своих приверженцев⁷⁰, которые, однако, обходят один весьма серьезный аргумент — топографический. Как верно подметила Л. В. Копейкина, практически вся масса керамики первых двух четвертей VI в.⁷¹ найдена в южной части Ольвийского городища⁷²; это побудило даже «сторонников умеренной даты основания города»⁷³ признать, что застройка Ольвии начинается именно в это время и именно отсюда⁷⁴. Действительно, с точки зрения обороноспособности это самое удобное место для первоначального закрепления колонистов. Показателен и тот факт, что именно до этих исходных пределов сокращается территория поселения и в последующее время. Поэтому именно здесь под мощным напластованием рим-

⁶⁷ Крижицкий С. Д., Русяева А. С. Найдавніші житла Ольвії // Археологія. 1978. 28. С. 3—26; Крижицкий С. Д. Ольвия. С. 61.

⁶⁸ Леви Е. И. Новые посвятельные надписи Аполлону Дельфинию из раскопок Ольвии // История и культура античного мира. М., 1977. С. 96—100. Маловероятно, чтобы, как предполагает автор, все три надписи на мелкофигурных и чернолаковом киликах третьей четверти VI в. были вырезаны позднее — в последней четверти столетия, поскольку божеству посвящали обычно, за редкими исключениями, «свежеприобретенные» сосуды. Этот факт заставляет передвинуть начальную дату функционирования теменоса с последней четверти VI в. См.: Яйленко В. П. Архаическая Греция. С. 148; Крижицкий С. Д. Ольвия. С. 64.

⁶⁹ Копейкина Л. В. Новые данные. . . С. 194 и след.

⁷⁰ Wasowicz. P. 41; Русяева А. С. Деякі риси культурно-історичного розвитку Північно-Західного Причорномор'я в VII—V ст. до н. е. // Археологія. 1979. 30. С. 6; Она же. Земледельческие культуры в Ольвии догетского времени. Киев., 1979. С. 28; Скржинская М. В. О происхождении названия города Ольвии. С. 145; Яйленко В. П. Архаическая Греция. С. 145 и след.; Ср.: Ehrhardt. S. 77.

⁷¹ Достаточно обильная керамика первой четверти VI в. опровергает датировку Рубаном возникновения даже сельского поселения на месте Ольвии лишь во второй четверти VI в. (см.: Яйленко В. П. Архаическая Греция. С. 137) или в середине этого столетия. См.: Крижицкий С. Д. Ольвия. С. 67.

⁷² Копейкина Л. В. Некоторые итоги. . . С. 137, 139 и след.

⁷³ Яйленко В. П. Архаическая Греция. С. 137.

⁷⁴ Крижицкий С. Д., Русяева А. С. Указ. соч. С. 21 и след. Рис. 17. Ср., однако: Крижицкий С. Д. Ольвия. С. 62.

ского времени следует искать древнейшую Ольвию, но не село, а поселение городского типа. Не случайно именно отсюда, видимо, сполз в участок НГФ фрагмент базы статуи, поставленной около середины VI в. неким Археанактом⁷⁵, которая плохо увязывается с якобы руральным характером ранней Ольвии⁷⁶. Не случайно и то, что именно отсюда происходит интереснейший документ — письмо жреца, прямо свидетельствующее в пользу сложившейся к середине VI в. ольвийской государственности и Ольвии как административного центра территориального полиса (см. ниже).

Не исключено, а, скорее всего, и наиболее вероятно, что возобновившиеся недавно раскопки южной части «ольвийского треугольника» смогут выявить для первой половины VI в. точно такую же земляночную застройку этого участка, как и на синхронном по времени Березанском поселении, в особом, выдающемся положении которого к тому времени, кстати, никто не сомневается. Однако это несколько не сможет поколебать нашего представления о ранней Ольвии как о заранее запрограммированном городском и административном центре: по времени ей нет равных среди поселений ни этого, ни более южного «березанского» микрорайона (см. ниже), а по удобствам местоположения нет подобных во всем Нижнем Побужье. Существенно и то выясненное выше обстоятельство, что к основанию прежде всего именно центральных, городских, а не аграрных поселений греки предъявляли непереносимое условие исключительной обороноспособности, и это понятно: ведь в дальнейшем они должны были выполнять во время военной опасности роль убежища для окрестного сельского населения. Вот почему я не могу не согласиться со справедливым замечанием И. Б. Брашинского о том, что «поселение на месте будущей Ольвии с самого начала рассматривалось колонистами как ядро будущего города», что «развитие Ольвии по сравнению с прочими поселениями микрорайона с самого начала протекало в особом направлении»⁷⁷.

Итак, установив два существенных элемента в колонизационной практике милетян, немаловажные для нашего дальнейшего исследования, перейдем теперь к одной из наиболее сложных и остро дискутируемых в науке проблем — вопросу о причинах и целях эмиграционного процесса. Проблема эта имеет огромную библиографию и историографию, рассмотреть которую на этих страницах — даже кратко — нет никакой возможности. Долгое время ее решение сводилось, грубо говоря, к двум теориям колонизации: торговой и аграрной. Согласно первой, греки отправлялись в чужие земли, стремясь найти сбыт продуктам собствен-

⁷⁵ См.: *Виноградов Ю. Г.* О методике обработки греческих эпиграфических памятников // *Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР*. М., 1978. С. 67 и след. В архаическое время нижнее плато еще не было освоено. См.: *Крижицкий С. Д., Русяева А. С.* Указ. соч. С. 20.

⁷⁶ Сказанное относится и к фрагменту древнейшего курса второй четверти VI в., найденному опять же в южной части городища. См.: *Русяева А. С.* Скульптура // *Культура населения Ольвии и ее окружи в архаическое время*. Киев, 1987. С. 154 и след.

⁷⁷ *Брашинский И. Б.* Указ. соч. С. 301 и след.

ного, прежде всего ремесленного, производства в обмен на сырье и другие продукты, произведенные местным населением. Приверженцы второй теории полагают, что главным стимулом к выселению греков, страдавших на родине от стенохории и недостатка средств, обеспечивающих прожиточный минимум, было стремление к экстенсификации основного средства производства — земли⁷⁸.

Советские историки, развивавшие вторую из перечисленных концепций, опирались на известное высказывание К. Маркса о том, что в античном обществе недостаточное развитие производительных сил, вызванное невозможностью применения науки к производству, породило такую систему, при которой численность населения постоянно ограничивалась; нарушение определенного соотношения между размерами гражданской общины и величиной основного средства производства приводило к вынужденной эмиграции избыточного населения⁷⁹. При этом делались попытки увидеть в этих словах не единичное замечание, а закон, «который К. Маркс рассматривает как единственную, во всяком случае, существеннейшую движущую силу колонизации»⁸⁰.

Однако, как недавно было справедливо указано, «в статье „Вынужденная эмиграция“ К. Маркс не рассматривал, как он это сам подчеркивает, проблему колонизации во всем ее объеме», «он говорит только о вынужденной эмиграции — одной из разновидностей эмиграции вообще»⁸¹, в другом месте он связывал захват колоний в древности с развитием торгового капитала⁸².

Действительно, если обратиться к колонизационной деятельности Милета, развертывавшейся по преимуществу в VI в. до н. э., когда этой метрополией было основано не менее 40 апойкий (по каталогу Эрхардта⁸³), то, абсолютизируя высказывание Маркса о вынужденной эмиграции, мы должны будем прийти к заключению, что население этого богатого ионийского полиса росло такими чудовищными темпами, что раз в два-три года или даже чаще он

⁷⁸ Наиболее крайнее выражение эта концепция обрела в формуле А. Боннара: «... вопль голодного брюха оснащал корабли и направлял их в море» (*Боннар А. Греческая цивилизация. М., 1958. Т. 1. С. 36*). Оригинальная концепция была предложена Эд. Вилем, исходящим из тезиса об отставании малоазийского эллинизма в развитии до середины VII в. по сравнению с Балканской Грецией. Установив этот факт, он полагает, что греки Малой Азии гораздо позже испытали «давление демографии» (*pression démographique*), которое, будучи усугублено вторжением киммерийцев и набегами лидийцев, привело в конечном счете к колонизации, а она, в свою очередь, позволила не только избавиться от избыточного населения, но и впоследствии обеспечить метрополию необходимыми продуктами, что привело в итоге к их процветанию (см.: *Will E. Op. cit. P. 55 et suiv.*). Критику исходных пунктов этой контаминации демографического фактора как примарного и торгового — как секундарного стимула колонизации представил К. Ребак. См.: *Roebuck C. Op. cit. P. 102—106*.

⁷⁹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 567 и след.*

⁸⁰ *Лапин В. В. Греческая колонизация. С. 25; Ср.: С. 27.*

⁸¹ *Брашинский И. Б., Щеглов А. Н. Указ. соч. С. 31.*

⁸² См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. 1. С. 364.*

⁸³ *Ehrhardl. S. 96.* Вместе со всеми прочими категориями милетских выселков их число достигает, по подсчетам автора, почти 70, что близко к цифре, сообщаемой Сенекой. См.: *Consol. ad Helv. matr. VII. 2.*

вынужден был выплескивать излишек своего населения на чужбину⁸⁴.

В последние годы исследователи приходят к вполне оправданному выводу, что греческая колонизация была гетерогенным процессом, причины, ее породившие, и цели, ею преследуемые, равно как и организационные формы, призванные служить реализации этих целей, в разных местах проявляли себя по-разному, хотя и подчинялись общим историческим закономерностям, обуславливавшим сходные ситуации в разных регионах⁸⁵. Более того, представляется целиком справедливым, что, «вероятно, каждая колония, каковой бы ни была основная цель ее создания, могла сочетать в себе *разные признаки при ведущей функции одного из них* (курсив мой. — Ю. В.), соответствовавшего конкретной цели колонизации»⁸⁶. Полиморфность при доминанте — таким должен быть главный принцип, определяющий дальнейшее направление конкретного поиска. То, каким путем может осуществляться конкретное исследование причин, целей и форм эмиграционного процесса, особенно наглядно видно на примере колонизационной модели Нижнего Побужья.

Долгое время в нашей и западной науке господствовала концепция, согласно которой освоение греками Северного Причерноморья вообще и территории в низовьях Буга и Днепра особенно имело исключительно торговую направленность. Березанское поселение вырисовывалось перед исследователями как типичный, наиболее яркий пример торговой фактории — эмпория⁸⁷.

Однако с середины 50-х годов стала пробивать себе дорогу и другая точка зрения: «Северопонтийские города возникали как центры производящие. В корне неправильно представление об этих городах как о чисто торговых поселениях, занимавшихся лишь посреднической торговлей между Грецией и местными племенами»⁸⁸. В. В. Лапиным вообще отрицается сколько-нибудь зна-

---

⁸⁴ Эрхардт также считает относительное или абсолютное перенаселение Милета как причину колонизации недоказуемым. См.: *Ehrhardt. S. 24.*

⁸⁵ *Graham A. J. Patterns in Early Greek Colonization // JHS. 1971. 91. P. 35—47; Доманский Я. В.* О характере ранних миграционных движений в античном мире // АСГЭ. 1972. 14. С. 38; *Брашинский И. Б., Щеглов А. Н.* Указ. соч. С. 35, 42.

⁸⁶ *Брашинский И. Б., Щеглов А. Н.* Указ. соч. С. 44.

⁸⁷ Эта концепция была впервые сформулирована Э. Р. фон Штерном на XI Археологическом съезде в 1899 г. (см.: *Штерн Э.* Значение керамических находок на Юге России для выяснения культурной истории черноморской колонизации // ЗООИД. 1899. XXII. С. 427; Ср.: *Stern E. von. Die griechische Kolonisation am Nordgestade des Schwarzen Meeres im Licht archäologischer Forschung // Klio. 1909. 9. S. 139—152.* Ответственная литература до середины 60-х годов критически разобрана В. В. Лапиным (см.: *Лапик В. В.* Греческая колонизация. С. 60—65; специально о Березани см.: С. 86—147). Здесь не могла быть учтена вышедшая вскоре работа Н. А. Онайко (Античный импорт в Приднпровье и Побужье в VII—V вв. до н. э. // САИ. Д. 1—27. М., 1966. С. 37 и след.). Ср.: *Шелов Д. Б.* Северное Причерноморье 2000 лет назад. М., 1975. С. 29. Из зарубежной литературы см., например: *Roebuck C.* *Ionian Trade and Colonization.* P. 122; *Mossé C.* *Op. cit.* P. 61; *Ehrhardt. S. 74—79.*

⁸⁸ *Доманский Я. В.* Нижнее Побужье в VII—V вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1955; *Он же.* Из истории населения Нижнего Побужья в VII—

чительная роль торгового стимула в колонизации, а посему все без исключения поселения Нижнего Побужья, и прежде всего Березань, квалифицируются как сугубо сельскохозяйственные и одновременно ремесленные выселки⁸⁹. В защиту этой концепции приводятся многочисленные аргументы: общие соображения о сущности греческой эмиграции, базирующиеся во многом на приведенном выше высказывании Маркса; данные античных источников, содержащие сведения о ситуации в других районах колонизации; материальные признаки сельскохозяйственной ориентации поселений — земледельческие орудия, зерновые ямы, культы божеств плодородия и т. п. Не буду останавливаться на них особо, тем более что предпринятый после выхода названных работ критический анализ заставил усомниться в весомости многих из них⁹⁰.

Резоннее, на мой взгляд, сконцентрировать здесь внимание на некоторых методических узловых пунктах, и прежде всего — на возникающей при решении данной проблемы дилемме. Если действительно греческая колонизация — в данном случае Нижнего Побужья — ставила главной целью избавиться от избыточного населения, оснастить — пользуясь образными словами Боннара — корабли, дабы прокормить голодное брюхо, то чем, спрашивается, должен компенсироваться тот ввоз в нововыведенные «полуголодные» выселки из средиземноморских полисов поистине огромного количества произведений ремесла (прежде всего расписной керамики) и продуктов сельского хозяйства (вина, оливкового масла и т. п.), который столь выразительно прослеживается по массовым находкам в самых ранних слоях только что основанных Березани и Ольвии? Иными словами, перед первыми колонистами стояла задача, — освоив свободные земли, не только прокормить самих себя, но и создать в достаточном количестве прибавочный продукт для такой компенсации.

Надежным индикатором при решении поставленного вопроса служит ранняя хора Березани и Ольвии, изучение которой приобрело в последние полтора десятилетия немалый размах. Еще до начала масштабных работ на хоре Лапиным была высказана идея о том, что Березанское поселение не могло не иметь своей экономической земледельческой базы⁹¹. Предпринятые вскоре интенсивные раскопки и разведки оправдали эту догадку, нарисовав на сегодняшний день следующую картину (рис. 2, 3). Многочисленные сельскохозяйственные поселения возникают в интересующем нас районе по берегам Бугского и Березанского лиманов в архаическое

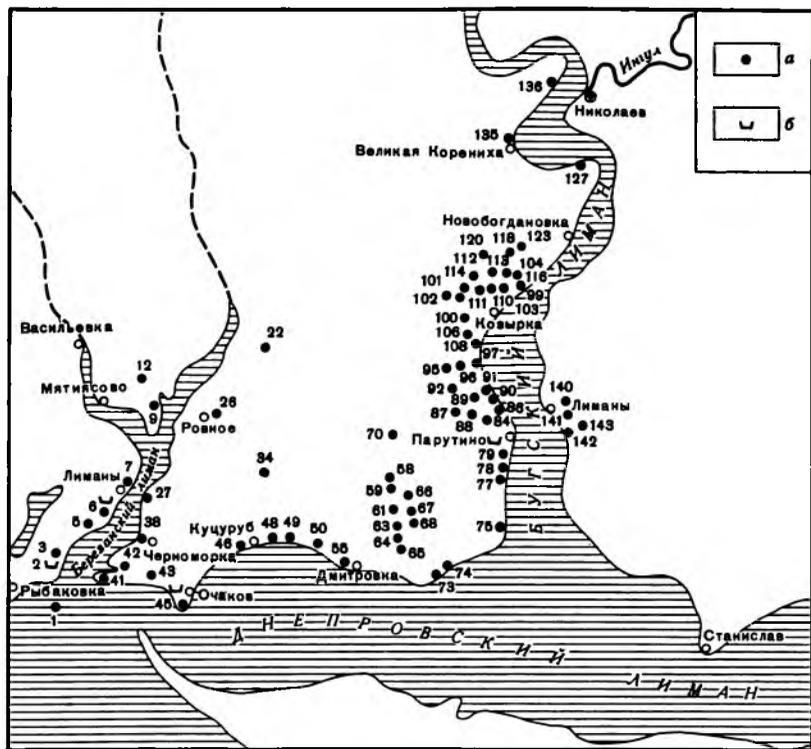

IV вв. до н. э. // АСГЭ. 1961. 2. С. 26—44; *Он же*. Заметки о характере торговых связей греков с туземным миром Северного Причерноморья в VII в. до н. э. // АСГЭ. 1970. 12. С. 47—53; *Он же*. О характере ранних миграционных движений. . . Постулируя аграрно-ремесленный характер северопонтийских апойкий, исследователь оставляет, однако, за Березанским поселением роль эмпория.

⁸⁹ *Лапин В. В.* Греческая колонизация; *Он же*. Экономическая характеристика Березанского поселения // Античный город. М., 1963. С. 31—39.

⁹⁰ *Шелов Д. Б., Брашинский И. Б.* Рец. на кн.: *Лапин В. В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья // ВДИ. 1969. № 3. С. 167 и след.

⁹¹ *Лапин В. В.* Греческая колонизация. С. 128—137.

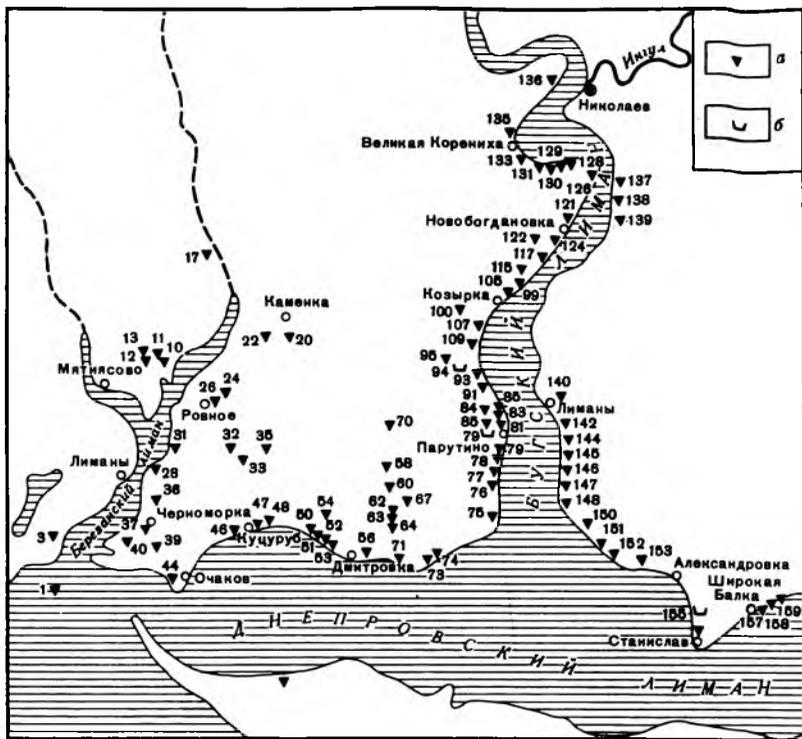

Р и с. 2. Хора Ольвии архаического времени

время — в VI в. до н. э.⁹² Самые ранние из них, основанные не позже второй четверти VI в., группируются на левобережье Березанского и правобережье Днепро-Бугского лиманов в непосредственной близости от Березани⁹³. С середины VI в. непрерывной цепью таких поселений охвачена уже обширная территория от Николаева на севере до Очакова на юге и далее вверх по берегам Березанского лимана (рис. 2). Эта картина дает основания предположить, что первые аграрные выселки в районе Березани суть продукт деятельности жителей именно этого центра, направленной на расширение территории путем освоения приле-

⁹² Каталог памятников и основные результаты их исследования до начала 70-х годов см. в кн.: *Wąsowicz*. Р. 34—39, 139—151. Итоги раскопок последних лет кратко освещены в ежегодно выходящих сб. «Археологические открытия». Новейшая литература сведена в обобщающих статьях: *Марченко К. К.* Модель. ...; *Крыжицкий С. Д.* и др. К истории ольвийской сельской округи // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980. С. 3—18 (с картой); *Марченко К. К.* Поселения античного времени на территории Нижнего Побужья // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 40 и след. К. 2.

⁹³ Археологическими раскопками в настоящее время частично исследованы памятники: Малая Черноморка, Большая Черноморка II, Каборга I, Куцуруб.

Р и с. 3. Хора Ольвии классического и эллинистического времени

гающего пространства⁹⁴. Многочисленные же поселения второй половины VI в. следует связать уже с созданием хоры единого Ольвийского полиса (см. ниже).

Но в таком случае возникает закономерный вопрос: откуда три первых поколения березанских и два — ольвийских поселенцев добывали средства для оплаты того множества товаров — порой

⁹⁴ Впервые мысль о Березани как о базе аграрной экспансии милетских колонистов, развернувшейся с конца VII—начала VI в. (в некоторых местах указана даже более ранняя дата — вторая половина VII в.) на берегах Буга, Днепра и Березанского лимана, была высказана Вонсович (см.: *Wąsowicz*. P. 37. et suiv.). Отказ от критической ревизии использованной в работе информации (в чем я вижу один из главных ее недостатков, подрывающих доверие ко многим основным выводам автора, и на что было справедливо указано рецензентами: *Рубан В. В.* // ВДИ. 1977. № 2. С. 150, 152 и след.; *Брашинский И. Б.* // СА. 1977. № 2. С. 301) привел к тому, что Вонсович, во-первых, вслед за предшественниками неверно отнесла привлекаемые ею для доказательства своего положения поселения к концу VII—началу VI в. (см.: *Wąsowicz*. P. 34), датированные на самом деле не ранее второй половины VI в. (см.: *Рубан В. В.* // ВДИ. 1977. № 2. С. 149), а с другой стороны, как раз обошла вниманием наиболее древние памятники района. О поселениях этого микрорайона как хоре Березани см. также: *Отрешко В. М.* Позднеарханские поселения Березанского лимана // *Открытия молодых археологов Украины*. Киев, 1976. Ч. 1. С. 33.

дорогостоящих, — которые им привозили из метрополии и прочих центров Эгеиды? Вне всякого сомнения, у них должна была иметься небольшая земледельческая территория, располагавшаяся вокруг обоих центров, эксплуатировавшаяся непосредственно из них, а потому, ввиду отсутствия на ней жилищ, неуловимая археологически. Даже при сугубо «торговой» ориентации их экономики они должны были быть гарантированы от случайностей в снабжении продовольствием. Но эта гипотетическая, хотя и вполне реальная, территория могла быть лишь подсобной хорошей; для получения же прибавочного продукта требовалось производство товарного зерна, а следовательно, и создание товарной хоры именно в масштабах, каких она достигла столетие спустя после основания Березанского поселения. С другой стороны, невозможно предполагать, что самые ранние поселения березанской и ольвийской хоры второй половины VII — начала VI в. не дошли до нас в результате разрушительной абразии берега, коль скоро эта абразия пощадила не один, а свыше полусотни памятников, возникших всего на сто лет позже. Наконец, едва ли дефицит импорта мог покрываться вывозом в Грецию ценных пород рыбы; рыбный экспорт древней Березани, несомненно игравший определенную роль в торговле, до сих пор зачастую переоценивается⁹⁵.

Таким образом, мы вынуждены признать, что импорт заморских товаров первые поколения колонистов должны были компенсировать прежде всего и главным образом продуктами, полученными в результате торгового обмена с глубинными районами Скифии, а не произведениями собственных рук⁹⁶. Это заключение подводит нас к важному методическому принципу, недоучет которого был присущ работам исследователей как «торгового», так и «аграрного» концепционного лагеря. Суть его в том, что следует четко отграничивать ранний этап поселений Нижнего Побужья (вторая половина VII—первая четверть VI в.) от более позднего (вторая четверть VI—начало V в.) в экономическом аспекте⁹⁷.

Но тут же следует ответить и на встречный вопрос сторонников противоположной концепции⁹⁸: а что же эти колонисты поставляли во внутренние районы в обмен на сырье и продукцию аборигенов? Как этот торговый обмен фиксируется археологически?

---

⁹⁵ См.: *Roebuck C. Ionian Trade and Colonization*. P. 119 ff.; *Will E. Op. cit.* P. 55. Not. 3. Справедливую критику см.: *Блаватский В. Д.* Архаический Боспор. С. 15.

⁹⁶ *Виноградов Ю. Г.* // Проблемы... колонизации. С. 361 и след.; *Он же.* Полис в Северном Причерноморье. С. 380; *Копейкина Л. В.* Особенности развития Березанского поселения в связи с ходом колонизационного процесса // Проблемы... колонизации. С. 108 и след. Не отрицая фактора торговли с Hinterland'ом, Яйленко пишет все же, что «поставки продовольствия в метрополию, видимо, с самого начала (курсив мой. — Ю. В.) осуществлялись за счет аграрного освоения березанскими колонистами (полу)острова и прилегающих частей материка», хотя ниже (Архаическая Греция. С. 141, 142, 146), противореча своему утверждению, он относит создание товарной сельскохозяйственной базы Березани к началу VI (если не к концу VII) в.

⁹⁷ *Виноградов Ю. Г.* // Проблемы... колонизации. С. 361 и след.

⁹⁸ *Лалин В. В.* Греческая колонизация. С. 71—77.

Действительно, пока нам известно лишь небольшое количество фрагментов расписной греческой посуды из внутренних районов Скифии, датируемых второй половиной VII—началом VI в.⁹⁹ Недавние находки родосско-ионийских сосудов последней трети VII и первой половины VI в. в степной зоне позволяют надеяться на пополнение их числа¹⁰⁰. Обычно эти материалы приводили как довод в пользу «доколонизационной» торговли, однако, как было справедливо указано¹⁰¹, возраст их не превышает возраст Березанского поселения, так что они могли ввозиться сюда при посредничестве его жителей. Вполне основательно мнение о том, что дорогие расписные сосуды (дорогие, замечу, не так для греков, как для туземцев) оседали лишь у знати варварского общества, не достигая его широких слоев¹⁰².

Естественно, эта роскошно украшенная посуда, как бы высоко ни оценивали ее греческие купцы в обмене с туземцами, не могла в силу своей немногочисленности обеспечить достаточный приток продуктов сельского хозяйства, сырья и т. п., необходимых припонтийским элинам для оплаты средиземноморского импорта. Однако нельзя сбрасывать со счетов и ввоз в Скифию продукции, не оставляющей следов в археологии (*perishables*), прежде всего вина, транспортировавшегося в мехах, что вполне реально, поскольку амфоры ранее последней трети VII в. нам практически не известны¹⁰³. Учитывая известную консервативность скифского общества по отношению к чужеземным обычаям (*Herod. IV. 76, 78*), которую, однако, не стоит преувеличивать, а также несформированность вкусов местного потребителя, можно предположить, что при наличии собственного развитого керамического производства (хотя и не кружального) скифы могли настороженно относиться к таким заморским диковинкам, как расписные вазы. Вино же, напротив, довольно быстро нашло у них признание, коль скоро столетие спустя (см. свидетельство: *Anacr. fr. 45a Bergk*)

⁹⁹ Они собраны в работе Т. Н. Книпович «К вопросу о торговых сношениях греков с областью р. Танаис в VII—V вв. до н. э.» (см.: ИГАИМК. 1934. 104. С. 90—110) и своде Н. А. Онайко «Античный импорт...» (с. 14—16, табл. I—III); см. также: Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев, 1983. С. 90—113.

¹⁰⁰ Корпусова В. Н. Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана у с. Филатовка в Крыму // ВДИ. 1980. № 2. С. 100—104; Ковалева И. Ф. // АО 1983 г. М., 1985. С. 285. Рис. 1 (датировка автора неверна).

¹⁰¹ Доманский Я. В. Заметки... С. 51; *Alexandrescu P. Les importations grecques dans les bassins du Dniepr et du Boug // RA. 1975 I. P. 63 et suiv.; Idem. Histria. IV. P. 20; Брашинский И. Б., Щеглов А. Н. Указ. соч. С. 93. Горло ойнохой из Болтышки датируется не второй четвертью VII в. (как вслед за Н. А. Сидоровой полагает Н. А. Онайко: Указ. соч. С. 14 и след.), а, скорее, последней четвертью этого столетия (ср.: *Alexandrescu P. Histria. IV. P. 20. Not. 9; по номенклатуре Кука: стиль «диких козлов», средний этап I).**

¹⁰² Доманский Я. В. Заметки... С. 50.

¹⁰³ Ср.: *Grakow B. N. Die Skythen. B., 1978. S. 45.* Автор резонно аргументирует древнейший ввоз вина в бурдюках тем, что самые ранние привозные сосуды — ойнохой и килики — служили на пиру для употребления вина. Менее убедительно мнение о том, что они выполняли в быту варваров «декоративные функции» (Доманский Я. В. Заметки... С. 50).

скифское пьянство уже вошло в Греции в поговорку. В подобной же «таре» мог импортироваться в скифский Hinterland и такой продукт эллинской агрикультуры, как оливковое масло. Наконец, нельзя забывать и о возможности ввоза дорогих тканей, особенно тонких шерстяных, которыми славился в древности Милет. Если присовокупить сюда изделия деревообделочного ремесла, то получается весьма солидный ассортимент¹⁰⁴.

Активность греческих купцов, причем не одного, а целого коллектива, в глубинах лесостепной Скифии уже в конце VII в. подтверждается и эпиграфическим памятником — граффито на лепном сосуде из Немировского городища, содержащим, по мнению его издателя, намек на чисто эллинский обычай получать приз на пиру¹⁰⁵. Согласно интересным наблюдениям Я. В. Доманского по поводу организации греко-скифского торгового обмена, механизм его действовал организованно через Немировское городище¹⁰⁶.

Итак, в данном конкретном случае освоения Нижнего Побужья, причем на раннем лишь этапе (вторая половина VII—начало VI в.), я отдаю предпочтение доминанте торговых интересов в ряду других причин колонизации. Следует сразу же оговориться, что под «торговой» колонизацией (*colonisation commerciale*) я вслед за многими современными исследователями понимаю греческую экспансию с целями, совершенно иными, чем это традиционно было принято в литературе: поиск не рынков сбыта, а главным образом рынков сырья¹⁰⁷. Нельзя не согласиться с определением К. Моссе: «Греки, которые освоили побережья Западного Средиземноморья или Понта Евксинского, утвердившись там, не искали рынков сбыта продукции своего ремесла. Их целью было прежде всего обеспечить себя продуктами и сырьем, которых не хватало в Греции: зерном, металлами, строительным лесом, а также, в связи с развитием рабства в более позднюю эпоху, — людьми»¹⁰⁸. И если бы не останавливала боязнь без необходимости «обогащать» терминологию, то названную теорию можно было бы окрестить теорией не «торговой», а «сырьевой» колонизации.

Полученные выводы находят подкрепление в аналогиях из других регионов греческой ойкумены. Весьма показательны в этом отношении, что самая ранняя апойкия греков на Западе (и вообще в истории Великой колонизации) — на острове Питекуссы в Неаполитанском заливе — была основана именно не с «аграрными», а с «торговыми» целями: прежде всего разработка полезных

---

¹⁰⁴ Роль *perishables* в «доколониционной» торговле подчеркнута К. Ребаком (см.: *Roebuck C. // 11e Conférence internationale d'histoire économique*. P. 101).

¹⁰⁵ Граков Б. Н. Греческое граффито из Немировского городища // *СА*. 1959. № 1. С. 259—261.

¹⁰⁶ Доманский Я. В. Заметки... С. 51 и след.

¹⁰⁷ Ср.: *Roebuck C. // 11e Conférence...* P. 98.

¹⁰⁸ *Mossé C. Op. cit.* P. 50. Естественно, я ничуть не склонен распространять вслед за автором эту характеристику на всю понтийскую колонизацию.

ископаемых, добыча и вывоз металла и руды ¹⁰⁹. Как было убедительно доказано, древнейшая милетская колония на Понте — Синоп — была основана главным образом с целью получения знаменитого халибского железа и сопутствующих минералов (красной охры — «синопиды») ¹¹⁰. Даже сравнительно позднее (конец VI в.) выведение эгинетами в Паданскую долину колонии Адрия было нацелено, как показали сопоставление разнородных источников, на получение у умбров прежде всего основных продуктов: зерна, металлов, лошадей, домашней птицы, рабов ¹¹¹.

После всего сказанного, учитывая природные ресурсы древней территории Украины, яснее станет, что могло вывозиться через Березанскую, а потом и Ольвийскую апойкии в Милет и другие греческие полисы. Прежде всего это хлеб — основной продукт земледельцев лесостепной Скифии ¹¹², затем скот, дерево, позднее, возможно, рабы ¹¹³. Однако недавние интереснейшие археологические изыскания в Ягорлыцком производственном районе, возникшем, по-видимому, в период складывания собственно березанской хоры (первая половина VI в.), показали, что микрорайон древней Гилеи кроме лесных массивов обладал собственными запасами минералов для черной металлургии и стекольного производства, которые могли экспортироваться в Грецию как в виде ремесленной продукции, так и сырья ¹¹⁴.

---

¹⁰⁹ Вопреки сомнениям Грейема (см.: *Graham A. J. Patterns...* P. 44), новейшие раскопки на о-ве Искья дали богатейшие материалы о местном металлургическом производстве и вывозе железной руды. См.: *Buchner G. Pithecusa // Dialoghi di archeologia*. 1969. 3. 1/2. P. 97 e seg.; *Idem. Pithecusa: scavi e scoperte 1966—1971 // Le genti non greche della Magna Grecia. Atti dell XI-o Convegno di studi sulla Magna Grecia (Taranto, 1971)*. Napoli, 1972. P. 366—368, 374. Ср.: *Трейстер М. Ю.* Роль металлов в эпоху Великой греческой колонизации // ВДИ. 1988. № 1.

¹¹⁰ *Drews R.* Op. cit. P. 26—31.

¹¹¹ *Colonna G.* I greci di Adria // RSA. 1974. 4. P. 18—20.

¹¹² Мнение Т. Нунена (см.: *Noonan Th. S.* The Grain Trade of the Northern Black Sea in Antiquity // *AJPh*. 1973. 94.3. P. 231—242) о том, что массовый вывоз хлеба из Северного Причерноморья в Грецию начался не ранее начала V в., базируется главным образом на сведениях античной традиции и устаревших археологических данных, в частности по ольвийской хоре, а потому не может считаться серьезно аргументированным.

¹¹³ Последние присутствуют в Ольвийском полисе по данным писем жреца Ахиллодора и Апатурия по крайней мере с третьей четверти VI в. (см.: *Vinogradov. Griechische. Epigraphik*. S. 305), что предполагает возможность их вывоза в Грецию и в более раннее время.

¹¹⁴ *Островерхов А. С.* К вопросу о сырьевой базе античного ремесленного производства в районе Днепровского и Бугского лимана // ВДИ. 1979. № 3. См. также указанные там другие публ. автора. Недавно была предпринята попытка пересмотреть дату существования Ягорлыцкого производственного комплекса, установив ее в рамках второй половины VII—первой половины VI в. (см.: *Рубан В. В.* О датировке Ягорлыцкого поселения // *Исследования по античной археологии Северного Причерноморья*. Киев, 1980. С. 104—114); новая датировка уже успела найти свое место в исторических трудах обобщающего характера (см.: *Яйленко В. П.* Арханческая Греция. С. 142 и след.). Однако она требует повторной тщательной ревизии с привлечением всей, а не выборочной археологической документации. Кроме того, автором не дано исторического объяснения тому странному, якобы установленному им феномену, что именно с образованием и расширением

Таким образом, я прихожу к выводу о заинтересованности Милета в освоении Нижнего Побужья прежде всего для расширения сырьевой базы метрополии. Эта неослабевающая заинтересованность прослеживается и утверждается теми устойчивыми и перманентными связями, которые неразрывно соединяли материнский город и его далекую апоию на протяжении по крайней мере полутора столетий существования последней¹¹⁵. Но кроме этого в пользу полученного вывода есть и ряд иных аргументов.

На основании фундаментального анализа древнейшей расписной керамики из Истрии, Березани и Навкратиса П. Александреску высказал предположение о том, что все три колонии основаны в одно и то же время¹¹⁶, и хотя дата основания Березани требует удреждения, важнее другое наблюдение: во всех трех поселениях синхронно представлены одни и те же древнейшие здесь группы родосско-ионийской, коринфской и аттической керамики¹¹⁷. Это позволяет предполагать, что в названных регионах проявлялись активны одни и те же группы купцов, разумеется, они совсем не обязательно происходили из полисов — центров производства этой керамики. Вся совокупность наших данных показывает, что для Березани первым кандидатом на роль лидера были милетяне, но не исключает, конечно, участия и других ионийцев, равно как и родосцев, эгинетов и т. д.

Интерес как к Египту, так и к Северо-Западному Причерноморью проявляется у ионян в один и тот же момент — в середине VII в.¹¹⁸, широкого же размаха их колонизационная деятельность, первую скрипку в которой играл, безусловно, Милет, достигает и там и там опять же одновременно — в последней четверти столетия¹¹⁹. Удивительная синхронность процесса освоения обоих регионов позволяет высказать два соображения: во-первых, об идентичном характере активности милетян в Египте и в Северо-Западном Понте и, во-вторых, о какой-то особой ситуации, создавшейся в Милете около середины VII в. и породившей эту активность. Выяснению ее внутренних причин помогает еще одно ценное

Ольвийского полиса в середине VI в. он по непонятным причинам покидает богатейший район сырья и топлива, в которых так нуждалось его ремесло и хозяйство. Кроме того, об эксплуатации ольвиополитами Гилей в третьей четверти VI в. прямо говорит письмо жреца (см. ниже). На основании всего сказанного до полной, а не выборочной обработки всех материалов с Ягорлыцкого комплекса я считаю предпочтительным воздержаться от датировки времени возникновения этого памятника второй половиной VII в., а времени его исчезновения — серединой VI в.

¹¹⁵ *Виноградов Ю. Г.* Милет и Ольвия. С. 47—52; *Idem.* Griechische Epigraphik. S. 296 ff.

¹¹⁶ *Alexandrescu P.* Histria. IV. P. 21. Ранее к подобному заключению пришел К. Ребак (Ionian Trade and Colonization. P. 110—130). Ср.: *Braun T. F. R. G.* The Greeks in Egypt // САН². 1982. Vol. III. 3. P. 38.

¹¹⁷ *Alexandrescu P.* Histria. IV. P. 21, 28.

¹¹⁸ См.: *Bengtson H.* Griechische Geschichte. 5. Aufl. München, 1977. S. 78 ff.; *Braun T. F. R. G.* Op. cit. P. 32—37.

¹¹⁹ Исходя из предвзятого толкования как письменных, так и археологических источников, обусловленного модернизаторской концепцией, К. М. Колобова считает, что после мнимого «поражения» в Египте при Амасисе «торговая экспансия милетян обратилась к Понту в поисках новых рабских и хлебных рынков» (*Колобова К. М.* Указ. соч. С. 163).

наблюдение П. Александреску, который отмечает, что родосско-ионийская керамика среднего этапа I (третья четверть VII в.) найдена вне зоны центров ее производства лишь в нескольких пунктах Восточного Средиземноморья — в Аль-Мине, Мерсине и в скифском Hinterlande, причем у керамики из указанных регионов и Самоса дело доходит до полной идентичности деталей ornamentации¹²⁰. Но поскольку ни один самый рьяный сторонник «аграрной» теории не отважился пока зачислить сирийскую Аль-Мину, киликийский Мерсин¹²¹ или египетский Навкратис в разряд *coloniae agrariae*, то нам остается, видимо, признать, что деятельность Милета и в Северо-Западном Причерноморье имела в VII в. также преимущественно «торговый» характер в выше-названном смысле расширения сырьевой базы¹²².

В литературе неоднократно предпринимались попытки связать основание Березани и Ольвии с конкретными событиями истории Милета. По мнению одних, причиной выведения колонии на Березань послужили изнурительные войны Милета с Лидийским царством на протяжении VII в. и как следствие их — неоднократное разорение милетской хоры¹²³. Другую и, на мой взгляд, гораздо более привлекательную гипотезу высказал Н. Эрхардт¹²⁴. Отметив, что наиболее суровые войны лидян с Милетом относятся к концу VII в., и обратив внимание на перерыв примерно в 30 лет (около 680—650 гг.) в колонизационной активности милетян между освоением Пропонтиды и Понта, он предположил, что эта пауза связана с вторжением в Малую Азию киммерийцев, разорявших среди прочих и территорию Милета. На этот промежуток падает, по его мнению, переход эпонимии в полисе от притании к эсимнетии¹²⁵, при этом весьма показательно, что возобновление милетской колонизационной деятельности было направлено именно в те северные земли, откуда пришли киммерийцы, т. е. предполагается, что именно от них милетяне могли получить сведения об этих странах.

Я думаю, несмотря на то что хронология вторжения киммерийцев в Переднюю Азию сложна и запутана¹²⁶, предположение Эрхардта заслуживает самого серьезного внимания, так как оно

¹²⁰ *Alexandrescu P. Histria. IV. P. 21 et not. 10, 11.*

¹²¹ Исследователи полагают, что Аль-Мина и тем более Мерсин были эллинскими эмпориями с небольшой общиной на территории местных городов. См.: *Boardman J. P. 43, 50.*

¹²² Этот тезис принял С. Б. Охотников. См.: *Охотников С. Б. Сельские поселения Нижнего Поднепровья VI—V вв. до н. э.: Автореф. дис. . . канд. ист. наук. Киев, 1987. С. 8.*

¹²³ *Доманский Я. В. О характере ранних миграционных движений. . . С. 40 и след.; Копейкина Л. В. Особенности развития Березанского поселения. . . С. 108.*

¹²⁴ *Ehrhardt. S. 250 ff.*

¹²⁵ *Ibid. S. 200 ff.*

¹²⁶ Леманн-Хаупт (RE. 1921. XI. Sp. 418) датирует их набеги 660—626 годами; В. В. Струве (Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. М., 1968. С. 91) относит смерть их предводителя Лигдамиса к 653 г., что маловероятно. Во всяком случае, кажется резонным то мнение, что киммерийцы в союзе с трерами, разрушившие около середины VII в. Приену, едва ли долго оста-

опирается, с одной стороны, на периодизацию интересующего нас процесса милетской колонизации, определяемую другими источниками, а с другой — получает полное согласие с тем давно установленным фактом, что сама Великая греческая колонизация стимулировалась факторами внутреннего развития метрополии, т. е. насыщенной потребностью выведения апойкий, как бы мы ни определяли причины их выведения: вынужденная эмиграция в результате разорения и обезземеливания определенных групп населения либо поиски новых источников сырья для нужд разоренного полиса. Здесь важно подчеркнуть, что апойки выводились не в период военной конфронтации с варварами, требовавшей сосредоточения всех сил защитников для обороны полиса, а в годы, непосредственно за ней следовавшие.

Идя дальше путем, намеченным исследователем, можно попытаться определить и время основания Ольвии. Из рассказа Геродота (I, 16—19) мы знаем, что наиболее ожесточенную войну с Милетом вели в течение 11 лет лидийские цари Садиатт и Алиатт, во время которой милетяне потерпели два крупных поражения и которая тем не менее благополучно для них завершилась без взятия их родного города, хотя лидийцы постоянно опустошали их поля. Несмотря на различные датировки исследователями этой одиннадцатилетней войны, все они относят ее к самому концу VII в.¹²⁷ Не могла ли этой разорительной войной быть вызвана новая потребность Милета в сельскохозяйственных продуктах и ином сырье и тем самым стимулировано выведение новой апойки в устье Гипаниса и Борисфена в один из кризисных периодов истории метрополии? Согласно высказанной в свое время гипотезе¹²⁸, в новую волну колонистов из Милета влились и жители уже существовавшего Березанского поселения, осуществившие таким образом традиционный *Festlandssprung* и рассматривавшие поэтому новую *χτίσις* как свое кровное дело, что и привело в дальнейшем к отсутствию какого-либо антагонизма между березанскими и ольвийскими поселенцами, а с образованием единого полиса — к созданию единого борисфенитского, а позже ольвиополитского гражданства и обусловило переход названия «Борисфен» с Березани на Ольвию как у самих местных жителей, так и в устах греков метрополии.

Весьма проблематичными представляются также попытки отыскать причины колонизации в политической борьбе в Милете. Все сказанное выше о заинтересованности метрополии в создании

вались в этой стране (см.: *Hommel P. Melie // Panionion und Melie. B., 1967. S. 94*). В рассматриваемой нами связи весьма интересно сообщение Псевдо-Скимна (770—772 Müller, 767—770 Diller), что близкая Березани по времени выведения милетская колония Истрия была основана в то время, когда войско скифов перешло в Азию, преследуя киммерийцев от Боспора.

¹²⁷ См., например: *Kaletsch H. Zur lydischen Chronologie // Historia. 1958. 7. S. 36—39*. Автор датирует начало правления Алиатта 607 годом, т. е. самую войну 613—602 годами.

¹²⁸ *Виноградов Ю. Г. О политическом единстве Березани и Ольвии. С. 80—82.*

целой системы апойкий в различных уголках ойкумены, равно как и тесные перманентные связи ее со своими колониями с момента их основания и на протяжении многих веков, доказывает, что их взаимоотношения строились не на основе антагонизма, предполагаемого как следствие «политической» колонизации¹²⁹.

Возникновение и становление полиса в Нижнем Побужье

Здесь нет нужды критически разбирать и опровергать державшуюся в отечественном антиковедении десятилетия так называемую «трехстадиальную теорию», иначе концепцию «эмпориального периода», поскольку она давно и заслуженно отвергнута в науке¹³⁰. Большие сомнения вызывает также универсальность другой теории, согласно которой в процессе колонизации образуются два типа выселков: аграрные «колонии для заселения» и «торговые колонии», иначе фактории или эмпории¹³¹. Однако не уместяющийся на этих страницах анализ античной терминологии, а также литературных, эпиграфических и археологических свидетельств о таких греческих колониях, как Аль-Мина, Телль-Сукас, Адрия, Спина, Массалия, Навкратис, характеризуемых современными исследователями как типичные торговые фактории или эмпории, резко отличающиеся по статусу от полисов, приводит меня к твердому убеждению в том, что они, подобно Березанскому поселению, обладали автономией, известным политическим статусом, собственной гражданской общиной и развитой политической структурой, т. е. всеми основными атрибутами греческого полиса¹³². Поэтому я не могу не привести еще раз меткое замечание Лапина: «Можно только полагать, что коллектив первопоселенцев Березани представлял собой именно коллектив. . . Но это и есть не что иное, как зародыш социально-экономической и политической организации, именуемой полисом»¹³³.

Нельзя не упомянуть о недавно предложенной схеме возникновения полиса в Нижнем Побужье. Исходя из якобы отсутствия слоя второй половины VII в. на острове, автор ее полагает, «что в середине VII в. на Березани был основан эмпорий, и, когда взаимоотношения со скифским хинтерландом показали экономическую состоятельность отправления сюда колонии, где-то в на-

¹²⁹ Ср.: Яйленко В. П. Архаическая Греция. С. 139 и след.

¹³⁰ Об этом см.: Виноградов. Полис. С. 385.

¹³¹ Подробнее см.: Козловская В. И. Греческая колонизация Западного Средиземноморья в современной зарубежной историографии. М., 1984. С. 38—42.

¹³² Эта главная мысль, к сожалению, не была понята В. И. Козловской (Там же. С. 42), ошибочно приписавшей мне отождествление торговых апойкий и эмпориев как пунктов торгового обмена: напротив, я с самого начала призывал различать в греческих колониальных выселках политическую и экономическую характеристики. См.: Виноградов Ю. Г. Прохус Минниды из Пантикапея // ВДИ. 1974. № 4. С. 65. Ср.: Согомонов А. Ю. Греческая колонизация Леванта // ВДИ. 1985. № 1. С. 24.

¹³³ Лапин В. В. Греческая колонизация. . . С. 147.

чале VI в. сюда прибыла большая партия колонистов. Только с этого времени Березанское поселение стало регулярной апойкией — самостоятельным политическим организмом, протополисом». С этим «наплывом большой массы колонистов» он связывает «широкое аграрное освоение противоположащего побережья» и, возможно, смену кремации на некрополе трупоположением. «В любом случае изменение похоронного обряда на протяжении небольшого отрезка времени указывает — по его мнению — на изменения в составе населения»¹³⁴.

Несостоятельность предложенной схемы доказывается прежде всего археологически. Во-первых, встает вопрос, почему полис должен оставлять культурный слой, а эмпорий нет? Во-вторых, как сказано выше, представление об отсутствии археологических объектов VII в. на Березани ошибочно: для этого времени раскопками вскрыты культурный слой, ямы и колодцы. В-третьих, подобным же археологическим псевдофактом следует считать и смену на березанском некрополе кремации трупоположением. Он основан на интерпретации крайне плохо документированных раскопок Г. Л. Скадовского¹³⁵. Наблюдения автора этих строк, в течение нескольких сезонов руководившего раскопками березанского некрополя в составе Березанской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа, дают право утверждать, что трупосожжения синхронно сосуществуют с трупоположением вплоть до конца VI в.¹³⁶, почему этот псевдофакт следует изъять из арсенала аргументов в пользу — возможного самого по себе — притока новой волны колонистов.

Вызывает возражения и дефиниция «протополис», прилагаемая к Березанскому поселению¹³⁷. Ю. В. Андреев, у которого она заимствована¹³⁸, понимал под ним определенную стадию в развитии греческого общества «геометрического» периода, предшествующую окончательному сложению полиса. Однако какие есть у нас основания перенести это понятие на архаическую эпоху? Какими соображениями можно подтвердить утверждение о том, что во «второй половине VII в. . . в греческом мире еще только происходило становление полиса как основной формы политической организации общества»¹³⁹, если именно от этой эпохи до

¹³⁴ Яйленко В. П. Греческая колонизация. С. 266. Следует отметить внутреннюю противоречивость высказываний автора: на с. 260 смена погребального обряда датируется серединой VI в.; в опубликованной через год другой работе того же автора (Архаическая Греция. С. 147) возникновение «эмпориального протополиса» на Березани относится им ко второй половине VII в.

¹³⁵ Капошина С. И. Из истории греческой колонизации. . . С. 225 и след.

¹³⁶ Это, впрочем, отмечает и С. И. Капошина (Там же. С. 225); однако, продолжая идти в русле идеи Штерна о двух периодах заселения Березани (см. выше), она фактически приходит к выводу о смене обряда погребения.

¹³⁷ Из приведенных выше высказываний Яйленко неясно, различает ли он (и если да, то как) понятия «эмпорий», «эмпориальный протополис» и «протополис».

¹³⁸ Андреев Ю. В. Раннегреческий полис. Л., 1976. С. 28 и др.

¹³⁹ Яйленко В. П. Архаическая Греция. С. 147.

нас дошли уже наиболее ранние государственные постановления даже из таких консервативных центров греческого мира, как критский Дрерос¹⁴⁰ или Тиринф¹⁴¹, содержащие *expressa verba*: «это постановил полис», «народ постановляет», «гелиэя»? Не означает ли выведение березанского «эмпориального протополиса» из целиком и полностью сформировавшегося полиса — Милета — регрессивный возврат к «темным векам» греческой истории?

Как убедительно показал на многочисленных примерах Эрхардт, милетские колонии в первой и второй половинах VII в. выводились в Пропонтиду и Понт с готовыми, сложившимися в метрополии политическими институтами и определенным пантеоном божеств. Отвергая — как и автор этих строк — теорию «эмпориального периода» а *limine*, немецкий исследователь¹⁴² выставляет против нее еще и то соображение, что, согласно господствующей точке зрения, колонии в момент их основания были независимы от метрополии, и эта автономия могла означать только независимость организованного по типу полиса единства. Предполагая, что апойкия на Березань выводилась как запрограммированный в метрополии полис, я склонен связывать освоение собственно березанской хоры на побережье не с изменением политического статуса колонии (эмпорий—полис), а с появлением в его экономике новой значительной отрасли — собственного товарного земледелия. После прибытия новых колонистов из Милета при деятельном участии милетян Березани происходит основание новой апойкии в Нижнем Побужье — Ольвии, при этом опять же не как эмпория, а как сформированного в метрополии полиса.

Существование Ольвийского полиса в архаическую эпоху зафиксировано разнообразными источниками. Самое раннее государственное постановление ольвиополитов (НО 1) датируется началом V в., однако ряд эпиграфических памятников дает нам право говорить о едином Ольвийском государстве как о реальности уже во второй половине VI в. При раскопках ольвийского гимнасия была найдена целая серия граффити в основном на чернолаковых киликах последней четверти VI—первой четверти V в., с надписями ΠΟ, ΠΟΛΕ и ΠΟΛΕΩΣ (рис. 4)¹⁴³. Это чаши, употреблявшиеся, бесспорно, на общественных угощениях, которые следует сопоставить с аналогичными киликами Афинской агоры с аббревиатурой δῆ (μόσιον)¹⁴⁴. Кроме всего прочего, эти граффити говорят о том, что по крайней мере в конце VI в. на территории ольвийского гимнасия или поблизости размещалось государственное здание типа пританея.

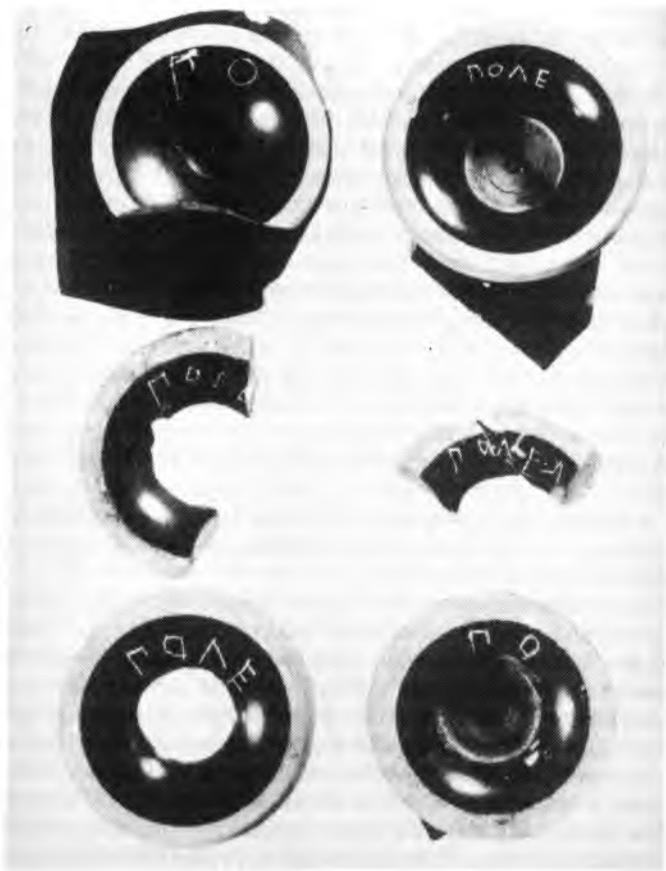
¹⁴⁰ ML. 2; на эту надпись ссылается сам (!) Яйленко. См.: Там же. С. 183 и след.

¹⁴¹ *Verdelis N., Jameson M., Papachristodoulou J.* // Arch. Eph. 1975. P. 150—205 = SEG. XXX. 380. № 1—4.

¹⁴² См.: *Ehrhardt*. S. 70.

¹⁴³ Раскопки 1968—1970 гг. Материал не опубликован, хранится в ЛОИА.

¹⁴⁴ *Guarducci M.* Epigrafia greca. I. P. 402; *Lang M.* Graffiti and Dipinti // Athenian Agora. 21. Princeton (New Jersey). 1976. P. 51 ff. F a,b.

Р и с. 4. Граффити из раскопок ольвийского гимнасия

С Березани происходит другое очень важное граффито на фрагменте мерной ойнохои, датируемое второй половиной VI в. до н. э.¹⁴⁵ Надпись [δ]ίχαλον — «узаконенная мера»¹⁴⁶ — указывает на то, что уже в столь раннее время полис взял в свои руки контроль за системой мер и соответственно за розничной торговлей. Этот вывод подтверждается и находками на Березани двух архаических бронзовых разновесов — одного с изображением монеты-стрелки¹⁴⁷ и другого — боевой, трехгранной стрелы¹⁴⁸.

¹⁴⁵ Раскопки В. В. Лапина; хранится в Музее археологии ИА АН УССР; инв. № АБ/72—41.

¹⁴⁶ Ср.: *Guarducci M. Epigrafia greca. II. Roma, 1969. P. 475. fig. 117: στατήρ δίχαλο(ς)* на гирьке начала V в. до н. э.

¹⁴⁷ *Граков Б. Н.* Еще раз о монетах-стрелках // ВДИ. 1971. № 3. С. 125 и след.

¹⁴⁸ Раскопки Л. В. Копейкиной 1978 г.; хранится в Гос. Эрмитаже. Упомянув об этом равновесе вскоре после его находки (см.: *Виноградов Ю. Г.* Полис в Север-

В VI в., причем достаточно рано, возникает полисная монета — литые бронзовые денежные знаки оригинальной формы в виде двухлопастных наконечников стрел и несколько позже — дельфинов¹⁴⁹.

Анализ письма Ахиллодора приводит меня к заключению, что не позже последней четверти VI в. Ольвия превращается в административный и политический центр единого государства¹⁵⁰. Этот важный и ответственный вывод полностью подтверждается археологическими исследованиями Ольвийского городища. Выше уже говорилось о том, что Ольвия как городской центр нового государства начинает складываться в целом с середины VI в., т. е. с того момента, когда были распланированы получившие в дальнейшем развитие все основные элементы монолитной урбанистической структуры. Среди них особый интерес для нас представляет агора. Вонсович привела ряд интересных аргументов в пользу того, что ольвийская агора в архаический период играла роль преимущественно политическую и административную, а не торговую или культовую¹⁵¹. Если эти соображения верны, то мы могли бы говорить о складывании ольвийской гражданской общины и основных полисных институтов уже к середине VI в., что породило у ольвиополитов потребность в главной площади для народных собраний.

Еще более яркую картину дает Березань, где раскопками последних лет на северо-западном участке установлен неопровержимый факт одновременных, широкомасштабных, синхронных ольвийским перепланировок целого района во второй половине VI в. и застройки его наземными большими по площади сырцово-каменными домами¹⁵². Однако по сравнению с Ольвией здесь картина разнится тем, что планировка участка велась тут по так называемой «гипподамовой» системе — со строгой ориентацией улиц и домов по странам света и с предварительной размежевкой по прямоугольной сетке. Все это — бесспорное свидетельство того,

---

ном Причерноморье. С. 386), я писал, что на его оборотной стороне изображены три монеты-стрелки; теперь, после очистки предмета, выяснилось, что это изображение следует трактовать скорее как три монеты-дельфинчика. См.: *Крапивина В. В.* Архаические весовые гири Березани и Ольвии // *Ольвия и ее округа*. Киев, 1986. С. 108 и след. Рис. № 2.

¹⁴⁹ *Зограф А. Н.* Античные монеты // *МИА*. 1951. 16. С. 124; *Карышковский П. О.* Монетное дело и денежное обращение Ольвии: Автореф. дис. . . д-ра ист. наук. Л., 1969. С. 12; *Лалин В. В.* Греческая колонизация. С. 142—146. Следует заметить, что ареал производства и хождения монет-стрелок шире: они изготовлялись и в полисах Западного Понта.

¹⁵⁰ *Виноградов Ю. Г.* О политическом единстве. . . С. 80.

¹⁵¹ *Wąsowicz P.* 48. Ср.: *Kolb F.* Die Stadt im Altertum. München. 1984. S. 107 ff., 110 ff.

¹⁵² *Копейкина Л. В.* Новые данные. . . С. 188—194; *Она же.* Особенности развития поселения на о. Березань. . . С. 197 и след. Участок был отведен как под общественные (прежде всего культовые), так и под жилые и хозяйственные сооружения. Находки в помещениях *in situ* сосудов последней четверти VI в. (см.: Особенности развития. . . С. 199) заставляют отказаться от пессимистического вывода о том, что наземное жилое домостроительство появляется на Березани не ранее начала V в. См.: *Крыжицкий С. Д.* Жилые дома. . . С. 30.

что в реорганизации района непосредственно участвовало государство в лице его соответствующих магистратов ¹⁵³.

Итак, только одни перечисленные источники и соображения, сведенные воедино, позволяют говорить о начале процесса образования Ольвийского полиса примерно с середины VI в., а о завершении его во второй половине этого столетия ¹⁵⁴. Этим опровергаются попытки передвинуть датировку этого процесса на четверть, а то и на полстолетия позднее ¹⁵⁵. Окончательно ставит точки над *i* в этом вопросе замечательный документ — вырезанное на черепке многострочное граффито, которое я условно называю «письмом жреца» ¹⁵⁶.

По росписи керамического фрагмента в стиле фikelлюра и по палеографии надпись датируется около середины VI в., не позже третьей четверти столетия. Исходя из сохранившейся в стк. 2 формы второго лица *ἐλτιέλλεις* («ты приказываешь») — перед нами частное письмо, которое было отправлено, как о том свидетельствует ярко выраженный сакральный контекст, одним священнослужителем другому, причем более старшему по рангу, возможно даже главному жрецу какого-то ольвийского культа. В нем адресат дает своеобразный отчет об исполненном приказании послать на корабле некое третье лицо со своего рода инспекционной поездкой по землям, окружавшим Ольвию. Целью этого путешествия была одновременно и доставка продовольствия для пропитания и жертвоприношений (мед, баран, священное мясо) находящимся в пункте или местности под названием *Χαλίχη* жрецу, названному «мужем святилища» (*ἱρὸ φῶς*), и женщинам, с тем чтобы первый прекратил свой пост, а вторые смогли достойно (*δῖχαιως*), видимо, выполнить жертвенные обряды (?).

Значение нового документа состоит прежде всего в том, что, судя по месту находки, именно в южной, наиболее древней части Ольвийского городища находилась резиденция главного жреца, а это плохо вяжется с изложенным выше и подвергнутому критике представлением о ранней Ольвии как о рядовом сельском поселе-

¹⁵³ Иного мнения Л. В. Копейкина (см.: Особенности развития поселения на о. Березань... С. 208), С. Д. Крыжицкий и А. С. Русяева (см.: Указ. соч. С. 19) на основании факта регламентации строительной деятельности в Ольвии приходят к выводу о существовании во второй половине VI в. ольвийской магистратуры астиномов, однако должность эта не засвидетельствована далее ни для догетского, ни для римского периодов истории полиса.

¹⁵⁴ К аналогичным выводам, но базируясь на общих соображениях или исключительно на археологическом материале, пришли: *Зуц В. Л.* Державный лад Ольвии в VI—V ст. до н. э. // УИЖ. 1970. 9. С. 67; *Wąsowicz*. P. 63.

¹⁵⁵ См., например: *Яйленко В. П.* Архаическая Греция. С. 147—149.

¹⁵⁶ Граффито найдено в 1968 г. при раскопках участка Л так называемой Цитадели в южной части Ольвийского городища и пролежало в забвении в фондах ИА АН УССР десять лет, пока не было вновь обнаружено А. С. Русяевой, которой вместе со мною подготавливается публикация этого интересного, но одновременно и сложного для восстановления памятника. Предварительную информацию о нем см.: *Vinogradov*. Olbia. S. 14—18. *Русяева А. С.* Эпиграфические памятники // Культура населения Ольвии и ее округа в архаическое время. Киев, 1987. С. 146 и след.

нии. Во-вторых, поражает для столь раннего времени подчиненность и субординация различных членов ольвийского общества, пускай и в сакральной сфере: старший жрец, подчиненный ему младший — автор письма, подчиненный последнему инспектирующий посланник, «муж святилища», пребывающий на месте в Халкене. Кроме того, стк. 9 совершенно неожиданно упоминает рабов (οἱ δοῦλοι), которые после кораблекрушения (?) попытались бежать.

И наконец, непреходящее значение надписи в аспекте рассматриваемой темы в том, что она отчетливо свидетельствует о территориальных владениях ольвиополитов, которые не ограничивались одной Халкеной, — ведь после ее посещения инспектирующий получил приказание отплыть оттуда в Гилею (стк. 6 [ἐκ] λῆι ἐνθεῦθεν (sic!) ἐς τὴν Ὑλαί[ην]). В этой лесистой местности, находившейся на современном Кинбурнском полуострове и хорошо известной по Геродоту и другим источникам, были воздвигнуты алтари, посвященные Матери богов, Борисфену (или его дочери) и Гераклу, в данный момент поврежденные, очевидно, варварами¹⁵⁷. Из дальнейшего изложения следует, что ольвиополиты если и не заселили Гилею, то соорудили там свои святилища и интенсивно осваивали ее природные ресурсы (лес, диких животных). Все сказанное — блестящее подтверждение тому, что к середине VI в. Ольвийский полис с центром в самой Ольвии сложился уже как территориальное единство. Это дает нам повод вернуться к нашей проблеме о путях формирования этого полиса, изображаемых разными исследователями по-разному.

Выше уже говорилось о несостоятельности попытки представить процесс сложения города Ольвии и всего Ольвийского полиса в виде синойкизма рядовых аграрных поселений. Иная концепция была предложена Б. Браво¹⁵⁸, который полагает, что с момента основания Березань была независимым полисом, который во второй половине VI в. вместе со своей территорией вошел в Ольвийский полис либо путем переноса политического центра с полуострова в Ольвию, либо в результате поглощения первого последней — абсорбции, оформленной в виде синойкизма (с предшествующей симполитией?). Кроме того, автор считает, что неофициальным и более поздним названием Березанского поселения было Βορυσθενίον (по рукописи L версии Иеронима) или Βορυσθενίς, т. е. «Малый Борисфен», а официальным — Θυωρά, упоминаемое как в письме Ахиллодора, так и на одной серии бронзовых «дельфинчиков».

Не останавливаясь подробно на бездоказательной второй гипотезе (см. гл. I), коснусь лишь концепции в целом. Следует прежде

¹⁵⁷ О связи этой надписи с проблемой достоверности информации Геродота отсылаю читателя к упомянутой работе: *Vinogradov. Olbia. S. 14—18.*

¹⁵⁸ Резюме его неопубликованной работы на эту тему см. в статье В. Браво «Une lettre sur plomb de Berezan» (*DNA. 1974. I. P. 111 et suiv., 170 et suiv., 174 et suiv.*) и в книге Вонсович (*Wasowicz. P. 34, 60, 62*), которая склонна присоединиться к его гипотезе.

всего отметить, что первый вариант реконструкции ¹⁵⁹ полностью исключает второй, к которому, судя по всему, склоняется Б. Браво. Однако принятию предложения о насильственном синойкизме и абсорбции Ольвией Березани мешает не только отсутствие каких-либо указаний источников, но и ряд иных наблюдений. Приведенные в начале данного очерка примеры устоявшейся колонизационной модели — первоначального закрепления поселенцев на острове или полуострове с последующим проникновением в глубь материка — показывают, что эта практика стала обычной, хорошо продуманной уже в метрополии поэтапной системой освоения нового пространства, создания нового полиса. Более того, все высказанные выше соображения о постоянной заинтересованности Милета в создании целой цепи апойкий и последующих тесных контактов между ними делают для меня более привлекательным тот вариант реконструкции политического объединения Березани и Ольвии, согласно которому оно происходило мирным путем — без всякого принудительного синойкизма и абсорбции, при обоюдовыгодной заинтересованности.

Мне остается лишь еще раз повторить, что «освоение греками низовий Днепра и Буга было перманентным процессом, и в новую волну милетских переселенцев, основавших Ольвию, влились и березанские жители», которые «должны были рассматривать основание Ольвии как свое кровное дело. . . При этом не было не только никакого антагонизма или подчинения одного центра другому, но не существовало даже их противопоставления, поскольку не было двух гражданств — березанского и ольвийского, но только одно — борисфенитское или ольвиополитское» ¹⁶⁰.

На основании всего сказанного выше можно изобразить теперь схему процесса возникновения и становления Ольвийского полиса, как она вырисовывается при нынешнем состоянии источников.

Около середины VII в., на начальном этапе освоения милетянами Нижнего Побужья, основывается поселение на современном острове Березань с целью обеспечения метрополии необходимыми продуктами и сырьем. Однако Березанское поселение не стало с самого начала «эмпорием» по дефинициям новых историков, напротив, мне представляется, что оно было апойкией, выводившейся по строго продуманному плану, сформировавшимся еще в метрополии политическим организмом, который и заложил ядро будущего Ольвийского полиса.

Второй этап составило основание где-то около 600 г. новой волной милетских переселенцев с участием березанцев Ольвийского поселения, первые полвека существования которого остаются пока для нас скрытыми под мощными римскими напластованиями, перекрывшими южную, наиболее древнюю часть городища. В частности, мы можем лишь гадать о политическом ста-

---

¹⁵⁹ Т. е. именно тот, который был предложен мною в 1970 г. См.: *Виноградов Ю. Г. О политическом единстве. . .* С. 80—82.

¹⁶⁰ *Виноградов Ю. Г. О политическом единстве. . .* С. 81.

тусе и взаимоотношениях Березани и Ольвии в первой половине VI в.: были ли та и другая автономными, имели ли сепаратные общины или одну общую, объединялись ли узлами какого-то союза типа симполитии или составляли один полис и т. д. Однако, как уже было сказано, следует решительно возразить против обозначившейся тенденции поставять Ольвию этой эпохи в один ряд с прочими рядовыми поселениями Побужья и Поднепровья.

Историческое содержание третьего этапа, начавшегося около середины VI в., составило окончательное оформление и утверждение единого Ольвийского полиса. С этого момента Ольвия превращается в политический и административный центр нового государства, а Березань — в его внутренний торгово-промышленный эмпорий. С этого же момента начинается широкое освоение ольвиополитами окружающих земель, где создается длинная цепь земледельческих поселков и хуторов, но наряду с этим и такие районы с ярко выраженным индустриальным обликом, как Ягорлыцкий.

Не исключено и освоение через систему опорных пунктов более отдаленной и оторванной от основной хоры полиса территории, к которой условно можно приложить понятие «перей», подобно той, какой, например, была Киммериды, основанная на азиатской стороне боспорскими тиранами (см.: *Pseudo-Scymn.* 896 sq.). На южном берегу Понта такими второстепенными опоянками были Керасунт, Котиора и Трапезунт, подвластные Синопе и платившие ей дань (*Xen. Anab.* V. 5. 10)¹⁶¹. В Северо-Западном Причерноморье таковой была, видимо, Гавань истриан (*Ἰστριανῶν λιμὴν* — *Pseudo-Arr.* 87), основанная, судя по ее названию, жителями Истрии¹⁶². Для Ольвии пока наличие удаленной от полиса «перей» не только в архаический, но и в эллинистический период проблематично¹⁶³.

В тот же, третий период окончательно оформляется гражданская община нового полиса и его основные культовые и государственные институты. Поэтому вопрос, который нам предстоит рассмотреть последним, — это проблема политического и социального устройства раннего Ольвийского полиса, проблема наиболее сложная, менее всего разработанная, однако одна из самых важных.

¹⁶¹ См.: Максимова М. И. Античные города. . . С. 70—76.

¹⁶² П. О. Карышковский и И. Б. Клейман (см.: Древний город Тира. Киев, 1985. С. 40) считают это поселение принадлежащим гето-фракийскому племени истриан.

¹⁶³ Разные точки зрения см.: Зуц В. Л. Територія Ольвійської держави догетського часу // Археологія. 1969. 22. С. 80—89; *Wąsowicz.* P. 58 et suiv.; Брашинский И. Б. // СА. 1977. № 3. С. 303 (автор впервые предложил понятие «ольвийская перей»); Рубан В. В. Динамика территориальных границ Ольвийского полиса на протяжении догетского времени // Авторско-читательская конференция ВДИ: Тез. докл. М., 1978. С. 44 и след.; Диамант Э. И. Монетные находки Кошарского поселения: К вопросу о западной границе Ольвийского полиса // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1978. С. 241—249; Он же. О датировке Лузановского поселения // Новые археологические исследования на Одесчине. Киев, 1984. С. 87.

Политическая и социальная структура Ольвийского полиса

Специальных исследований на эту тему почти не существует. В науке господствует устоявшаяся точка зрения В. В. Латышева, согласно которой «Ольвия во все времена своего существования представляется нам с резко очерченными признаками благоустроенной демократической республики»¹⁶⁴. Между тем эта проблема тесно связана с вопросом о времени установления исполитии между Милетом и Ольвией, вторичное подтверждение которой в известном договоре из милетского Дельфиниона относится, скорее всего, к первым годам после Зопирионовой осады, т. е. к 329/8 г. или несколько позже¹⁶⁵.

В первой строке документа прокламируется: *τάδε πάτρια Ὀλυβολίταις καὶ Μιλησίοις*. Дата возникновения этих «отчих установлений» вызвала разногласия среди исследователей. А. Дж. Грейем¹⁶⁶, исходя из того, что наиболее благоприятные в истории Милета моменты для заключения первоначального соглашения те, когда он был свободен от власти персов, предпочитает датировать первый договор V веком или даже раньше.

Я. Зайберт¹⁶⁷ предложил выделить в тексте два пласта. Более ранний (собственно *τα πάτρια*) — о жертвоприношениях и ателиях (стк. 1—6, 20—24), которые, как оговаривает документ, существовали и прежде (стк. 6/7: *καθ'άσσα καὶ πρότερον ἦσαν*), — исследователь считает возможным отнести к последней четверти V в. Все остальные клаузулы составляют более поздний страт, синхронный фиксации документа или чуть более ранний (середина IV в.)¹⁶⁸. Наконец, В. Гавантка, руководствующийся концепцией о том, что исполития как институт — в целом продукт IV в., относит весь договор именно к этой эпохе¹⁶⁹.

Я вовсе не склонен отнести заключение договора о полной исполитии между Милетом и Ольвией (т. е. в объеме фиксации IV в.) к архаическому времени¹⁷⁰, однако не вижу при этом серьезных препятствий для столь ранней датировки отдельных его установлений, прежде всего (вслед за Зайбертом) — религиозных и экономических. Если следовать логическим рассуждениям Грейе-

¹⁶⁴ Латышев. Исследования. С. 305, ср. С. 213 и след. В своей статье В. Л. Зуц (Державный лад Ольвии. С. 67 и след.), не касаясь архаической эпохи, предполагает, как и я (см. гл. III), что в V в. в Ольвии существовала тирания, заменяя, однако, конкретную аргументацию общими соображениями. Тиранию или олигархию допускает для архаической Ольвии (также без обоснования) и Русяева. См.: Указ. соч. С. 15.

¹⁶⁵ *Milet. I. 3. N 136* = *Syll.*³, 286 = *StV. III. 408* = *Tod. II. 195*. Об уточнении даты речь пойдет в гл. IV.

¹⁶⁶ *Graham A. J. Colony and Mother City. P. 105 ff., 117.*

¹⁶⁷ *Seibert J. Metropolis und Apoikie: Diss. Würzburg, 1963. S. 179—191.*

¹⁶⁸ Эти выводы приняты в сб.: *StV. III. S. 20.*

¹⁶⁹ *Gawantka W. Isopolitie. München, 1975. S. 99. Anm. 19.*

¹⁷⁰ Жебелев полагал, что исполития «существовала... со времени основания колонии» (СП. С. 39).

ма, то ничто не мешает отнести соглашение ко времени до 494 г. (до разгрома Милета), что допускает и сам исследователь.

При этом методически неверно было бы ссылаться на отсутствие соответствующих эпиграфических документов ранее IV в.¹⁷¹, так как на том же основании мы, например, должны были бы до находки одного посвящения с Хиоса¹⁷² отрицать существование института манумиссий в VI в.¹⁷³ Действительно, самый ранний пример исополитии (хотя и данной за эвергесию) зафиксирован Геродотом (I. 54; ср.: Syll.³, 7) для середины VI в.¹⁷⁴ Кроме того, в пользу ранних исополитических или по крайней мере ателических договорных начал между Милетом и Ольвией можно привести полное отсутствие ольвийских проксенических декретов в честь милетян, удивительное при столь тесных связях двух полисов¹⁷⁵.

Р. Вернер высказал очень интересную мысль о том, что, «по представлениям греков, колонисты, покинув метрополию, переставали быть ее гражданами; но только после создания апойкии, т. е. распределения земельных наделов, размежевки храмовой земли и создания политических и религиозных институтов, считались гражданами новой общины»¹⁷⁶. Основанием для такого вывода послужила одна из клаузул известной киренской надписи, так называемой «Клятвы основателей»¹⁷⁷, которая гласит (перевод автора): «Если колонисты удержат место обитания, то пусть (каждый) из соотечественников (τῶν οἰκείων), приплывающих впоследствии в Ливию, получает гражданство, выбирается магистратом и имеет по жребию (участок) из незанятой земли. Если же они не удержат место обитания и феряне не смогут им помочь, но они (колонисты) будут обременены необходимостью (ἀνάγκαι ἀχθῶντι)¹⁷⁸, то через пять лет пусть без опаски возвращаются из этой земли на Феру к своим состояниям и будут (там снова) гражданами».

¹⁷¹ Яйленко В. П. // Проблемы... колонизации. С. 353.

¹⁷² Forrest W. G. The Inscriptions of South-East Chios // BSA. 1963. 58. P. 54 ff.; not. 3.

¹⁷³ Неудовлетворительное состояние нашей традиции в раннее время для исополитических и иных подобных договоров подчеркивает Зайберт. (См.: op. cit. S. 235).

¹⁷⁴ Gawantka W. Op. cit. S. 169 ff. Очень тесные связи между Теосом и его колонией Абдерами, сильно напоминающие исополитические, устанавливает теперь для V в. новый фрагмент так называемого Teiogum digae. См.: Herrmann P. Teos und Abdera im 5. Jh. v. Chr. // Chiron. 1981. 11. S. 1—30.

¹⁷⁵ Vinogradov. Griechische Epigraphik. S. 296. Anm. 15. Дополнительную аргументацию см. ниже. Эрхардт также предполагает, что отдельные установления договора Милета и Ольвии восходят к архаической эпохе. См.: Ehrhardt. S. 235 ff.

¹⁷⁶ Werner R. // Chiron. 1971.1. S. 66.

¹⁷⁷ Мl. 5. 30—37. Русский перевод всего документа см.: Яйленко В. П. Греко-чиренская колонизация. С. 64 и след.

¹⁷⁸ Переводом Яйленко (с. 65: «... то пусть в силу необходимости они переносят тяготы в течение пяти лет») киренцы обрекаются на пятилетние мучения. На самом деле в тексте стоит не imper., а conj. 'αχθῶντι, коррелирующий через 'αλλά с хатῆχωντι и δύνονται. В отличие от всех издателей я предпочитаю интерпунгировать перед ἐτη ἐπὶ πέντε.

Однако вопрос об аутентичности «Клятвы основателей» не так прост. Долгое время эта надпись, дошедшая до нас в фиксации первой половины IV в. до н. э., но повествующая об обстоятельствах отправления апойкии с Феры в Кирену (около 639—630 гг. до н. э.), считалась апокрифом. После работ Грейема и Л. Джеффри возобладало мнение о том, что документ передает архетип, прошедший долгую «редакционную правку», при этом предлагалось выделять в нем различные хронологические пласты. Наконец, совсем недавно в солидной работе С. Душанича¹⁷⁹ опять был остро поставлен вопрос о его целиком фиктивном характере. Естественно, я не берусь решать на этих страницах данной сложной проблемы, задача моя проще: проверить, насколько приведенная выше клаузула соответствует представлениям греков архаической поры о колонизационной практике.

Яйленко считает ее неаутентичной, сфабрикованной «ферянами VI—V вв. в связи с увеличением их интересов к своей богатой падчерице — Кирене»¹⁸⁰. Полагая, что этим пунктом составитель документа пытался реабилитировать соотечественников за «нелицеприятный [по-видимому, имеется в виду неприятный. — Ю. В.] эпизод о том, как их предки прогнали попытавшихся было вернуться домой, на Феру, утомленных странствиями колонистов, не сумевших основать город»¹⁸¹, автор приводит единственный аргумент: «Массовое предоставление полных гражданских прав жителям метрополии не свойственно эллинской колонизационной практике, согласно которой лица, зблившие после основания города, получали неполные гражданские права и меньшие земельные наделы», что подкрепляется ссылками на источники¹⁸².

Однако в нашем случае о массовом предоставлении речи нет — «Клятва» гарантирует гражданство только тем из ферян, которые пожелают прибыть в Ливию и осесть на новом месте ($\tau\acute{\omega}\nu\ \omicron\iota\kappa\epsilon\iota\omega\nu\ \tau\omicron\upsilon\ \kappa\alpha\tau\alpha\lambda\lambda\acute{\epsilon}\omicron\nu\ [\tau\alpha]\ \delta\upsilon\tau\epsilon\rho\omicron\nu\ \epsilon\iota\varsigma\ \Lambda\iota\beta\acute{\upsilon}\lambda\alpha\nu$). Во-вторых, в тех источниках, на которые ссылается Яйленко, нет ни слова вообще о взаимоотношениях метрополии и колонии. Аристотель в одном случае (Pol. IV. 3. 8; 1290 b 11 sqq.) говорит о ферских олигархах, отличавшихся благородством происхождения и тем, что они первыми захватили апойкию, в другом (Pol. V. 2. 10—11; 1303 a 25—1303 b 7) — перечислены примеры стасиса между основателями колонии и эпойками, в иссейском декрете (Syll.³, 141.9—10) о предоставлении гражданских прав речи вообще не идет. Как подчеркивалось многими древними и новыми авторами, отношения апойкии к метрополии, как дочери к матери, строились на основах пietetа, прежде всего религиозного¹⁸³, а посему и в рассматривае-

¹⁷⁹ Dušanić S. The $\delta\upsilon\tau\epsilon\rho\omicron\nu\ \omicron\iota\kappa\epsilon\iota\sigma\tau\acute{\eta}\rho\omega\nu$ and Fourth-century Cyrene // Chiron. 1978. 8. P. 55—76. В ней приведен исчерпывающий список работ предшественников.

¹⁸⁰ Яйленко В. П. Греческая колонизация. С. 73.

¹⁸¹ Ср.: Dušanić S. Op. cit. P. 61.

¹⁸² Яйленко В. П. Греческая колонизация. С. 73 и след. и примеч. 42.

¹⁸³ См., например: Werner R. Op. cit. S. 20, 36 ff.

мом аспекте вторая должна была занимать особое положение, не уподобляясь всей разношерстной массе притекающих со всех концов в колонию добавочных поселенцев.

Душанич добавил к аргументации Яйленко тезис несовместимости термина *πολιτεία* с архаическим обществом и ссылку на то, что для экспедиции, связанной, с *veg sacumt*, едва ли предусматривалась возможность возвращения¹⁸⁴. Однако первый аргумент легко отводится указанием на «редакционную правку» формы рескрипта с сохранением при этом его содержания, второй же — не выходит за рамки современной логики.

Однако ситуация киренского документа так и осталась бы на грани реального и нереального, если бы не находила себе великодушную поддержку в другой надписи — законе восточных локров о выведении их колонии в Навпакт, относящемся к началу V в.; в его аутентичности никто не сомневается¹⁸⁵. Один из параграфов закона гласит (стк. 4—11): «Эпойки локров гипокнемидских не несут у локров гипокнемидских никакой повинности¹⁸⁶, прежде чем кто-нибудь снова не станет гипокнемидским локром. Если он намеревается возвратиться (в Восточную Локриду), то, оставив дома взрослого сына или брата, дозволено (ему это) без вступительных плат (*ἄνευ ἐνετερίων*). Если локры гипокнемидские вынуждены будут покинуть¹⁸⁷ Навпакт, дозволено возвратиться каждому туда, где он был (прежде), без вступительных плат. Повинностей не нести никаких, кроме как вместе с западными локрами».

Не вдаваясь в подробности интерпретации этого сложного документа, отмечу главное: в нем, как и в киренской надписи, предусматривается ситуация, если колонисты под давлением внешних обстоятельств вынуждены будут покинуть Навпакт и вернуться на родину; в этом случае им гарантируется возвращение к своим очагам (*ὅλο Γέχαστος ἔν*) без уплаты сборов за вступление в члены общины — иными словами, обретение прежних гражданских прав. Таким образом, ситуация киренского и локридского документов не только становится реальной, но и достаточно распространенной в эллинской колонизационной практике архаической поры¹⁸⁸. А это, в свою очередь, делает интересную мысль Вернера еще убедительнее. Более того, это усиливает реальность вышеприведенного предписания киренской надписи о предоставлении апойкией гражданских прав и земли отдельным, присоеди-

¹⁸⁴ Dušanić S. Op. cit. P. 60 ff.

¹⁸⁵ ML. 20.4—11. Ср. комментарий на с. 8, где проведено сопоставление обеих клаузул.

¹⁸⁶ Так я перевожу *télos mē fáren*, понимая термин шире, чем Р. Мейгз и Д. Льюис (*pay tax*), а именно как разного рода литургии.

¹⁸⁷ *ἠνῆ ἀνάγκας ἀπελάουσαι*, ср. с киренской «Клятвой основателей» — *ἀνάγκαι ἀχθῶντι*.

¹⁸⁸ Душанич (см.: Op. cit. P. 61) не видит в разобранном параграфе satisfactory parallel к соответствующей клаузуле из киренской «Клятвы», однако может подкрепить свое утверждение лишь ссылкой на то, что первый издан позднее, при более благоприятных обстоятельствах и не содержит указания на срок возврата.

нившимся впоследствии жителям метрополии, а вместе с тем увеличивает шансы на то, что договоренность о милето-ольвийской «исополитии» (в особой, конечно, редакции) была достигнута еще в архаический период.

Итак, на основании высказанных соображений я прихожу к выводу, что договорные начала, регламентировавшие отдельные вопросы религиозных, политических и экономических взаимоотношений Милета и его апоекий, могли установиться как раз после окончательного оформления ольвийской гражданской общины и ее представительных институтов, а именно во второй половине VI в. Тесные связи и обоюдная заинтересованность обоих полисов друг в друге, прослеживаемая во всех сферах жизни¹⁸⁹, лучшее тому свидетельство.

Привлекательная идея Вернера наталкивает нас на еще одно важное наблюдение. Ведь для того, чтобы сложился новый гражданский коллектив, он должен был пройти в своем развитии какой-то определенный этап, точка отсчета которого лежит у даты основания апойкии. И если признать обоснованным высказанное выше мнение о том, что первоначальный контингент переселенцев не мог не быть как-то организован, то встает вопрос о характере его организации и цементирующих началах. Представляется, что таким началом должна была явиться личность ойкиста, роль которого в процессе основания колонии известна слабо, но все же лучше некоторых других моментов колонизационного движения¹⁹⁰.

Не повторяя здесь неоднократно приводившихся сведений о консультации у Дельфийского оракула при выборе ойкиста, о его героизации после смерти и т. д., отметим главное — независимость ойкиста от метрополии, диктаторскую, почти монархическую сущность его прерогатив и полномочий¹⁹¹. Ситуация оправдывала себя: попадая в неизведанные места, зачастую во враждебное варварское окружение, колонисты должны были быть спаяны единым связующим началом, которое, в свою очередь, обязано было требовать от них неукоснительного соблюдения строгой дисциплины. Поэтому этот первый этап жизни молодого, зарождавшегося полисного организма можно назвать «периодом диктатуры ойкиста». Этот период мог длиться достаточно долго; так, по Геродоту (IV. 159), Батт-Аристотель правил Киреной около 40 лет. Применительно к ольвийской истории в этот отрезок времени могут уложиться те самые полстолетия существования города от момента выведения апойкии до момента начала трансформации ее в полис.

Но диктаторская деятельность ойкиста имела и другую сторону — облеченный неограниченными полномочиями, он в значи-

¹⁸⁹ Виноградов Ю. Г. Милет и Ольвия. С. 48—52.

¹⁹⁰ Этому посвящена специальная глава в монографии Грейема (см.: *Graham A. J. Op. cit.: The Role of the Oikist. P. 29—39*), где, однако, речь идет о поздней колонизации V в. Ср.: *Idem. The Colonial Expansion of Greece. P. 144.*

¹⁹¹ Ср.: *Idem. Colony and Mother City. P. 30, 39; Mossé C. Op. cit. P. 37. Leschhorn W. Gründer der Stadt. Stuttgart, 1984. S. 91—95.*

тельной степени должен был влиять и влиял на политическое устройство будущего полиса. В некоторых случаях доходило до полной узурпации власти и превращения ее в тираническую, а потом и монархическую. Так, тот же Батт основал в Кирене династию Баттиадов. Есть основания полагать, что даже там, где до тирании и монархии дело не доходило, в первые века существования нет никаких признаков демократического режима. Главная причина тому — появление на сцене крупной политической силы — новой аристократии. Попытаемся уловить едва заметные следы этого процесса в Ольвийском полисе, начав с выяснения материального базиса этого феномена.

Описанный выше широкомасштабный и притом спонтанный процесс освоения ольвийской хоры начиная с середины VI в. несомненно требовал значительных людских ресурсов. Понятно, что эти ресурсы не могли образоваться за полстолетия только в результате воспроизводства первоначального контингента переселенцев — необходим был приток извне. Одним из источников их поступления могло стать варварское окружение. Прежде всего этот канал должны были питать выходцы из «скифской» Лесостепи и фракийцы, хорошо знакомые с земледелием и раньше проникшие в сферу экономики греков, а за ними и степняки¹⁹², процесс седентаризации отдельных представителей которых происходил, очевидно, медленнее. Однако, судя по археологическим и просопографическим данным, варварский элемент в архаическую эпоху составлял в населении Ольвии незначительный процент¹⁹³, поэтому он не в состоянии был покрыть создавшийся дефицит в рабочей силе.

Таким образом, мы приходим к неизбежному выводу о новой волне добавочных колонистов из Греции — эпойков, которая и должна была создать необходимый резерв для освоения обширного фонда земель¹⁹⁴. Только приняв это предположение, можно понять импульсивность, а не перманентность процесса освоения пространства. В пользу этого говорит также синхронное и спонтанное расширение территории Ольвийского городища не менее чем в три раза и характер его застройки землянками и полуземлянками¹⁹⁵, которые вполне могли на первых порах служить

¹⁹² Доманский Я. В., Копейкина Л. В., Марченко К. К. Из истории Нижнего Побужья в VII—V вв. до н. э. // Проблемы археологии. II. Л., 1978. С. 76.

¹⁹³ Там же. С. 75; Марченко К. К. Лепная керамика Березани и Ольвии второй половины VII—VI вв. до н. э. // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 157. По подсчетам автора, лепная керамика в архаический период составляет на Березани 8—14 %, в Ольвии 1—4 %. На VI век приходится всего два полу- и негреческих имени при общем количестве около двух десятков в догетский период целиком, а именно: в первой половине VI в. смешанный композит Ἰθαυθενίς, для второй половины VI в. — Ματασός, по-видимому скифское. См.: Виноградов Ю. Г. Варвары в просопографии Ольвии VI—V вв. // Демографическая ситуация. С. 140—142.

¹⁹⁴ Именно на этом основании к подобному выводу приходят Wąsowicz (Р. 64), А. С. Русяева (Указ. соч. С. 6), К. К. Марченко (Модель. . . С. 137 и след.); Ср.: Яйленко В. П. Архаическая Греция. С. 140, 147.

¹⁹⁵ Крижицкий С. Д., Русяева А. С. Указ. соч. С. 22—24, мал. 17.

скромными жилищами новым колонистам, а также масштабные перестройки на Березанском поселении, которое к этому времени достигло своих максимальных размеров ¹⁹⁶.

В связи с этим возникает вопрос: какие юридические взаимоотношения установились между первопоселенцами и эпойками? Имеющиеся у нас источники по соответствующей колонизационной практике свидетельствуют, что добавочные колонисты получали участки из незанятой земли ($\alpha\delta\epsilon\sigma\lambda\omicron\tau\omicron\varsigma$ $\gamma\eta$) или неделимого фонда ($\alpha\delta\iota\alpha\iota\rho\eta\tau\omicron\varsigma$ $\gamma\eta$), часто меньшие клеры на худшей территориально ($\epsilon\sigma\chi\alpha\tau\iota\acute{\alpha}$) или качественно земле ¹⁹⁷, т. е. налицо экономическое неравноправие ¹⁹⁸.

Как справедливо отметил Д. Ашери по поводу неотчуждаемости «первого клера» исконных колонистов, такое экономическое неравноправие вело к юридическому плюрализму, приводившему в социальной сфере к образованию привилегированного слоя полисной аристократии ¹⁹⁹. В сфере политико-правовой это выражалось зачастую в ущемлении гражданских прав эпойков по сравнению с семьями первых колонистов, что вело, в свою очередь, нередко к социальным конфликтам. Аристотель (Pol. V. 2. 10—11) приводит многочисленные примеры возникновения стасиса из-за принятия полисом синойков или эпойков, среди которых нам особенно интересен один. Речь идет о родственной Ольвии и близко расположенной милетской апойкии Аполлонии Понтийской, в которой после принятия эпойков возникла смута (*Arist. Pol. V. 2. 11; 1303 a 35 sqq.*) ²⁰⁰.

К сожалению, подобного рода свидетельств для Ольвийского полиса письменная традиция не сохранила, однако обнаруженные недавно эпиграфические памятники рисуют нам яркую картину далеко зашедшего процесса имущественной и социальной дифференциации. По данным свинцовых писем Ахиллодора, Апатурия и Артикона, на одном конце общественной лестницы стояли такие богатые и знатные граждане, как Анаксагор — ростовщик, владелец домов, рабынь и рабов, вольный вершить дела зависимых от него клиентов; Леанакт, занимающийся, как и Анаксагор, ростовщическими операциями через своих управителей; Тимолей, владевший рабами. Они и были теми $\epsilon\beta\lambda\omicron\rho\omicron\iota$ $\kappa\alpha\iota$ $\gamma\upsilon\omega\rho\iota\omicron\iota$, о кото-

¹⁹⁶ Копейкина Л. В. Новые данные. . . С. 193.

¹⁹⁷ Эти вопросы подробно исследуются в монографии: Asheri D. Distribuzioni di terre nell'antica Grecia. Torino, 1966.

¹⁹⁸ Которое было, однако, «пропорциональным, но не арифметическим». См.: Lepore E. Problemi dell'organizzazione della chora coloniale // Problèmes de la terre en Grèce ancienne. P.; La Haye, 1973. P. 26.

¹⁹⁹ Asheri D. Supplementi coloniali e condizione giuridica della terra nel mondo greco // RSA. 1971 I. P. 90 e seg.

²⁰⁰ Блаватская (см.: ЗПГ. С. 52) склонна переводить это место так: «Граждане Аполлонии Понтийской, возбужденные против переселенцев, восстали». Однако такое понимание требовало бы $\gamma\epsilon\mu$ или $\delta\alpha\tau$. $auctoris$, поэтому, а также учитывая вышестоящие аналогичные $\epsilon\delta\epsilon\chi\alpha\upsilon\tau\omicron$, $\epsilon\iota\sigma\delta\epsilon\chi\acute{\alpha}\mu\epsilon\upsilon\iota$, $\upsilon\pi\omicron\delta\epsilon\chi\acute{\alpha}\mu\epsilon\upsilon\iota$ (*Arist. Pol. 1303a 28, 35, 36*) и особенно $\tau\omicron\upsilon\varsigma$ $\epsilon\lambda\omicron\iota\kappa\omicron\upsilon\varsigma$ . . . $\Upsilon\gamma\alpha\rho\epsilon$, $\kappa\alpha\iota$ $\epsilon\lambda\theta\acute{\omicron}\nu\tau\omicron\upsilon\omega\upsilon$ (*Ibid. 1306a 2 sq.*), и в нашем пассаже $\epsilon\lambda\alpha\upsilon\alpha\upsilon\omicron\upsilon\mu\epsilon\upsilon\iota$ следует переводить «принявшие к себе эпойков». Ср.: Gehrke H. J. Stasis. München, 1985. S. 24.

рых говорит Аристотель в главе 5 книги 5 «Политики». На другом конце лестницы — такие бедняки, как Артикон, семья которого вынуждена снимать себе угол у чужих, или неполноправный фортегесий, которого можно беспрепятственно увести и включить в число рабов Анаксагора. Посредине мы видим целый спектр социальных и имущественных статусов, среди которых нам попадаются обеспеченные, но, видимо, неполноправные варвары: Матасий — владелец домов и нескольких рабов, другой домовладелец — Атак, извлекающий доход из своей недвижимости и прочего имущества²⁰¹.

Далее, при всех методических ограничениях использования ономастики как источника по социальной истории, мы все-таки можем более или менее уверенно кроме упомянутых выше Анаксагора, Леанакта и Тимолея отнести к прослойке ольвийской аристократии таких лиц, как Археанакт, посвятивший около середины VI в. дорогостоящую статую курса²⁰²; Афиномандр, посвящающий чернофигурный килик Афродите Сирийской на Березани²⁰³, или Гекатокл, сын которого Тихон делает в конце VI в. вотивные приношения в ольвийский теменос²⁰⁴. Все перечисленные имена²⁰⁵ встречаются в метрополии среди высшего слоя аристократии города — эпонимных эсимнетов мольпов²⁰⁶.

Приведенных аргументов, я думаю, достаточно для того, чтобы предположение об аристократическом характере правления Ольвийского полиса во второй половине VI в. получило право на существование²⁰⁷, хотя, конечно, конкретные его формы станут ясны лишь после обнаружения соответствующих письменных источников. Если мы теперь оглянемся на то, что происходило в других милетских колониях Понта, то увидим, что и там в раннюю эпоху государственный строй был далек от демократического. В уже упомянутой Аполлонии исконные граждане составили, видимо, олигархическое меньшинство среди всей массы жителей

²⁰¹ *Виноградов Ю. Г.* Древнейшее греческое письмо. . . С. 78 и след., 86—99; *Idem.* Griechische Epigraphik. S. 305.

²⁰² *Виноградов Ю. Г.* О методике. . . С. 66—69.

²⁰³ См.: *Виноградов Ю. Г.* Полис в Северном Причерноморье. С. 393 и примеч. 122.

²⁰⁴ *Леву Е. И.* Материалы ольвийского теменоса // *Ольвия. Теменос и агора.* М.; Л., 1964. С. 145; *Lifshitz B.* Le culte d' Apollon Delphinios à Olbia // *Hermes.* 1966. 94. P. 237.

²⁰⁵ Кроме 'Αθηνομα [v] δρος, которое по второй основе также родственно типично милетским теофорным именам аристократов.

²⁰⁶ *Milet. I. 3. Index 1 A.* Говоря об ольвийской аристократии, я имею в виду главным образом «новую» аристократию — семью, ставшие знатными в силу того, что они вели свое происхождение от основателей города, и богатыми в результате захвата ими ключевых позиций в его экономике. Образ жизни этих εβλοροι και υψορισσι, даже если они и составляли в метрополии низкое сословие, мог, как мне кажется, наложить отпечаток и на их антропонию. При этом я не исключаю, конечно, возможности того, что в колонизационном процессе участвовала и родовая милетская аристократия.

²⁰⁷ К аналогичному выводу приходит Яйленко (см.: *Архаическая Греция.* С. 148), приводящий еще несколько аристократических имен, и Карышковский. См.: *Ольвийские мольпы // Северное Причерноморье.* Киев, 1984. С. 48 и след.

города ²⁰⁸. По свидетельству Аристотеля (Pol. V. 5. 7), в полисе, управлявшемся олигархически, возникла борьба какой-то группы граждан с лицами, расхищавшими общественное достояние (τὰ κοινὰ . . . κλέπτοντας) и пытавшимися свергнуть олигархию ²⁰⁹. Это событие должно было иметь место скорее всего не позже 425 г., когда в Аполлонии установился демократический режим ²¹⁰.

Аристотель (Pol. V. 5. 2; 1305 b 5) сообщает о победе демократии над олигархией ἐβλόρων в Истрии, которую он ставит в один ряд с таким стабильно олигархическим полисом, как Массалия. Судя по перманентному характеру достаточно консервативных реформ олигархии ²¹¹, этот режим до своего свержения (по-видимому, в IV в. до н. э.) ²¹² должен был пройти долгий путь исторического развития, так что есть основание относить его становление к эпохе архаики. Не исключено, хотя и не может быть с уверенностью доказано, что Синопой, по крайней мере в первой половине V в., правила тирана ²¹³. Как ни мало у нас сведений о милетских колониях Боспора, все же трудно себе представить, чтобы правление тиранического рода Археанактидов могло возрасти на почве демократии ²¹⁴.

Наконец, как давно было установлено, греческий полис, прежде чем прийти к демократическому государственному устройству, должен был проделать долгий путь развития, пройдя через ряд промежуточных стадий. Катализатором его поступательного движения могли служить внешняя угроза и внутренняя социальная борьба ²¹⁵, которые должны были иметь определен-

²⁰⁸ Arist. Pol. V. 2. 11. Ср. V. 5. 6; 1306 a 1—4, где Клеотим вводит в Амфиполь халкидских эпоиков и с их прибытием поднимает их против зажиточных олигархов.

²⁰⁹ При всей трудности для интерпретации данного пассажа нельзя согласиться с пониманием его у Т. В. Блаватской (см.: ЗПГ. С. 50 и след.), предположившей, что стасис возник в результате деятельности аристократов по воздвижению огромной статуи Аполлона работы Каламида и сооружению нового храма для нее. С этой целью они «усилили обложение налогами, широкими слоев гражданства» и прибегли к «опустошению городской казны», от чего особо пострадали «средние слои населения полиса», которые, считая, что тем самым аристократы «расхищают городские средства» (κλέπτουσι τὰ κοινὰ), совершили государственный переворот и установили демократию. Эта (по выражению автора) «рабочая гипотеза», построенная на целой серии догадок и допущений, опровергается одним только обращением к тексту Аристотеля, который в данном пассаже (Arist. Pol. 1305 b 39 sq., 1306 a 6 sq.) говорит, что стремится к переворотам не народ и расхищает общественные средства не аристократия, а то и другое вместе делают люди, разнузданной жизнью (ἀνελεύθερος) промотавшие свои средства (τὰ ὄβια).

²¹⁰ В этом году мы встречаем Аполлонию среди членов Афинской архэ (см.: ATL. I. P. 116, 157, fig. 38), что наверняка должно было повести к установлению демократии и копированию некоторых афинских институтов, среди которых даже такие консервативные, как календарь, в котором появляется аттический месяц мунихион (см.: IGBR. I², 469 bis; Ср.: Ehrhardt. S. 61). Г. Михайлов относит оба стасиса к IV в. См.: IGBR. I². P. 344.

²¹¹ О них см.: Lepore E. Strutture della colonizzazione focea in Occidente // La parole del passato. 1970. P. 41—54.

²¹² Ср.: Gehrke H. J. Op. cit. S. 75; Alexandrescu P. Aristotel despre constituția Histriei // Studii clasice. 1986. 24. P. 63—70.

²¹³ Plut. Рег. 20, 2; Максимова М. И. Указ. соч. С. 98; Виноградов. Синоп и Ольвия. I. С. 67.

²¹⁴ Vinogradov. Die historische Entwicklung.

²¹⁵ Bengtson H. Griechische Geschichte. S. 106.

ные предпосылки. Если эти предпосылки — внутренние и внешние — и созрели в Ольвийском полисе к рубежу VI—V вв., то и в последовавшем за эпохой колонизации столетии историческому развитию суждено было вопреки всякому ожиданию привести его все-таки не к демократическим, а совсем иным формам политической жизни, в чем нам предстоит убедиться, перейдя к следующей главе данного исследования.

Однако прежде нельзя не коснуться одного замечательного эпиграфического документа, который был издан уже после того, как данная книга была окончательно подготовлена к печати ²¹⁶. Богатство содержащихся в нем сведений заслуживает отдельной публикации, которая не может уместиться на этих страницах, поэтому остановлюсь на главных, важных для данного исследования моментах. Речь идет о костяной пластинке с Березани, испещренной с обеих сторон граффити и рисунками, которая датируется по палеографии, скорее всего, третьей четвертью VI в. до н. э. Оставляя в стороне вопрос о жанре документа (издательница считает его дидимским оракулом ²¹⁷), следует признать, что он содержит важнейшую историческую информацию относительно возникновения и последующего развития греческих поселений в Нижнем Побужье. Развитие это прослеживается не только по последовательной мультипликации священного числа Аполлона — «семь», но и по усложнению структуры самого текста А:

Ἐπτά λυκος ἀσθενής, ἐβδομήκοστα λέων δεινός, ἔπτα κόσιοι τοξόφορος φίλι (ο)ς δωρεὴ δυνάμι' ἰητή (ρ) ος, ἔπτα χίλι (οι) δελφίς φρόνιμος εἰρήνη Ὀλβίη πόλι, μακαρίζω ἐκεῖ, μέμνημαι Ἀητο [Γ].

Семь: волк слаб; семьдесят: лев могуч (грозен); семьсот: лучник дружелюбен — дарование силой врачевателя; семь тысяч: дельфин разумен — мир Ольвийскому государству. Благословляю (вас) там, сам я благословен Лето.

Соглашаясь с издательницей в том, что вся эта численно-текстовая символика отражает поэтапное освоение милетянами Нижнего Побужья и одновременно рост численности населения, я полагаю, однако, что все упомянутые в тексте четыре стадии должны соответствовать наиболее важным, кардинальным моментам в истории милетской апойкии. «Семь: волк слаб» — действительно символизирует первый небольшой контингент колонистов, основавших Березанское поселение, которое, как сообщает другая изданная там же пластинка, искони называлось Борисфеном, что окончательно опровергает все прочие рассуждения по поводу его названия (см. с. 28—30) ²¹⁸. Однако выражение «лев могуч»

²¹⁶ Русяева А. С. Милет—Дидимы—Борисфен—Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1986. № 2.

²¹⁷ Поверхностную критику такой атрибуции см.: Ehrhardt N. Die politischen Beziehungen zwischen den griechischen Schwarzmeergründungen und ihren Mutterstädten // Acta centri historiae Terra antiqua Balcanica. Trinovi, 1987. Vol. 2. S. 116 ff.

²¹⁸ Русяева А. С. Милет. . . С. 39 и след. Примеч. 80.

логичнее связывать с основанием центра будущего государства у современного с. Парутино, на которое также было распространено исконное название «Борисфен». Об этом свидетельствует граффито ['Α] πόλλωνι Ἰητήρῳι Βορυσθένε[ος] μεδέοντι на полихромной симе²¹⁹, украшавшей самый ранний храм Аполлона Врача, воздвигнутый на втором теменосе Ольвии не в третьей, а еще во второй четверти VI в.: на это однозначно указывают палеография граффито²²⁰ и историческая ситуация (до смены названия города). Остатки культовой площадки, обнаруженные на этом же теменосе раскопками Русяевой, содержали расписную керамику с вотивными граффити, датируемую не позже чем 580—560 гг.²²¹, что вместе с вышеназванным материалом делает историческим фактом нарезание милетскими колонистами теменоса Аполлону Врачу на центральном плато городища самое позднее во второй четверти VI в. Это, в свою очередь, окончательно опровергает все умозрительные попытки объявить Ольвию этого времени рядовым сельским поселением и делает весьма вероятной дитировку основания центра будущего государства примерно рубежом VII—VI вв.

«Дарование силой врачевателя» на третьем этапе, как мне представляется, заключалось в новом, весьма значительном событии в политической жизни колонистов: объединении двух независимых общин в единый полис Борисфен, о чем раньше мы могли лишь строить догадки (см. с. 67). По всей видимости, именно в честь этого выдающегося события на втором теменосе сооружается нарядный своим полихромным убранством храм, посвященный могучему и благосклонному («стрелок дружествен») покровителю города и государства — Аполлону Врачу (Ἰητήρ — Ἰητροός). Этот политический акт следует поместить в рамках первой половины VI в.

Наконец, последний — четвертый момент, сообщаемый березанским документом, стал, как правильно определила Русяева, критическим в жизни молодого полиса Борисфена. Мощная волна новых эпойков («семь тысяч»), переселившихся около середины VI в. в низовья Гипаниса и Борисфена, хотя и получила земельные участки, создав ту самую обширную ольвийскую хору, которая известна нам по археологическим разведкам и раскопкам, но все же была, видимо, как-то ущемлена в политических правах по сравнению с «исконной» аристократией, захватившей ключевые позиции в полисе. Дело дошло до конфликта между потомками первопоселенцев и массой добавочных колонистов. Претотвращению надвигавшегося или ликвидации разразившегося стасиса, примеры которого типичны для истории греческой колонизации (см. с. 76 и след.), помог Дидимский (а не Дельфийский — см.

²¹⁹ Там же. С. 42 и след. Рис. 3, 5; 4, 6; 6, 1.

²²⁰ Замкнутая эта существует в Милете только до середины VI в. См.: *Jeffery*. L.SAG. P. 325. pl. 64. 23, 27; *Guarducci M.* Op. cit. P. 260. N 1.

²²¹ *Русяева А. С.* Милет. . . С. 42. Рис. 3, 2—4; 4, 2, 3, 5.

с. 30 и след.) оракул, повелевший ввести культ «разумного дельфина» (δελφίς φρόνιμος) — Аполлона Дельфиния, который в конечном итоге водворил внутренний мир (εἰρήνη) в государстве, отныне получившем название «благоденствующего» — Ὀλβίη πόλις. Это гражданское примирение повлекло за собой ряд изменений в разных сферах жизни полиса. Новому покровителю Ольвии нарезается напротив раннего священного участка по другую сторону Главной улицы центральный теменос; в том и другом святилище оба Аполлона сосуществуют несколько десятилетий неконвергентно, чуть ли не антагонистически, каждый со своей свитой σύνναοι θεοί: Врач вместе с Матерью богов, Гермесом и Афродитой, Дельфиний — с Зевсом и Афиной²²². Происходит смена полисных денежных знаков: прежние монеты-стрелки — символ «дружественного лучника» — постепенно вытесняются монетами-дельфинами, символизирующими Аполлона в новой ипостаси — Δελφίνιος. Таким образом, новые материалы из раскопок Березани и Ольвии открывают замечательные перспективы изучения тесной взаимосвязанности религии и политики в архаическом греческом обществе.

---

²²² Схождение Врача и Дельфиния намечается лишь с конца VI в.: килик из Журовки по росписи мастера Пифоса, форме и палеографии надписи Ἴητροῦ, Δελφίνιο ξυνή должен датироваться указанным временем, а не первой четвертью V в., как считалось ранее. См.: *Русяева А. С.* Милет... С. 56 и примеч. 139.

ИСТОРИЯ ОЛЬВИИ V в. до н. э.

Историческая ситуация в Северном Причерноморье на рубеже VI—V вв.

В конце VI в. в Северном Причерноморье произошло крупное военно-политическое событие, поменявшее ход исторического развития как населявших его местных племен, так и самих греческих полисов. По всей видимости, в 519 г. или чуть позже Дарий I Гистасп, недавно ставший владыкой мощной персидской державы, с огромным войском переправился через Босфор и вторгся в пределы Фракии. Пройдя через земли фракийцев, он навел понтонный мост через Дунай, переправил по нему свое войско и повел его против скифов. Детали этого похода, довольно подробно изложенные Геродотом, в частности реальность его дальнего и ближнего маршрута, мы можем оставить в стороне, так как они не относятся к нашей теме¹. Судя по отсутствию каких бы то ни было разрушений в самой Ольвии, на Березани и на многочисленных поселениях обширной ее хоры, поход персов никак не затронул Ольвийский полис: Дарий либо пощадил город, либо — что скорее — прошел стороной или вовсе не дошел до него.

Тем не менее скифский поход Дария опосредованно, подобно бумерангу, отразился и на судьбе Ольвии. Одним из основных достижений археологических исследований последних двух десятилетий на ее хоре следует считать открытие следующего феномена. Из более чем 70 разведанных или частично раскопанных земледельческих поселений архаического периода (см. гл. II), число которых, не исключено, со временем увеличится, к концу первой трети V в. выживают считанные единицы в непосредственной близости от Ольвии². Это означает, что хора Ольвии, не исчезнув

¹ О 519 г. как дате похода см.: *Balcer J. M. The Date of Herodotus IV, I Darius Scythian Expedition // Harv. St. Cl. Ph. 1972. 76*, где приведены все датировки, предложенные предшественниками. Ср.: *Cameron G. G. Darius the Great and His Scythian (Saka) Campaign // Acta Iranica. I: Monumentum H. S. Nyberg. Leiden, 1975. P. 77—88*. Более поздней традиционной даты похода придерживаются из последних Е. В. Черненко (Скифо-персидская война. Киев, 1984. С. 7—11 (приведено мнение М. А. Дандамаева)), Р. Н. Фрай (The History of Ancient Iran. München, 1984. P. 103), J. R. Gardiner-Garden (Dareios' Scythian Expedition and its Aftermath // Klio. 1987. 69. P. 326—350).

² Из последних обобщающих работ см.: *Марченко К. К. Модель греческой колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1980. № 1. С. 142 и след.; Крыжицкий С. Д. и др. К истории ольвийской сельской округи // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980. С. 7 (с картой); Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 41—43. К. 2 (К. К. Марченко). Вызывает решительные возражения позиция С. Д. Крыжицкого (см.: Ольвия. Киев, 1985. С. 67), считающего, «что во второй половине VI в. до н. э. поселения Нижнего Побужья в принципе не могли быть хорой Ольвии». См. выше: Рис. 2.*

вовсе, сильно редуцировала, стянувшись до непосредственной городской округи, и отныне эксплуатировали ее жители самой столицы.

Кроме этого наблюдается еще ряд синхронных симптоматичных явлений. Именно в то же время резко сокращается территория Березанского поселения, концентрирующегося теперь снова там, где оно возникло в середине VII в. — в северо-восточной части современного острова³. Этот факт едва ли следует объяснять своего рода экономическим «подавлением» Березани Ольвией в связи с переносом центра в последнюю⁴. Как уже мною раз отмечалось⁵, с момента образования в середине VI в. единого Ольвийского полиса между обоими поселениями не существовало никакого антагонизма, поскольку сложилось единое ольвиополитское или борисфенитское гражданство. Заметное сокращение территории поселения на Березани непосредственно вызвано оттоком ее населения, как и жителей аграрных поселков, в саму Ольвию и в возникающее, что весьма симптоматично, несколько позже так называемое «предградье» — поселение вне стен, расположенное к западу от Заячьей балки⁶. Проанализировавший материалы раскопок предместья К. К. Марченко приходит к вполне убедительной, на мой взгляд, гипотезе о том, что это поселение, вполне осознанно устроенное на западном склоне Заячьей балки и уступившее по своим природным факторам самой Ольвии (отсутствие питьевой воды и естественных рубежей обороны), предназначалось для заселения бывшими жителями ольвийской хоры, занимавшими более низкую ступень социальной лестницы и состоявшими преимущественно из варварского населения⁷. Наконец, к первой половине V в., скорее еще к его первой четверти, относится строительство оборонительных стен Ольвии, которые в середине столетия Геродот (IV. 78—79) застал уже укрепленными мощными

³ *Копейкина Л. В.* Особенности развития поселения на о-ве Березань в архаический период // СА. 1981. № 1. С. 206 и след.

⁴ См.: например: *Болтенко М. Ф.* Исторические судьбы острова Березани // ЗОАО. 1960. I. С. 43; *Ehrhardt. S. 77.* Яйленко (см.: Архаическая Греция. С. 149) добавляет сюда еще и резкое сокращение торговли с метрополией после персидского разгрома Милета. Такое объяснение, однако, малоудовлетворительно, поскольку, во-первых, Березанское поселение в это время прочно входило в состав Ольвийского государства и сокращение торговли с метрополией должно было тогда отразиться на благосостоянии всего полиса; во-вторых, как показывают многочисленные материалы, торговлей с Милетом не ограничивались экономические связи Березани с Эгейдой: по крайней мере с середины VI в. она (как и Ольвия) налаживает интенсивные широкомасштабные торговые сношения с Атикой, куда она после разгрома Ионийского восстания с ничуть не меньшей прибылью могла сбывать прежде всего зерно, в котором нуждалась вся Греция. См.: *Брашинский И. Б.* Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н. э. М.; Л., 1963. С. 35—55.

⁵ *Виноградов Ю. Г.* О политическом единстве Березани и Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 81 и след.

⁶ О датировке этого памятника и его интерпретации из последних см.: *Марченко К. К.* К вопросу о так называемом предместье Ольвии // ВДИ. 1982. № 3. С. 126—136 (с историей изучения и литературой вопроса).

⁷ Там же. С. 135 и след.

башнями⁸. В этой связи тем более важно отметить тот факт, что в самой Ольвии не наблюдается никаких признаков упадка, а как раз наоборот — расцвет многих сторон жизни.

Как же мы должны оценить и объяснить столь странный феномен, когда полис вдруг в течение небольшого промежутка времени фактически отказывается от ставшей доминирующей отрасли своей экономики — сельского хозяйства? Естественно, сразу следует оставить в стороне в качестве причины природные факторы, такие, как резкое ухудшение климата, приведшее к постоянной засухе, похолоданию, либо внезапное истощение почв и т. п., поскольку все они немыслимы в столь короткий период⁹. Отдавая себе в этом отчет, исследователи предложили три иные версии. Согласно одной из них, отлив населения с ольвийской хоры был вызван синойкизмом, имевшим целью сформировать Ольвию как урбанистический центр. Уязвимость и несостоятельность подобной концепции достаточно ясно показана в предыдущей главе. Согласно второй — отток земледельческого населения в город связан с потребностью в массовой рабочей силе для возведения общественных и жилых сооружений, а также оборонительных стен¹⁰. К третьей гипотезе пришли одновременно и независимо друг от друга Марченко и автор этих строк¹¹, предположившие, что обезлюдение хоры и сопряженные с ней явления порождены угрозой со стороны скифов, активизировавших свой нажим на Ольвию в начале V в. до н. э.¹²

Недавно вторая точка зрения была подвергнута весьма обстоятельной критике в статье Марченко¹³, что избавляет от необходимости останавливаться на этом вопросе специально. Замечу лишь, что ее сторонники отнюдь не отрицают связи вышеописанного феномена со скифской угрозой, они лишь подменяют причину следствием: по нашему мнению, именно опасность нападения скифов обусловила обезлюдение ольвийской хоры, отток в столицу масс сельских жителей и создание, таким образом, значительных людских ресурсов, которые и были задействованы на строитель-

---

⁸ См.: Карасев А. Н. Оборонительные сооружения Ольвии // КСИИМК. 1948. 22. С. 28 и след.; Марченко К. К. К вопросу... С. 132. Русяева (см.: Деякі риси культурно-історичного розвитку Північно-Західного Причорномор'я в VII—V ст. до н. э. // Археологія. 1979. 30. С. 7) предполагает, что сооружение крепостных стен началось уже в последней четверти VI в., однако никаких данных для подтверждения столь ранней датировки у нас пока не имеется.

⁹ Виноградов Ю. Г. Полис в Северном Причерноморье. С. 400.

¹⁰ Крижицкий С. Д., Русяева А. С. Найдавніші житла Ольвії // Археологія. 1978. 28. С. 24; Русяева А. С. Земледельческие культуры в Ольвии догетского времени. Киев, 1979. С. 28; Она же. Деякі риси... С. 9; Русяева А. С., Скржинская М. В. Ольвийский полис и каллипиды // ВДИ. 1979. № 4. С. 27 и след.; Крижицкий С. Д. Ольвия. С. 63.

¹¹ См., например: Марченко К. К. Модель... С. 142 и след.; Vinogradov. Die historische Entwicklung. S. 72 ff.

¹² Недавно к этой интерпретации фактов присоединился и Яяленко (см.: Архаическая Греция. С. 140 и след.); правда, без ссылки на работы предшественников.

¹³ Марченко К. К. К вопросу... С. 132 и след.

стве прежде всего оборонительных, а кроме того, других общественных и частных сооружений.

Попытаюсь теперь кратко воссоздать изменение политической ситуации в обширном Северопонтийском регионе в конце VI—начале V в. в соответствии с теми данными, которыми мы располагаем¹⁴. Подчеркну прежде всего, что в эту эпоху вступали во взаимодействие уже не два мира — греки и варвары, — а несколько крупных и более мелких политических образований: с одной стороны, окончательно сложившиеся, высокоорганизованные эллинские полисы — Ольвия, Никоний, Керкинитида и города Боспора, с другой — Скифское царство, обладавшее мощным экономическим и военным потенциалом¹⁵, с третьей — ряд варварских племен (тавры, синды, меоты и др.), уступавших по политической организации царским скифам, но тем не менее представлявших на политической арене реальную силу, с которой нельзя было не считаться.

Как бы ни оценивать социальную структуру Скифского царства той эпохи¹⁶, оно обусловило на рубеже VI—V вв. те внешнеполитические сдвиги, которые и привели к зарождению качественно новых процессов в среде северопонтийского эллинизма. Отправным рубежом этих изменений явилась победа над войском Дария I, одержанная царскими скифами. После этого скифские правители резко меняют свою политику, перейдя к экспансии в сопредельные земли¹⁷.

Относительную и абсолютную хронологию отдельных акций этой территориальной экспансии пока разработать трудно, однако можно предположить, что одним из первых было дальнейшее покорение или замирение лесостепных скифских племен. На многих лесостепных городищах именно в конце VI в. до н. э. прослеживаются слои пожарищ, возникшие, несомненно, в результате военных столкновений со степняками. В итоге одни городища погибают в огне, другие после пожара заново отстраиваются, третьи (где нет пожарищ) были просто оставлены их населением¹⁸. Высказыва-

¹⁴ Подробнее см.: *Vinogradov. Die historische Entwicklung*; *Он же*. Полис в Северном Причерноморье.

¹⁵ Ср.: *Хазанов А. М.* Социальная история скифов. М., 1975. С. 229.

¹⁶ Обзор дискуссии и обширной литературы по этой проблеме см.: *Нейхардт А. А.* Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982. С. 163—184.

¹⁷ Главные причины этого явления скрыты, по всей вероятности, в неясном нам пока в деталях сложном переплетении экономических, социальных и политических факторов, приведших к консолидации и укреплению мощи Скифской державы, при этом не исключен и политико-психологический фактор. См.: *Карасев А. Н.* Указ. соч. С. 28; *Яценко И. В.* Скифия VII—V вв. до н. э. М., 1959. С. 111. Разгром Дария послужил лишь катализатором этих процессов. Ср.: *Хазанов А. М.* Указ. соч. С. 229 и след.

¹⁸ *Моруженко А. А.* Оборонительные сооружения городищ Повороскля в скифскую эпоху // Скифский мир. Киев, 1975. С. 144; *Шрамко Б. А.* Восточное укрепление Бельского городища // Скифские древности. Киев, 1973. С. 98; *Он же*. Крепость скифской эпохи у с. Бельск — город Гелон // Скифский мир. С. 116; *Ковпаненко Г. Т.* Раскопки Трахтемировского городища // АИУ. 1967. 1. С. 106; АИУ. 1968. 2. С. 111; АИУ. 1971. 3. С. 140.

лась гипотеза, что эти разрушения явились следствием вторжения Дария и отступления скифов по землям тех нескифских племен, которые отказались принимать участие в войне ¹⁹. Едва ли это так. Даже принимая на веру реальность г. глубинного похода Дария, описанного Геродотом (IV. 121—144) ²⁰, следует учитывать, что персы имели возможность сжигать городища Лесостепи (подобно упомянутому в IV. 123) только по маршруту своего наступления. В покорении царскими скифами племен, не примкнувших к союзу, следует скорее усматривать отголоски замирения последних уже после войны.

В результате завоевания Лесостепи ²¹ царские скифы стали распоряжаться огромными материальными богатствами, присваиваемыми путем внеэкономического принуждения (данничество, грабительские набеги) у покоренных земледельческих племен ²². Значительные излишки продуктов присвоения (зерно, скот, рабы и пр.) требовали сбыта, поэтому скифы, не имевшие ни торгового флота, ни навыков в морском деле, обратили свои взоры в сторону греческих полисов Причерноморья, во-первых, как источника обогащения, а во-вторых — как потенциальных посредников в торговле с Эгейским миром ²³. Я не склонен полагать, что все перечисляемые ниже акции осуществлялись последовательно одна за другой одним и тем же главным войском Скифского царства: некоторые из них вполне могли быть синхронными и предприниматься не основными военными силами царских скифов, а какими-то их более или менее крупными отрядами, причем не всегда путем массированного наступления, но отдельных разорительных набегов ²⁴. Главное в том, что это звенья одной цепи, инспирированные новой экспансионистской политикой Скифской державы.

Есть все основания предположить, что после Лесостепи скифы выбирают сначала юго-западное направление экспансии, о чем может свидетельствовать их глубинный рейд 496 г. через всю Фракию до Херсонеса Фракийского ²⁵. Естественно, за этим вторжением не могла не воспоследовать длительная полоса военно-

---

¹⁹ Шрамко Б. А. Восточное укрепление. ... С. 98; Моруженко А. А. Указ. соч. С. 144.

²⁰ По сравнению с которым все же выигрывает сообщение Страбона (VII. 3. 14) о более скромных масштабах агрессии персов, дошедших всего лишь до «пустыни гетов» (Буджакской степи). Того же мнения придерживается Хазанов. См.: Указ. соч. С. 232.

²¹ Вероятно, сюда следует отнести слова Геродота (IV.20) о том, что скифы царские всех остальных скифов считают своими рабами.

²² Интересно, что задолго до получения перечисленных выше данных к подобному выводу пришел М. И. Ростовцев. См.: *Ростовцев М. И. Эллинство и иранство на Юге России*. Пг., 1918. С. 39; *Idem. Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford, 1922. P. 43 ff.

²³ *Ibid.* P. 65.

²⁴ В этой связи нельзя не вспомнить «скифскую тактику» в момент нашествия Дария, особенно во время отступления персидского царя.

²⁵ *Herod.* VI. 40. Об оценке реальности этого похода, его причин и дате см. подробнее: *Vinogradov. Die historische Entwicklung*. S. 73. Anm. 56.

политических конфликтов скифов с молодым Одрисским царством, перемежавшихся мирными передышками. Скифская агрессия в Северо-Западном Причерноморье затронула и греческие полисы этого района, с чем связывают слой пожарища, зафиксированный при раскопках Истрии²⁶. Одновременно с ликвидацией ольвийской хоры исчезают и сельские поселения в Нижнем Поднестровье, составившие, видимо, хору Никония²⁷.

Не миновала скифская экспансия и Ольвии. Археологически это прослеживается прежде всего в появлении погребений кочевых скифов за северной и восточной границами ольвийской территории именно в начале V в.²⁸ Подчинив себе Лесостепь и постоянно воюя с фракийцами, скифы перекрыли традиционные пути пополнения варварского зависимого населения Ольвийского полиса, в итоге чего из состава его лепной керамики исчезли карпато-дунайские и лесостепные элементы²⁹. Не случайно именно в это тревожное время Ольвия обносится кольцом оборонительных стен. Насколько позволяют судить пока еще немногочисленные систематические раскопки, оставление сельских поселений их жителями не сопровождалось разрушениями и пожарищами. На основании этого некоторые исследователи склонны констатировать мирные взаимоотношения скифов и эллинов³⁰, с чем, однако, трудно согласиться. На немирный на первых порах характер конфронтации варваров и греков указывают такие факты, как находка на поселении Большая Черноморка II сброшенного в первой четверти V в. в хозяйственную яму человеческого скелета в необычной для погребенных позе и с пробитым черепом; поверх этого скелета лежал скелет собаки с застрявшим в плечевой кости наконечником стрелы³¹. На противоположной Березани новейшими раскопками некрополя обнаружено

---

²⁶ Boardman. P. 248. По мнению других археологов, эти разрушения относятся к походу Дария на скифов. См.: *Coja M. Les phases d'habitat du plateau ouest de la cité d'Histria à l'époque gréco-romaine // Dacia. 1970. 14. P. 103.*

²⁷ *Марченко К. К. Модель...* С. 142; Н. М. Секерская (Никоний и Нижнее Поднестровье в VI—IV вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982. С. 11) несколько завышает этот процесс, относя его к середине V в. Правильно датирует его С. Б. Охотников. См.: *Охотников С. Б. Сельские поселения Нижнего Поднестровья в VI—V вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1987. С. 18.*

²⁸ *Ковпаненко Т. Т., Бунятян Е. П. Скифские курганы у с. Ковалевка Николаевской области // Курганы на Южном Буге. Киев, 1978. С. 134 и след.; Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев, 1983. С. 106, 110—113. Неопубликованные материалы раскопок экспедиции О. Г. Шапошниковой были доложены Ю. С. Гребенниковым на конференции «Скифская архаика». (ГЭ, 1979. Февр.).*

²⁹ *Марченко К. К. Модель...* С. 142.

³⁰ *Русяева А. С., Скржинская М. В. Указ. соч. С. 28. Правда, в более поздней работе М. В. Скржинская (Скифские сюжеты в исторических преданиях ольвиополитов // ВДИ. 1982. № 4. С. 101) говорит уже о «военных столкновениях греков со скифами».*

³¹ *Ганжа А. И. и др. Раскопки архаического поселения на Березанском лимане // АО 1977 г. М., 1978. С. 310. Раскопщики совершенно оправданно связывают эту находку с обстоятельствами гибели поселения.*

уже несколько погребений убитых в начале V в.; в двух захоронены дети (!), сраженные скифскими стрелами³². С теми же инцидентами мы встречаемся и в Ольвии, в некрополе которой открыты погребения, датируемые V веком; в одном был захоронен воин с набором из 10 стрел, убитый выстрелом из лука (наконечник застрял в ребре); в другой братской могиле лежали (с западной ориентацией), по-видимому, два местных жителя, также сраженные стрелами, засевающими соответственно в правом плече и в нижней челюсти³³. Не исключено, что дальнейшие систематические исследования ольвийской хоры дадут ту же картину, что и в Лесостепи, где одни поселения гибнут в пожарах, а другие просто оставлены своими жителями.

В очерченный таким образом исторический фон великолепно вписывается еще один памятник, хотя и многократно издававшийся, но не привлекавший в интересующей нас связи, — стела Леокса, сына Мольпагора, найденная случайно на территории ольвийского некрополя³⁴. Плита представляет собой ἀμφίγλυφον, т. е. имеет рельефы с обеих сторон. На одном изображен стоящий обнаженный юноша с копьем, на другом — также стоящая фигура, но в восточном, «скифском» одеянии с горитом у левого бедра, держащая обеими руками стрелу. Б. В. Фармаковский узнавал на втором рельефе амазонку, последние публикаторы (Бакалакис, Фос, Клермон, Хиллер, Пфуль и Мёбиус) — скифского сопровождающего самого Леокса, представленного на первом рельефе. Однако по ряду признаков предпочтение следует отдать интерпретации первоиздателя.

На обеих узких гранях стелы высечены две фрагментированные надписи, которые Фармаковский и Латышев читали и восстанавливали как посвячительные, однако О. О. Крюгер привел ряд достаточно веских аргументов в пользу того, что обе надписи надгробные, причем текст А — метрическая эпитафия³⁵. Его восстановление е. г. выглядит так:

А. [ἐνθάδε σῆμ' ἔσσι] ἡκα' λέγω δ' ὅτι τῆλε πόλε [ὡς πού]

[ἐν Σχυθίῃ κείτ]αι Λεῶξος ὁ Μολπαγόρου.

Б. [— μνημ]ῆ εἰ [μι]

[Λεῶξου Μολπαγό]ρου.

А. I. vel [κεῖνὸν μνημ]ῆ || 2. vel [εἰνάλιος φέρετ]αι —
в зависимости от обстоятельств смерти.

³² Раскопки экспедиции ГЭ под руководством Л. В. Копейкиной и Я. В. Доманского; материал не опубликован.

³³ Скуднова В. М. Погребения с оружием из архаического некрополя Ольвии // ЗОАО. 1960. 1 (34). С. 68.

³⁴ Фармаковский Б. В. // ИАК. 1915. 58. С. 82—127; IOSPE. I², 270; Peek. GVI. 1172; Jeffery. LSAG. P. 368, 372, 416, N 60; Pfuhl E., Möbius H. Die ostgriechischen Grabreliefs. Mainz, 1977. I. S. 12 ff. N 11, Taf. 4; Hansen. CEG. P. 93 sq. N 173; Vinogradov Ju. G. Die Stele des Leoxos, Molpagores' Sohn, aus Olbia und die skythisch-griechischen Beziehungen im frühen 5. Jh. v. Chr. // Archäologischer Anzeiger (в печати). Здесь излагаются основные соображения.

³⁵ Крюгер О. О. // ИРАИМК. 1921. 1. С. 41—50; 1925. 4. С. 91—93. Критические возражения Латышева (см.: ИРАИМК. 1922. 2. С. 65—70) не выглядят достаточно весомыми.

После статьи Крюгера абсолютное большинство исследователей определяет памятник как надгробие. Исходя из требований симметрии в размещении обеих надписей на боковых гранях стелы, я считаю возможным предложить следующее восстановление текста Б:

[Λεώξο μνημ]ά εἰμ[ι]
[τῷ Μολπαγό]ρῳ.

Несмотря на обилие исследований, посвященных этому произведению, вероятнее всего, местной ольвийской пластики, не исчерпаны, как мне думается, все возможности интерпретации обоих его рельефов в их взаимосвязи. Фармаковский был склонен связывать появление на нем изображения амазонки с популярностью в аттическом искусстве поздней архаики и ранней классики легенды о похищении Тезеем Антиопы, хотя и твердо считал стелу произведением ионийского скульптора второй четверти V в.³⁶ Это предположение маловероятно хотя бы потому, что по стилистическим признакам, подкрепляемым и палеографией надписей, памятник должен теперь датироваться около 490 г. или вторым десятилетием V в.³⁷, а интенсивное аттическое влияние прослеживается в культуре Ольвии лишь с середины этого столетия (см. ниже). Меткое замечание, к сожалению не обратившее на себя должного внимания, было сделано Крюгером: «Это либо указание на смерть в бою, либо амазонка выступает и на нашем камне в качестве представительницы хтонического мира»³⁸.

Действительно, поиск интерпретации рельефов в плане отображения обстоятельств смерти Леокса мне кажется наиболее интересным и продуктивным. Как бы ни дополнять эпиграмму, бесспорен тот факт, что умерший погиб вдали (τῆλε), а надгробие воздвигнуто над его кенотафом. В каком же сражении пал Леокс, сын Мольпагора? Ответ на этот вопрос могла бы подсказать сама датировка памятника и сюжеты его рельефов. В них ольвийским художником отчетливо противопоставлены два начала: эллинское в образе обнаженного прекрасного юноши-воина, симболизирующего все достоинства воспитания в духе калокагатии, и варварское в облике представительницы племени воительниц-амазонок, постоянно сражавшихся с греческими героями-гоплитами. Иными словами, мастер стремился сказать своим произведением, что ольвийский воин-аристократ (это следует из его имени и отчества) пал за отечество в одном из сражений со скифами, которыми, видимо, была так полна история Ольвии второго десятилетия V в. Причем выразил свою идею художник не грубо и прямолинейно, но в лучших традициях эллинского искусства, вырезав на рельефе (как сделали бы, например, его египетские или персидские коллеги) не просто попираемого врага и даже не униженного варвара-

³⁶ Фармаковский Б. В. Указ. соч. С. 117—119.

³⁷ Pjuhl E., Möbius H. Op. cit. S. 13.

³⁸ Крюгер О. О. // ИРАИМК. 1921. 1. С. 49.

скифа, но прекрасно и утонченно выполненную фигуру амазонки, метафорически олицетворяющую собой противостояние и противопоставление двух миров и двух идеологий — эллинства и варварства, оппозиция которых стала особенно настойчиво заявлять о себе после разгрома Ионийского восстания и похода Дария на Элладу. Не исключено, конечно, и хтонический аспект образа амазонки, но опять же не как абстрактного, но конкретного по своему этносу олицетворения смерти.

Предложенная интерпретация побуждает пересмотреть реконструкцию и самой метрической эпиграфии. Н. В. Шебалин обратил мое внимание на то, что подобная надпись должна была быть выдержана целиком в торжественном, «высоком» стиле, не допускающем *bouche trou* вроде [λου] в конце стк. 1 (см. выше). Им же предложено очень удачное дополнение начала эпиграфмы [Μνημ' ἀρετῆς ἔστ]ηκα. Развивая дальше эти интереснейшие соображения, я предлагаю иную реконструкцию эпиграфии, находящую по лексике и структуре замечательную параллель в одном *polyandrion* из Милета³⁹.

[Μνημ' ἀρετῆς ἔστ]ηκα, λέγω δ' ὅτι τῆλε πόλε[ως πρό]
[οὐλόμενος κεῖτ]αι Λέωξος ὁ Μολλαγόρε[ω].

Памятник доблести, я говорю, что вдали, за отчизну
Жизнь отдавши, лежит сын Мольпагора Леокс.

Понимание τῆλε как наречия и постпозиция предлога в πρό πόλεως οὐλόμενος (*pro patria mortuus*) кардинально меняют смысл надписи, делая ее из банального стихотворного надгробия, эпиграфией в честь благородного ольвийского юноши, сложившего голову, сражаясь за отеческую землю.

Итак, я склонен предположить, что вооруженная конфронтация ольвиополитов со скифами имела место лишь на первой стадии скифской экспансии, когда основные силы номадов были отвлечены борьбой с не менее воинственными и сильными фракийцами. Вероятно, после заключения где-то в 80-х годах V в. до н. э. мирного соглашения между теми и другими, воплотившегося в династийном браке скифского царя Ариапифа с дочерью владыки одрисов Тереса⁴⁰, руки у скифских правителей в этом регионе были развязаны, и они окончательно подчиняют полисы Поднепровья и Ольвию своему диктату, после чего положение стабилизируется, о чем речь впереди.

Одновременно, а может быть, и чуть раньше они поворачивают вектор своей экспансии в сторону Боспора Киммерийского, где им пришлось, однако, столкнуться с совсем иной ситуацией. В отличие от разрозненных, достаточно удаленных друг от друга полисов в низовьях Тираса и Борисфена, на берегах Боспора в результате как милетской, так и вторичной, внутренней колонизации

³⁹ Peek. GVI. 33. 1—2 (начало II в. до н. э.):

μνημα τὸδ' ἀνθρώπων ἀρετῆς ἔστ[ηκ'] ἐπὶ τῶνδε,
ὅτ[ι] [φθίμεν]αι σφετέ[ρ]ην εὐκλείσαν τ[α] τρίδα.

⁴⁰ Фол А. Политическая история на траките. С., 1972. С. 139.

создалась целая цепь плотно расположенных крупных и более мелких эллинских апойкий, сумевших консолидироваться перед лицом скифской угрозы в единую военно-оборонительную симмахию и одновременно религиозную амфиктионию вокруг Пантикапея и его главного святилища Аполлона⁴¹. Сумев привлечь на свою сторону дружественное им племя синдов, они воздвигают мощную систему обороны в виде так называемого Тиритакского вала, перегородившего часть Керченского полуострова, защитив тем самым находящиеся внутри его полисы (Пантикапей, Тиритаку, Мирмекий, Порфмий) от нападений со стороны номадов, а кроме того, создают и кольцо обороны вокруг некоторых более слабых городов⁴². Согласно предложенной мною исторической реконструкции, во главе союзного войска боспорских полисов встает представитель знатного пантикапейского рода Археанактидов с полномочиями типа более позднего *στρατηγὸς ἀποκράτωρ*, которому успешное отражение скифской агрессии позволило сначала стать тираном в своем родном городе, а со временем занять — ему или его преемникам — лидирующее положение и в боспорской симмахии. Это предопределило дальнейший исторический ход преобразования полисов Боспора в территориальное государство Спартокидов⁴³.

Установление скифского протектората над Ольвией

Итак, в Северном Причерноморье в V в. сложились два типа государственных структур: с одной стороны, Никоний, Тира (?), Ольвия, Керкинитида, которые пошли по пути развития к классическому греческому полису, с другой — города Боспора, консолидировавшиеся в надполисное территориальное единство. При всех кардинальных различиях у них — особенно на начальном этапе — прослеживается много схожего. Во-первых, там и там импульсом и катализатором процесса послужило резкое изменение внешнеполитической обстановки — возникновение угрозы скифского завоевания. Во-вторых, именно данное обстоятельство привело к появлению как на Боспоре, так и в Ольвии автократического образа правления. Различие состояло в том, что сплотившиеся вокруг Пантикапея боспорские полисы сумели отстоять свою независимость, а изолированная Ольвия, сил которой не хватило противостоять варварскому натиску, вынуждена была отдать себя под протекторат правителей Скифского царства.

Необходимо сразу же заметить, что по причине крайней малочисленности сведений процесс установления скифского протектората над Ольвией может быть обрисован пока лишь в самых общих

---

⁴¹ На эту тему автором подготовлена отдельная работа.

⁴² Эти вопросы подробно исследуются в ст.: Толстиков В. П. К проблеме образования Боспорского государства // ВДИ. 1984. № 3.

⁴³ Подробнее см.: *Vinogradov. Die historische Entwicklung.*

чертах, т. е. схематически. Появление новых источников и стимулируемых ими новых гипотез будут и, собственно, уже начали постепенно детализировать первоначальную рабочую схему. Недавно издано частное письмо конца V в. до н. э. на амфорном черепке из Керкинитиды, которое впервые документально подтверждает установление скифского протектората над этим полисом, поскольку в его последней строке идет о «податях скифам» (τέλη ἐς τὸ(ς) Σκύθαξ)⁴⁴. Сопоставление новых нумизматических памятников из Керкинитиды и Никония с уже известными литыми монетами из Ольвии и Истрии (о них см. ниже) навело меня на осторожное предположение о том, что перед лицом варварской угрозы в начале V в. ряд полисов Северо-Западного Причерноморья и Крыма также пытался создать оборонительную симмахию, однако в силу их большей удаленности друг от друга этот эксперимент в отличие от боспорского не имел успеха⁴⁵. Наконец, крайне привлекательное соображение высказал недавно Я. В. Доманский, предположивший, что Ольвия сама попросила владык Скифского царства взять ее под свое покровительство с целью защиты от все более усиливавшегося натиска отдельных варварских племенных группировок, не интегрированных целиком в состав державы царских скифов⁴⁶. Подобная вполне реальная ситуация находит аналогию в истрийском декрете в честь Агафокла (см. гл. V).

Следует заметить, что идея об управлении Ольвией тиранами или скифскими царями не нова. Наряду с высказанным столетие назад и устоявшимся постулатом Латышева, считавшего, что «Ольвия во все времена своего существования представляется нам с резко очерченными признаками благоустроенной демократической республики»⁴⁷, раздавались и голоса о том, что Ольвия управлялась в V в. тиранами или скифскими правителями⁴⁸. Поскольку подобные высказанные вскользь мнения основываются (за одним исключением⁴⁹) на материале монет (преимущественно

---

⁴⁴ Соломоник Э. И. Два античных письма из Крыма // ВДИ. 1987. № 3. С. 114—125. Издательница дает это чтение лишь как «запасной» вариант, отдавая предпочтение толкованию: «кто отправится или совершит путь в Скифию», что совершенно исключено, так как глагол *τέλεω* никогда не означал «отправляться», но только «прибывать куда-либо». Ср.: *Vinogradov. Pontos Euxeinos*. S. 28.

⁴⁵ *Vinogradov. Pontos Euxeinos*. S. 41.

⁴⁶ Виноградов Ю. Г., Доманский Я. В., Марченко К. К. Сопоставительный анализ письменных и археологических источников по проблемам ранней истории Северо-Западного Причерноморья: Докл. на V Междунар. симпозиуме по древней истории Причерноморья. Вани, 1987. Сент.

⁴⁷ Латышев. Исследования. С. 305; ср.: С. 213 и след.

⁴⁸ Цыбульский С. А. Греческие монеты. СПб., 1894. С. 21 («... название неизвестной династии ольвийских тиранов...»); Штерн Э. Р. Археологические новинки // ЗООИД. 1904. 25. Протоколы. С. 54. (имя «неизвестного нам властителя Ольвии»); Сальников А. Г. Монеты скифских царей, чеканенные в Ольвии // ЗОАО. 1960. 1(34). С. 86; Зуц В. Л. Державный лад Ольвии в VI—I ст. до н. э. // УИЖ. 1970. 9. С. 67 и след.; Рубан В. В. О датировке поселения Козырка II // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, 1979. С. 79; Рубяева А. С. Деяки риси... С. 15.

⁴⁹ Недавно Рубан (О датировке поселения Козырка II. С. 79) привел еще один довод в пользу существования ольвийской тираннии V в., отметив «появление

венно — на одной монете), это заставляет совершить краткий экскурс в ольвийскую нумизматику⁵⁰.

Монетное дело Ольвии V в. представлено почти исключительно литой медью. На полисном рынке обращались в эту эпоху унаследованные еще от VI в. мелкие анэпиграфные номиналы в виде дельфинчиков, крупные «дельфины» с надписями АΡΙΧΘ и ΘΥ, а также различные фракции больших полновесных оболов (так называемые «ассы»), которые распадаются на несколько типов. Вне всякого сомнения, самыми ранними выпущены анэпиграфные оболочки двух номиналов с профильным изображением на аверсе головы Афины и дельфина перед нею, а на реверсе — колеса, между спицами которого на более ранней серии имеются небольшие своего рода «припухлости» или «бугорки»⁵¹. Весьма архаичский облик Афины позволяет поместить эту эмиссию в самое начало V в. К следующему по времени выпуску следует отнести уникальный экземпляр крупного оболы с аналогичным типом аверса, но на реверсе за ободом колеса (между спицами которого те же «бугорки») получающим ретроградную легенду ΕΠΙΠΑΥΣ с едва заметной *альфой*, идущей вслед за *сигмой*⁵². Эта однодичная, а потому крайне малочисленная эмиссия сменяется новым типом, где при том же аверсе буквы ПАΥΣ на реверсе уже без эпонимного предлога переходят из-за обода колеса в поля между его спицами⁵³. Этот тип представлен двумя вариантами: на более раннем голова Афины имеет все тот же архаичский облик, на более позднем она приобретает уже «классические» черты. Отмеченный последним факт свидетельствует об относительно длительном выпуске оболы Павса (ния), которым следует отвести второе десятилетие V в. Наконец, замыкает серию с Палладой младший номинал «ассов» с «классической» трактовкой головы богини и вновь без букв между спицами колеса.

После этого наступает небольшой перерыв в ольвийском литье, которое возобновляется в 60-х годах V в. двумя новыми типами

этникона ольвиополитов в лапидарных надписях официального характера не ранее начала IV в. до н. э. . . .», что было им сопоставлено с синхронным появлением этникона и на монетах Ольвии. Однако единственный ольвийский документ V в. — декрет в честь Тимесилея, содержащий демотикон 'Ολβιολοιτήων, опровергает этот довод (см. ниже).

⁵⁰ Излагаемая ниже хронологическая классификация, отражающая новейшее состояние изучения ольвийской нумизматики и нигде пока не опубликованная, создана как на базе предшествующих исследований, так и на основе последних находок, любезно сообщенных мне Карышковским. Ему же принадлежит относительная хронология; абсолютные даты для ранних типов предлагаются автором.

⁵¹ Один подобный экземпляр был издан П. О. Бурачковым (Общий каталог монет. Одесса, 1884. С. 37. № 12. Табл. II).

⁵² Хранится в коллекции очаковского краеведа С. В. Страшного, любезно меня с ним ознакомившего. Аналогичную монету с легендой ΕΠΙΚ, хранившуюся в собрании Куриса, описал (без воспроизведения) Бурачков (см.: Указ. соч. С. 37, № 3). Несмотря на высказанный скепсис (см.: *Бертье-Делагард А. Л. Поправки «Общего каталога монет»* П. О. Бурачкова. М., 1907. С. 1), теперь можно сомневаться разве что в правильности прочтения легенды, но не в подлинности самой монеты.

⁵³ *Зограф А. Н. Античные монеты.* М.; Л., 1951. Табл. XXX, 3, 4.

трех номиналов. Более ранний имеет на аверсе фасовое изображение Горгоны, а на реверсе легенду ΑΡΙΧ между спицами колеса⁵⁴; на более позднем эти буквы вписаны в пространство между крыльями распростертого орла, держащего в когтях дельфина⁵⁵. Эта также относительно длительная эмиссия прерывается где-то около середины столетия, уступая место чеканке серебряных статов с изображением на аверсе Геракла, натягивающего лук, и надписью ΕΜΙΝΑΚΟ, а на обороте — колеса во вдавленном квадрате, в углах которого помещены четыре маленьких дельфина. Чеканилась эта серия около 10—15 лет⁵⁶. Интересно отметить оттиск реверса одного из таких статов на фрагменте мерной ойнохои, найденном в Ольвии⁵⁷. Литье возрождается в самом конце V или на рубеже V—IV вв. и представлено младшим номиналом обол с изображением на аверсе горгонейона в совсем отличной от прежней, «классической» трактовке, а на реверсе — профилем изображением орла на дельфине с буквами ΟΛΒΙ или ΟΛΒΙΟ в свободных полях⁵⁸.

Для нас не менее интересно и значение надписей на ольвийских монетах. Если отбросить попытки в прошлом веке фантастического объяснения легенд ΑΡΙΧΟ и ΘΥ⁵⁹ и не менее нереальную попытку, предпринятую недавно, увидеть в конечном омикроне надписи ΑΡΙΧΟ этникон ольвиополитов, а в ΘΥ несуществующий топоним Θυρά (см. гл. I), то мы должны согласиться с подавляющим большинством исследователей, вполне законно читающих в этих легендах личные имена, и весь вопрос упирается в интерпретацию последних.

Названные выше (примеч. 48) исследователи полагали возможным считать имя Εμίναχος принадлежащим скифскому царю или династу, другие приписывали его наряду с Παυσ., Αρίχος и Θυ. ольвийским тиранам. Данная интерпретация была поначалу со скепсисом встречена Карышковским, недавно от него отказавшимся⁶⁰, что избавляет от необходимости повторять здесь уже высказанные однажды критические замечания⁶¹. Для изучаемой

⁵⁴ Там же. С. 123. Табл. XXXI, 2, 3; *Карышковский П. О.* Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н. э.—IV в. н. э.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1969. С. 12.

⁵⁵ *Зограф А. Н.* Указ. соч. С. 123. Табл. XXXI, 1; *Карышковский П. О.* Монетное дело. . . С. 12; *Он же.* Новые монетные находки в Северо-Западном Причерноморье // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1985. С. 34.

⁵⁶ *Зограф А. Н.* Указ. соч. С. 125—127. Табл. XXXII, 1; *Карышковский П. О.* О монетах с надписью ΕΜΙΝΑΚΟ // СА. 1960. № 1. С. 179—195; *Он же.* Новые материалы о монетах Эминака // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1984. С. 78—89.

⁵⁷ *Карышковский П. О.* Новые материалы. . . С. 81 и след. Рис. 3, 1.

⁵⁸ *Зограф А. Н.* Указ. соч. С. 124. Табл. XXXI, 5; *Карышковский П. О.* Монетное дело. . . С. 12.

⁵⁹ О критике их см.: *Карышковский П. О.* О надписях на ранних монетах Ольвии // МАСП. 1962. 4. С. 220 и след.

⁶⁰ *Карышковский П. О.* Новые материалы. . . С. 82 и след.

⁶¹ *Виноградов.* Синопа и Ольвия. II. С. 54—56.

нами проблемы особый интерес представляют статеры с легендой ΕΜΙΝΑΚΟ. Карышковским⁶² было прекрасно доказано, что отчеканенное на них изображение натягивающего лук Геракла не случайная реминисценция одного из образов героя, но символическая, пропагандистского характера эмблема, заимствованная из той версии легенды о происхождении скифов и их царей, которую рассказали Геродоту о происхождении греки, возможно те же ольвиополиты (см. *Herod. IV. 8—10*). В том, что имя Εμίνακος не греческое, сомнений быть не может⁶³, и принадлежит оно, как показывает «говорящая эмблема», призванная пропагандировать легитимность власти его носителя, без всякого сомнения, местному царю или династу. Можно было бы предполагать донативный характер этих статеров, битых по заказу Эминака в греческом полнсе⁶⁴, однако теперь это полностью отвергается вышеупомянутым оттиском реверса одного из них на мерном сосуде. Так как же мы должны истолковывать тот факт, что некий скифский правитель не только поместил на серебре Ольвийского полиса свое имя, но и гордо отчеканил изображение своего предка Таргитая-Геракла — мифологического основателя династии скифских царей?

По-видимому, ответ должен быть однозначным: Ольвия этого времени находилась под контролем владык Скифского царства! Данный неоднократно звучавший в работах предшественников вывод (см. выше примеч. 48) настолько ответственен, что

---

⁶² Карышковский П. О. О монетах с надписью ΕΜΙΝΑΚΟ; Он же. Новые материалы...

⁶³ См.: Карышковский П. О. Из истории монетного дела и денежного обращения Ольвии в V—III вв. до н. э. // ПИСП. 1959. С. 221. Вслед за В. Френером он сопоставляет это имя с южнодалматинским топонимом Εμίνάκιον (*Ptol. II. 16.12*). Устарело мнение В. Томашека (см.: *Tomaschek W. Die alten Thraker // Sitzungsberichte der Wiener Akademie. 1894. Bd. 131. 1. S. 8*) о том, что это имя бастарнского династа или вождя галатов в Тиле. Д. Дечев (см.: *Detschew D. Die thrakischen Sprachreste. 2. Aufl. Wien, 1976. S. 166*) относит его к фракийским. Принадлежит ли имя скифскому или фракийскому языковому ареалу, сказать не решаюсь; во всяком случае, оно имеет преимущественно иранский суффикс *-ахос*. Утверждение Яйленко (Несколько ольвийских и березанских граффити // КСИА. 1979. 159. С. 56 и след.), что обрывок антропонима ...ΝΑΚΟ в одном граффито V в. до н. э. должен быть дополнен в ΕΜΙΝΑΚΟ лишь на том основании, что только это имя засвидетельствовано в Ольвии, методически ослаблено и прямо опровергается теперь находкой на одном поселении ольвийской хоры граффито V в. до н. э. с ΛΙ Χίτρυαχός (*Виноградов Ю. А., Марченко К. К. Античное поселение Лупарево 2 // Ольвия и ее округа. Киев, 1986. С. 66. Рис. 4, 9*). Рискованным представляется и дополнение букв ...ΕΙΜΙΝΑ... другого ольвийского граффито в то же имя (*Яйленко В. П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. № 3. С. 79, № 69 а*).

⁶⁴ Это, видимо, склонен предполагать Д. С. Раевский, который пишет о «собственной монете» Эминака, «об использовании Эминаком Ольвийского монетного двора» и обосновывает свое мнение тем, что «время выпуска этих монет следует рассматривать как период становления, упрочения скифской государственности, когда захват скифами достаточно сильного полиса был еще маловероятным» (*Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977. С. 170 и след.*). Однако, как я стараюсь показать ниже, это и произошло на деле в интересующую нас эпоху.

должен быть подкреплён другими данными⁶⁵. И они находятся прежде всего в широко известном рассказе Геродота о Скиле, к анализу которого мы и переходим.

Повествование Геродота о Скиле (IV. 78—80) настолько широко известно, что здесь достаточно ограничиться краткой передачей его содержания. Скил был сыном скифского царя Ариапифа от гречанки из Истрии, которая обучала его эллинскому языку и грамоте. После смерти отца Скил наследовал ему на царстве, но в силу своего воспитания проявлял больше склонности к греческим обычаям. Всякий раз, подходя с войском к Ольвии, он оставлял его в предместье, велел запирать за собой ворота, переодевался в греческое платье и в таком виде один без телохранителей гулял по городу. Ворота между тем охранялись, дабы никто из скифов не смог увидеть его в этом облачении. В Ольвии он построил себе роскошный дворец, украшенный сфинксами и грифонами, женился на местной гречанке, вел эллинский образ жизни, в частности поклоняясь греческим божествам.

Однажды он возжелал быть посвященным в мистерии Диониса Вакхей, религию которого скифы презирали, так как считали, что она заставляет людей безумствовать. С этого момента Скил был обречен, и некое божество, стремясь его предупредить, послало ему в качестве знамения молнию, которая спалила его дом. Но и это ничуть не остановило Скила, и он был посвящен в мистерии. Тогда какой-то ольвиополит донес об этом скифам, говоря, что вы, дескать, издеваетесь над нами, когда мы впадаем в вакхическое иступление, а теперь божество вселилось и в вашего царя. Обещав им это показать, он тайно провел старейшин скифов на башню, откуда они и увидели, как в вакхической процессии прошел Скил, после чего они, выйдя из города, сообщили об этом всему войску.

Когда Скил возвратился к себе, скифы восстали против него и возвели на трон его брата Октамасада, рожденного от дочери фракийского царя Тереса. Скилу пришлось бежать во Фракию, а Октамасад пошел на нее войной. Когда оба войска — скифское и фракийское — были готовы вступить в сражение у Истра, предводитель последнего, царь одрисов Ситалк, предложил Октамасаду поменять Скила на находящегося у того собственного брата. Обмен состоялся, и Скил был обезглавлен своим братом.

Фигура Скила и рассказ о нем постоянно привлекали внимание и интерес как западных, так и прежде всего отечественных исследователей, однако следует заметить, что как источник по ольвийской истории соответствующие главы «Скифского логоса» никогда не были подвергнуты углубленному анализу. Из них либо извлекались такие реалии, как, например, наличие в Ольвии оборонительных стен и башен, либо личность Скила рисовалась как из ряда вон выходящий пример эллинизации скифов, неадекватный реальной ситуации греко-варварских контактов, именно из-за

---

⁶⁵ О критике противоположной точки зрения Русяевой см.: *Карышковский П. О. Новые материалы...* С. 83.

того и включенный в повествование Геродота⁶⁶. Предпринимая попытку такого анализа, я, однако, убежден, что ему должно предшествовать выяснение следующих важных в методическом плане вопросов: 1) генеральная концепция варварства у историка и его отношение к нему; 2) способ передачи и соответственно надежность информации, сообщаемой «отцом истории»; 3) непоследовательные целевые, программные установки в новеллах об Анахарсисе и Скиле. Начнем с первого пункта.

Геродота нельзя прямо причислить к тому направлению в греческой историографии, которое принято вести от Эфора и которое идеализировало простоту и неспорченность нравов варварских народов, не столкнувшихся с морем, морской торговлей, деньгами и вообще эллинской цивилизацией⁶⁷. Однако ему нельзя отказать в известной симпатии к варварам⁶⁸. Он восторгается такими обычаями и религиозными верованиями египтян, как календарь (II. 4), некоторые он даже считает заимствованными у них греками: имена большинства божеств (II. 50), гадания по жертвам (II. 58), возможно, презрительное отношение к ремесленникам (II. 167). Он находит похвальным метод воспитания детей персами и отсутствия у них смертной казни за один проступок (I. 136—137). Гетов он называет самыми мужественными и самыми справедливыми из фракийцев (IV. 93). Точно так же у скифов-номадов, которых он считает самым мудрым народом на Понте, его восхищает отсутствие городов и кочевой образ жизни, а потому никто, вторгшийся к ним, не может ни захватить их, ни спастись бегством (IV. 46). Число этих примеров можно было бы свободно умножить.

Сложнее обстоит дело со второй проблемой, по которой учеными нового времени высказан целый спектр мнений. На одном полюсе его стоит тенденция полностью доверять Геродоту, на другом — крайний скепсис в том, что он вообще когда-нибудь получал информацию на месте и из первых рук⁶⁹. Между этими

---

⁶⁶ См., например: *Гурст Г. М.* Ольвийские культы // ИАК. 1908. 27. С. 80; *Graham A. J.* Colony and Mother City. P. 106; *Козуб Ю. И.* Некрополь Ольвии V—IV ст. до н. э. Київ, 1974. С. 127 и след. То же отмечает и Э. Д. Фролов в дискуссии по моему докладу (Демографическая ситуация. С. 177 и след.). Придерживающийся противоположной точки зрения Марченко (Модель. . . С. 142) так же видит в изображении Скила «гипертрофированную» форму передачи историком реального процесса эллинизации. В работе *М. В. Скржинской* (Скифские сюжеты. . . С. 98—102) упор делается главным образом не на исторических, а на фольклористских проблемах.

⁶⁷ *Rostowzew M.* Skythien und der Bosphorus. B., 1931. S. 81 ff.

⁶⁸ См.: *Trüdinger K.* Studien zur Geschichte der griechisch-römischen Ethnographie. Basel, 1918. S. 27 ff.; *Лурье С. Я.* Геродот. М.; Л., 1947. С. 51—56. Этим он заслужил уже в древности эпитет *φλοβάρβαρος*. См.: *Plut. De malign. Herod.* XII—XV.

⁶⁹ В последнее время в это гиперкритическое направление, «отцами» которого в прошлом веке были Э. Сейс и Г. Пановски, пытается вдохнуть жизнь Д. Фелинг (см.: *Fehling D.* Die Quellenangaben bei Herodot. B.; N. Y., 1971); сочувственно к нему относятся *F. Hampl* (Herodot // *Grazer Beiträge*. 1975. 4. S. 124), *R. Bichler* (Die «Reichsträume» Herodots // *Chiron*. 1985. 15. S. 125—147). Сколько доверия

двумя полярностями находится ряд промежуточных позиций, представители которых по-разному оценивают уровень достоверности в передаче Геродотом информации. Одни утверждают, что можно абсолютно верить всему, что историк сам увидел или узнал; несоответствия и противоречия появляются тогда, когда галикарнасцев прибегал к услугам неосведомленных или недобросовестных информаторов⁷⁰

Эта позиция, сформулированная еще Ф. Якоби, была развита им в том смысле, что Геродот адекватно передает услышанное им (*λέγειν τὰ λεγόμενα*). Однако он часто сообщает не все ставшие известными ему версии одного события, но только ту, которой он верит, причем верит некритически. Его критика выражается в умолчании и приглушении (*Unterdrücken*) отброшенных традиций. Кроме того, и в новеллических рассказах встречается пренебрежение Геродота историческими фактами, однако не умышленное: оно объясняется тем, что он не понял их значения, их внутренней взаимосвязанности⁷¹. Продолжая мысль Якоби, некоторые исследователи предполагают в качестве одной из причин умолчания историком о каких-то традициях стремление его к стилистической и композиционной стройности произведения, дабы не перегружать его излишними версиями⁷², и наконец — по соображениям тех или иных его политических симпатий или антипатий⁷³.

Принципиально разделяя взгляд на добросовестность Геродота в передаче поступившей ему от других информации и не оспаривая изложенных выше причин умолчания или заглушения им побочных версий, хочу предложить еще одно объяснение встречающегося время от времени замалчивания или даже определенного искажения историком полученных им сведений. Нельзя не согласиться с тем, что Геродот был писателем не бесстрастным и, как каждой личности, а в особенности эмоциональной, ему было присуще вполне объяснимое простое стремление доказать

заслуживают методические принципы Фелинга, видно хотя бы по одному замечанию, имеющему непосредственное отношение к нашей теме, — о Тимне, информаторе Геродота в вопросах скифской генеалогии (*Fehling D. Op. cit. S. 89*): «Последние два из четырех названных мест... не дают повода для сомнения и мало опоры для того, чтобы считать их фикцией: Тимн [Thymnes! — Ю. В.] объясняет, что Савлий, убийца Анахарсиса, был его братом. Тем не менее... рассказчика можно рассматривать как удобно выбранного. Поскольку почти все места оказываются фикциями, уже а priori я считаю в высшей степени невероятным, чтобы эти два места составляли исключение».

⁷⁰ См., например: *Доватур А. И.* Зарубежная историография // *Доватур А. И.* и др. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982. С. 79; *Борухович В. Г.* Научное и литературное наследие труда Геродота // *Геродот. История.* Л., 1972. С. 485.

⁷¹ См.: *Jacoby F. Herodotos* // *RE.* 1913. Supplbd. 2. Sp. 473—483.

⁷² *Доватур А. И.* Научный и повествовательный стиль Геродота. Л., 1957. С. 191 и след. Примеч. 8.

⁷³ Наиболее ярко это выражено в труде: *Лурье С. Я.* Указ. соч. С. 55—98. Ср.: *Блаватская Т. В.* Очерки политической истории Боспора. М.; Л., 1959. С. 59—62.

читателю, а иногда и своим воображаемым или реальным оппонентам правдоподобность излагаемой версии, обусловленной определенными, сложившимися у автора взглядами на то или иное явление, его особыми теоретическими установками.

В этом отношении весьма показателен один пример. Широко известна переданная Геродотом история спора трех персов о наилучшем государственном устройстве, в котором якобы поборником за демократию выступал Отан. Этот рассказ Геродот предваряет словами: «... и были сказаны речи, кажущиеся невероятными некоторым эллинам (ἐνίοισι τῶν Ἑλλήνων), тем не менее они были сказаны» (*Herod.* III. 80). Главный упор сделан автором на опровержении скептицизма тех читателей, которые сомневаются в том, что при таком автократическом режиме, как персидская монархия, речь вообще может идти о демократическом способе правления. Поэтому под «некоторыми» должно понимать большинство греков. В своем труде Геродот еще раз возвращается к этой истории (VI, 43), когда он рассказывает о походе Мардония в Ионию. Повествуя об этом, он делает весьма примечательную ремарку: «... тут я расскажу вещь чрезвычайно удивительную для тех эллинов (τοῖσι... Ἑλλήνων), которые не могут поверить в то, что Отан высказал семи персам мнение, что персы должны управляться демократически». И далее: «Ведь устранив всех (πάντας) тиранов в Ионии, Мардоний установил в этих городах демократию (δημοκρατίας)». Не так важно то, что Геродот опять говорит об отдельных не верящих в данный факт эллинах, главное другое: он совершенно определенно заявляет, что Мардоний скинул тиранов во *всех* ионийских полисах. На поверку же он вступает в противоречие с теми местами своей «Истории», из которых следует, что по крайней мере пять тиранов (не считая малоазиатских династов) остались у власти: Страттис на Хиосе (IV. 138 и VIII. 132), Эак, сын Силосонта, на Самосе (IV. 138; VI. 13 и VI. 25), Кадм, сын Скифа, на Косе (VII. 163, 164), Артемисия, дочь Лигдамида, в Галикарнассе (VII, 99), сыновья Эантида, внуки Гиппокла, в Лампсаке (IV. 138; Ср.: *Thuc.* VI. 59, 3)⁷⁴. Иными словами, здесь мы видим, что Геродот-историк для доказательства проводимой им в ожидании критики идеи, противоречия сам себе, ретуширует очевидные исторические факты⁷⁵.

Наконец, мы подходим к третьему методическому вопросу. Как было уже давно установлено, причерноморские полисы сами по себе не интересуют историка: их описание всплывает только тогда и только в той мере, в какой они связаны со Скифией. Яркая иллюстрация тому — новелла о Скиле, в связи с которым и появляется на сцене Ольвия. Однако рассказ о нем в «Скифском логосе» не одинок — ему предшествует новелла о его аналоге Анахарсисе. Они родственны по судьбам не только в том, что оба происходили

⁷⁴ Ср.: *How W. W., Wells J. A. A Commentary on Herodotus.* Oxford, 1928. Vol. II. Comment. ad VI. 43.

⁷⁵ *Доватур А. И. Повествовательный и научный стиль Геродота.* С. 140.

из царского рода, получили так или иначе эллинское образование, но — главное — разделили одну и ту же участь: оба погибли от рук своих братьев по причине того, что, как замечает Геродот, «и они также»⁷⁶ [т. е. скифы. — Ю. В.] старательно избегают пользоваться обычаями других народов и больше всего эллинскими» (Herod. IV. 76). Такая программная установка проходит троекратно⁷⁷ через текст обеих новелл (IV. 76. 1; 77. 2; 80. 5). Сквозь ее призму⁷⁸ мы и должны пристально анализировать всю информацию, которую сообщает нам о Скиле «отец истории». Как уже давно было установлено, рассказ о нем, как и об Анахарсисе, представляет собой историческую новеллу, где — в соответствии с жанром — новеллические моменты тесно переплетены с историческими фактами. Исходя из программной идеи Геродота, следует попытаться вычленить, с одной стороны, рационально-историческое информационное ядро, а с другой — новеллическое, т. е. замолчанные и даже надуманные, элементы повествования. При этом нельзя не учитывать, что и в последних вполне может скрываться такое же рациональное зерно.

Для доказательства показавшейся достойной упоминания или даже понравившейся ему черты национального характера скифов, а именно неприятия ими чужеземных обычаев и религии и вытекающей отсюда строгой кары над вероотступниками, историку, выводящему на сцену царя-эллинофила, необходимо было надежно изолировать его от соплеменников. В случае хоть каких-либо контактов царя с войском или последнего с кем-то из эллинов рушилась бы вся логическая связь его доказательства. Отсюда и проистекают такие моменты, как то, что все войско остается за стенами города (на деле это могли быть далеко не все), запираются и охраняются ворота, прогулки Скила по городу без телохранителей-дорифоров и кого-либо другого, т. е., конечно, из скифов (возможно, этот факт и соответствовал действительности, но он подчеркнут специально). К новеллическим же моментам, безусловно, отнесится мысль об исконной обреченности скифского царя⁷⁹ и о знамении, ниспосланном ему божеством.

Не менее наивными выглядят побудительные мотивы доносчика-ольвиополита, пытающегося таким образом отплатить скифам за высокомерное отношение к эллинской религии. Очень возможно и то, что религиозная интолерантность варваров — по всей видимости, топос Геродота, — пусть даже она и имела место, служила скорее лишь пропагандистским средством, а не главной

---

⁷⁶ Дж. Пауэлл усматривает в этих словах намек на соответствующие нравы египтян, а поэтому считает, сопоставляя еще ряд ссылок в «Скифском логосе» на «Египетский», что историк посетил Скифию после Египта. См.: Powell J. E. The History of Herodotus. Cambridge, 1939. P. 17.

⁷⁷ Скржинская (Скифские сюжеты... С. 90) отмечает только два места.

⁷⁸ Как одного из немногих, кто обратил на это внимание, следует отметить Д. П. Каллистова (Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949. С. 129).

⁷⁹ Об этом см.: *Hohti P. Über die Notwendigkeit bei Herodot // Arctos. 1975. 9. S. 31—37.*

причиной свержения Скила. Недавно была высказана интересная мысль о том, что мать Октамасада — фракиянка — вполне могла воспитать сына, как и истриянка, мать Скила, во фракийско-дионисийском духе, так что братоубийца, наследовавший царю-филэллину, на престоле, вполне мог быть если не приверженцем, то, по крайней мере, весьма терпимым к экзотическим обрядам мистерий Диониса⁸⁰.

С другой стороны, Геродот стремился внести в свою новеллу как оживляющие ее штрихи те исторические реалии и факты, которые были им почерпнуты во время его пребывания в Ольвии⁸¹ как на основе личных наблюдений, так и от его информаторов, имя одного из которых историк нам сообщает: это некий Тимн⁸², доверенное лицо (ἐπίτρολος) царя Ариапифа, отца Скила. Приближенный к скифскому царскому дому, он мог сообщить путешественному историку не только сведения о царской генеалогии (*Herod.* IV. 76. 6), но и подробности биографии Скила. К таким деталям относится тот факт, что Скил приходил в Ольвию часто и оставался в ней по месяцу и более, что он построил в городе роскошный дворец, женился на ольвиополитке, был посвящен в дионисийские таинства, после низложения бежал во Фракию, подробности его последних дней на Дунае. Такие реалии, как стены и башни Ольвии, Геродот видел сам.

Если мы сопоставим теперь позитивную историческую информацию, переданную историком, с той, которая ретуширована или даже искажена им для логического обоснования заранее запрограммированной идеи, то не можем не заметить в последней целый ряд внутренних противоречий. Во-первых, если Скил, как считает большинство, приходил в Ольвию для того, чтобы наслаждаться жизнью à la grecque⁸³, то зачем ему было приводить с собой все войско⁸⁴: для безопасного прохода по степи он мог ограничиться меньшим по численности отрядом. Во-вторых, сообщение о частых и длительных визитах Скила требует Геродоту для того, чтобы подчеркнуть степень эллинизации скифского царя, но с другой стороны — лишь усугубляет противоречивость логической струк-

⁸⁰ Кузнецова Т. М. Анахарсис и Скил // КСИА. 1984. Вып. 178. С. 14.

⁸¹ Я не склонен разделять скептический взгляд некоторых новых исследователей на реальность посещения Геродотом Ольвии; см., например: *Armayor O. K. Did Herodotus ever Go to the Black Sea* // *Harv. St. Cl. Ph.* 1978. 82. P. 45—62.

⁸² Τίμνης — имя карийское, рано унаследованное греками, поэтому в нем, скорее всего, надо видеть грека, уроженца Ольвии. Разбор и критику необоснованных предположений о Тимне как скифе (Мазаракья, Ельницкий) или начальнике гвардии скифского царя (Яйленко) см.: *Доватур А. И.* и др. *Народы...* С. 316. Комментар. 463. В. Али (см.: *Aly W. Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen.* Göttingen. 1921. S. 127) по непонятным причинам называет его карийским прохосеном при дворе Ариапифа!

⁸³ См., например: *Bravo B. Une lettre sur plomb de Berezan'* // *DHA*, 1974. 1. P. 174.

⁸⁴ Так, по всей видимости, верно понимает термин ἡ στρατιή Э. А. Грантовский (Проблемы изучения общественного строя скифов // *ВДИ.* 1980. № 4. С. 145 и след.). Латышев (Исследования. С. 41. Примеч. 8) считал, что Скил приводил с собой дружину.

туры его аргументации: бесспорно, с ним постоянно прикочевывала к Ольвии какая-то одна и та же группа людей — дружина, свита, знать, родственники и т. д., которые рано или поздно вывели бы царя-вероотступника на чистую воду.

В-третьих, этих самых людей должен был бы насторожить тот повторяющийся факт, что именно всякий раз с появлением Скила в городе запирались и охранялись ворота (*Herod. IV. 78. 5: εἴτε ἀγάγοι . . . ὅπως ἔλθοι . . . τὰς πύλας ἐκλήϊσκει*). Они могли обеспокоиться хотя бы тем, как бы чего не случилось в чужом городе с их царем, изолированным от своих соплеменников и лишенным всякой охраны (οὔτε δορυφόρων ἐπομένων οὔτε οὐδενός)⁸⁵. В-четвертых, как ни старается Геродот оставить скифов в неведении относительно образа жизни их владыки в Ольвии, ему это не больно удается. По его словам, царь оставлял свое войско ἐν τῷ προαστείῳ. Под этим термином понимают незаселенное открытое место перед городскими стенами⁸⁶, то реально существовавшее там поселение, посад⁸⁷. Как недавно показал убедительным анализом Г. Аудринг⁸⁸, этот термин мог означать у Геродота и то и другое. Но важно не то, где конкретно оставлял Скил свою ἡ στρατιή, а то, что ко времени его визитов за стенами Ольвии уже существовало неукрепленное, открытое поселение — предместье, жители которого, пусть даже они состояли почти исключительно из местного, согнанного с ольвийской хоры населения⁸⁹, бесспорно, имели доступ в сам город, а потому свободно могли рассказать царским скифам о деятельности их правителя, скрытого от взоров последних высокой ольвийской стеной.

И наконец, самое серьезное противоречие я усматриваю в том парадоксальном обстоятельстве, что по тексту новеллы оказывается: городские ворота Ольвии наглухо запирались за Скилом не только для номадов, но и для проживавших в ней эллинов. Это следует из анализа одного ἀπὸ τῶν λεγόμενων, употребленного писателем. Рассказывая о действиях некоего ольвиополита, донесшего скифам на их царя, он говорит, что тот διεπρήστευσε . . . πρὸς τοὺς Σκύθας (*Herod. IV. 79. 4*). Этот уникальный в греческом языке глагол⁹⁰, не находящий удовлетворительных параллелей, пытались эменди-

⁸⁵ Ж. Дюмезиль тонко подметил, что «в случае со Скилом скифы, которых мы в других ситуациях знаем вспылчивыми, проявляют себя удивительно терпеливыми и наивными перед фактом длительных, повторяющихся исчезновений их царя: всякий раз они остаются больше месяца перед чужим городом, закрытым для них, не пытаясь проникнуть в него, без контактов с кем-нибудь из греков» (*Dumézil G. Romans de Scythie et d'alentour. P., 1978. P. 353*).

⁸⁶ Латышев. Исследования. С. 41 и след. Примеч. 8; Марченко К. К. К вопросу. . . С. 136.

⁸⁷ Козуб Ю. И. Передмистя Ольвии // Археологія. 1979. 29. С. 31 и след.

⁸⁸ Audring G. Proastion // Klio. 1981. 63. 1. S. 223 ff.

⁸⁹ Марченко К. К. К вопросу. . . С. 135.

⁹⁰ Большинство рукописей (PDRV) дает приведенную форму, меньшинство (ABC) — ἐλοήστευσε, и только одна (S) — διεπίστευσε; переписчик последней явно заменил непонятный глагол знакомым.

ровать и трактовать в двух смыслах. Одни экзегеты шли в направлении конъектур со значением «сообщать, разглашать»: διελερίσενυσε (Reiz), διεθρήσενυσε (Riemer), διελεράτευσε (Scheer), διεπρέσβενυσε (Allen). Иногда оставляя форму без изменений, предлагали здесь видеть *verbum cavellandi*, т. е. глагол с оттенком насмешки: höhnen, spotten (Stein), sagte höhnsch (Feix), giped at (How-Wells), sagte höhrend (Horneffer); ср.: *Alla faire des gorges chaudes* (Legrand). Такое толкование только по смыслу явно навеяно речью этого ольвиополита: «Над нами вы смеетесь, скифы, и т. д.» (Ἡμῖν γὰρ καταγελάτε, ὧ Σκύθαι, κτλ.), — но оно оставляет некоторые моменты неразъясненными.

Во-первых, не предложено сколь-нибудь удовлетворительной, основанной на близких параллелях этимологии. Этимология Шантрена: «*πρηστέειν* произошло, как *πρηστήρ*, от корня *πίμληρι*, и речь здесь идет о ком-то, кто весь воспламенен, весь кипит, весь дымится, но не от гнева, а от нетерпения высказать свои насмешки. Не надо ли сопоставлять с этим *πρημονᾶν*, читающийся у Herondas VI.8?»⁹¹ — выглядит весьма искусственной и выведенной опять же из желаемого смысла. Во-вторых, при предлагаемом толковании не находит удовлетворительного объяснения префикс *δια-*. Предложение Леграна: «Префикс *δια-* может означать, что этот грек разносил там и сям свои язвительные насмешки» — противоречит контексту рассказа: безымянный ольвиополит явно улучил момент, когда Скил справлял мистерии, чтобы тайком провести скифских предводителей на башню и выдать им действия царя, а не разносил слухи в среде скифов какое-то продолжительное время.

Поэтому я считаю более оправданными (не принимая их, конечно, в текст) конъектуры экзегетов второго лагеря, выбравших направление в сторону значения этого глагола «убегать, выскальзывать»: *διεδρήστευσε* (Schneidewin), *διεδρηλέτευσε* (Dindorf), *διέδρη ἐνθεῦτεν* (Abicht), *διέλεσε* (Valckenaer)⁹². Иными словами, доносчик-ольвиополит пробрался, проник, проскользнул через закрытые и охраняемые ворота к скифам. А это означает, что, по мысли Геродота (не в реальной действительности, конечно), на время пребывания Скила в Ольвии въезд и выезд из города был строго запрещен не только для скифов, но и для греков. Однако в происходящую отсюда крайне неправдоподобную ситуацию трудно поверить: своего рода осадное положение, устанавливавшееся часто и длившееся по месяцу и более, должно было полностью парализовать экономическую жизнь города. Оно возникло только вследствие аргументации Геродота, пытавшегося всячески отстоять перед читателем привлекательную для него идею, пусть она даже придет в некоторое несоответствие с исторической правдой.

⁹¹ См.: *Hérodote. Histoires* / Ed. par Ph. E. Legrand. Vol. IV. P. 96. Not. 2.

⁹² Ср.: *Powell J. E. A Lexicon to Herodotus*. Cambridge, 1938, s. v.: *dub. «hurry across»*.

Выявив внутренние несогласованности у Геродота, попытаемся теперь на базе позитивной информации реконструировать историческую действительность. Прежде всего следует сказать, что сам факт сильной эллинизации скифской верхушки, наиболее ярким представителем которой в этом плане был Скил, для V в. вполне историчен. Однако Скил вовсе не был первой ласточкой: еще в первой четверти V в. мы встречаем в Ольвии некоего *Iudamlaing* — по имени, бесспорно, скифа, посвящающего чернофигурный килик Гермесу, которому даже Городот (IV. 59) не смог подыскать параллели в скифском пантеоне⁹³. Не исключено, что некоторые представители варварского окружения уже знали в это время греческую грамоту⁹⁴. Оба факта согласуются с эпизодами биографии Скила, которому мать дала греческое образование и который был посвящен в дионисийские мистерии.

Процесс эллинизации начался, очевидно, еще при отце Скила Ариапифе, если не при его предке (?) Арготе⁹⁵. Сопоставление целого ряда аналогичных моментов в биографии отца и сына убеждает меня в ошибочности расхожего мнения, видящего в Скиле из ряда вон выходящую фигуру в скифской истории. Во-первых, Ариапиф, как и его сын, имел жену-гречанку, которой он дозволил воспитать своего отпрыска в эллинском духе. Во-вторых, тот и другой установили тесные контакты с Фракией: Ариапиф берет за себя дочь одрисского царя Тереса, от которой у него родится Октамасад, а Скил после своего низложения бежит за Дунай, прося убежища у фракийского правителя Ситалка. Не исключено, что брат последнего, выменанный впоследствии Октамасадом на Скила, попал к скифам еще при названном последним правителе. Все перечисленное наводит на мысль, что Скил во многом, если не во всем, продолжал политику отца. Это особенно наглядно проявляется в отношении обоих к Ольвии. Как нам известно, в этом полисе Ариапиф держал своего поверенного (*ἐλίτρολος*) — Тимна. К сожалению, контекст, в котором он упоминается у Геродота (IV, 76, 6), настолько малоинформативен, что мы не можем доподлинно знать, какое из нескольких значений этого термина тот имел в виду: управитель⁹⁶, опекун⁹⁷

⁹³ См.: *Виноградов Ю. Г.* Варвары в просопографии Ольвии... С. 142. № 3. После публикации Яяленко, считавшего сосуд утраченным, ваза обнаружилась в Эрмитаже. См.: *Горбунова К. С.* Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л., 1983. С. 174, 176, 217. № 149.

⁹⁴ *Виноградов Ю. Г.* Варвары в просопографии Ольвии... С. 142—144. № 3, 7, 10, 11; *Он же.* Синопа и Ольвия. II. С. 57. Примеч. 58.

⁹⁵ *Vinogradov Yu. G.* L'anello del re Scyles // *Epigraphica*. 1981. 43. P. 34 e seg.

⁹⁶ См., например: *Латышев.* Исследования, С. 43 и примеч. 10; *Pohlentz M.* Herodot. Der erste Geschichtsschreiber des Abendlandes. Leipzig; B., 1937. S. 75. Апп. 1; *Van Groningen B. A.* Herodotus' Historiën, IV. Leiden, 1970. P. 36 ff. (как альтернативный вариант).

⁹⁷ *Bonnell E.* Beiträge zur Altertumskunde Russlands. St. Petersburg, 1882. S. 42. Апп. 1; *Мищенко Ф. Г.* Геродот. История в IX книгах. М., 1888. Т. II. С. 592, s. v. «Тимн». Это определение функций Тимна наименее вероятно, так как, с одной стороны, факт опекунства скифского царя греком в высшей степени маловероятен, а с другой — Тимн оказывался бы выдающимся должжителем: будучи уже в воз-

или даже наместник⁹⁸. Последнее нельзя вовсе исключить, особенно учитывая характер политических взаимоотношений скифов и Ольвии в V в. (см. ниже), однако бесспорно то, что Тимн устраивал какие-то экономические дела своего патрона в полисе⁹⁹. Все сказанное выше о резких переменах в Северопонтийском регионе вообще и в непосредственной округе Ольвии в частности приводит меня к выводу не просто об экономических интересах Скифского царства в этом полисе¹⁰⁰, но об установлении над ним экономического контроля, приведшего в конечном итоге к свертыванию его сельскохозяйственной базы и превращению в трансагента по вывозу в Эгеиду продуктов присвоения скифов-номадов¹⁰¹.

Об этом можно было бы заключить уже по содержанию самого рассказа Геродота. Если его не смущает в смысле противоречивости тот факт, что скифы часто и подолгу должны были ожидать своего царя за стенами Ольвии, то и для них были вполне естественными иные (кроме эллинофильства своего владыки, о котором они якобы не могли знать) причины частых визитов царя. Для них было само собой разумеющимся, что он может посещать город (как, вероятно, делал и его отец) для устройства там своих экономических (и не только их) дел. По всей видимости, их устраивало столь длительное ожидание: есть все основания предполагать, что частые прикочевки Скила к Ольвии с войском, т. е. со всем боеспособным мужским населением его царства¹⁰², были не чем иным, как «кормлением» войска по типу пресловутых «персидских угощений» (ср.: *Herod. VII. 118*)¹⁰³.

Сказанное подводит нас вплотную к тому важному выводу, что контроль Скила над Ольвией, проявлявший себя преимущественно в сфере экономики, был не чем иным, как особой формой варварского протектората над греческим полисом¹⁰⁴. На мысль

расте во время малолетства Арнапифа, он должен был пережить его, Скила, и дожить, как минимум, до Октамасада, чтобы суметь сообщить сведения Геродоту.

⁹⁸ *Ельницкий Л. А.* Скифия евразийских степей. Новосибирск, 1977. С. 182. Примеч. 46.

⁹⁹ Рёлиг (Op. cit. S. 28 ff.) полагает, что во время пребывания в Ольвии Скил занимался торговым обменом зерна, скота, рабов и т. д. на греческие золотые украшения, вино и масло.

¹⁰⁰ Ср.: *Гайдукевич В. Ф.* Очерк истории // АГСП. 1955. С. 37, 39; *Хазанов А. М.* Социальная история скифов. С. 235.

¹⁰¹ К этому заключению присоединилась Скржинская (Скифские сюжеты... С. 101).

¹⁰² См.: *Грантовский Э. А.* Указ. соч. С. 145 и след.

¹⁰³ *Vinogradov. Die historische Entwicklung.* S. 77.

¹⁰⁴ Мысль о скифском господстве над Ольвией была высказана еще в начале прошлого века Д. Р. Рошеттом и неоднократно повторялась в литературе, никогда, впрочем, не получая развернутого обоснования. См.: *Rochett D. R.* Antiquités grecques du Bosphore-Cimmérien. P. 1822. P. 99 et suiv.; *Minns.* P. 484; *Rostovtzeff M.* Iranians and Greeks in South Russia. P. 64 ff.; *Van Groningen B. A.* Op. cit. P. 36 ff. Comment. ad. IV. 76. 6 (как альтернативный вариант). К мнению Ростовцева присоединились Я. Рёлиг (Op. cit. S. 28) и Э. Дж. Грейем (*Graham A. J.* The Colonial Expansion of Greece // САН². Cambridge, 1982. Vol. III. 3. P. 127, 156), считавший прежде, что «скифский правитель — филэллин Скил, имевший дом

о диктате скифских царей в Ольвии могли навести хотя бы слова самого Геродота (IV. 78. 4): Скил, когда входил внутрь городских укреплений, τὰς πύλας ἐκλήϊσσειе — дословно: «запирал ворота», что некоторыми переводчиками оправданно передается как «велел, приказывал запирать ворота» (Мищенко, Бессмертный, Стратановский). Важно, что выбрана именно эта, а не безличная форма, как ниже τὰς δὲ πύλας ἐφύλασσον — «а ворота стерегли». Далее, обращает на себя внимание один момент: скифы, узнав о веротступничестве своего правителя, восстали не сразу, а дождавшись, когда тот вернется восвояси (ἐς ἧθεα τὰ ἐωυτοῦ) ¹⁰⁵. Похоже, что и здесь Геродот не отступил от исторической истины, но тогда не означает ли это, что у царя была сильная опора в самой Ольвии, крепкие стены которой скифы не решились, да и не умели, осаждать?

В этой связи встает еще один вопрос: почему же после своего низложения Скил не попытался снова укрыться за ольвийскими стенами, а бежал во Фракию? Вероятно, потому, что ольвиополиты осознали: над ними был уже официально поставлен скифами новый патрон — Октамасад, и они не хотели перед ним рисковать из-за старого, каким бы эллинофилом тот себя ни зарекомендовал ¹⁰⁶. В русло высказанной мысли о скифском протекторате гораздо лучше укладывается сообщение о роскошном дворце Скила в Ольвии, подразумевавшее ἐϋχτησις οἰκίαις, предоставленную царю ольвиополитами, либо, скорее, присвоенную им по праву патрона-покровителя. Приняв концепцию скифского контроля над Ольвийским полисом и внедрения в некоторые сферы ее жизни варваров, легче объяснить тот красноречивый факт, что ровно половина всех негреческих имен догетского периода падает как раз на V в., полностью исчезая на время с начала следующего столетия. Среди их носителей около трети входит в правящую верхушку, а для другой трети можно предполагать принадлежность к обеспеченным слоям города ¹⁰⁷.

Последнее и, на мой взгляд, самое веское подтверждение развигаемой на этих страницах концепции скифского протектората над Ольвией пришло недавно из совсем иного места и с другими

в Ольвии, разумеется, исключительная фигура и ни в коем случае не был здесь членом правящего класса» (Colony and Mother City. P. 106). Отстаиваемую автором этих строк гипотезу о скифском протекторате над Ольвией целиком приняли С. Ю. Сапрыкин (Тирания в припонтийских государствах // Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. Л., 1984. С. 97—101) и С. Б. Охотников (Указ. соч. С. 18).

¹⁰⁵ В отличие от некоторых комментаторов (см., например: Кузнецова Т. М. Указ. соч. С. 14) я не склонен понимать это место в том смысле, что Скил должен был непременно вернуться в Скифию; вполне возможно, здесь имеется в виду возвращение к войску под стены Ольвии и даже просто в скифский облик.

¹⁰⁶ Скржинской (Скифские сюжеты. . . С. 101) представлено еще одно возможное объяснение этого обстоятельства: Скил бежал во Фракию, так как надеялся собрать там силы для борьбы с братом.

¹⁰⁷ Виноградов Ю. Г. Варвары в просопографии Ольвии. С. 134 и след., 137 и след., 142—145 (фонд негреческой антропонимии пополнился с тех пор несколькими новыми именами).

источниками. В свое время Карышковским были опубликованы два литых «асса», происходящих из раскопок Никония¹⁰⁸. На аверсе монет помещено неизвестное до того времени изображение совы, а на реверсе — хорошо знакомое по многочисленным бронзовым оболам Ольвии изображение колеса. Основываясь на этом, издатель высказал казавшееся тогда вполне логичным предположение об ольвийском происхождении этих уникальных денежных знаков и прочел между спицами колеса четыре буквы ПАУΣ, которыми отмечена наиболее ранняя серия ольвийских «ассов» типа «Афина — колесо». Новые находки заставили внести известные коррективы в высказанные исследователем соображения¹⁰⁹.

В последние годы на Роксоланском городище (древний Никоний) было случайно обнаружено еще несколько экземпляров монет подобного типа, некоторые из которых равны по номиналу изданным, некоторые меньше них, а некоторые и превосходят их по своему достоинству. На новонайденных оболах, дошедших в гораздо лучшей, чем опубликованные, сохранности, не заметно вообще никаких следов букв между спицами колеса. Этот факт, равно как и концентрация находок этих монет исключительно на городище Роксоланы, заставляет признать реальность того факта, что они, подобно истрийским «колесикам»¹¹⁰, отливались жителями Никония по образцу ольвийских «ассов» и не должны быть отнесены к монетной системе Ольвии. Однако наиболее интересной оказалась другая сторона этих монет, на которой и стоят в действительности буквы: на самых мелких номиналах на реверсе во все поле ΣΚ, на аверсе средних ΣΚΥ по краю с правой стороны от головы совы, на более крупных там же ΣΚΥΛ. Можно было бы, конечно, видеть в этих буквах сокращение имени монетария, к примеру — Σκύλ (αξ), но не оправданнее ли, принимая во внимание прежде всего легший в основу образец ольвийских «ассов», на которых, как было отмечено, имя Αριχος принадлежит, скорее всего, негреческому единоличному правителю, а также в особенности статеры с именем варварского династа Эминака, и на никонийских литых оболах читать имя Скила¹¹¹, тем более что по времени выпуска они (согласно мнению Карышковского) могут укладываться в предполагаемые хронологические рамки правления этого скифского царя¹¹², т. е. вторую четверть V в до н. э.? А эта констатация, подтверждаемая как только что приве-

¹⁰⁸ Карышковский П. О. Ольвийские ассы с изображением совы // СА. 1962. № 2. С. 210—215.

¹⁰⁹ Приношу искреннюю благодарность П. О. Карышковскому, дружески ознакомившему меня с новым, подготовляемым им к изданию материалом. Ср.: Карышковский П. О. Монеты скифского царя Скила // Киммерийцы и скифы: Тез. докл. семинара. Кировоград, 1987. С. 66—68.

¹¹⁰ Карышковский П. О. Заметки по нумизматике Северного Причерноморья. Литые монеты с буквами ΙΣΤ // ВДИ. 1957. № 2. С. 138—140.

¹¹¹ На одном крупном «ассе» как будто читается даже ΣΚΥΛΕ (Ω), что сняло бы все знаки вопросов.

¹¹² См.: Виноградов Ю. Г. Перстень царя Скила. С. 104 и след.

денными нумизматическими параллелями, так и всеми высказанными выше аргументами, неизбежно влечет за собой весьма важное заключение: спасенный от забвения Геродотом владыка Скифского царства Скил, полностью продолжая политику предков, распространил зону своего влияния вплоть до Истра¹¹³, став протектором над греческими полисами Северо-Западного Причерноморья — не только над Ольвией, но и над Никоном.

Попытаемся теперь определить сферу контроля скифским протекторатом жизни Ольвии и его характер. По имеющимся у нас на сегодняшний день немногочисленным данным мы можем констатировать, что власть скифских царей простиралась преимущественно, если не исключительно, на экономику полиса. Прежде всего это нашло выражение в переносе доминанты в хозяйстве ольвиополитов с земледелия и скотоводства на транзитную торговлю скифскими поставками в Эгеиду, а также ремесло. Археологически это отразилось в сворачивании ольвийской хоры и концентрации земельных участков в непосредственной близости от города, которые теперь обрабатывались жителями либо самого города, либо возникшего за его стенами предместья¹¹⁴. Непосредственная внеэкономическая эксплуатация ольвиополитов со стороны скифов проявилась, видимо, в системе кормления войска, которая должна была ощутимо затронуть бюджет Ольвийского полиса. Не исключены и взимание определенной подати или система даров (см. ниже). У нас пока нет никаких данных предполагать, что скифские правители и их наместники заметно вторгались в сферу внутренней и внешней политики Ольвийского государства¹¹⁵; напротив, мы видим, что в городе существует гражданская община и местное самоуправление, издающее общественные постановления, выпускающее монету с полисными символами; функционируют магистратуры, такие, как общегородской эпоним эсимнет, по-видимому агораном; продолжают свою деятельность религиозные коллегии мольпов и орфиков, игравшие определенную роль в городе.

Я ничуть не склонен полагать, что даже экономический контроль был продиктован одним лишь насилием и эксплуатацией. Практически полную ликвидацию земледельческой базы Ольвий-

---

¹¹³ Ср.: Мелюкова А. И. К вопросу о границе между скифами и гетами // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М., 1969. С. 79; Она же. Скифия и фракийский мир. М., 1979. С. 235 и след.; Фол А. Thraco-Scythica: проблемы письменных источников о V в. до н. э. // Studia Thracica. С., 1975. I. С. 162.

¹¹⁴ Как показали недавние раскопки, на опустевшей территории ольвийской хоры во второй четверти V в. устраиваются скифские курганные могильники, содержащие обильный греческий импорт. См.: Гребенников Ю. С., Фридман М. И. К вопросу о населении ольвийской периферии в середине V в. до н. э. // Тезисы Парутино. 1985. С. 91.

¹¹⁵ Рёлиг (Op. cit. S. 28 u. Anm. 124) допускает и известную долю политической зависимости Ольвии, поясняя свою мысль словами: «Они (греческие колонии. — Ю. В.) должны были признавать верховную власть Скифского государства и платить трибут». Однако то и другое еще не предполагает вмешательства скифов в политику Ольвии.

ского полиса я не намерен объяснять одним только давлением Скифского царства, направленным на то, чтобы устранить очевидного конкурента¹¹⁶. Признавая действительно главной причиной стремление номадов к реализации получаемых ими от лесостепных племен (в результате внеэкономического принуждения) излишков сельскохозяйственной продукции через посредство эллинских торговцев, а возможно, и к прямой эксплуатации в той или иной форме самих греков, я вовсе не исключаю и того вероятного факта, что какие-то конкретные слои ольвийского общества были заинтересованы в том, чтобы сосредоточить свою предпринимательскую деятельность на определенной, несомненно выгодной и, видимо, не новой для них, отрасли экономики — посреднической торговле, а потому вполне могли даже поддерживать новый режим.

Однако, как всегда, находились и оппозиционные элементы. Если отбросить наивные побудительные мотивы ольвиополитов, донесшего скифам на Скила, как они избочены Геродотом, и принять его вылазку в скифский стан (или подобные ей) за исторический факт, то не покажется таким уж нереальным предположение о том, что им могло двигать недовольство сущностью варварского протектората и то, каким образом он конкретно затрагивал благосостояние, а может быть, и политическое самосознание отдельных кругов ольвийского населения. Зная слабую струнку скифов, этот ольвийский гражданин мог провокационно сыграть на их веронетерпимости, мотивы же его поведения оставались совсем иными и более глубокими¹¹⁷.

Интересно теперь сопоставить характер эксплуатации скифами ольвиополитов с формами зависимости, в которой оказались в то же время западнопонтийские полисы от Одрисского царства. Фукидид (II. 97. 3) прямо говорит, что все эллинские города, над которыми правили фракийцы (τῶν Ἑλληνίδων πόλεων ὄσωντες ἤρξαν), уплачивали им подать (φόρος) наравне с варварскими племенами. При Севте I ее размеры от тех и других достигли максимальной денежной суммы в 400 талантов золотом и серебром. Кроме того, изделиями из тех же благородных металлов подносились дары (δῶρα) на равную сумму, а отдельно от них роскошные и простые ткани и всякая утварь. Из приведенного факта делается справедливое заключение, что система взимания трибута была введена еще до Севта — при Ситалке, а может быть, и при Тересе¹¹⁸. Дань с греческих полисов Херсонеса Фракийского продолжала взиматься одрисскими правителями и в IV в.¹¹⁹ Интересна система перераспределения подати и подношений: согласно Фукидиду, их получал не только сам царь, но и его парадинасты и знатные одрисы.

---

¹¹⁶ Марченко К. К. Модель... С. 142 и след.

¹¹⁷ Ср.: Сапрыкин С. Ю. Указ. соч. С. 100 и след.

¹¹⁸ См.: Златковская Т. Д. Возникновение государства у фракийцев VII—V вв. до н. э. М., 1971. С. 222.

¹¹⁹ Там же. С. 224 и след.

Трудно себе представить, чтобы владыки царских скифов, находившиеся в столь тесных контактах с одрисскими правителями, воздержались бы от аналогичной практики внеэкономической эксплуатации подвластных им полисов Северо-Западного Понта¹²⁰, подобным же образом перераспределяя присвоение богатства. В таком случае мы должны предположить еще одну причину частых посещений Скилом Ольвии: как и его «коллега» Саитафарн два с половиной столетия спустя, он навещал город для получения дани и подарков. В этой связи становится понятным, что золотые и бронзовые украшения, изготовленные руками ольвийских мастеров с учетом вкуса варварского потребителя, могли попадать в конечном итоге в могилы скифской знати не только в результате торгового обмена¹²¹. Однако безусловно права Т. В. Блаватская, полагающая, что «эта зависимость... не могла принести ущерба политической самостоятельности городов» как Западного, так и Северо-Западного Понта¹²².

Возникновение ольвийской тирании

Для решения проблемы внутривполитического устройства Ольвии на помощь приходят не только нумизматические, но и новые эпиграфические источники. При раскопках Ольвии 1972 и 1973 гг. были обнаружены два соединяющихся по излому фрагмента декрета, вырезанного великолепным шрифтом в манере стойхедон. По палеографическим и историческим соображениям документ был датирован мною третьей четвертью V в. до н. э. (рис. 5)¹²³

[	Δ	ó	γ	μ	α	[	Ο	λ	β	ι	ο	—	ΣΤΟΙΧ. 10—11	
	π	ο	λ	ι	τ	ξ	[	ω	ν	·	Τ	ι	—	
	μ	η	σ	ι	λ	[	ε	ω	ν	·	Θ	ε	ó	—
	π	ρ	ο	π	ο	[	ν	.	.	.	.	α	—	
5	γ	ó	ρ	ε	ω	Σ	[	ι	ν	ω	π	έ	—	
	α	ς	π	ο	λ	ι	η	τ	[	α	ς	ξ	—	
	ν	α	ι	κ	α	ι	α	τ	ε	[	λ	έ	—	
	α	ς	κ	α	ι	γ	η	ς	[	ξ	γ	κ	—	
	τ	[	η	σ	ι	ν	ξ	ν	α	ι	α	ύ	—	
10	{	τ	ο	τ	ς	κ	α	ι	ο	ι	κ	ι	—	
		[	η	ς	(?)	κτλ.								

¹²⁰ Аналогичная точка зрения высказана в работах: *Rostoutzeff M. Iranians and Greeks. P. 64 ff.*; *Röhlig J. Op. cit. S. 28. Anm. 124*; *Блаватская. ЗПГ. С. 57.*

¹²¹ Сходные отношения Скифии и Боспора в IV в. до н. э. предполагает Э. В. Яковенко (Скифы на Боспоре: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1986. С. 27).

¹²² *Блаватская. ЗПГ. С. 57.*

¹²³ *Виноградов. Синопа и Ольвия. I. Подробное исследование надписи позволяет ограничиться здесь кратким компендиумом основных выводов. В некоторых рецензиях на изданный мною общий очерк ольвийской истории (Vinogradov. Olbia) высказаны несогласия с рядом положений публикации декрета. Однако сомнения Э. Дж. Грейема в правильности восстановления преамбулы лишь на том основании, что верхний край стелы не сохранился, игнорируют тот факт, что реконструированная формула могла стоять только в первых строках текста. Столь же голословен его скепсис в отношении бесспорно высчитанной длины строки (см.: *Graham A. J. // Spontop. 1983. P. 462*). Сомнения Я. Печирки относительно надежности восстановления ξγητςς в связи со столь ранней датировкой доку-*

Р и с. 5. Декрет в честь Тимесилея

Уже один только анализ многочисленных аналогий преамбульной формуле Δόγμα Ὀλβ., распространенной либо в неполисных актах, либо в документах недемократических полисов, наводит на мысль, что в Ольвии V в. народовластие отсутствовало. Исследование ономастики декрета приводит к заключению о том, что он издан в честь двух синопцев — тирана Тимесилея и его брата Теопрота, изгнанных около 437 г. до н. э. в результате совместных действий синопских демократов и афинского флота под командованием Перикла и Ламаха (*Plut. Рег. 20*). Неординарный характер постановления подтверждается и составом привилегий: самое раннее в ольвийской эпиграфике дарование политики вместе с ателией ставило синопских экс-тиранов выше граждан, а древнейшее

мента не были, к сожалению, подкреплены никакими доводами (см.: *Peřirka J. // Eirene. 1986. 23. S. 130*). Интерпретация документа принята в следующих работах: *Robert J. et L. Bull ép. 1982. 235; Alexandrescu P. // St. Clas. 1984. 22. P. 154; Gehrke H.-J. Stasis. München, 1985. S. 150 und Anm. 2. Ср.: SEG. XXXI. 701; Fraser P. M. // Classical Review. 1983. P. 150.*

в греческой практике предоставление им права приобретения земли и дома(?) в условиях крайней редукции ольвийской хоры обеспечивало политическим изгнанникам из Синопы гарантию занятости в той же, что и прежде, сфере хозяйственной деятельности. Наконец, хорошо документированные в греческой истории политические связи ¹²⁴ тиранов делают весьма вероятным предположение о том, что изгнанный афинянами Тимесилей «сотавариши» нашел радушный прием в родственной ему по духу Ольвии.

Итак, анализ всех приведенных выше нумизматических и эпиграфических источников, а также еще целый ряд аргументов, изложенных в следующей главе, привел меня еще при публикации декрета в честь Тимесилея к твердому убеждению в том, что в Ольвии V в., находившейся под протекторатом скифских царей, установился тиранический режим. Отмечая там же, что «Ольвия на большем протяжении V в. управлялась автократически — либо через поставленных скифами наместников, которых по аналогии с персидской системой управления можно осторожно назвать «сатрапами», либо скифскими ставленниками, выдвинутыми из греческой среды, — тиранами», я оставил «выяснение... конкретных форм и методов их правления... за будущими, главным образом эпиграфическими, находками» ¹²⁵. И хотя подобные лапидарные документы пока не появились, попытаюсь все же на основе новых нумизматических материалов, а также интерпретированных выше сведений Геродота реконструировать генезис ольвийской тирании, уточнив ее сущность и конкретное развитие в рамках ольвийской истории V в. до н. э.

Опорной платформой для исследования должна здесь послужить эволюция монетных типов. Как уже было сказано, наиболее раннюю монету, датирующуюся самым началом V в., представляют крупные литые оболы с головой Афины и дельфином перед ее лицом на аверсе и колесом с «бугорками» или «припухлостями» в полях между спицами на реверсе. Им наследуют аналогичные, но более мелкие фракции оболов, у которых между спиц колеса появляются шарики. На смену им приходят эпиграфные монеты:

¹²⁴ О причинах установления тесных политических, экономических и культурных контактов между понтийскими колониями Милета в V в. см.: *Vinogradov. Olbia. S. 22 ff.; Idem. Pontos Euxeinos. S. 28, 36—42.* Они хорошо документируются теперь посвящением на мраморном постаменте, найденном при раскопках второго теменоса Ольвии. Посвящение готовится автором к изданию совместно с А. С. Русяевой:

Ξ á ν θ ο ς Π ó [σ ι ο ς] ΣΤΟΙΧ. 12—13

'Α π ó λ λ ω ν ι 'Ι η τ ρ [ω ι]

*Ι σ τ ρ ó μ ε δ é ο ν τ [ι]

'Ο λ β ι ο π ο λ ι τ η ς.

Новая находка позволяет внести коррективы в прежнее восстановление синхронного вотива IOSPE. I², 164. См.: *Виноградов. Синопя и Ольвия. I. С. 79.* примеч. 68:

τε. g. 'Α π ο λ λ ó ν ι ο ς Κ ή ι ο ς 'Ο λ [β ί η ς]
[μ ε δ é ο ν τ ι 'Α] π ó λ λ ω ν ι 'Ι η [τ ρ ω ι].

¹²⁵ *Виноградов. Синопя и Ольвия. II. С. 61* и след. Развиваемую автором идею ольвийской тирании целиком восприняли Карышковский (Ольвийские мольбы // Северное Причерноморье. Киев, 1984. С. 48 и след.) и С. Ю. Сапрыкин (Указ. соч. С. 97—101).

сначала крупные оболы того же типа с легендой ΕΠΙΠΑΥΣΑ по ободу колеса, а потом эмиссия нескольких лет, в которой легенда ΠΑΥΣ, но уже без эпонимного предлога занимает место «бугорков» между спицами колеса. Ясно, что анэпиграфные оболы относятся еще к позднеархаическому периоду истории полиса, когда тот управлялся, скорее всего, аристократически (см. гл. II). Но как интерпретировать тот факт, что одно и то же лицо, скрывающееся под аббревиатурой Παυσα. (=Павсаний), сначала отливает одно-годовалую эпонимную эмиссию ¹²⁶, а затем продолжает выпускать монеты со своим именем в течение еще нескольких лет? Я думаю, ответ может быть только один: некое лицо греческого происхождения по имени Павсаний, исполнив одну из высших магистратур в полисе, вслед за этим в течение нескольких лет стало править автократически в качестве тирана.

В справедливости этого важного заключения нас может укрепить рассмотрение вопроса о том, какую же эпонимную должность занимал Павсаний. Бурачков и вслед за ним А. Л. Бертье-Делагард не сомневались в том, что на ассе из коллекции Куриса с легендой ΕΠΙΚ. . . (?) представлено имя архонта ¹²⁷. Уверенность в том, что в V в. должность городского эпонима, как и в более позднее время, замещал архонт, была настолько крепка, что издатели НО дополнили в посвящении № 58 [ἄρχων] τοσ στερ[ανηφόρο (?)], несмотря на то что подобной магистратуры не существовало даже в Милете. Как я пытался показать в другом месте ¹²⁸, архонтат в раннее время не был свойствен ни Милету, ни его колониям.

Проблему разрешил блестящей реконструкцией НО 58 Ф. Граф ¹²⁹, восстановивший в сткк. 3—5: ἐπὶ Διονυ[σο]ῦ δώρο τῷ Ληναῖο μολλ[ῶν αἰσυμῶν] τοσ στερ[ανηφορόντων?]. Карышковский, подвергнув анализу все эпиграфические свидетельства, показал, что должность архонта становится эпонимной лишь в послегетскую эпоху: в раннее время в роли городского эпонима выступал эсимнет мольпов, которого затем сменил на этом посту жрец Аполлона ¹³⁰. Я думаю, не будет большой смелостью предположить, что в столь раннее время, когда личные имена только

¹²⁶ На то, что эта монета — первая в его серии, указывает элемент, традиционно унаследованный от предыдущего типа, — «бугорки». Если П. Бурачков (Общий каталог монет. С. 37. № 3) правильно разобрал на ассе из коллекции Куриса после эпонимного предлога *καππυ*, то мы получили бы еще одного ольвийского магистрата, отливавшего оболы со своим именем незадолго до Παυσα. Однако правильность чтения этой буквы на не совсем, видимо, идеально сохранившемся экземпляре вызывает серьезные сомнения.

¹²⁷ Бурачков П. Указ. соч. С. 37; Бертье-Делагард А. Л. Указ. соч. С. I. № 3: «... поверить сомнительные вес и надпись имени архонта не мог».

¹²⁸ Vinogradov. Die historische Entwicklung. S. 87 ff. Недавно этот вывод подтвержден развернутым анализом всей суммы свидетельств в кн.: Ehrhardt. S. 208—210.

¹²⁹ Graf F. Das Kollegium der Μολλοῖ von Olbia // Mus. Helv. 1974. 31. S. 209 ff.

¹³⁰ Карышковский П. О. Ольвийские эпонимы // ВДИ. 1978. № 2 С. 82—88.

К тем же выводам независимо пришел и автор. См.: Vinogradov. Griechische Epigraphik. S. 313. Anm. 127.

только появляются на ольвийских монетах, обол с легендой ΕΠΙ ΠΑΥΣΑ датировал своим именем общегородской эпоним — *μολῶν αἰσυνῶν*. Эта констатация может привести нас к интересным выводам.

Хорошо известно, что эсимнетия, вводившаяся в ранних греческих полисах для улаживания социальных распрей, часто становилась трамплином для достижения тирании¹³¹. Многочисленные подобные прецеденты были свойственны не только архаической, но и классической эпохе, что показывает хотя бы недавно изданный новый фрагмент знаменитых *Teiogum digae* второй четверти V в., один из параграфов которого карал за попытку ввести должность эсимнета¹³². Введение эсимнетии знакомо и истории Милета. Так, кровопролитную междоусобную борьбу двух милетских тиранов — Леодаманта и Амфитрея — около середины VII в. полис был вынужден пресечь назначением на должность эсимнета Эпимена (или Эпименида), который казнил или изгнал с конфискацией имущества виновных в смерти Леодаманта и тем покончил с враждой¹³³. Если в данном случае не известно, превратил ли эсимнет свою экстраординарную должность в орудие достижения личной тирании, то подобный прецедент засвидетельствован для конца VII в.: Фрасибул, выбранный, вероятно, на одну из ведущих государственных должностей, стал милетским тираном¹³⁴. Обычно на основании свидетельств Аристотеля (Pol. III. 1305 a 15—17) принято считать, что он пришел к тирании через пританию, однако недавно Эрхардт предложил — и, на мой взгляд, не без оснований, — что Фрасибул был облечен должностью не притана, а эсимнета¹³⁵. В этой истории привлекает к себе внимание еще один существенный момент: достижение тирании стало для него возможным в условиях кульминационного этапа изнурительной войны с лидийцами, вероятно, благодаря тому, что он умело организовал оборону и в конечном счете обеспечил своему городу победу.

Ситуацию в Милете трудно не сопоставить с аналогичной, сложившейся в Ольвии сто с лишним лет спустя. Как уже не раз говорилось выше, в начале V в. ольвиополиты вступают в затяжную полосу конфронтации со скифами, сопровождавшуюся военными

¹³¹ Аристотель (Pol. III. 1285 a 31; 1285 b 26) называет ее даже *ἀφ᾽ ἐτῆ τυραννίς* — «выборная тирания». См., например: *Berve H. Die Tyrannis bei den Griechen*. München, 1967. Bd. 1. S. 94; Bd. 2. S. 574; ср. след. примеч.

¹³² *Herrmann P. Teos und Abdera im 5. Jh. v. Chr. // Chiron*. 1981. 11. S. 7, a. 22—24; S. 18—21. В этом фрагменте конец клаузулы, устанавливавший вид наказания, не сохранился, но на основании ее начала П. Херрман реконструирует соответствующий параграф старого (ныне пропавшего, известного только в копиях) фрагмента В 3 этого теосского закона, где карой за попытку введения эсимнетии в Теосе служит смертная казнь виновного и его рода. Автор приводит обширную библиографию об институте эсимнетов (Anm. 50).

¹³³ *Nicol. Dam. FGrH 90 F 52, 53; Berve H. Op. cit. 1. S. 100 ff.; Seibert J. Die politischen Flüchtlinge und Verbannten in der griechischen Geschichte*. Darmstadt, 1979. S. 20; *Ehrhardt. S. 201*.

¹³⁴ О Фрасибуле см.: *Berve H. Op. cit. 1. S. 101; 2. S. 578 ff.*

¹³⁵ *Ehrhardt. S. 202*.

столкновениями, но не приведшую поначалу (пока у тех руки были скованы во Фракии) к подчинению полиса. Учитывая политическую обстановку и многочисленные аналогии из других областей греческого мира, трудно не поддаться искушению предложить следующую реконструкцию генезиса ольвийской тирании. Занимавший верховную эпонимную должность в полисе и облеченный, весьма вероятно, вследствие этого перед лицом скифской угрозы рядом чрезвычайных полномочий, некий ольвийский гражданин по имени Павсаний сумел правильно и успешно организовать оборону, как-то: собрать и вооружить ополчение, укрепить в короткий срок город стенами и т. п., и, отразив очередной натиск номадов, приобрести заслуженный авторитет и славу среди сограждан, использовав свои заслуги для захвата тиранической власти в полисе. Важно, что Павсаний вовсе не был пионером, открывшим какой-то новый путь к достижению тирании: кроме вышеупомянутого Фрасибула и ряда других аналогичных случаев, повторю, что проверкой жизнеспособности монархии Гелона явилась угроза со стороны мощной этрусско-карфагенской коалиции; агрессия тех же карфагенян способствовала приходу к власти Дионисия; наконец, — что особенно показательно — Дамоклов меч все той же скифской экспансии спровоцировал в конечном счете консолидацию боспорских полисов под эгидой Археанактидов¹³⁶.

Монеты Павсания и соответственно приход его к власти должны датироваться, видимо, 80-ми годами V в., что полностью соответствует внешнеполитической обстановке в северопонтийском регионе. Однако нельзя умолчать об одном обстоятельстве, на которое наталкивается предложенная историческая реконструкция. Как это отмечено Эрхардтом, для инцидента с Фрасибулом в Милете в конце VII в.¹³⁷, эсимнетия и в Ольвии, видимо, с VI в. не была экстраординарной, вводимой *ad hoc* должностью, но стала уже регулярно полисной магистратурой. Однако этот момент я не считаю настолько серьезным, чтобы он мог разрушить предположенное выше историческое построение. Главное, что эсимнет был в Ольвии верховным магистратом, и именно это высокое положение при наличии соответствующих условий могло послужить занимавшей его выдающейся личности трамплином для дальнейшего скачка к авторитарному правлению. В ряду нескольких путей достижения тирании Аристотель (Pol. V. 1310 b 20—23) называет избрание на авторитетные должности (*τὰς κρείστας ἀρχάς*) или избрание олигархами кого-то одного исполнять высшие должности (*τὰς μεύιστας ἀρχάς*). В качестве примеров он приводит как раз ионийских тиранов и Фалариса.

Есть и еще одно весьма существенное обстоятельство: эсимнет в Милете и Ольвии был не просто общегородским эпонимом, но главой религиозного объединения мольпов, состоявших из представителей аристократических семей. Несмотря на скептицизм

¹³⁶ Виноградов Ю. Г. Полис в Северном Причерноморье. С. 416.

¹³⁷ Ehrhardt. S. 202.

Г. де Санктиса¹³⁸, полагавшего в противоположность У. Виламовицу и С. Я. Лурье, что «эпонимия эсимнета являла не политическую мощь, а политическое бессилие мольпов», Граф недавно достаточно убедительно показал, какое большое значение имел в Милете и его колониях общеполисный культ Аполлона Дельфиния, а потому и тесно связанная с ним коллегия мольпов с эсимнетом во главе играла в полисе заметную роль¹³⁹. Но в таком случае ольвийские мольпы не могли не оказать поддержку своему предводителю в его претензиях на власть, причем с двух сторон: как члены возглавляемого им религиозного союза и как представители аристократии, на которых он и опирался далее в своем тираническом правлении¹⁴⁰.

Эту мысль целиком воспринял и продолжил Карышковский: «... тираны опирались в известной мере на аристократические круги ольвиополитов и, сосредоточив в своих руках реальную власть, не считали нужным ликвидировать старинные культовые объединения знати». Он справедливо полагает, что свержение тирании и установление демократии в начале IV в. не могло не затронуть аристократов (точнее, я бы сказал, элитарные аристократические союзы), удачно подметив, что с «этого времени коллективные посвящения мольпов Аполлону Дельфинию сменяются индивидуальными посвящениями жрецов, к которым перешли, по всей вероятности, и функции эпонимов»¹⁴¹.

Судя по немногочисленности эмиссий оболов Павсания, правление его продолжалось недолго — не более десятилетия. Видимому, примерно к 480 г. ситуация меняется: Ариапиф заключает мирный договор с фракийцами, скрепленный династийным браком с дочерью Тереса, и, окончательно развязав себе руки на Юго-Западе, подчиняет своей власти нижнеднестровские полисы и Ольвию, устанавливая над ними протекторат скифов. Вслед за тем хора Ольвии сокращается до минимальных размеров. Как уже говорилось, контекст, в котором стоит у Геродота упоминание о Тимне, малоинформативен и не позволяет отдать предпочтение ни одному из значений термина *ἐλίτρολος*. Однако, принимая во внимание факты дальнейшего развития ольвийской истории, я все же решаюсь, хотя и не без колебаний, предположить, что это доверенное лицо распоряжалось не только личной движимостью и недвижимостью своего патрона, но и было посредником в осуществлении им экономического контроля над Ольвией, а может быть, даже и исполнителем его более глубокого по проникновению в полисную жизнь диктата. Был ли он наместником¹⁴² или тира-

¹³⁸ *De Sanctis G. I molpi di Mileto // Scritti minori. Roma, 1976. 4. P. 468; ср.: Gehrke H. J. Zur Geschichte Milets in der Mitte des 5. Jhs v. Chr. // Historia. 1980. 29. S. 20 ff.*

¹³⁹ *Graf F. Apollon Delphinios // Mus. Helv. 1979. 36. S. 2—22. К его мнению присоединяется Эрхардт (S. 143). Ту же позицию повторным анализом многочисленных источников недавно убедительно обосновал Карышковский (Ольвийские мольпы).*

¹⁴⁰ *Виноградов. Синопа и Ольвия. II. С. 67. Примеч. 117.*

¹⁴¹ *Карышковский П. О. Ольвийские мольпы. С. 49.*

¹⁴² *Ельницкий Л. А. Указ. соч. С. 182. Примеч. 46.*

ном — ставленником царя, решить трудно; несомненно одно: это грек, происходивший из среды ольвийского гражданства (см. выше, примеч. 82). Показательно, что этот выпуск ольвийской монеты во время его управления ненадолго прерывается.

Нельзя устанывать точно, когда Ариапиф пал жертвой коварства царя агафирсов Спаргапифа и трон занял его сын Скил, но можно допустить, что это случилось в промежутке между 475 и 460 гг. Именно на этот период падает новый выпуск продолжительной эмиссии ольвийских литых оболов сначала типа «Горгона—колесо», а потом «Горгона—распростертый орел с дельфином» — оба с надписью ΑΡΙΧ. Длительность выпуска определяется в пятнадцать лет. Параллельно отливались крупные разменные дельфины с легендой ΑΡΙΧΘ¹⁴³. Теперь, когда уже нет сомнений в том, что никонийская литая медь с надписями ΣΚΥΛ, ΣΚΥ и ΣΚ выпускались от имени Скила, синхронное ольвийское литье, несущее явно негреческое имя Αριχος¹⁴⁴, трудно интерпретировать иначе, как предположив, что этот скифский царь, часто посещавший Ольвию с вполне определенными целями (см. выше), водворил в ней своего наместника, происходящего из среды варварской знати. Этот факт весьма знаменателен: целиком продолжая политику своего отца, Скил еще более усилил контроль над полисом, осуществлявшийся через его ставленника, но теперь не эллина, а варвара. В годы правления Скила, по-видимому, наблюдается окончательная стабилизация обстановки в Нижнем Побужье. Свидетель тому — возникновение в это время ольвийского предместья и поселение в нем зависимого сельского населения, это может знаменовать собой частичный возврат к земледелию, хотя и в ограниченных масштабах.

Жизнь и царствование Скила трагически оборвались незадолго до визита в Ольвию Геродота, так как нелегко отделаться от впечатления, читая его новеллу, что он излагает происшедшее по горячим следам. Поэтому это событие следует поместить где-то около 450 г. Историк из Галикарнасса застал Ольвию уже под протекторатом Октамасада. Трудно безоговорочно согласиться с тем, что отношения Ольвии «к скифским царям несомненно резко ухудшились после замены Скила Октамасадом»¹⁴⁵. Мне кажутся абсолютно правыми те исследователи, которые полагают, что обвинение Скила в вероотступничестве было лишь пропагандистским поводом к его свержению, реальная же причина крылась в династической борьбе за власть¹⁴⁶. Во всяком случае, мало-

¹⁴³ Пока не ясно, старше или младше этих монет более мелкие дельфины с легендой ΘΥ и кто скрывается под этой аббревиатурой. В конце VI в. в ольвийском письме Апатурия засвидетельствован знатный (судя по имени) владелец нескольких рабов Θυμώλεως. См.: *Vinogradov. Olbia. S. 19.*

¹⁴⁴ Обоснование этнической атрибуции и параллели см.: *Виноградов Ю. Г. Варвары в просопографии Ольвии. С. 143. № 8.*

¹⁴⁵ *Карышковский П. О. Ольвия и Афинский союз // МАСП. 1960. 3. С. 75. Против см.: Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н. э. М., 1963. С. 67. Примеч. 41.*

¹⁴⁶ *Masan R. W. Herodotus. L., 1895. Comment. ad IV, 80, 1, 18; Теренож-*

вероятно, чтобы Октамасад отказался от тех явных выгод, которые ему сулили контроль и внеэкономическая эксплуатация ольвиополитов. Более того, можно с полным правом предположить, что при нем происходит даже подъем полисной экономики, поскольку весьма знаменательно, что в это время Ольвия впервые начинает чеканить серебряную монету.

При этом, однако, допустимо предположить некоторое усиление экономического контроля и даже определенное ущемление «национального» достоинства ольвиополитов. Во всяком случае, достаточно красноречив тот факт, что монетные полисные символы теперь целиком переключаются на статерах Эминака на оборотную сторону, уступая место на аверсе *arête parlante* — «натягивающий лук Геракл», т. е. аллегорической передаче средствами изобразительного искусства легенды о происхождении скифов и их царей¹⁴⁷, призванной пропагандировать твердую их власть над эллинским полисом. Трудно установить этническую принадлежность и политический статус Эминака¹⁴⁸: если эмблема принадлежит ему, то в нем можно видеть одного из местных династов, если — Октамасад¹⁴⁹, то не исключено и не столь высокое его социальное положение; несомненно только одно: Эминак был таким же варварским ставленником скифского царя, как и его предшественник Арих¹⁵⁰.

Судя по количеству штемпелей, которыми биты эти статеры, их выпуск длился примерно полтора десятка лет. Очевидно, не долгие продолжалось и наместничество Эминака в Ольвии. Конкретное развитие и характер взаимоотношений ольвиополитов и Скифского царства в последние примерно четыре десятилетия V в. скрыты от нас непроницаемой завесой веков, однако несомненными представляются следующие факты: 1) непосредственное присутствие скифских царей в Ольвии, так явно ощутимое прежде всего по рассказу Геродота и данными нумизматики, исчезает и далее не прослеживается по источникам; 2) их влияние на жизнь полиса не прекращается вовсе, что следует прежде всего из факта запустения его земледельческой базы вплоть до начала IV в., а кроме того, фиксируется по данным антропониимии¹⁵¹; 3) автократический режим еще держался в начале 30-х годов, что

нин А. И. Об общественном строе скифов // СА. 1966. № 2. С. 37; Кузнецова Т. М. Указ. соч. С. 15.

¹⁴⁷ Карышковский П. О. О монетах с надписью EMINAKO; Он же. Новые материалы. . .

¹⁴⁸ Если прав Д. Дечев, что Эминак был фракийским династом (см.: *Deutsche D. Op. cit.* S. 166), то его назначение наместником Ольвии может оправдываться этнополитическими симпатиями Октамасада, происходившего по матери из царского дома Одрисов.

¹⁴⁹ Интересно отметить, что одновременно начинает чеканить свою серебряную монету фракийский парадинаст Спарадок, брат Ситалка, бежавший от него к Скилу, а потом выданный Октамасадом (см.: *Herod.* IV, 80); см.: *Златковская Т. Д.* Возникновение государства у фракийцев. С. 71. Табл. III, 1, 2.

¹⁵⁰ Иного мнения Карышковский (Новые материалы. . . С. 83).

¹⁵¹ *Виноградов Ю. Г.* Варвары в просопографии Ольвии. С. 143. № 9—12 (четыре варварских антропониима конца V в.).

вытекает из декрета в честь Тимесилея; 4) окончательно ольвийская тирания была свергнута самое позднее в начале IV в. (см. гл. IV).

Исходя из этих фактов, я предлагаю следующую гипотетическую реконструкцию хода событий ольвийской истории второй половины V в. Где-то в начале 30-х годов нарастающая тенденция к усилению скифского диктата в экономической, а может быть, отчасти и в других сферах жизни Ольвии¹⁵² вдруг резко обрывается. При этом полис не выходит вовсе из-под контроля Скифского царства, о чем свидетельствует отсутствие у него хоры прежних размеров. Просто этот контроль снова возвращается в прежние умеренные рамки, ограниченные лишь вопросами экономики. Вместе с тем из политической жизни Ольвии исчезают варварские наместники скифских царей — власть вновь переходит целиком в руки греческих тиранов. Среди перечисленных выше случаев бегства тиранов есть и такие, когда они ищут убежища у варварских монархов — персов. Однако более вероятно, что Тимесилея и его брата с почестями приняли родственные им по духу, а может быть, и по семейным связям ольвийские тираны.

Кроме того, приютивший беглецов скифский наместник в Ольвии, особенно в условиях становящегося все более жестким протектората мог бы обеспечить им беззаботное существование *sua tunc*, не прибегая для этого к требованию от ольвийской общины издать соответствующее постановление.

Причин резкой перемены в политике скифов можно предполагать несколько. Здесь и возможная смерть Октамасада с переходом власти к его более слабому преемнику, и некий вполне допустимый политический кризис в среде скифской верхушки, приведший к ослаблению протектората номадов над полисом¹⁵³. В этой связи интересно вспомнить свидетельство такого объективного современника занимающих нас событий, каким был Фукидид. Описывая приготвление Ситалка к походу на Македонию в 429 г., он — совсем в духе Геродота — вставляет парентезу о богатстве и могуществе фракийцев (*Thuc.* II. 97). При этом он замечает, что по боевой силе и количеству войска они стоят лишь на втором месте после скифов. И далее (*Thuc.* II. 97. 6): «А с этим (т. е. ски-

---

¹⁵² В этой связи высказанное на предварительной стадии исследования заключение об ольвийской тирании как стимулировавшейся скифским протекторатом (см.: *Виноградов*. Синопа и Ольвия. II. С. 63) нуждается в настоящий момент в существенной корректировке: по-видимому, в таком чистом виде это утверждение можно отнести пока только ко времени правления Ариапифа—Тимна.

¹⁵³ С этими «ослаблениями» со стороны скифских протекторов неплохо согласовался бы и выявляемый последними археологическими изысканиями факт постепенного, «робкого» возрождения ольвийской хоры как раз в последней трети V в., который, однако, открыватели его склонны объяснять, напротив, «общим улучшением военно-политической обстановки в степях Северного Причерноморья» (*Виноградов Ю. А., Марченко К. К.* О начале второго этапа развития сельскохозяйственных поселений Нижнего Побужья античного периода // Тезисы Парутино. 1985. С. 15).

фов) царством не могут сравняться не то что народы Европы, но даже и в Азии нет такого народа, который один на один мог бы противостоять скифам, *если бы все они были единодушны*» (ὄψκ ἔστιν ἔ τι δύνατὸν Σκύθαις ἑμογνώμονοῦσι πᾶσιν ἀντιστῆναι) (пер. Г. А. Тароняна, курсив мой. — Ю. В.).

Нельзя сказать наверняка, что имел в виду Фукидид. Быть может, в скрытой полемике с Геродотом он ностальгически вспомнил, как объединенное войско трехчленного Скифского царства под командованием Иданфирса отразило нашествие Дария¹⁵⁴. Однако не исключено, что за его словами кроется и намек на какое-то новое раздробление царства скифов-кочевников, которое неизбежно должно было привести к ослаблению их самих и их контроля над Ольвией. Учитывая вероятность обеих названных причин, я полагаю, что нельзя забывать еще об одной — не менее реальной и действенной, а именно о возможных положительных результатах Понтийской экспедиции Перикла, речь о которой впереди.

Итак, я считаю не лишним для наглядности свести события ольвийской истории V в. в единую таблицу, отдавая себе при этом строгий отчет, во-первых, в условности приводимых дат, а во-вторых, в том, что это не более чем рабочая схема, в которую неоднократно будут вносить коррективы как новые источники, так и новые исследования (с. 120—121).

Попробуем теперь определить сущность и характер ольвийской тирании, ее отношение к демосу. На первый взгляд, самой идее об ольвийской тирании V в., развиваемой на этих страницах, способен показаться противоречащим тот факт, что декрет в честь Тимесилея и Теопрота издан от имени гражданской общины ольвиополитов: [Δόγμα] α [Ἰὸλβιο] πολιτέ[ων]. Однако бытующее порой мнение о непрременной и неизбежной ликвидации тиранами всех органов полисного самоуправления ошибочно. Так, еще при Писистрате продолжали избираться афинские архонты-эпонимы, причем даже из среды враждебных тирании родов: в 525/24 г. архонтом после Гиппия (!) был Алкмеонид Клисфен, а в следующем году Филаид Мильтиад, сын Кимона¹⁵⁵. Встречающиеся упоминания пританея в Сикионе в начале VI в. до н. э. во время правления тирана Клисфена (*Herod. V. 67*) дало Х. Берве¹⁵⁶ полное основание предположить, что при нем функционировали некоторые органы городского самоуправления; по мнению исследователя, могла собираться и экклесия. В опубликованном вскоре после

---

¹⁵⁴ Геродот (V. 3) говорит о могуществе, но раздробленности фракийцев, Фукидид (II. 97. 6) противопоставляет ему военную мощь, но раздробленность скифов. Ср.: *Gomme A. W. A. Historical Commentary on Thucydides. Oxford, 1956. Vol. 2. P. 245 ff., ad loc.*

¹⁵⁵ ML. 6, сомп. По мнению С. Я. Лурье, известный афинский декрет о выводе клерухии на Саламин, вогированный демосом (ἔδοχεν τοῖς δέμοι), был издан еще в годы тирании Писистратидов, что, однако, оспаривается другими эпиграфистами. См.: ML. 14. Comment.

¹⁵⁶ *Berve H. Op. cit. 1. S. 31.*

Даты в гг. до н. э.	События политической истории	Скифские цари	Ольвия		Никоний
			Власти в полисе	Нумизматика	
510—490	Переход Скифского царства к экспансии в соседние земли. Подчинение Лесостепи. Набеги на полисы Сев.-Зап. Причерноморья.	Аргот?	Аристократическое правление	Начало (500—490) литья анэпиграфных оболов двух номиналов: 1. Афина и дельфин—колесо с «бугорками» между спицами. 2. То же, но в полях шарики.	—
490—480	Военные конфликты скифов и фракийцев. Нажим на полисы. Начало сворачивания хоры Ольвии и Никония.	Ариапиф	Павсаний — эсимнет, а затем тиран	Литые оболы двух номиналов: 1. Афина и дельфин—колесо с «бугорками», ЕΠΙ ΠΑΥΣΑ за ободом. 2. То же, но ΠΑΥΣ занимает место «бугорков» (2 серии): а) архаический облик Афины, б) классический облик Афины.	—
480—470	Мирный договор скифов и фракийцев; женитьба Ариапифа на дочери Тереса. Установление протектората над сев.-зап. полисами; окончательное сворачивание их хоры.		Тимн-эпитроп Ариапифа; наместник?, греч. тиран?	Младший номинал последнего типа, но с «бугорками» вместо букв. Перерыв в литье.	—
470—450	Укрепление протектората над сев.-зап. полисами. Стабилизация обстановки. Возникновение ольвийского предградья и частичный возврат к земледелию.	Скил	Арихварварский наместник Скила	Литые оболы (3 номинала): 1. Горгона—колесо, ΑΡΙΧ между спицами. 2. Горгона—распростертый орел с дельфином, ΑΡΙΧ. 3. Литые дельфины с ΑΡΙΧΟ.	Литые оболы (3 фракции): 1. Сова ΣΚΥΛ—колесо. 2. Сова ΣΚΥ—колесо. 3. Сова—ΣΚ.

Даты в гг. до н. э.	События политической истории	Скифские цари	Ольвия		Никоний
			Власти в полисе	Нумизматика	
450—440	Свержение и казнь Скила. Дальнейшее усиление скифского диктата в Ольвии. Рост экономического потенциала города.	Октама- сад	Эми- нак— варвар- ский на- местник Октама- сада	Серебряные статеры: Л. с. Геракл, натягивающий лук, ΕΜΙΝΑΚΟ. О. с. Колесо и 4 дельфина по углам углубл. квадрата.	—
440—400	Политический кризис (?) и ослабление контроля скифов над Ольвией. Понтийская экспедиция Перикла (около 437 г.).	?	Грече- ские ти- раны	Перерыв в чеканке и литье.	—
400—390	Свержение ольвийской тирании. Ликвидация скифского протектората. Возрождение хоры полисов.	?	Демо- кратиче- ское правле- ние	Младший номинал литых оболлов: Горгона—орел на дельфине в профиль, ΟΛΒΙ или ΟΛΒΙΟ.	

460 г. законе Галикарнасса¹⁵⁷ община граждан и местное племя салмакитян выступают равноправными партнерами в политическом диалоге с тираном Лигдамидом.

Достаточно параллелей находится и на почве Сицилии, которая по своим историческим судьбам вообще была во многом родственна государствам Северного Причерноморья. На том основании, что историк Тимей¹⁵⁸ именуется Терона, ставшего около 489 г. до н. э. тираном Акраганта, царем (βασιλεύς), а также по ряду косвенных соображений Берве считает вполне вероятным, что приход этого правителя к власти был легализован общиной города¹⁵⁹. В годы правления сиракузского тирана Гелона время от времени заседала экклесия, которая была правомочна вотиловать, к примеру, участие в войне¹⁶⁰. Им¹⁶¹ и его преемником Гиероном¹⁶² постоянно употребляется формула: Ἰέλων/Γέρων καὶ οἱ Συραχῶσιοι. После битвы при Гимере (480 г.) Гелон дал отчет в народном собрании, и оно вынесло постановление титуловать его сотером, эвергетом и царем (*Diod.* XI. 26, 6). Тиран Сиракуз Дионисий Старший также не полностью упразднил репрезентативные институты общины, подчинив их при этом своей воле. В известном договоре 367 г. с Афинами упомянуты представительные органы сиракузян: наиболее надежно дополнено ἡ βουλῆ, с большей или меньшей степенью вероятности восстановлены должности триерархов и гиппархов; они должны были принимать клятву в Афинах и приносить ее в Сицилии вместе с Дионисием¹⁶³. Существование подобной практики политического диалога между правителем и общиной можно предполагать и на Боспоре¹⁶⁴. Я не вижу особенно принципиального различия между появлением в формуле декрета в честь Тимесилея имени общины Ὀλβιολοιτῆων и аналогичного (τῶν) Συραχῶσιων в названном выше договоре с Афинами или на сиракузских монетах: тот и другой факт — свидетельство того, что в управлявшихся тиранически Ольвии и Сиракузах гражданский коллектив не утратил полностью своих законодательных функций.

Упомянутая выше аналогия с писистратидовскими Афинами наталкивает на мысль продолжить сопоставление дальше, что облегчается теперь фундаментальным исследованием Ф. Кольба о строительной, религиозной и культурной политике Писистрати-

¹⁵⁷ ML. 32.

¹⁵⁸ *Timaios*. FGhN 566 F 93b.

¹⁵⁹ *Berve H.* Op. cit. I. S. 132 ff.

¹⁶⁰ *Diod.* XI. 26. 5; ср.: *Polyaen.* I. 17. 1; *Aelian.* VH. 6. 11; 13. 37; это предполагается и у Плутарха (*Apophth.* Gel. 3. P. 175A); ср.: *Berve H.* Op. cit. I. S. 143 ff.; 2. S. 600 ff.

¹⁶¹ *Herod.* VII. 159; *Paus.* VI. 19.7.

¹⁶² Syll.³, 35Ba; *Guarducci M.* Epigrafia greca. I. P. 346; *Daux G.* // BCH. 1960. 84. P. 721 = SEG. XXIII. 253.

¹⁶³ Syll.³, 163 = StV. II², 280. 34—37; ср.: *Berve H.* Op. cit. I. S. 327. Об оценке различных восстановлений этих строк см. из последних работ: *Фролов Э. Д.* Сицилийская держава Дионисия. Л., 1979. С. 104—107.

¹⁶⁴ *Vinogradov.* Die historische Entwicklung. S. 93.

дов ¹⁶⁵. Писистрат и его наследники развернули широкую строительную деятельность, с одной стороны, имевшую целью украшение, благоустройство и возвеличение Афин, а с другой — явную политико-пропагандистскую направленность: лишая сограждан какой-то части их политической самостоятельности, они прокламационно компенсировали им эту утрату сооружением общественных и, что особенно важно, культовых построек. Во второй половине VI в. (в основном при Писистратидах) в Афинах возводятся Эннеакрунос и алтарь двенадцати богов на агоре, закладывается храм Зевса Олимпийского в долине Илисса, там же в святилище Аполлона Пифийского сооружается алтарь, в Элевсине в соответствии с программой Писистрата превратить Элевсинские мистерии в панэллинский праздник строится новый зал для посвящений и маленький храм ¹⁶⁶.

Тот же широкомасштабный размах строительной деятельности наблюдается и в Ольвии V в. В начале столетия культовыми сооружениями украшается прежде всего главный ольвийский теменос, в котором перестраивается центральный алтарь и сооружается храм *in antis* в ионийском ордере, посвященный верховному божеству — покровителю города Аполлону Дельфинию ¹⁶⁷. В начале того же V в. к северо-западу от него расширяется площадь другого священного участка, посвященного сперва Аполлону Врачу, а затем Гермесу и Афродите, который также украшается монументальным храмом, алтарем и другими культовыми постройками ¹⁶⁸. К югу от агоры, по-видимому, в начале второй четверти V в. на месте какого-то общественного сооружения, (см. гл. II) возводится здание гимнасия — общественного комплекса, жизненно важного для воспитания будущих граждан, защитников полиса ¹⁶⁹. В его южной части строится в это время сложное гидротехническое сооружение; центр его составлял очень глубокий колодец, устройство которого требовало больших затрат материальных и людских сил. Весьма показателен и тот факт, что

---

¹⁶⁵ Kolb F. Die Bau-, Religions- und Kulturpolitik der Peisistratiden // JDAI. 1977. 92. S. 99—138.

¹⁶⁶ Ibid. S. 109—111. Автор дает полный перечень сооружений, построенных Писистратидами, и вполне справедливо замечает: «... мотивы строительства тиранов лежали не в экономической сфере, но были личного свойства. Для обеспечения своего господства они пытались путем сооружения храмов и общественно полезных построек заручиться милостью богов и народа, добиться от граждан более добровольного отождествления себя с их полисом и установившейся формой правления, способствовать блеску и процветанию города и при этом своего собственного престижа и уважения в эллинском мире» (S. 112).

¹⁶⁷ Карасев А. Н. Монументальные памятники ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. М.; Л., 1964. С. 49—97; Пичикян И. Р. Ордерная архитектура Северного Причерноморья VI—V вв. до н. э. // ВДИ. 1975. № 1. С. 131—135.

¹⁶⁸ Виноградов Ю. Г., Руслева А. С. Культ Аполлона и календарь в Ольвии. С. 20—22. Рис. 1—3.

¹⁶⁹ Карасев А. Н. // КСИА. 1972. 130. С. 40—44; Карасев А. Н., Леви Е. И. // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 41—43; Леви Е. И. Ольвия. Л., 1985. С. 99.

территория теменоса в первой половине V в. несколько сокращается за счет расширения центральной городской площади — агоры, которая впервые покрывается черепяной вымосткой¹⁷⁰. Это свидетельствует, с одной стороны, о росте численности городского населения, а с другой — о возникающей потребности обеспечить больше простора для его растущей деловой и политической активности.

Усилия Писистратидов по сооружению культовых зданий тесно связаны с их религиозной политикой и прежде всего с почитанием покровительницы города — Афины, а также Диониса¹⁷¹, культ которого представляет для нас особый интерес. Вопреки широко распространенному взгляду на культ Диониса как на аполитичную религию, открывавшую «среди серых будней повседневной жизни» клапан бесправным и обездоленным низшим слоям населения, на множестве анализируемых им примеров Кольб показал, что дионисийство не было революционной искупительной религией простого народа, но религией полиса, распространенной в широких кругах населения и в том числе игравшей очень большую роль в среде аристократии, по каковым двум причинам ее и поставили себе на службу афинские тираны¹⁷².

В этом ключе следует рассматривать и широкое распространение в Ольвии по крайней мере с конца VI в. культа Диониса¹⁷³. Уже одни только такие имена его жрецов, как Δημόνασσα Ἀθηναίου и Λήναϊος Δημόκλου¹⁷⁴, говорят о том, что дионисийство было весьма популярно в среде аристократии. Действительно, казалось бы странным, что Скил, владыка скифов и протектор Ольвии, в какого бы эллинофила он ни превратился, настолько проникся «революционной религией низших слоев населения», что поддался соблазну вместе с толпой, состоявшей исключительно из «обездоленных и обнищавших народных масс», в вакхической экзальтации кричать «эвоэ!». В полном соответствии с этим Геродот (IV. 79. 5) говорит, что Скил вакхически безумствовал на улицах Ольвии с фиасом (σύν τῷ θιάσῳ), т. е. замкнутым, четко определенным кружком мистов, попасть в число которых можно было только через обряд посвящения (IV. 79 — τελεσθῆναι, τὴν τελετὴν, ἐτελεσθῆ) ¹⁷⁵.

¹⁷⁰ *Levi E. I.* // История и культура античного мира. М., 1977. С. 96; *Она же*. Ольвия. С. 67.

¹⁷¹ *Kolb F.* Op. cit. S. 113—133.

¹⁷² *Ibid.* S. 122. Ближе к *communis opinio* позиция П. Оливы: поощряя культ Диониса, почитавшегося прежде всего сельским населением, тираны стремились завоевать симпатии народа и укрепить свой авторитет, борясь тем самым против исключительного положения аристократии. См.: *Oliva P.* Die Tyrannis und die Kultur // Actes du VIIe Congrès FIEC. Budapest, 1984. S. 63 ff.; ср.: *Piatkowski A.* La signification du culte dionysiaque dans les régimes de l'ancienne tyrannie // *Ibid.* P. 73—75.

¹⁷³ Практически исчерпывающе источники по теме сведены в кн.: *Русляева А. С.* Земледельческие культы. . . С. 72—91.

¹⁷⁴ Там же. С. 80, 82. Рис. 39, 12.

¹⁷⁵ М. Л. Уэст совершенно справедливо подчеркивает, что мистерии Диониса Вакхя были «открытым государственным культом, в котором принимали участие

Еще более интересно и замечательно увлечение Писистратидов орфизмом. Как свидетельствует Геродот (VII, 6), по их личному приглашению в Афины прибыл «теолог» Ономакрит, который собирал, дополнял и комментировал орфические гимны. Кольб¹⁷⁶ справедливо отвергает рядом аргументов *communis opinio* о том, что мистериальный орфический культ был «революционным» выступлением низших слоев населения против аристократического режима, выразившимся в форме демократического протеста против олимпийской религии. Действительно, в религиозной философии орфизма изначально была заложена идея избранности, элитарности. Это показывают такие появляющиеся уже в V в. документы, как золотые пластинки с орфическими стихами¹⁷⁷, так называемые «пропуска в рай», в которых душа попадающего в Аид орфика обращается к подземным богам со словами: «Я гряду от чистых чистая (ἔρχομαι ἐκ καθάρων καθάρᾳ)». Чистые — это прозелиты-орфики, выделяющиеся из остальной массы не посвященных в таинства и не способных постичь учение орфизма, а потому не заслуживающих блаженного существования в загробном мире. Именно в силу этого избранничества «чистая» душа орфика получает ответ: «...счастливый и блаженнейший, ты станешь богом вместо смертного (δλβιος καὶ μακάριστε, θεὸς δ' ἔσῃ ἀντὶ βροτοῖο)»¹⁷⁸. Недаром орфизм щедро питал пифагорейство, пустившее корни именно на почве Южной Италии и Сицилии, причем особенно глубоко в среде аристократических гетерий, лидеры которых при поддержке сотоварищей по заговору зачастую добивались тиранической власти (ср. поговорку: «*Sicilia est nutrix tyrannorum*»)¹⁷⁹.

Своего рода сенсацией стала недавно публикация серии небольших костяных пластинок, найденных в ольвийском теменосе и датированных первой половиной V в. до н. э.¹⁸⁰ Они содержат имя

все граждане в определенное календарем время... Это была значительная, но ограниченная часть городской религиозной жизни, для которой был необходим акт инициации вознамерившихся стать участниками, но доступная всем, кто желал прийти, даже негрекам» (*West M. L. The Orphics of Olbia // ZPE. 1982. 45. P. 25*).

¹⁷⁶ Kolb F. Op. cit. S. 115 ff.

¹⁷⁷ Guarducci M. Laminette auree orfiche: alcuni problemi // *Epigraphica*. 1974. 36. P. 7—32; *Eadem*. Epigrafia greca. IV. P. 258—270.

¹⁷⁸ Olivieri A. Lamellae aureae orphicae. Bonn, 1915. P. 20; ср.: Лурье С. Я. Древнегреческие паспорта для входа в рай // *Вопросы античной литературы и классической филологии*. М., 1966. С. 23—28.

¹⁷⁹ В качестве красноречивого примера приведу графито с акрополя Гелы позднего VI в.: Παντάρειος εἰμι καὶ (ι) τῶν φίλων ποινὰ εἴμι — «Я килик (или: имушество) Пантара и общий (общее) его друзей» (*Jeffery*. LSAG. P. 273, 278, pl. 53. N 50). Элитарную идею «у друзей все должно быть общим (τὰ τῶν φίλων κοινά)» проповедовал Пифагор (ар. *Diog. Laert.* X. 11). Упомянутый в надписи Пантар был отцом двух гелейских тиранов конца VI—начала V в. Клеандра и Гипократа; оба пришли к власти с помощью таких же гетерий (οἱ φίλοι), как и у их отца. См.: *Berve H.* Op. cit. 1. S. 137—140; 2. S. 597 ff.

¹⁸⁰ Русяева А. С. Орфизм и культ Диониса в Ольвии // *ВДИ*. 1978. № 1. С. 87—104; *Она же*. Земледельческие культы... С. 73—80. Ср.: *West M. L.* Op. cit. P. 17—29 (автор считает, что эти пластинки были своего рода членскими билетами участников совместных вакхических жертвоприношений).

Диониса, орфиков, магические цифры и рисунки, а также орфические речения дуалистического характера, например: «Мир — вражда, истина — ложь»¹⁸¹. Вопреки идеям Дж. Томсона и А. Ф. Лосева о демократической, низовой сущности орфизма мы вправе в свете всего вышесказанного с полным основанием считать и кружок ольвийских орфиков замкнутым религиозным обществом аристократического толка, а их самих — элитарными почитателями Диониса Загрея, влиявшими, видимо, подобно мольпам и, не исключено, нуменистам¹⁸², на внутривластную жизнь города, т. е. в конечном итоге одной из опор ольвийской тирании.

Проведенное сопоставление выявляет много перекрещивающихся направлений в политике Писистратидов и ольвийских тиранов. Само собой разумеется, что при данном состоянии наших источников было бы преждевременным давать детальную оценку характера и социальной сущности тирании в Ольвии. Однако выявленные выше факты сохранения тиранами за демосом немалой доли конституционных прав и проведения ими внутренней политики в интересах укрепления государства на благо его граждан позволяют в осторожной форме охарактеризовать ольвийскую тиранию, подобно тирании Писистрата и его наследников¹⁸³, как единоличное правление, возросшее в условиях экстремальной ситуации на почве аристократического режима и стремившееся при этом по мере возможностей к удовлетворению запросов разных слоев гражданского коллектива — как знати, так и простого демоса, а потому до определенного момента и в известной степени устраивавшее тех и других.

Ольвия и Афинский морской союз

Единственное затруднение, которое, казалось, могли бы встретить развиваемые на этих страницах концепции ольвийской тирании, скифского протектората, а также выявление факта переселения экс-тирана Тимесилея в Ольвию, упирается в вопрос о членстве ее в Афинской Архе, если решать его положительно. Проблема эта настолько важна, что требует обстоятельного рассмотрения.

Сначала попробуем априорно допустить, что Ольвия была членом Афинского морского союза, и посмотрим, может ли это подорвать доверие к трем перечисленным выше заключениям. Идею об ольвийской тирании это повредить не может, так как нам известны случаи, когда афиняне принимали в состав Архе тиранов. Так, вышеупомянутый закон галикарнасцев, салмакитян и тирана Лигдамида (ML 32) был издан где-то после 460 г. (по Мейгсу и

¹⁸¹ На третьей пластинке (см.: *Русяева А. С.* Орфизм... С. 88. Рис. 3; 6, 3) я прочел в отличие от издателя в качестве оппозиции к ψυχή достаточно четко различимое σῶμα.

¹⁸² Об ольвийской коллегии нуменистов см.: *Левы Е. И.* Материалы ольвийского теменоса // *Ольвия. Теменос и агора. М.; Л., 1964.* С. 140—143. Рис. 9, 2.

¹⁸³ По свидетельству Аристотеля (*Ath. pol.* XVII. 7), передающего народную традицию, «тирания Писистрата была жизнью при Кроносе»; он же (*Ibid.* XVII. 9) говорит, что «его возвращения из изгнания желали многие из знати и из демоса».

Льюису, в 465—450 гг.?), а с 454/53 г. Галикарнасс фигурирует в списках фороса. Поэтому Р. Мейгс справедливо замечает, что лояльная по отношению к Афинам тирания Лигдамида не мешала принятию его в члены Архэ с сохранением за ним власти¹⁸⁴. В качестве веского аргумента автор привлекает факты включения в число союзников малоазийских династов Тимна в Карию, Пигресса (или Пикресса) из Сиангелы, Пактия Идимейца, Са... из Киллар, Самбактия и неизвестного династа из Киндий¹⁸⁵. Последнее обстоятельство рассеивает всякие сомнения в том, что афиняне могли сделать своей союзницей Ольвию даже в том случае, если бы она управлялась скифским ставленником, таким, скажем, как династ (?) Эминак, хотя в подобном допущении, по всей видимости, нет нужды.

Как мне кажется, отношениям Афин и Ольвии, равно как и включению последней в состав Морской державы, не могло бы повредить и принятие ольвиополитами беглого синопского тирана, изгнанного Пириклом и Ламахом¹⁸⁶. Здесь следует прежде всего принимать во внимание единогласно отмечаемую заинтересованность Афин в Понте вообще и в Ольвии — морских воротах к лежащему выше скифскому Hinterland — в частности как в важных и, пожалуй, теперь, после египетской катастрофы, основных источниках хлебного снабжения. Поэтому афиняне спокойно могли бы посмотреть сквозь пальцы на гостеприимство, оказанное нужной для них и к тому же отдаленной Ольвией беглому тирану, который теперь после создания афинянами прочной военно-земледельческой базы в Синопе едва ли представлял для них серьезную опасность.

Насколько же реально включение Ольвии в состав Афинского морского союза? Первым, кто высказался за это, был Латышев¹⁸⁷, который мог конкретно опереться на восстановление имени этого города в одном из фрагментов списка фороса. После него аналогичную точку зрения, никак не обосновывая ее, высказал целый ряд ученых (Бузольт, Белох, Майер, Каршtedт, Омо, Фармаковский). Против решительно выступил С. А. Жебелев¹⁸⁸, отрицавший вхождение в Союз не только Ольвии, но и вообще какого бы то ни было полиса Северного Причерноморья. Его идеи и аргументацию воспринял и развил в 50-е годы в ряде статей И. Б. Брашинский, который затем в своей монографии¹⁸⁹ подвел итог дискуссии. В то же время в дискуссию включились такие занимавшиеся историей Боспора специалисты, как Д. П. Каллистов, В. Ф. Гайдукевич, Д. Б. Шелов, Т. В. Блаватская, не принявшие сторону Жебелева.

¹⁸⁴ Meiggs R. The Athenian Empire. Oxford, 1972. P. 54 ff.; Seibert J. Op. cit. S. 49, 443. Anm. 389.

¹⁸⁵ ATL. I. P. 446.

¹⁸⁶ В противоположном убежден П. Александреску. См.: Alexandrescu P. // Studii clasice. 1986. 24. P. 68. Not. 32.

¹⁸⁷ Латышев. Исследования. С. 45—47.

¹⁸⁸ Жебелев. СП. С. 180—195.

¹⁸⁹ Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье. С. 56—85.

Однако все названные исследователи того и другого лагеря оперировали одними и теми же письменными источниками: известным сообщением Плутарховой биографии Перикла, пассажем из речи Эсхина против Ктесифонта, справкой из сборника псефисм Кратера (у Гарпократиона) и списком фороса за 425/4 г. Попытку расширить базу источников по данной проблеме предпринял в обстоятельном исследовании Карышковский, который привлек для положительного решения вопроса фрагмент так называемого Клеархового закона об унификации мер, весов и монеты, хранившийся в Одесском музее, а затем утерянный, и данные ольвийской нумизматики¹⁹⁰. Попробуем кратко оценить весомость как его аргументов, так и возражений на них Брашинского.

Эмблематика ольвийских монет с бесспорно заимствованными афинскими типами доводом служить не может, поскольку — как это теперь признал и сам Карышковский (см. выше) — эти монетные серии выпущены еще в первой половине V в., когда трудно допускать вхождение Ольвии в Архэ. Очень шатка и воспринятая издателем гипотеза Блаватской, объяснявшей умолчание Геродотом о городах Боспора антиафинской позицией последних¹⁹¹: как сказано выше, греческие полисы северного берега Понта интересовали историка лишь в той степени, в какой их можно было включить в Скифский логос. Более серьезная справка Плутарха (Рег. 20. 1), сообщающего, что Перикл «окрестным варварским народам, их царям и династам показал великую мощь, неустранимость, смелость афинян». Ссылка Брашинского на каппадокийского и пафлагонского вождей, упомянутых Страбоном и Ксенофонтом¹⁹², так и не помогла ему уклониться от ответа на резонный вопрос: если ограничить действия Перикла южным берегом Понта, то мы не найдем там царей — ими могли быть только правители Одрисского и Скифского царств, следовательно, афинский флот, войдя в непосредственный контакт с их владениями, посетил Западное и Северное Причерноморье¹⁹³. Дискуссия вокруг упоминания понтийских городов в списке фороса 425/24 г. (ATL. I. P. 157; IV. 126—170), сводящаяся к вопросу о том, в какой податной округ они должны были входить, представляется мне несколько схоластичной: эти полисы объединены единым, надежно восстанавливаемым заголовком [πόλις] ἐκ τῶ Εὐ[χρεῖνο] — следовательно, в данном году «города с Евксина» уплачивали подать Афинам¹⁹⁴.

¹⁹⁰ Карышковский П. О. Ольвия и Афинский союз. С. 57—100.

¹⁹¹ Блаватская Т. В. Очерки политической истории Боспора в V—IV вв. до н. э. М., 1959. С. 58—63; Карышковский П. О. Ольвия и Афинский союз. С. 83 и след.

¹⁹² Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье. С. 59 и след. Примеч. 17 (автор говорит, кстати, не о «царях», а о «местных царьках», чего в тексте Плутарха нет).

¹⁹³ Карышковский П. О. Ольвия и Афинский союз. С. 73.

¹⁹⁴ Сомнение Брашинского (Афины и Северное Причерноморье. С. 71. Примеч. 57) в том, что в упомянутой в стк. 128 [Ἀπο]λονία следует видеть Аполлонию Фракийскую, а не, например, одноименный город на Риндаке, опровергается теперь надписью из Созопола IGBR. I². 469 bis, свидетельствующей о том, что

Наконец, решающим аргументом служит *fragmentum Odessitanum* Клеархова декрета, в бесспорном восстановлении которого Карышковским никто не сомневается¹⁹⁵. Ни один из доводов Брашинского, имеющих целью вызвать сомнения в ольвийском происхождении фрагмента, силы не имеет¹⁹⁶. Одесский музей действительно переживал в 20—30-е годы затруднительное время, когда обломок мог быть занесен в инвентарную книгу и несколько лет спустя, а в опись С. С. Дложевского, хранящуюся в ИА АН СССР, вообще не быть внесенным. В нашем единственном документе — Инвентарной книге ОГАМ — он прямо значится как купленный в Парутино, а не «по словам» найденный в Ольвии. Не может происходить он из Болгарии или Средиземноморья (на что намекает Брашинский), ибо все вещи оттуда приобретались Музеем еще в XIX в. и тут же заносились в инвентарь еще рукою Э. Р. Штерна. Сомнения же как самого издателя, так и его оппонента в датировке фрагмента V в.¹⁹⁷ следует решительно отвергнуть: не только сама манера стойхедон, возникающая в Ольвии во второй и вырождающаяся в последней четверти V в., но и шрифт, полностью идентичный письму декрета в честь Тимесилея, заставляют отнести одесский фрагмент Клеарховой псефисмы к третьей четверти V в.¹⁹⁸ Надпись, исполненная ионийским алфавитом, вырезалась, скорее всего, на месте в Ольвии, но, видимо, по копии, присланной из Афин, так как в ней соблюден принцип фиксированного, а не силлабического переноса, характерного для ольвийских документов.

Однако кроме прямых есть еще и косвенные указания источников на принадлежность Ольвии к Морскому союзу. Не останавливаясь долго на факте расширения экономических связей Афин с Северным Причерноморьем вообще и Ольвией в частности как раз с середины V в.¹⁹⁹, приведу свидетельства неэкономического порядка. Эрхардт обратил внимание на то, что в V в. в Ольвии в одном votivном граффито встречен культ элевсинской триады — Деметры, Персефоны и Иакха, что им было поставлено в связь с афинским влиянием²⁰⁰. Однако, как подметила Русяева,

---

аполлоннаты переименовали свой первый (!) месяц года *тавреон* в аттический *мунихион*. См.: Виноградов Ю. Г., Русяева А. С. Культ Аполлона... С. 37; Ehrhardt. S. 61, 117. Anm. 221.

¹⁹⁵ Исправления Э. Эркслебеном двух мест относятся к сифносскому фрагменту. См.: *Erxleben E.* Das Münzgesetz des delisch-attischen Seebundes // *Archiv für Papyrusforschung*. 1969. 19. S. 122.

¹⁹⁶ Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье. С. 74. Примеч. 72.

¹⁹⁷ Карышковский П. О. Ольвия и Афинский союз. С. 65. Примеч. 44; Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье. С. 75. Примеч. 72.

¹⁹⁸ Это обстоятельство тем важнее отметить, что завышенная датировка фрагмента использовалась как аргумент в поддержку поздней даты монетного закона (см.: *Erxleben E.* Op. cit. S. 123; ср.: *Schuller W.* Die Herrschaft der Athener im ersten attischen Seebund. В.; N. Y., 1974. S. 215. Anm. 9). На мой взгляд, *fragmentum Odessitanum* вообще не может служить указанием ни на раннюю, ни на позднюю дату, ибо он появился в Ольвии после экспедиции Перикла.

¹⁹⁹ См.: Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье. С. 85 и след.

²⁰⁰ Ehrhardt. S. 169. Влияние Афин на Ольвию кажется ему, однако, странным,

имя посвятителю $\Xi\acute{\alpha}\nu\theta\iota\lambda\lambda\omicron\varsigma$ встретилось до этого в ольвийской эпиграфике всего лишь в проксеническом декрете в честь двух афинян, один из которых — Ксантипп, сын Аристофонта — происходил из дема Эрхия (НО 5.3—4). Отсюда она предположила, что этот сосуд был посвящен не ольвиополитом, а каким-то приезжим²⁰¹. Этот приезжий, однако, не мог быть афинянином, поскольку надпись выполнена ионийским алфавитом, а вырезал ее посвятитель, судя по ошибкам²⁰², сам. Таким образом, этот посвятительный дар принес элевсинским божествам некий ионец, не исключено даже — и ольвиополит²⁰³.

Как раз около середины V в. в язык ольвиополитов начинают проникать аттицизмы. В посвящении Андокида Аполлону с четырьмя эпиклезами одна из них выдает присутствие сразу двух признаков аттического диалекта — Ἰατρῶι вместо ион. Ἰητρῶι ²⁰⁴. Аттическая огласовка $\Delta\iota\omicron\nu\acute{\nu}\sigma\omicron\iota$ встречена в одном вотиве с Березани²⁰⁵ и в имени $\Delta\iota\phi\acute{\iota}\lambda\omicron\iota$ частного письма на свинце из ольвийского некрополя²⁰⁶. Интересно, что в V в. аттицизмы проникают и в родственную Ольвии по культуре Истрию²⁰⁷. Афинское влияние ощущается не только в языке: как уже не раз предполагалось, окончательное оформление классической палеографии и самого стиля стойхедон не обошлось в Ольвии без афинского воздействия²⁰⁸. Все перечисленные явления не в состоянии, разумеется, подтвердить факт вхождения Ольвии в Архэ, но тем не менее свидетельствуют о том, что ее взаимоотношения с Афинами не замыкались в одной только торговой сфере.

Однако мы располагаем в пользу этого еще рядом данных, хотя и более позднего времени, но весьма показательных. При раскопках общественного здания на северо-западе ольвийской агоры в 1969 г. было обнаружено два бронзовых псефа (жетона для голосования в суде) второй половины IV—начала III в., полностью идентичных афинским с тем только различием, что они несут надпись не $\psi\eta\phi\omicron\varsigma$ $\delta\eta\mu\omicron\sigma\iota\alpha$, а отчеканенное штемпелем $\iota\epsilon\rho\acute{\alpha}$ ²⁰⁹. Это

особенно в связи с принятием ольвиополитами изгнанного Ламахом тирана Тимесилея. Объяснение последнему обстоятельству дано выше.

²⁰¹ Русяева А. С. Земледельческие культуры. . . С. 48.

²⁰² Там же. С. 46. Рис. 27, 1: в стк. 2 начало имени Ксантиппа (Русяева), а затем, видимо, неумелое $\acute{\alpha}\nu\epsilon\theta\eta\chi\eta\varsigma$ с ошибками.

²⁰³ О культуре Иакха в Ольвии IV в. до н. э. см.: Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л., 1953. С. 49. № 68.

²⁰⁴ Виноградов Ю. Г., Русяева А. С. Культ Аполлона. . . С. 25 и след. Там же атт. форма $\Theta\alpha\rho\{\omicron\}\eta\gamma\eta\lambda\iota\omega\nu$ вместо ион. Ταρχηλιῶν .

²⁰⁵ Штерн Э. Р. // ЗООИД. 1907. 27. Протоколы. С. 60 (V в. до н. э.?).

²⁰⁶ Не опубликовано, хранится в ИА АН УССР (IV в. до н. э.).

²⁰⁷ Ср.: $\tau\rho\alpha\gamma\omicron\iota\delta\omicron$ в граффито конца V—начала IV в.: Ștefan A. Un ostracon découvert à Histria // Actes du VIIe Congrès International d'épigraphie grecque et latine. București; P., 1979. P. 474.

²⁰⁸ *Knipovič T. N.* // Acta of the Vth Congress of Greek and Latin Epigraphy. Cambridge, 1971. P. 114 ff.; *Vinogradov*. Griechische Epigraphik. S. 297.

²⁰⁹ *Карасев А. Н.* Раскопки ольвийской агоры в 1967—1969 гг. // КСИА. 1972. 130. С. 38 и след. Рис. 99, 3; *Карасев А. Н., Леви Е. И.* Исследования Ольвии после Б. В. Фармаковского. С. 38, 40. Рис. 11.

пока уникальная находка псефов за пределами Афин, позволяющая уверенно идентифицировать раскопанный в Ольвии комплекс со зданием дикастерия. Как предполагал А. Н. Карасев, даже пропорции ольвийского здания повторяют соотношение размеров афинской гелизи. В Эрмитаже хранится беспаспортный бронзовый пинакион дикаста III в. до н. э., ольвийское происхождение которого с уверенностью доказать трудно, хотя абсолютно и не исключается²¹⁰.

Как показывают наши источники, афинская юридическая модель и система судопроизводства находят свое широкое распространение в Греции именно с IV в. до н. э., но прежде всего в тех полисах, которые прежде были членами Морского союза. Например, таблички дикастов появляются с IV в. у входивших в Архэ Родоса, Синопы и Фасоса²¹¹, где для этого времени эпиграфически засвидетельствованы также отдельные юридические процедуры, известные до того только в Афинах²¹². Поэтому и материалы ольвийского дикастерия, поставленные в один ряд с прочими аргументами, могут говорить не просто об экономических и политических контактах Ольвии с Афинами, но и подтверждать ее вхождение в Афинский морской союз, бесспорно доказываемое прежде всего одесским фрагментом псефисмы Клеарха.

Постараемся теперь восстановить историческую ситуацию и определить характер политических взаимоотношений Ольвии и Афинской Архэ с момента Понтийской экспедиции Перикла. Войдя со своим «большим и отлично снаряженным флотом» в Черное море, Перикл сразу же повернул на восток и двинулся вдоль южного берега. Первым из крупных полисов на его пути попала Гераклея, которую он при неизвестных нам обстоятельствах включил в число союзников: в 425 г. гераклеоты фигурируют в податных списках. Отправившись далее к Синопе, он застал там тиранию Тимесилея и, «выполнив все, о чем просили его» тамашние эллины-демократы, чтобы не терять даром время, оставил им Ламаха с 13 кораблями и солдатами, а сам поплыл дальше. Достаточно солидная эскадра Ламаха плюс солдаты, которые были призваны поддерживать местных демократов в их борьбе с тиранией, показывает, что Перикл — опытный стратег — считался с длительным и упорным сопротивлением Тимесилея и его сторонников.

Совершенно неверно было бы считать, что сразу из Синопы Перикл отправился в Афины или в лучшем случае доплыл до Амиса и повернул назад²¹³: в чем же был тогда смысл его широко заду-

²¹⁰ *Виноградов Ю. Г.* Табличка дикаста из Эрмитажного собрания // *Античная балканистика*. М., 1987. С. 10—16.

²¹¹ *Kroll J.* Athenian Bronze Allotment Plates. Cambridge (Mass.), 1972. P. 270—277; *Fraser P. M.* Notes on Two Rhodian Institutions // *BSA*. 1972. 67. P. 119—124.

²¹² *Salviat F.* // *BCH*. 1958. 82. P. 193—212; *Gofas D.* Les emmenoi dikai à Thasos // *Symposion*, 1974. Köln; Wien, 1979. P. 175—188.

²¹³ *Брашинский И. Б.* Афины и Северное Причерноморье. С. 64; *Он же.* Понтийская экспедиция Перикла // *ВДИ*. 1958. № 3. С. 116, 118.

манной и хорошо подготовленной акции? Скорее всего, Перикл этим не ограничился. Он достиг Амиса, включил его также в состав Морской державы, переименовав в Пирей²¹⁴, а далее кратким путем двинулся к Боспору. Один из основных аргументов последователей концепции Жебелева, а именно: Перикл не мог посетить Северного Причерноморья, так как краткий путь через Черное море тогда еще не был освоен греческими мореходами²¹⁵, — отклонил достаточно аргументированно Гайдукевич, показавший на основании свидетельства Геродота (IV. 86), что краткий путь через Понт по трассе Фемискира — Синдика был доступен для судов (тем более военных) по крайней мере в середине V в.²¹⁶

В задачи данного исследования не входит рассмотрение довольно сложной проблемы о причинной связи смены династий на Боспоре и экспедиции Перикла, а также о положении Нимфея²¹⁷. Продолжим лучше вместе с его эскадрой путь к устью Борисфена. Прибыв в Ольвию, Перикл застаёт здесь такую же примерно ситуацию, как и в Синопе, с той только разницей, что городом, как я пытался показать выше, управлял не греческий тиран, а наместник скифского царя; возможно, это все еще был Эминак, ставленник Октамасада. Совсем не исключено, что ольвиополиты к этому моменту стали все более тяготиться постепенно усиливавшимся на них внеэкономическим нажимом скифского владыки, а может быть, и приобретающим опасные формы ущемлением автономии и политического самосознания, а поэтому и обратились к «первому мужу» Афин за помощью.

Вполне понятно, что Перикл, прекрасно осведомленный о проигравшей на всю Элладу скифской тактике в борьбе с полчищами Дария, не собирался, да и не был в состоянии, располагая одним лишь флотом и небольшим количеством воинов, добиться желанной ольвиополитам элевтерии путем каких-то военных акций против номадов. Однако, будучи опытным политиком, он мог повести дело дипломатическим путем. Не надо забывать, что главной целью экспедиции Перикла было не вовлечение в Архэ новых членов и сбор с них фороса, а организация прочного продовольственного снабжения Афин в условиях потери египетского хлебного рынка и в преддверии надвигающейся войны со Спартой. Как одно из условий он мог выставить требование полностью вернуть Ольвии ее политическую автономию, пускай в рамках «экономического» протектората, дезавуировать скифского наместника и предоставить ольвиополитам самим решать вопрос о выборе госу-

---

²¹⁴ Максимова М. И. Античные города... С. 101.

²¹⁵ Максимова М. И. Античные города... С. 151; Брашинский И. Б. Понтийская экспедиция Перикла. С. 118; Он же. Афины и Северное Причерноморье. С. 63 и след.

²¹⁶ Гайдукевич В. Ф. О путях прохождения кораблей в Понте Эвксинском // КСИА. 1969. 116. С. 16—19.

²¹⁷ Подробно об этом см.: Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора в VI—IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования, 1984. М., 1985. С. 90—114.

дарственного устройства. Искусно проведя переговоры, успеху которых — не исключено — мог содействовать и вероятный политический кризис в правящей верхушке скифского общества, Перикл покинул Ольвию и по Левому Понту двинулся к проливам. По дороге он, проводя свою политику, присоединил к Морскому союзу по крайней мере Аполлонию, поддержав, не исключено, демократическую партию в ее борьбе с олигархами (*Arist. Pol.* V. 1306 а 9).

Может показаться, что самому факту посещения Периклом Ольвии способны противоречить два обстоятельства: во-первых, реставрация в полисе тирании, а не обычное для афинской политики введение демократии и, во-вторых, факт принятия новыми тиранами другого — изгнанного самими же афинянами. На первое можно возразить, что, как трезвый политик, Перикл прекрасно сознавал, какая достаточно мощная сила в лице царских скифов стоит за спиной у Ольвии, а потому не решился осуществить программу-максимум. Что касается второго соображения, то ведь мы не знаем, сколь долго длилась борьба Ламаха и синопских демократов против Тимесилея: из контекста сообщения Плутарха скорее следует, что, когда тот был изгнан, Перикл уже находился в Афинах, где и провел вскоре через экклесию предложение о посылке в Синопу 600 клерухов. На переселение же семьи Тимесилея в Ольвию афиняне по причинам, изложенным выше, могли посмотреть сквозь пальцы.

Я отдаю себе полный отчет в том, что нарисованная, может быть, даже чересчур яркими красками реконструкция событий не более чем один из возможных вариантов, и на деле все в деталях происходило иначе. Главными остаются, однако, следующие моменты: 1) Перикл с флотом, скорее всего, посетил Ольвию; 2) она была включена в состав Афинского морского союза; 3) с этого момента скифские наместники исчезают из нашего поля зрения; 4) в Ольвии устанавливается тираническое правление, ликвидированное лишь в начале IV в.

На каких же условиях вошла Ольвия в Архэ? Как и любой союзник, она должна была платить форос, ставка которого, по-видимому, была не слишком высока — один-два таланта²¹⁸, что, конечно, не было для нее слишком большой обузой. На нее распространялись законы Афинской державы; например, присланное ей постановление об унификации мер, весов и монеты, которое — как мы видим по ее нумизматике — она соблюдает неукоснительно²¹⁹,

²¹⁸ Судя по сохранившимся строкам IV панели обложки 425/4 г. (ATL. I. P. 157, IV), лишь один неизвестный понтийский полис уплачивал 4 таланта; остальные платили по 2, 1 и даже 1/2 таланта.

²¹⁹ В более позднее время (IV—II вв.) ольвиополиты пользовались гириями почти исключительно эвбейско-аттической весовой системы, которая была, однако, настолько распространена в греческом мире, что трудно сказать, сыграло ли в этом какую-то роль вхождение Ольвии в Архэ в V в. или нет (см.: *Крапивина В. В.* Весовые гири Ольвии // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев. 1980. С. 88). Очевидно, достаточный сравнительный материал могли бы предоставить гири первой и второй половины V в.

поскольку чеканка серебра после визита Перикла прекращается. В остальном же трудно предполагать какую-то строгую регламентацию Афинами политики своего союзника как в силу его удаленности, так и — что более важно, вследствие крайней заинтересованности в ней лидера Эллады как в очень емком и надежном хлебном рынке.

Что же получила Ольвия в итоге подобных политических контактов? Во-первых, как и любой союзник, потенциальное право на оказание военной помощи в случае нападения неприятеля, если только такая угроза тогда для Ольвии была реальностью. Во-вторых, налаженная торговля с Афинами неизбежно приводила к повышению экономической конъюнктуры. В-третьих, более регулярное общение с первым городом Эллады вело, как мы видели, к известному культурному обогащению далекого города на Гипаннису. И наконец, не могло ли более тесное и непосредственное знакомство ольвиополисов с самой передовой демократией тогдашнего мира способствовать успешному осуществлению того переворота, результатом которого стало в начале IV в. свержение тирании, освобождение от скифского господства и установление нового государственного строя, в чем нам предстоит убедиться в следующей главе.

ОЛЬВИЯ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ КЛАССИКИ И РАННЕГО ЭЛЛИНИЗМА (IV—первая половина III в.)

Как уже говорилось, данная глава по композиционным соображениям будет охватывать два отличающихся друг от друга периода ольвийской истории: первые две трети IV в. до похода Зопириона соответствуют эпохе поздней классики, начиная же с успешного отражения Зопирионовой осады Ольвия вступает в новую — раннеэллинистическую эпоху, которая для нее закончилась около середины III в. с появлением первых кризисных явлений в различных областях жизни полиса.

Позднеклассическая Ольвия

На предыдущих страницах я старался показать, что эпоха ранней классики проходит для Ольвийского полиса под знаком двух основополагающих моментов, в значительной степени определявших ее политическое существование: греческой тирании и скифского протектората. Теперь возникает закономерный вопрос: можем ли мы установить хотя бы примерно дату смены их новым политическим строем и уловить при этом в наших источниках какие-то следы наступивших перемен?

Прежде всего бросается в глаза интересный факт: при том, что культ Зевса засвидетельствован в Ольвии как лапидарными надписями, там и граффити¹ по крайней мере начиная с конца VI в. до н. э., только в начале IV в. до н. э. он появляется в полисе с эпиклезой Ἐλευθέριος, что в настоящее время подтверждают уже три синхронных лапидарных памятника. Это прежде всего посвятельная надпись, вырезанная сыном Гекатеона на базе статуи, посвященной им Зевсу Освободителю², а кроме того, две вновь найденные эпиграммы. Первая представляет собой посвящение, скорее всего, башни городских оборонительных стен Евресивием,

¹ НО 64, 106. Восстановление надписей и уточнение датировки см.: *Виноградов Ю. Г.* О методике. . . С. 71 и след. Рис. 7, 8. Граффити см.: *Леви Е. И.* Материалы ольвийского теменоса. . . С. 151; *Горбунова К. С.* Краснофигурные килики из раскопок ольвийского теменоса // *Ольвия. Теменос и агора.* М.; Л., 1964. С. 185 и след. Рис. 1, 2, 4.

² IOSPE. I², 160. Вопреки датировке В. В. Латышева (первая половина III в. до н. э.) надпись следует отнести к первой четверти IV в. до н. э. (см. ниже). Руководствуясь требованиями симметрии, я склонен предложить следующую реконструкцию памятника:

[Ἐκατέων Ἴκ]εσίω
[τὸν λατέρα Ἴκεσίος Ἐκα]τέωνος διὰ Ἐλευθερίωι.

сыном Сириска, Зевсу, названному им дважды: Ἐλευθερίωι Ζηνὶ θεῶμ βασιλεῖι и Ζηνὸς Ἐλεοθερίο. В другой, вырезанной на постаменте эпиграмме неизвестный нам дедикант воздвигает по одному обету статую своего отца Евресивия, посвящая ее по другому обету Διὶ Ἐλεοθερίωι³. Палеографическая, стилистическая и просопографическая близость обоих памятников заставляет считать их синхронными, датируя в пределах первой четверти IV в., и видеть в них упомянутым одно и то же лицо — состоятельного и знатного ольвиополита Евресивия, сына Сириска, в роду которого культ Зевса был гентильным⁴. Концентрация всех трех надписей в узких хронологических рамках позволяет с полным основанием предположить, что культ Зевса с эпikleзой Ἐλεοθερίος был введен в Ольвии впервые в начале IV в. до н. э.

Если мы теперь обратимся к сравнительной истории религии эллинов, то не сможем обойти вниманием тот факт, что введение культа Зевса Элевтерия в греческих полисах — явление не случайное, но обусловленное вполне определенными историческими обстоятельствами⁵. Классическим примером служит Меандрий, который, получив власть из рук Поликрата, после смерти последнего выразил готовность отказаться от тирании и ввести в Самосе демократию (исономию). Прежде всего он велел соорудить храм Зевсу Элевтерию и в качестве компенсации за добровольный отказ от единоличного правления потребовал себе лично шесть талантов из состояния Поликрата, а также жречество Зевса Освободителя, которое он заслужил не только как основатель святилища, но прежде всего как восстановитель свободы⁶. Аналогичные примеры находятся опять же в Сицилии. После крушения в 466/65 г. тирании последнего Дейноменида Фрасибула в Сиракузах была воздвигнута колоссальная статуя Зевса Элевтерия и учрежден в его честь ежегодный праздник в день свержения тирании с агонами, жертвоприношениями и всенародными угощениями⁷. Более столетия спустя Сиракузы и другие сицилийские

³ Обе надписи готовятся автором к публикации; первая кратко упомянута с неточным переводом А. А. Белецким. См.: Три эпиграфических памятника // Новейшие открытия советских археологов: Тез. докл. Киев, 1975. Ч. 2. С. 91; *Vinogradov. Olbia. S. 27.*

⁴ Один из его родственников (маловероятно, что сын) стоит в списке жрецов Евресивианов и фиаситов, поставивших полстолетия спустя статую Зевсу Сотеру (НО 71, стб. II. 9 — дополнение Συρισκος Εἰ[ρησιβίω] и уточнение датировки предложены мной).

⁵ См.: *Oliver J. H. Demokratia, the Gods and the Free World. Baltimore, 1960.* Критику концепции автора, считающего, что культ богов-освободителей как покровителей прочно организованной, автономной, управляющейся ее членами полковой общины пришел на смену «царским богам», см.: *Raaflaub K. Die Entdeckung der Freiheit. München, 1985. S. 125 ff.* См. также: *Lonis R. Guerre et religion en Grèce à l'époque classique. P., 1979. P. 181.*

⁶ *Herod. III. 142—148; Oliver J. H. Op. cit. P. 12. Berve H. Op. cit. Bd. I. S. 153 ff.* Для нашего исследования не имеет значения, адекватен ли рассказ Геродота условиям конца VI в., главное, что он полностью отвечает уровню политической психологии середины V в. См.: *Raaflaub K. Op. cit. S. 139 ff.*

⁷ *Diod. XI, 72, 2; Oliver J. H. Op. cit. P. 12; Berve H. Op. cit. Bd. II. S. 153 f.; Raaflaub K. Op. cit. S. 128—130.*

полисы в честь освобождения их Тимолеоном от тираний отчеканили монеты с головой Зевса Элевтерия⁸. Итак, мы видим, что celebraция культа Зевса Ἐλευθέριος была естественной реакцией ликующего демоса, стряхнувшего с себя бремя собственного монарха, попиравшего демократические права граждан.

Но этим не исчерпываются причины появления в Греции культа Зевса Элевтерия и связанных с ним религиозных церемоний. После Платейской битвы, окончательно избавившей эллинов от угрозы порабощения персами, Павсаний торжественно совершил жертвоприношение Зевсу Освободителю, объявил платейцев свободными и у могилы павших повелел соорудить алтарь, на котором была высечена эпитафия, сочиненная якобы Симонидом⁹. Платейцы учредили по этому случаю гимнические агоны, названные ими Ἐλευθέρια (*Strab.* IX. 2. 31; *Paus.* IX. 2. 6)¹⁰. Многие полисы поставили ему статую (*Hesych.*, s. v. Ζεὺς Ἐλευθέριος), а афиняне соорудили по этому поводу на агоре стoю, также посвятив ее Зевсу Элевтерию¹¹.

Число подобных примеров можно смело умножить. Анализирующий их К. Раафлауб¹² приходит к выводу, «что в действительности внешнеполитическо-военный аспект этого культа — спасение города от опасности завоевания развязавшим войну внешним врагом — первичен. Его перенесение во внутривполитическую сферу, связь со свержением тирании, таким образом, вторичны.

⁸ *Head B. V. Historia numorum.* Oxford, 1911. P. 119, 125, 126, 179; *Berve H.* Op. cit. Bd. II. S. 666; *Raaflaub K.* Op. cit. S. 128.

⁹ *Thuc.* II. 71; *Strab.* IX. 2. 31; 412C; *Plut.* Arist. 19, 7; *Paus.* IX. 2. 5—6; *Fehrle.* Zeus // *Roschers Lexicon.* 1924—1937. 6. Sp. 619—622; *Gruppe O.* Griechische Mythologie und Religionsgeschichte. München, 1906. Bd. I. S. 285. Anm. 14; Bd. 2. S. 1118. Anm. 7 (соображение автора о том, что платейский культ Зевса Элевтерия был поставлен во взаимосвязь с освобождением от персидского ига лишь позднее, не выглядит убедительным); ср.: *Nilsson M. P.* Geschichte der griechischen Religion. 2. Aufl. München, 1950. Bd. I. S. 418. Anm. 1.

¹⁰ Подробнее см.: *Etienne R., Piérart M.* // *BCH.* 1975. 99. P. 63—75; *Raaflaub K.* Op. cit. S. 126 ff. Авторы полагают, что платейский культ в большей своей основе — фикция второй половины IV в. до н. э., связанная с созданием Коринфской лиги и идеологической подготовкой Восточного похода Филиппа и Александра, однако и они вынуждены признать, что почитание — пусть и скромное — Зевса Элевтерия в Платеях восходит к 479 г.

¹¹ Исчерпывающую сводку источников см.: *Wycherly R. E.* Literary and Epigraphical Testimonia. The Athenian Agora. Vol. 3. Princeton (New Jersey), 1957. P. 25—30. Гарпократин (s. v.: Ἐλευθέριος Ζεὺς; ср.: *Etym. Magn.*, *Suda*, s. v. Ἐλευθέριος) передает две версии: по свидетельству Гиперида, стоя была названа так потому, что ее воздвигли вольноотпущенники (ἑξελυθεροι); спорящий с ним Дидим связывает это более резонно с освобождением от персидского рабства (ср.: *Oliver J. H.* Op. cit. P. 16. Not 15). Объяснение возникшей полемики непониманием метафорического оборота предлагает Р. Уичерли (Op. cit. Comment. ad N 27; ср.: *Schwabl H.* Zeus // *RE.* Supplbd. 1978. 15. Sp. 1066). Ферле (Op. cit. Sp. 619 ff.) не исключает возможности возникновения афинского культа уже в 510 г. как следствия изгнания Гиппия или в 490 г. после провала его попытки снова водвориться с помощью персов, что одновременно может оправдывать, по мнению автора, свидетельство Дидима об учреждении культа после избавления от персидской угрозы. Ср.: *Raaflaub K.* Op. cit. S. 132—135.

¹² *Raaflaub K.* Op. cit. S. 126—135.

Они вполне могли последовать еще в 70-е годы как итог соответствующего семантического развития политического понятия «свобода» и получили в Сиракузах в 466/65 г. впервые свою монументальную и, вероятно, культовую конкретизацию»¹³.

Все вышесказанное делает вполне обоснованным предположение о том, что волею вздохнувшие ольвиополиты ввели у себя в начале IV в. культ Зевса Элевтерия по торжественному поводу освобождения сразу от двойного бремени: от верховного владычества над полисом Скифского царства и одновременно от власти собственных тиранов. Если это объяснение рассматривать изолированно, оно может показаться малоубедительным либо вообще способным иметь иное толкование. Однако как маленькое звено в достаточно длинной цепи прочих доказательств и оно способно стать веским аргументом в пользу развиваемой мною концепции, жизнеспособность которой утверждается анализом целого ряда других источников, прежде всего археологических.

Весьма знаменательно, что как раз с начала IV в. до н. э. резко редуцированная с установлением скифского протектората ольвийская хора начинает быстро возрождаться, причем в масштабах, которые теперь превосходят прежние. На территории старых поселков, как и на новых местах, в пределах прежних границ полиса возникает большое количество сельскохозяйственных поселений¹⁴. Этот факт нельзя истолковать иначе, как стремление обновленного Ольвийского государства восстановить одну из главных отраслей своей экономики, нормальное функционирование которой было некогда нарушено диктатором варваров.

Доверяя информации Геродота, можно считать установленным фактом, что Ольвия в первой половине V в. была обнесена оборонительной стеной, укрепленной башнями (*Herod. IV. 79*). Однако обращает на себя внимание находка уже двух эпиграфических документов первой половины IV в. до н. э., свидетельствующих об усилении деятельности ольвиополитов по возведению оборонительных сооружений. Прежде всего это уже упомянутая вотивно-строительная эпиграмма Евресивия, сына Сирииска, в которой он гордо заявляет, что в своем решении соорудить башню (?) им двигало стремление укрепить отеческую землю и по достоинству почтить славное всевладычество Зевса Освободителя¹⁵. Немного позднее ольвиополиты создают даже специальную комиссию «стеностроителей» (*οἱ τεχνολογοὶ*) в составе пяти человек, которые были призваны позаботиться о ремонте стены и башен, располо-

¹³ Ibid. S. 138 ff.

¹⁴ Обширная литература вопроса сведена в обобщающей статье: *Рубан В. В. Проблемы исторического развития Ольвийской хоры в IV—III вв. до н. э.* // ВДИ. 1985. № 1. Автор, как и В. М. Отрешко (З історії Ольвійського поліса в IV—I ст. до н. е. // Археологія. 1982. 41. С. 38), связывает этот процесс с иммиграцией в Нижнее Побужье средиземноморских греков в последние годы и по окончании Пелопоннесской войны.

¹⁵ Ἀῤῥῆσι μὲν πατρίων δάλεδον τιμῶν τε δικαίως
Ζητῆρος Ἐλευθερίου πάγκρατος εὐδοκίμων.

женных неподалеку от сооружения Евресивия¹⁶. Во всей этой деятельности нельзя не увидеть стремления ольвиополитов укрепить родной город, недавно сбросивший ярмо, и надежно защитить себя от новых посягательств.

Еще важнее в нашей связи то обстоятельство, что как раз на рубеже V—IV вв. вместо сосуществовавших в V в. формульных типов I и II с IV в. начинает употребляться формула типа III: т. е. Ὀλβιολοῦ[ται ἔδωχαν + имя (имена) чувствуемого(-ых) с этником + привилегии в асс¹⁷. Наиболее ранними образцами этого типа служат надписи НО 3А—Б+12+107¹⁸ и 4, отличающиеся от прочих проксений IV в. по ряду показателей¹⁹: 1) палеография НО 3А—Б+12+107 полностью повторяет шрифт V в. с той только

¹⁶ Денисова В. И. Новый эпиграфический документ из Ольвии // СА. 1982. № 1. С. 95—104. Исправление датировки надписи и мои критические замечания по поводу ольвийских стеностроителей см.: *Виноградов, Карышковский*. Каллиник. II. С. 33. Примеч. 158. Ср.: SEG. XXXII. 795.

¹⁷ Номенклатура и краткая характеристика всех четырех типов ольвийских псефизм даны мной в ст.: Синопа и Ольвия. I. С. 74. Примеч. 61. Должен исправить досадную небрежность, вкравшуюся в мою статью (Синопа и Ольвия. II. С. 66): в отличие от Е. Б. Новикова (О реконструкции античных эпиграфических памятников // *Вспомогательные исторические дисциплины*. 1983. 14. С. 269, 271) я считаю, что формульный тип III никогда не включал в себя инфинитивную конструкцию (ср. то же: *Wilhelm*. Beiträge. S. 209); именно на этом основании, несмотря на идентичный характер мрамора и одинаковые размеры букв, я склонен считать фр. НО 3В не принадлежащим НО 3А-Б (см. след. примеч.).

¹⁸ Атрибуция к документу фр. № 12 предложена издателями НО и Карышковским (Рец. на кн.: *Надписи Ольвии* // ВДИ. 1969. № 2. С. 114), отнесение к нему же фр. № 107, идентичного по характеру мрамора и размерам букв, предложена (устно) Е. И. Леви. Последний дает, таким образом, окончание этника (стк. 1): Ὀλβιολοῦ[τ]αι. Реконструкция этого декрета Новикова не может быть принята (см. предыдущее примеч.). Нельзя согласиться (кроме стк. 5 и 7) и с дополнениями Яйленко (Греческая колонизация... С. 283. Примеч. 63; *Он же*. К проксенической деятельности... С. 214 и след.), поскольку кроме указанного: 1) они дают резкое колебание строки от 9 до 17 букв; 2) при данной реконструкции сохранившиеся во фр. № 12 буквы в стк. 6 и 9 не будут совпадать так, как они стоят на камне; 3) в стк. 10 вообще нет никаких следов *сигмы*, а если бы они и были, то эта буква должна была бы далеко передвинуться влево в лауну; 4) не засвидетельствованная в Ольвии ни разу конструкция ὄν ἂν αὐτὸς βούληται требует глагола в инфинитиве (то же касается и его восстановления НО 8), иначе получается, что проксен желает не «везти товары», а сами товары. Для ясности даю реконструкцию НО 3А Б+12+107: Ὀλβιολοῦ[τ]αι [τῶν θεῶν] | Πυρραῖω[νος Χερσῶν] νησιῖτι ἐ[δωχαν προ]ξενίην κ[αὶ ἀτελέην λά] γτων [χρημ]ἄ[των] καὶ αὐτῶι κα[ὶ] ἐκν[ό]νους καὶ εἰσα[γ]ωγῆν [καὶ ἐξαγωγῆν π]ἄν[τα τὸν χρόνον (?) ἐ]ν[τ]εῖρην η[ὶ] καὶ ἐμ[πο]λέμωι ἀσφεί καὶ ἀσπονδεί. Принята в SEG. XXXIII. Для дополнения стк. 8—9 ср.: OGIS. 4.29—30 (323 г. до н. э.): ἀτέλει [αν πάντων] ν τὸν πάντα χρόνον; Syll.³ 421. 5, 26; 534. 16; Chiron 1983. 13. S. 285. Z. 26—27; к порядку слов см.: *Schwyzler*. 336. 8: πάντα τὸν χρόνον. Восстановление Яйленко (К проксенической деятельности... С. 215 и след.) НО 11, способное, казалось бы, подорвать доверие к надежности дополнения этого оборота, выдает лишь неискусность автора в греч. диалектах: ион. асс. pl. от ἀτέλης будет не ἀτέλης, а ἀτέλης, как в декрете в честь Тимесилея (см.: *Thumb-Scherer*. S. 275, § 312, 9 а). Думаю, что, «ознакомившись с его реконструкцией» (ср.: *Яйленко В. П.* К проксенической деятельности... С. 222), в этом факте убудет не один Новиков.

¹⁹ Ср.: *Виноградов Ю. Г., Карышковский П. О.* Ольвийский декрет Каноба о деньгах и стоимости драгоценных металлов на Понте в IV в. до н. э. // ВДИ. 1976. № 4. С. 24 и след.

разницей, что манера письма здесь уже не стойхедон; НО 4 — несколько более поздняя, но не выходит за пределы первой четверти IV в.; 2) в языке еще сохраняются ионизмы (НО ЗБ4: [про] ξενίη; 3) отсутствует обычная для более поздних постановлений *boni eventus appagatio*; 4) ἔδωκαν стоит в отличие от остальных проксений этого типа после имени, патронимика и этника проксена; 5) в НО 3А—Б+12+107 вместо обычных εἶσ-/ἔκκλωον стоит εἰς-/ἔξαγωγήν; 6) в том же декрете редкая оговорка [π]άν[τα τὸν χρόνον], хронологически приближающая его к псефисме НО 11 типа II: εἰς πάν[τα τὸν χρόνον]; 7) в том же декрете явно, а в НО 4 возможно отсутствовала полития (см. гл. III).

Из всего сказанного с полным основанием можно сделать вывод о том, что на рубеже V—IV вв. или в самом начале IV в. ольвиополиты стали редактировать официальные акты по новому формульному типу, для которого был воспринят, как показывают отмеченные особенности, не какой-то стандарт, но лишь принцип составления декретов по формуляру типа III. Важно к тому же, что в первой половине IV в. он не сосуществует ни с предыдущими, ни с последующими, в отличие, например, от конца V в., где мы видим параллельное редактирование по формульным типам I и II. Подобный резкий перелом в языке официальных актов Ольвии позволяет осторожно предполагать в ряду прочих симптоматических явлений определенные изменения и в государственном строе полиса.

Переменам в практике составления псефисм вторят качественные изменения в нумизматике Ольвии, наблюдаемые также с начала IV в. Прежде всего меняются типы литых монет: мелкие фракции оболов сохраняют на аверсе изображение горгонейона в несколько иной трактовке, но на реверсе обретают изображение полного городского герба — орла на дельфине, хотя начало этой смены, возможно, лежит еще в V в. (см. гл. III). Позже, около середины столетия, на смену крупным оболам типа «Горгона — колесо или орел» приходят равные им по достоинству «ассы» с изображением на аверсе головы Деметры, а на реверсе орла, вцепившегося когтями в дельфина в профиль²⁰. Появляется новый тип и в серебряной чеканке: крайне редкие монеты с изображением на лицевой стороне букрания, а на оборотной тирса²¹. Но самое главное то, что все эти денежные знаки впервые в истории монетного дела Ольвии получают в качестве легенды этникон: на мелких «ассах» ОЛВ1 и ОЛВЮ, на крупных ОЛВ1Н, на серебре ОЛВ1. Это качественно новое явление логичнее всего связать с переменами, происшедшими в государственном устройстве Ольвии²². Итак, уже

²⁰ Зограф. Указ. соч. Табл. XXXI. 4, 5; Карышковский П. О. Монетное дело... С. 12; Виноградов, Карышковский. Каллиник. I. С. 40. Рис. 3; II. С. 36, прав. стб.

²¹ Карышковский П. О. Заметки о монетах Ольвии, I. Ольвийские монеты с изображением букрания // СА. 1960. № 3. С. 301—305; Он же. Монетное дело... С. 13.

²² Ср.: Рубан В. В. О датировке поселения Козырка II. С. 79.

Р и с. 6. Эпиграмма на базе статуи тираноборца

только на основании вышеприведенных данных следует признать, что гипотеза о свержении ольвийской тираннии вместе со скифским протекторатом где-то на рубеже V—IV или в начале IV в. получает законное право на существование.

Однако все сделанные выше наблюдения так и оставались бы косвенными доводами, которым поодиночке можно было бы, как замечено выше, дать и иное истолкование. Тем завершающим звеном, которое замкнуло длинную цепь косвенных аргументов в прочное и неразрывное кольцо неопровержимого доказательства, явился новый эпиграфический документ, рассмотрению которого и будут посвящены последующие страницы.

В 1970 г. в с. Парутино был найден мраморный фрагмент базы статуи, происходящий, несомненно, с территории Ольвийского городища. На лицевой поверхности его сохранились остатки четырех строк эпиграмматического текста, датируемого в пределах первой четверти IV в. и реконструированного мной в следующем виде:

[— ∪ — ∪] δ μυρίετης χ[ρόνος — ∪ — ∪]
 [— ∪ ∪] ηι θεῖναι || τῶ [∪ ∪ — ∪ ∪ ∪]
 [— — ∪ δ] εἰς ἀνδρα τῦρα [γνον ἀλέκτειεν (?) ∪]
 [— ∪ ∪ κ] αἰ λαοὺς αὐτ[ός (?) ∪ — ∪ ∪ ∪]

Анализ ряда слов и словосочетаний этой надписи позволил мне предположить в первой публикации²³, что статуя была воздвигнута ольвиополиту, убитшему «мужа тирана». В 1985 г. при раскопках предполагаемого ольвийского театра был найден второй фрагмент этой эпиграммы, примыкающий слева к первому и составляющий вместе с ним более половины надписи (рис. 6). Но-

²³ *Виноградов*. Синопа и Ольвия. II. С. 67—72. Нет нужды принимать во внимание передатировку А. Дж. Грейемом данной надписи вместе с IOSPE. I², 160 эллинистической эпохой, так как она голословна и игнорирует аргументацию первоиздания. См.: *Graham A. J // Gnomon*. 1983. 5. P. 462. Ср.: SEG. XXXI. 702.

вый фрагмент полностью подтвердил предположение о том, что статуя была поставлена в честь неизвестной личности, свергнувшей в Ольвии тиранию, но и внес ряд корректур, а главное — существенных детализирующих дополнений, которые помогают прояснить подробности этого крайне важного в жизни полиса события²⁴.

Сначала приведу реконструкцию текста эпитафии, как она представляется в настоящий момент:

[Σλευσ]εϋ (?) ὁ μυριέτης χ[ρόνος οὐδ' Ἐβρησιβίοιο ?]
[γοῦ]ν Λήθηι θεῖναι τῶ[ν ἀρετῶν τὸ κλέος,]
οὐ κτάν' ὄς ἄνδρα τῶρα [ννον ἐλευθερίην δ' ἀπέδωκε]
πατρίδι καὶ λαοὺς αὐτ[ονόμους ἔθετο].

3 ἐλευθερίην δ' ἀπέδωκε — Burkert, Herrmann; [ἐλευθερίην πάλι δῶκε] — Peek (omnes privatim).

«Тысячелетнее время позаботилось, чтобы воистину (не) канула в Лету (слава подвигов Еврисивия?), который не убил мужа тирана, (однакож вернул свободу) отчизне и (сделал) народ независимым».

В данном стихотворении привлекает внимание прежде всего один важный момент, а именно сочетание во втором дистихе двух политических терминов, дополняемых вполне надежно: свобода отечества ([ἐλευθερίην]... πατρίδι) и независимость народа (λαοὺς αὐτ[ονόμους]). Адекватны ли оба понятия, и если нет, то в какой сфере и в каком значении они использованы? Термины «элевтерия» и «автономия», никогда не употреблявшиеся вместе в V в. до н. э., примечательным образом как раз в раннем IV в. становятся неразлучной парой, находящей свое применение преимущественно в сфере внешнеполитической, например в международных соглашениях²⁵. Суть этих понятий наиболее ярко раскрывает аттический декрет 377 г. о создании Второго Афинского морского союза²⁶: если кто-то из эллинов или варваров пожелает стать союзником афинян, «разрешено ему *быть им*, оставаясь свободным и независимым ([ἐλευθέρ]ωι ὄντι καὶ αὐτονόμωι), сохраняя государственный строй, какой он пожелает, не вводя к себе гарнизон, не принимая правителя (ἄρχοντα) и не уплачивая подать».

Одним из интердиктов (стк. 35—46) гарантировалась территориальная целостность: никому из афинян не разрешалось ни частным, ни казенным образом покупать, арендовать или любым иным способом приобретать землю в союзном полисе.

На протяжении всего IV в. лозунг «ἐλευθερία καὶ αὐτονομία» становится политико-пропагандистским средством в сфере международных отношений, в частности во взаимоотношениях Филиппа и Александра с полисами, членами Коринфской лиги. Известны редкие исключения более позднего использования этой пары терминов во внутрисполитических делах. Например, около 300 г. до н. э.

²⁴ Здесь излагаются лишь общие положения специального исследования на эту тему, подготовленного автором.

²⁵ Raaflaub K. Op. cit. S. 188 ff.

²⁶ Syll.³, 147 = StV. II. 257 A. 19—23.

приенцы по случаю изгнания тирана Гиерона учреждают праздник *ἄλῆρ αὐτονομίας καὶ ἑλευθερίας*²⁷.

К. Раафлауб в своем недавнем исследовании о возникновении у греков понятия политической свободы²⁸ приходит к интересному выводу о различии значений того и другого термина: «*Автономия* подчеркивает самоопределение, *элеверия* — отсутствие чужого диктата; *элеверия* пассивна, *автономия* активна; *элеверия* — это двойное отрицание, *автономия* — утверждение; *элеверия* смотрит в направлении „свободный от чего-либо“, *автономия* — в направлении „свободный для чего-либо,». Иными словами, он трактует термин *ἑλευθερία* в классическую эпоху как свободу от внешнего господства вообще, а *αὐτονομία* — как суверенность граждан в выборе конституции, образа жизни и политики своей общины²⁹.

Укладывается ли в предложенные дефиниции семантика разбираемых понятий политической свободы, включенных в контекст ольвийской эпиграммы, ведь на первый взгляд тот и другой термин противопоставлены у нас единоличной внутривластной власти тирана? Думается, мы получим позитивный ответ, если признаем, что ольвийский сочинитель *не случайно*, а вполне обдуманно и тонко соотнес оба термина с близкими по значению, но все же отличными друг от друга субъектами: *элеверия* была возвращена отечеству, т. е. всему полису, а *автономия* стала прерогативой граждан³⁰. Отсюда и следует ответ: Ольвийское государство обрело независимость от внешнего господства скифов, а ольвийский демос, избавившийся от тиранического диктата, впервые получил суверенное право по собственному усмотрению устанавливать государственный строй, законы и политику. Таким образом, терминологический анализ полностью подтвердил гипотезу об освобождении ольвиополитов от двойного бремени.

Воздвижение статуй освободителям полиса от тирании было в древности одной из наиболее выдающихся почестей. Постановление одного из малоазийских городов, по всей видимости Эрифр, вотированное, скорее всего, в первые годы III в. до н. э.³¹, гласит, что олигархи этого полиса в годы своего правления выхватили меч из рук бронзового изваяния Филита, убившего местного тирана (τοῦ ἀλοχτείναντος τὸν τύραννον), подозревая в постановке его статуи акцию, направленную против их власти³². Декрет пред-

²⁷ IvPriene 11.16/17, 24/25.

²⁸ Raaflaub K. Op. cit. S. 200.

²⁹ Ibid. S. 201 ff.

³⁰ Поэтичско-гомеровское *λαοί* полностью адекватно *ἄλλοις* политической прозы.

³¹ Syll.³, 284 = Engelmann H., Merkelbach R. Die Inschriften von Erythrai und Klazomenai. Bonn, 1970. N 503. О происхождении и дате документа см.: Hesse-ner A. J. The Philites Stele // Hesperia. 1979. 48. P. 281—293; ср.: Friedel H. Der Tyrannenmord in Gesetzgebung und Volksmeinung der Griechen. Stuttgart, 1937. S. 81 ff.

³² Так за А. Кирххофом правильно интерпретирует пассаж Э. Дж. Хейсерер (Op. cit. P. 284). Ср.: Gauthier Ph. La stasis du tyrannicide Philites // Rev. Phil. 1982. P. 216—221.

убийц, которая дошла до нас в сборнике самых различных по характеру эпиграмматических текстов, вырезанных в эллинистическое время на одном камне, и сохранилась в следующем виде (дополнения Ллойд-Джоунза и Раубичека)³⁸:

Στῆσαι τοῦτο ἐδόκη[σε Ἀθηναίοισι Ἀριστο-]
γεῖτονος αἰχμητ[οῦ μνημα καὶ Ἀρμοδίου,]
οἱ κτάνον ἄνδρα τύρα [vnon] — — — — —
ψυχὰς παρθέμενο [ι πατρίδα γῆν ἐθέτην].

В этом стихотворении привлекает внимание прежде всего второй дистих, частично дающий тот же порядок слов, что и вторая часть ольвийской эпigramмы: οἱ κτάνον ἄνδρα τύρα [vnon] — οἱ κτάνον ἄνδρα τύρα [vnon]. Этот ошеломляющий факт приводит к следующим ответственным выводам. Во-первых, он опровергает скепсис тех ученых, которые считают хиосскую эпigramму всего лишь фикцией эллинистической эпохи: поскольку ольвийский поэт подражал ей уже в начале IV в., стало быть, она сочинена еще, как минимум, в V в. для какого-то аттического памятника в честь знаменитых тираноубийц³⁹.

Во-вторых, можно надежно установить, что ольвийский поэт сочинил независимо только первый дистих, во втором же он обыграл ставший к тому времени знаменитым аттический образец (или несколько), с тем чтобы сопоставлением афинских и ольвийского борцов с тиранией еще больше возвеличить славу своего соотечественника. Это его намерение еще более подчеркивается сложностью задачи: он не мог прямо назвать своего славного согражданина тираноубийцей (без каких-либо метрических затруднений поменяв в афинской эпigramме лишь число: ἕς κτάνεν ἄνδρα τύραννον), ибо акция того была осуществлена, по всей вероятности, бескровно, а посему, нарочито следуя аттическому «архетипу», был вынужден при копировании порядка слов и синтаксической структуры искусно вставить отрицание.

Стремление ольвийского сочинителя подражать эпigramме в честь Гармодия и Аристогонита — факт, который трудно переоценить: он не только свидетельствует об ориентации ольвиополитов на бесспорного протагониста демократии тогдашнего мира — Афины — и о тесных связях с ними, но может служить лишним аргументом в пользу посещения Периклом Ольвии и вхождения ее в состав Архэ. Вправе ли мы, однако, безоговорочно утверждать, что победившая ольвийская демократия была точной копией афинской? Думается, сопоставление ряда как старых, так и новых эпиграфических документов в состоянии приблизить нас к реше-

³⁸ *Trypanis C. A. A New Collection of Epigrams from Chios // Hermes. 1960. 88. P. 69—74. N IV; Podlecky A. J. Epigraphica Simonidea // Epigraphica. 1973. 35. P. 32 ff. N 4a; Day J. W. Epigrams and History: The Athenian Tyrannicides. A Case in Point // The Greek Historians. Stanford, 1985. P. 25—46; SEG. XVI. 497; XVII. 392.*

³⁹ По предположению Дж. Дея — для монумента работы Антенора конца VI в., увезенного персами, см.: *Day J. W. Op. cit. P. 36—45.*

нию этой проблемы, а кроме того, предположительно выяснить имя ниспровергателя ольвийской тирании.

Прежде всего обратимся вновь к официальным актам Ольвии. До нас дошло полтора десятка простых проксенических декретов типа III⁴⁰, которые не дают нам никаких прямых указаний на характер государственного устройства. Однако при их внимательном рассмотрении выясняется один любопытный факт. По своей формульной структуре эти проксении не едины, но четко распадаются на две хронологические группы: первая и вторая половины IV в. Если во второй группе четко устанавливается стандартный формуляр проксенических постановлений с редчайшими отклонениями⁴¹, то для первой характерна заметная пестрота и разнообразие в построении текста, указанные выше⁴². Это означает, что ольвийской дипломатике, перестроившейся в начале IV в. ex aucto на новый формульный тип III, примерно полстолетия потребовалось на разработку устойчивого, стандартного формульного скелета проксенических псефисм.

Здесь очень важно отметить, что абсолютно аналогичную картину мы наблюдаем три четверти века спустя: после отражения нашествия Зопириона и установления в полисе радикально-демократического режима изданные вскоре почетные декреты типа IV — IOSPE. I², 25+31 и 325 имеют в своем пробулевматическом формуляре заметные отклонения от устоявшихся в III—II вв. санкционных формул (см. ниже). Примечательно, однако, также то, что ни один документ первой половины IV в. (насколько позволяет, конечно, судить их сохранность) не содержит дарования политии, а первое постановление, составленное по типу IV (ἐδ.β. κ.δ.) — очень важный декрет Каноба о деньгах IOSPE. I², 24, издается только в 30—40-х годах IV в.⁴³, т. е. уже в период устоявшегося проксенического формуляра. Естественно, ни из отмеченного выше факта, ни из последнего argumentum e silentio я не намерен делать никаких решительных выводов, но кто может поручиться, что при получении в будущем новых, более определенных данных и эти наблюдения не послужат аргументом в пользу некоторого своеобразия политического устройства Ольвии в позднеклассическую эпоху?

Второе обстоятельство, обращающее на себя наше внимание, это появление на сцене знатных и богатых ольвийских родов, проявляющих свою активность в разных сферах полисной жизни. Выше уже упоминалась вотивно-строительная эпиграмма, которой Еврисивий возвещает, что в своем намерении воздвигнуть башню (?) им двигало стремление укрепить отеческую землю и одновременно по достоинству почтить Зевса Элевтерия. В то же

⁴⁰ IOSPE. I², 20, 22, 23; HO 3A—B+12+107, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 14, 15, 16(?), 20, 108.

⁴¹ Например, появление проздрии в HO 7.6.

⁴² Отметивший этот факт Новиков (О реконструкции... С. 269—271) не сделал из своего наблюдения никаких конкретных выводов.

⁴³ Виноградов Ю. Г., Карышковский П. О. Ольвийский декрет Каноба... С. 25.

самое время и, по-видимому, рукой того же резчика была высечена на постаменте статуи еще одна неизданная эпитафия:

[Λεοκράτη?, εἰ]χὴν τήνδε Εὐρησίβιον πατέρ[αϚ]
[στῆσας, τήν]δ' ἑτέραν Διὶ Ἐλευθερίῳ με ἀνέθηκας.

«(О Леократ!) По одному обету (воздвигнув) *статую* своего отца Еврисивия. . . по другому ты посвятил меня Зевсу Освободителю».

Без всякого сомнения, речь идет о том же Еврисивии, а пропавшее имя его набожного сына, опираясь на каталог фиаса НО 71 и вотивную надпись НО 65 (см. ниже), очень правдоподобно восстановить как «Леократ». Тесная связь Еврисивия, сына Сирикса, с культом Зевса Элевтерия вскоре после свержения тирании позволяет с полным основанием предположить, что, во-первых, он занимал должность жреца этого могучего бога-освободителя, а во-вторых, получил это жречество — не исключено, пожизненное — именно вследствие того, что его усилиями был свергнут и изгнан ольвийский тиран. В этой связи на ум приходит приводившийся ранее рассказ Геродота (III. 142 и след.) о преемнике самосского тирана Поликрата Меандрии, якобы установившем в полисе исономию, а взамен потребовавшим пожизненное жречество Зевса Элевтерия и 6 талантов из Поликратова имущества. Награду в 1 талант устанавливает тираноубийце и вышеупомянутый илионский закон. Если предложенная гипотеза верна, то становятся еще проще объяснимыми политико-пропагандистские мотивы строительной деятельности Еврисивия: полученную от полиса за свой подвиг награду он по справедливости (δικαίως) морально был просто обязан употребить на защиту освободившегося отечества и одновременно к вящей славе его надежного божественного заступника.

Высказанные соображения позволяют мне в обсуждавшейся выше эпитафии в качестве имени тираноборца восстановить Εὐρησίβιον. Однако этим не исчерпываются все доводы в защиту предлагаемой гипотезы. Если в V в. нам не известен пока ни один ольвиополит по имени Еврисивий, то в третьей четверти IV в. в нашем поле зрения появляется целый аристократический род Еврисивиادов, объединенных в гентильный религиозный союз — фиас, состоящий из жрецов и фиаситов. По наиболее вероятному дополнению, они посвящают Зевсу Сотеру статую, на базе которой вырезается каталог культового сообщества (НО 71). Помещенный в левом столбце список, по всей вероятности, жрецов, а не фиаситов, составляют 7 сыновей некоего Леократа; примечательно, что первое место занимает старший брат по имени Еврисивий⁴⁴, в котором есть все основания распознать сына посвятителя Зевсу Элевтерию вышеназванной статуи Еврисивия, получившего имя в честь своего знаменитого деда — тираноборца и родоначальника

⁴⁴ В первую основу имен остальных шести сыновей чадолюбивый Леократ вложил свой жизненный девиз — πολὺ!

колена Еврисивиадов. Нельзя не обратить внимание и на то, что в стк. 7 правой колонки этого каталога занесен фиасит по имени Сириск, сын, скорее всего, Еврисивия.

Из сопоставления вышеперечисленных эпиграфических источников неопровержимо следует тот факт, что почитание Зевса было в роду Еврисивиадов гентильным, уходящим корнями в акт свержения тирании и сопряженного с этим избавления от скифского протектората, инспирировавших церебрацию культа Зевса Элевтерия. Относительно недолгое (не более поколения) почитание этого бога и последующий переход к культу Зевса Сотера заставляют признать неоспоримость одного из тезисов Раафлауба: Зевс Спаситель был первичным и гораздо более обширным по своим сотерическим функциям божеством, а идентичный ему Зевс Освободитель — вторичным, обладавшим лишь одной из прерогатив первого⁴⁵. Поэтому культ Зевса Элевтерия вводился по совершенно конкретному поводу: первоначально — избавления от внешнего господства либо угрозы такового, а секундарно — внутривосточного освобождения от тирании, однако в силу определенного стечения политических обстоятельств этот культ пользовался меньшей по сравнению с почитанием Зевса Сотера популярностью и мог вскоре — как то, подтверждает и ольвийский пример — отойти на задний план или попросту исчезнуть⁴⁶.

Следующим аргументом в пользу предлагаемой реконструкции может служить необычайная популярность имени Εβρισίβιος во все последующие эпохи ольвийской истории. Его носители принадлежали по преимуществу к городской проминенции: были богатыми донаторами в святилище, эпонимными жрецами Аполлона и т. п., причем не только в позднеклассический, но и в раннеэллинистический период⁴⁷. Даже в императорскую эпоху, когда в просопографическом фонде Ольвии греческий элемент был сильно потеснен варварским и римским, имя «Еврисивий» все так же осталось популярным среди городской элиты: по данным надписей и монет, нам сейчас известно по меньшей мере 13 его носителей⁴⁸. Эти факты без труда находили бы объяснение в том, что и последующие поколения ольвийской аристократии имели обыкновение наделять своих отпрысков именем достославного соотечественника.

Род Еврисивиадов был в IV в. не единственным в Ольвии, который делал богатые приношения своим гентильным божествам, причем не в домашних, а общегородских святилищах. Кроме вышеупомянутого Гикесия, сына Гекатеона, посвятившего статую своего отца Зевсу Элевтерию (IOSPE. I², 160), обращает на себя

⁴⁵ Raaflaub K. Op. cit. S. 135—139.

⁴⁶ Кроме обсуждаемой ниже надписи IOSPE. I², 25+31; ср.: № 187, датируемую Латышевым III в. до н. э., но относящуюся, видимо, еще к IV в., в которой демос посвящает (конную?) статую Еврисивия (!), сына Деметрия, Зевсу Царю ($\Delta\iota\iota\ \text{Βασιλε\iota}$) за его доблесть и благосклонность к нему.

⁴⁷ В каталоге жрецов-эпонимов: IOSPE. I², 201, I. 1 (IV в.), 45 (III в.); II. 30, 31 (II в.); 187 и 209 (IV в.); HO 65 и 113 (IV в.).

⁴⁸ См.: IOSPE. I², Index IV. s. v.; HO 80. 7, 90. 2.

внимание еще один памятник — NO 168, не только синхронный каталогу Еврисивиадов, но и имеющий идентичную структуру: два столбца имен с отчествами под более крупным заголовком. Опираясь на эту абсолютную аналогию с учетом требований симметрии, я дополняю надпись: [Γερεϋ] Λεω [κρατίδα]. Род Леократидов, воздвигший статую какому-то своему гентильному богу-покровителю, должен быть близким родственным Еврисивиадам: недаром в каталоге фиаса последних кроме патронимика семи жрецов имя «Леократ» принадлежит еще одному фиаситу. Нет сомнения, что Леократиды также должны были располагать солидным состоянием и пользоваться почетным положением в полисе ⁴⁹.

Интересно, что с подобной же картиной мы сталкиваемся в то же самое время и в Истрии, лапидарные памятники которой свидетельствуют об активности в конце V—начале IV в. одной аристократической семьи, члены которой были жрецами верховного бога полиса — Аполлона Врача. В этой семье были распространены такие имена, как Гипполох, Гегесагор, Теодот, Теоксен, Ксенокл, позволяющие вычертить ее стемму ⁵⁰. По-видимому, синхронное появление в обеих родственных милетских апоикиях аналогичных явлений нельзя объяснить простой случайностью.

Вернемся, однако, к вопросу о политическом устройстве Ольвии в позднеклассическое время. Для решения этой проблемы первостепенное значение имеют следующие факты. Прежде всего в начале IV в. со сцены сходят культовые ассоциации мольпов, орфигов, нумениастов и т. п., служившие опорой тираническому режиму (см. гл. III): в контрасте с довольно многочисленными документами V в., свидетельствующими об их активной деятельности и одновременно выдающемся положении в городе, о какой-либо их активности в позднеклассическую эпоху эпиграфические свидетельства отсутствуют. По убедительному заключению Карышковского, должность городского эпонима переходит с этого времени от эсимнета мольпов к жрецу Аполлона ⁵¹. Но эти элитарные, однако же, общеполисные союзы аристократии уступают свое место внутривидовым, клановым религиозным сообществам — фиасам, объединенным исключительно по гентильному признаку под эгидой своих богов-покровителей. Еврисивиады, Леократиды и им подобные разветвленные кланы принимают теперь на себя прерогативы предшественников по совершению жертвоприношений, воздвижению статуй и т. п. Однако их деятельность, как показывает пример Еврисивия, сына Сириска, не ограничивалась одной только религиозной сферой: предводители таких гентильных союзов возводят дорогостоящие, но жизненно необходимые полисные оборонительные сооружения, как бы принимая на себя и те функ-

⁴⁹ О некоем Леократе, возможно, исполнявшем в первой половине IV в. должность фрурарха ольвийского форта в Северо-Западном Крыму, см.: *Vinogradov. Pontos Euxeinos*. S. 34.

⁵⁰ *Pippidi D. M. Les plus anciennes inscriptions d'Istros // Epigraphica. Buc.*, 1977. P. 16—20, N 3—6 = *ISM. I. 144, 169, 170; Ehrhardt. S. 138.*

⁵¹ *Карышковский П. О. Ольвийские эпонимы // ВДИ. 1978. № 2. С. 88.*

ции, которые прежде находились в компетенции тирана, что может свидетельствовать об их политической активности в городе. Это подводит нас к мысли о том, что обновленный государственный строй Ольвии этого времени не повторял полностью классическую модель радикальной демократии, но имел заметную аристократическую окраску.

Об относительной консервативности знатных ольвийских родов, упрочивших свои позиции в общественной жизни полиса, может свидетельствовать votивная надпись примерно середины IV в., вырезанная на базе статуи работы афинского скульптора Стратонида (НО 65). Донатор — Леократ, сын — по весьма вероятному дополнению⁵² — Еврисивия, был, скорее всего, отцом главы фиаса Еврисивиадов⁵³ и сыном предполагаемого тираноборца (см. выше). Весьма показательно, что на сей раз он ставит статую не своему гентильному покровителю Зевсу, а Аполлону Врачу — исконному богу первых колонистов, с которым во второй половине VI в. стал конкурировать, а в течение V в. постепенно и вытеснил культ Аполлона Дельфиния, покровительствовавшего союзу мольпов, предшественнику клановых фиасов.

Развиваемая на этих страницах гипотеза может найти свое подтверждение в высказывании гения общественной мысли IV в. — Аристотеля (Pol. VI. 4. 11, 1319 b 24 sq.), обобщившего предыдущий опыт государственной практики. Говоря о тех средствах, которыми некоторые политические деятели добиваются установления в полисе радикальной демократии, он — с предшествующей ссылкой на Клисфена — советует следующее: «... частные культы следует свести к минимуму и сделать общественными» (*τὰ τῶν ἰδίων ἱερῶν συναχτέον εἰς ὀλίγα καὶ κοινά*). Нельзя ли в этом политическом рецепте видеть косвенное указание на нерадикальный характер ольвийской демократии позднеклассического времени? Измениться государственному строю Ольвии было суждено несколько позже — при столкновении с Македонской державой в эпоху раннего эллинизма.

Осада Ольвии Зопирионом и период реконструкции жизни полиса

Как уже говорилось во вводной главе, в ольвийской истории намечается несколько коренных вех, неразрывно связанных с крупными политическими событиями и отчетливо разграничивающих друг от друга качественно отличные исторические периоды.

Одним из таких рубежей, предопределившим судьбы Ольвийского полиса на десятилетия вперед, оказались события, связанные с обороной города от войск Зопириона. «Борисфениты, осаждаемые Зопирионом, — пишет Макробий, римский сановник и писа-

⁵² Calder W. M. *Stratonides Athenaios* // AJA. 1971. 75. P. 326. Not. 11.

⁵³ Виноградов Ю. Г., Русьева А. С. Культ Аполлона и календарь в Ольвии. С. 56. Примеч. 75.

тель конца IV и первой половины V в. н. э., — отпустили на волю рабов, дали права гражданства иностранцам, изменили долговые обязательства и таким образом смогли выдержать осаду врага»⁵⁴. Еще на заре изучения истории Ольвии⁵⁵ это свидетельство было сопоставлено с заметками Юстина, эпитоматора утраченной истории Помпея Трога, современника Августа, и Курция Руфа, автора истории Александра Македонского, составленной в середине I в. н. э.⁵⁶ Оба автора сообщают, что Зопирион, военачальник Александра, погиб во время войны против скифов или гетов⁵⁷.

Значение событий, упомянутых в краткой исторической справке Макробия, было осознано В. В. Латышевым, усмотревшим в них поворотный пункт всей ольвийской истории, оцененный им негативно. «Первый удар процветанию Ольвии, — писал он, — был, по всей вероятности, нанесен осадой Зопириона», которая оказалась «одним из первых звеньев длинной цепи бедствий, опустивших некогда богатую и счастливую Ольвию»; ведь даже, «чтобы отбиться от Зопириона», потребовались, по Латышеву, «чрезвычайные и крайне стеснительные для государства меры»⁵⁸.

Цитированные слова писались, впрочем, до начала систематических раскопок города и его округа, которые принесли с собой массу новых археологических, эпиграфических и нумизматических материалов, позволивших изменить историческую концепцию Латышева. По всем имеющимся в настоящее время данным, в первые десятилетия после Зопирионовой осады наблюдается не упадок, а, напротив, расцвет Ольвии, знаменательно совпадающий с гигантскими социальными, экономическими и политическими изменениями, происшедшими в древнем мире, вступившем в новую эпоху своей истории — эллинистическую. Исключительная важность этого события для последующего развития Ольвийского полиса побуждает нас прежде всего попытаться выяснить степень достоверности свидетельства Макробия.

⁵⁴ *Macr. Sat. I, 11, 33: Borysthenitae obpugnante Zopyrione servis liberatis dataque civitate peregrinis et factis tabulis novis hostem sustinere potuerunt.* В тексте — пер. Латышева (SC. II. С. 392; ср.: ВДИ, 1949. № 4. С. 263).

⁵⁵ *Blaramberg J. P. Choix de médailles antiques d'Olbiopolis ou Olbia. P., 1822. P. 25 et not. 2.*

⁵⁶ Об этих историках см.: *Зельин К. К. Основные черты исторической концепции Помпея Трога // ВДИ. 1948. № 4. С. 208 и след.; Он же. Помпей Трог и его произведение Historiae Philippicae // ВДИ. 1954. № 2. С. 283 и след.; ср.: Schwarz E. Curtii 31: Q. Curtius Rufus // RE. 1901. IV. Sp. 1871 ff.*

⁵⁷ Это противоречие устраняется предположением В. Пырвана (*Pârvan V. Getica. Buc., 1926. P. 49 sq.; Pippidi D. M. Contribuții la istoria veche a României. 2-e ed. Buc., 1967. P. 154*), согласно которому скифы уничтожили Зопириона со всем его войском [«cum copiis universis deleverunt» (*Iust. II. 3, 4; ср.: XII. 1, 4; 2, 16—17; XXXVII. 3, 2*); сведения Юстина повторяет Павел Оросий, современник Макробия (*Oros. Hist. III. 18. 1; 4*)] в так называемой гетской пустыне (*Curt. X. 1. 44: in Getis*), простиравшейся, согласно Страбону, ἀπὸ Τότρον ἕλῃ Τόβαν (*Strab. VII. 3. 14, 17; ср.: Arr. Anab. I. 4. 4*). Ни один из источников не подтверждает догадку, согласно которой Зопирион «погиб со всем своим войском при неудачной осаде Ольвии» (*Блаватская. ЗПГ. С. 90*).

⁵⁸ *Латышев. Исследования. С. 62, 66.* К этой оценке присоединился Э. Минз. См.: *Minns. P. 459 ff.*

Метод этого писателя, по его собственному признанию, компилятивный: он выписывает факты из других работ, зачастую не называя имени информатора; часто придерживается дословного воспроизведения своих источников, но наряду с этим излагает их и своими словами, нередко вторгаясь в структуру цитаты, меняя отрывки местами⁵⁹. Прежние исследователи скептически относились к начитанности Макробия и разнообразию используемых им авторов, а также уровню точности при передаче текстов⁶⁰. Сейчас, впрочем, его эрудиции и методу стали оказывать больше доверия⁶¹. Выяснить степень достоверности интересующего нас сообщения позволяет анализ контекста, в котором помещена справка о борисфенидах. До сих пор такой анализ не предпринимался — исследователи в лучшем случае констатировали цель Макробия в цитировании отрывка: иллюстрировать на конкретном примере, что и рабы могут принести пользу обществу.

Действительно, в соответствующем разделе «Сатурналий», начинающемся словами: «Немало (случаев) показывает, что и в обществе сослужила службу рабская фортуна»⁶², на ряде примеров дается иллюстрация того, как рабы, отпущенные на волю в тяжелое для государства время, взявши в руки оружие и явив *virtutes*, принесли большую пользу обществу. Сначала следуют примеры из римской истории: освобождение рабов-добровольцев (*volones*) в ходе Второй Пунической войны (8000 рабов, участвовавших в битве при Каннах; вольноотпущенники, сражавшиеся у Траименского озера); либертины в гражданских войнах; использование рабов в войнах Цезаря; вольноотпущенники-добровольцы в легионах Августа. Затем Макробий говорит: «А чтобы ты не думал, что такое случалось только в нашем государстве, — Борисфениты, осаждаемые Зопирионом и т. д.»⁶³ Далее начиная с пассажа об ольвиополитах Макробием приводятся примеры из греческой истории: призыв Клеоменом в лакедемонское войско 9000 отпущенных на волю рабов; отпуск рабов афинянами, понесшими урон в живой силе гражданского ополчения. Затем идет речь о *virtutes* женщины-рабынь.

Изложение приведенных пассажей показывает, что Макробий привлекал выписанные им из источников сведения *ad hoc*, подчиняя компиляцию своим целям. Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что в соответствии с этими целями, заявленными вначале, автор говорит исключительно о рабах и вольноотпущенниках. Только в случае с Зопирионом он приводит еще два

⁵⁹ *Macr. Sat. Praef. 2. 4. Cp.: Wissowa G. De Macrobia Saturnaliorum fontibus: Diss. Breslau, 1880. P. 7; Латышев. Исследования. С. 63. Примеч. 3; Wessner P. Macrobius // RE. XIV. 1928. Sp. 182.*

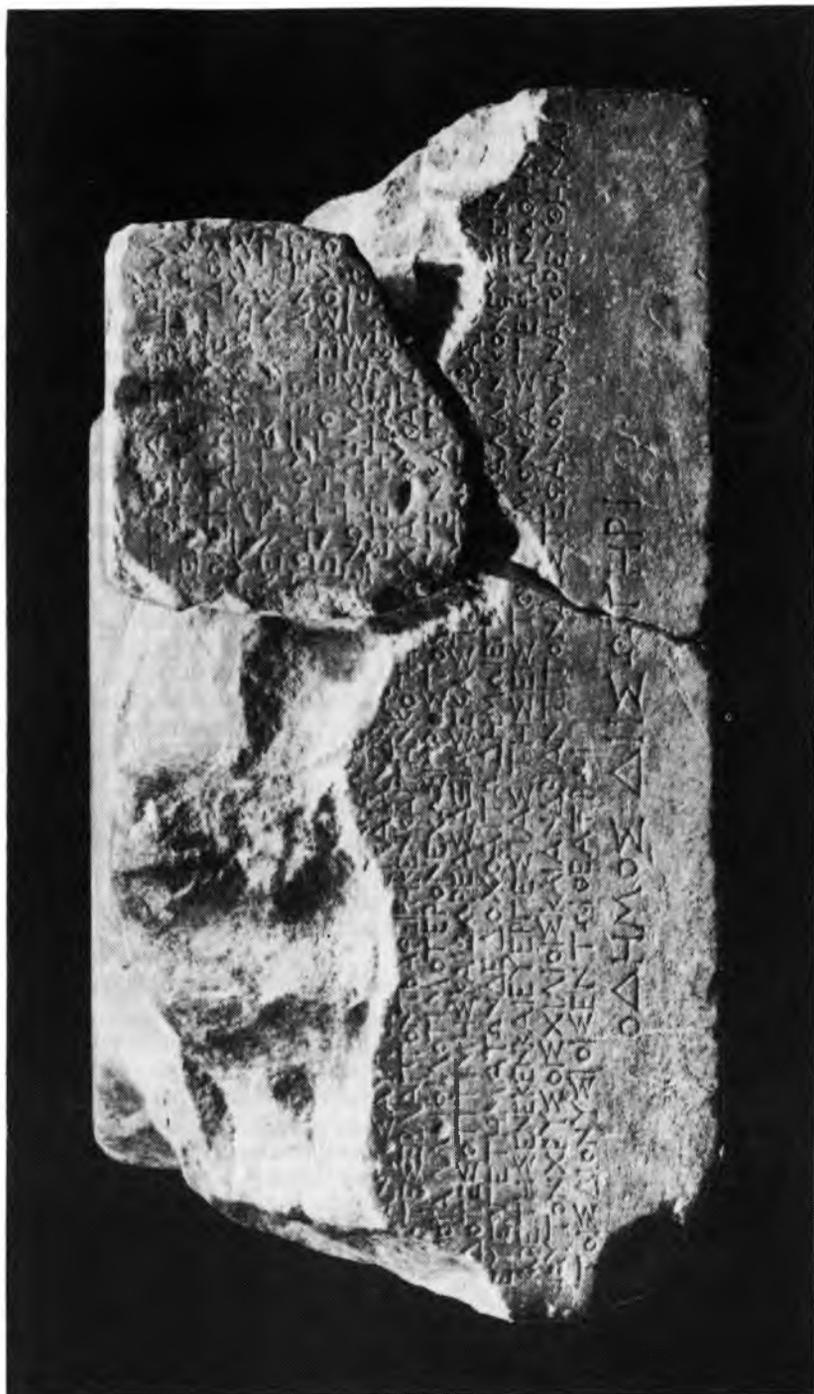
⁶⁰ См., например: *Wessner P. Op. cit. Sp. 183.*

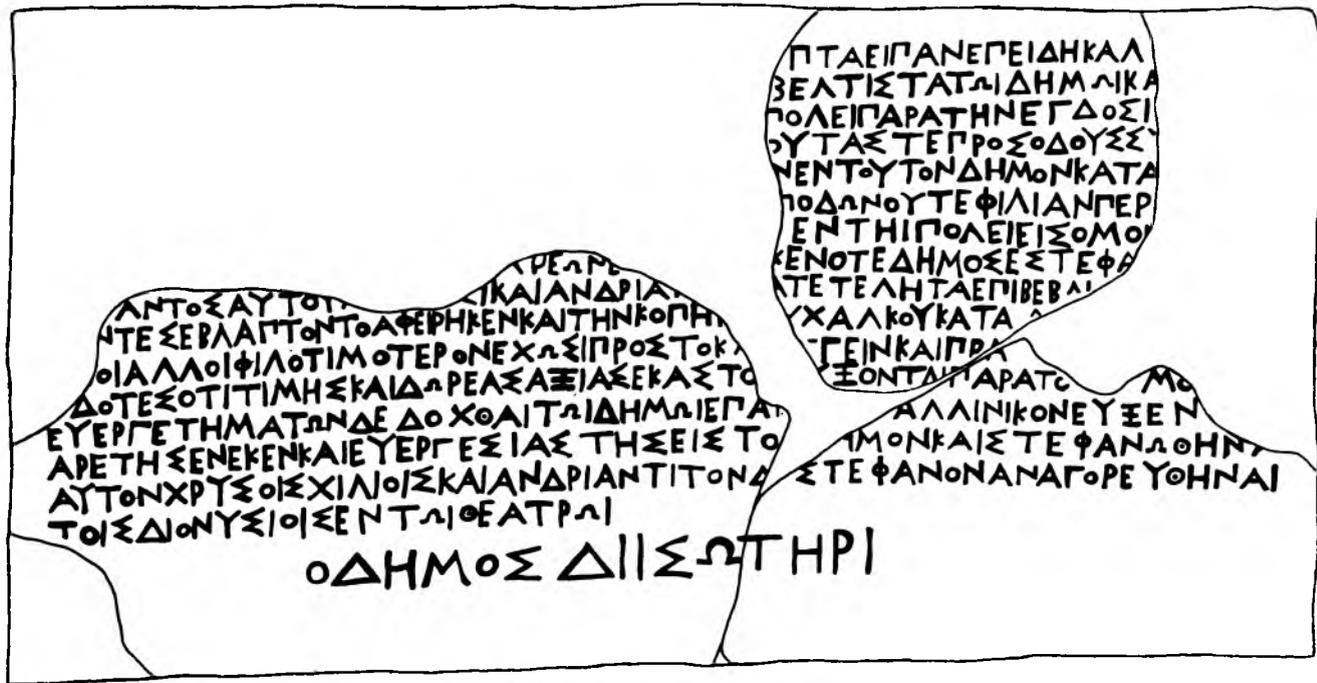
⁶¹ *Tuerk E. Macrobius und die Quellen seiner Saturnalien: Diss. Freiburg, 1961. S. 65 ff. Cp.: Idem. // Gnomon. 1970. 42. S. 576 ff.*

⁶² *Quid etiam in commune servilis fortuna profuerit non paucis docetur (Macr. Sat. I. 11. 30).*

⁶³ *Ac ne putes haec in nostra tantum contigisse re publica Borysthenitae obpugnante Zopyrione etc. (Ibid. I. 11. 33).*

Р и с. 7. Декрет в честь Каллиника IOSPE. I², 25+31 (фото и прорись)

εδερυετημάτων, δεδόχθαι τῷ δήμῳ ἐλαί [νέσαι K] ἀλλίνικον Εὐξέν[ου]
 ἀρετῆς ἔνεκεν καὶ εδερυεσίας τῆς εἰς τὸ [ν δ] ἦμον καὶ στεφανωθῆνα [ι]
 15 ἀτὸν χρυσοῖς χιλίοις καὶ ἀνδριάντι τὸν δ[ε] στέφανον ἀναγορευθῆνα
 τοῖς Διονυσίοις ἐν τῷ θεάτρῳ.

Ο ΔΗΜΟΣ ΔΠ ΣΩΤΗΡΙ

8 [λεψήφι]γεν - ed. prin., [ἰσὴνγγ]γεν - Вин.; [στεφα[νωχῶς]] - ed. prin.; [στεφά[νωκεν]] -
 Вин. || 9/10. [οἷς ἀποροῦν]τες - ed. prin., [πά]ντες - Robb., [ἄφ' ἄν] [πά]ντες - Вин.

Перевод: (Совет и народ постановили, архонты и) коллегия Семи предложили: поскольку Каллиник, (сын Евксена, будучи мужем прекрасным и добрым, постоянно) творит народу наилучшее. . . городу при раздаче работ (?). . . и его доходы (увеличил). . . (когда же опасность (?)) явилась (виновницей) того, что ввергла народ (в раздор [?], он, не убоясь никакого) препятствия, (не ставя превыше всего) *личные* симпатии и спешно предпринимаемая (усилия привести) к согласию (стороны, учинившие тяжбы) в городе, внес предложение (об отмене долгов; и народ наградил его за *свое* (спасение [или: умиротворение]) денежной суммой и статуей и *не только* отменил налоговое обложение, (кои)м причинялся ущерб (всем), *но* и уменьшил чеканку медной монеты согласно расчету. (Дабы и) другие ревностнее советовали и творили (наилучшее), зная, что каждый получит от народа почесть и награду, достойную их благодеяний, да постановит народ: восхвалять Каллиника, сына Евксена, за его доблесть и благодеяние для народа, и пусть он будет награжден тысячей золотых и статуей, а о награждении возвестить на Дионисии в театре.

Народ *посвятил* Зевсу Спасителю.

Детальное исследование документа в первой публикации позволяет ограничиться здесь кратким компендиумом наиболее важных выводов. На экстраординарный характер декрета указывает прежде всего состав его эйсегетов — синархия архонтов и коллегии Семи. Перечисление заслуг Каллиника открывает акция по распределению каких-то работ между подрядчиками (стк. 3: τὴν ἔγδοσι [ν]), благодаря которой были, по всей видимости, увеличены доходы полиса (стк. 4: τὰς τε προσόδους). В следующей очень важной клаузуле (стк. 5—8) речь идет о социальных волнениях среди демоса (и других слоев населения?), который Каллиником был приведен к гражданскому примирению (стк. 7: εἰς ὁμόν [οἶαν]) путем кассации долгов (стк. 8: [τὴν ἀλοχολῆν τῶν] χρεῶν ε [ἰσῆνευ]γεν)⁶⁶, поскольку именно долговая проблема составила основную причину стасиса. Большой интерес представляет последняя клаузула мотивировки (стк. 8—10), согласно которой за свои деяния на благо и умиротворение народа Каллиник был им награжден (стк. 8: ἐστεφά [νωκεν])⁶⁷ по настоящему постановлению огромной денежной суммой в 1000 золотых (стк. 9: χ[ρ]ήμα[σι]; 15: χρυσοῖς χιλίοις) и постановкой бронзовой статуи (стк. 9 и 15: ἀνδριάντι).

⁶⁶ Исправления и улучшения текста и комментария ed. prin. обоснованы ниже.

⁶⁷ Дополнение лич. формы, а не прич. делает фразу более стройной: три сказуемых, соединены частицами τε—τε—καί.

Избавление умиротворенного демоса от некоей крайней опасности (см. ниже) развязало ему руки для реорганизации финансовой жизни полиса. Первым мероприятием явилась отмена налогового обложения (стк. 9—10: τὰ τέλη . . . ἀφεῖρηκεν), которое прежде распространялось на всех граждан (а возможно, и неграждан) и было прямым. В пользу такой его оценки мной привлекалась одна из клаузул милето-ольвийского договора, следующая непосредственно за установлением права ателии для милетян в Ольвии: «Если он [милетянин] пожелает участвовать в отправлении должностей (τιμουχῶν), то пусть войдет в Совет и, будучи внесен в списки, принимает участие и станет ἐντελής, подобно прочим гражданам [т. е. ольвиополитам]» (Syll.³, 286. 7—11). Следуя за абсолютно всеми интерпретаторами, я принимал термин ἐντελής как оппозицию к ἀτέλεια в том смысле, что милетянин, возжелавший обосноваться в Ольвии и принять активное участие в общественной жизни полиса, уравнивался не только в политических, но и в фискальных правах с ольвиополитами, подлежа, как и они, косвенному обложению. Однако такому, казалось бы естественному, пониманию термина противоречит один из следующих параграфов соглашения, распространяющий право ателии на всех (πάντας) милетян за исключением лишь тех, которые, «обладая правом гражданства в другом городе, замещают там должности и заседают в судах» (стк. 17—20). С другой стороны, сопоставление разбираемого термина с постоянным набором привилегий в эпирских декретах, где ἀτέλεια и ἐντελής не противопоставлены, но дополняют друг друга⁶⁸, склоняет меня к тому, чтобы и в милето-ольвийской исополитии принимать для ἐντελής сугубо социальное значение: «правомочный исполнять общественные должности» (ср.: LSJ, s. v., II). Предложенное толкование не идет, однако, в разрез с общегреческим принципом, согласно которому коренные граждане полиса — и ольвиополиты здесь не исключение — не обладали привилегией фискального иммунитета.

Однако в противоположность косвенному прямое обложение, как уже давно установлено, противоречило духу греческих, особенно демократических, полисов, а потому вплоть до эпохи эллинизма вводилось лишь в экстренных случаях тяжелого финансового положения государства.

Экстраординарный характер ольвийского обложения подчеркивает и словоупотребление декрета: part. φη|ρ|φ| ἐπιβεβλη[μένα] употреблено не просто для того чтобы пояснить значение τὰ τέλη — «налоги», а не «решения», но в паре с φ| ἀφεῖρηκεν оно показывает, что эти налоги были когда-то введены и оставались лежать грузом на плечах ольвиополитов, пока демос их не отменил окончательно. Аналогичную ситуацию сообщает для IV в. Эней Тактик (XIII. 4): кредиторам, авансом финансировавшим содержание наемников (τοῖς προαναλίσκουσιν εἰς τοὺς ξένους), некоторое время спустя затраченные суммы (ὄλολογίζομένων) выплачива-

⁶⁸ Moretti. *Isc. stor. ellen.* II, 117—119. P. 126. Not. 1. Comment.

лись из податей, вносимых каждым жителем в полисную казну (τῶν εἰς τὴν πόλιν εἰσφερομένων παρὰ ἑκάστου τελεῶν). В этом обложении трудно не увидеть прямой военный налог. Сказанное приводит к заключению, что и ольвиополиты ввели у себя τὰ τέλη в момент финансового кризиса, обострившегося, как будет показано ниже, в результате внешней угрозы. Отмену же обложения нельзя не считать весьма демократическим мероприятием: согласно восстановлению в стк. 10 [πάν]τες, эта акция была проведена в интересах всего гражданства, но благотворнее всего сказалась, бесспорно, на неимущих, страдавших от налогов больше других.

Вторым мероприятием умиротворенного демоса явилась чеканка медной монеты согласно расчету (стк. 10: τὴν κοπή [ν το] ῦ χαλκοῦ κατὰ λ [όρον ἤχεν?]), т. е. приведение количества чеканенной в определенный отрезок времени меди в соответствие с соотношением ее к обращавшимся на рынке в данный момент золоту и серебру с целью предотвратить обесценивание медной монеты («борисфенов») как формального знака стоимости⁶⁹.

В заключительной части Каллиникова декрета обращает на себя внимание не только беспрецедентная в античном мире огромная денежная награда, превышающая, к примеру, в десять раз награждение, по-видимому, Антигона Гоната (IG. XII. Suppl. 168), но и посвящение его статуи демосом Зевсу Сотеру, что в совокупности не может не указывать на спасение Ольвийского полиса от некой чрезвычайной опасности, чему во многом способствовали деяния Каллиника, главным образом проведенное им в жизнь предложение по отмене долгов. А поскольку единственным близким по времени нашему документу событием, поставившим под угрозу свободу и независимость Ольвии, была осада ее Зопирионом, то мы пришли к твердому убеждению, что ἡ ἀλοκοπή τῶν χρυσῶν декрета и скрывается за словами Макробия «factis tabulis novis». Именно благодаря этому чрезвычайному мероприятию было достигнуто единодушие жителей полиса, мобилизованы все силы на оборону и тем самым спасена от македонского завоевания сама городская община.

Нельзя, однако, не сказать, что отдельные моменты восстановления декрета в честь Каллиника и основанной на нем исторической реконструкции встретили недавно критический скепсис в Bull. ép. 1984. 276. P. 457—458, авторы которого пользовались «une analyse très détaillée du texte gusse». Огромный авторитет — увы! — недавно скончавшегося крупнейшего эпиграфиста современности Луи Робера заставляет отнестись к высказанной критике с самым пристальным вниманием и уважением. Не оспаривая предложенную датировку, Л. Робер считает, однако, что нигде — ни в сохранившейся, ни в восстановленной части документа — нет

---

⁶⁹ По вопросам монетного дела и денежного обращения Ольвии этого времени в связи с эпиграфическими свидетельствами отсылаю читателя к исчерпывающему комментарию П. О. Карышковского в ст.: *Виноградов, Карышковский. Каллиник. I. С. 39—42; II. С. 25—27.*

указания на πόλεμος, а потому сообщаемые декретом социальные изменения могли произойти и вне военной ситуации (хотя выше им приводится дополнение издателями стк. 5: ἐλεῖ ὁ κίνδυνος (la guerre) κτλ.). Конкретно по поводу восстановления стк. 5/6 (τοῦ τὸν δῆμον [καταστῆναι εἰς διαφοράν]) он замечает, что глагол ἄλοκαταστῆναι (на камне без двойного префикса. — Ю. В.) может означать только возврат к согласию, к лучшему положению дел, а потому ему кажется, что уже здесь речь идет о восстановлении la concorde как в стк. 6—8. Тем не менее глагол καθίστημι в данном семантическом аспекте означает широко «приводить в определенное состояние», причем не только в лучшее⁷⁰, не говоря уже о том, что так и не находит объяснения повествование в столь лаконичном документе об одном и том же в двух непосредственно соседствующих периодах фразы.

Признать ли в числе акций, предпринятых Каллиником, предложение об отмене долгов, Л. Робер колеблется, замечая при этом, что perf. ἐ[πεψήφισα]μεν здесь неуместен, а сам глагол означает не «вносить предложение», а «ставить на голосование». Признавая справедливость последнего замечания, я дополняю теперь ε[ἰσῆνευ]μεν⁷¹. Л. Робер выражает сомнение по поводу gen. abs. [διασώισ]αντος αὐτοῦ, при котором должно было бы стоять τὸν δῆμον, τὴν πόλιν, но и не дает своего дополнения этого явного причастия. Далее он полагает, что глагол βλάβειν, -εσθαι в финансовых контекстах употребляется обычно по отношению ко «всем гражданам» (поэтому охотно принимаю его дополнение [πά]ντες), а кроме того, в противоположность издателям видит в τὰ τέλη не дополнительное, а прямое обложение. Не иначе думали и они, заметив, однако, что *обычное* прямое обложение не было свойственно демократической фискальной практике полисов этой эпохи.

Наконец, Л. Робер в крайне предположительной форме склонен видеть в финансовой деятельности Каллиника отдачу на откуп (ἔγδοσις) работ по строительству стен и башен и еще более осторожно предполагает, что сам чествуемый взял на себя большую часть или даже все расходы по фортификации, которые ему потом были компенсированы демосом выплатой 1000 золотых. Как и издатели, он связывает эту ἔγδοσις, весьма выгодную для полиса, с увеличением доходов последнего. Не говоря уже о том, что стеностроительство (яркий пример тому Протогеновский декрет) часто

⁷⁰ Например: εἰς ἀπόνοιαν, ἀπορίαν, ἀνάγκην, ἐν ἀγῶνι καὶ κίνδυνῳ (*Antiph.* V, 61), ἐν πολέμῳ (*Plat.* Менек. 242a), τὴν πόλιν εἰς στάσεις... κατέστησαν (*Lys.* XXV, 26); это подтверждается и ольвийской (!) эпиграфической лексикой: τοῦ... βασιλέως... εἰς ὀργὴν καταστῆσαντος (*IOSPE.* I², 32A, 92/93).

⁷¹ Для прямых дополнений при εἰσφέρω кроме обычных νόμων, ψήφισμα, τὰδε — περι+gen. (*Syll.*³, 1043; *Chiron.* 1983. 13. S. 285. Z. 1; *SEG.* XXVII. 545. 3); ср.: τὰς τιμὰς... εἰσοίσουσιν (*Milet.* I, 3, N 138. 20 sqq.; ср.: *Syll.*³, 1104. 29/30); по своему употреблению этот глагол полностью адекватен εἰσηγεῖσθαι и ψηφίζομαι, при которых дополнимый оборот засвидетельствован (см.: *Diod.* XXXII. 26. 3: χρῆν ἄλοκα εἰσηγεῖντο; ср.: *Plut.* Мор. 226 BC; *Agis.* XII, 1 : χρῆν ἄλοκα... ψηφισαμένοις).

предпринималось перед лицом военной угрозы, встают два вопроса: типично ли для эллинистической эпохи, чтобы пожертвования эвергетов (не заимодавцев!) на благо отечества покрывались из городской казны, и в чем в таком случае состояло бы увеличение доходов полиса? Резоннее кажется признать огромную награду (στεφανωθήναι!) Каллинику вместе с посвящением его статуи Зевсу Спасителю (отмечено, но не элиминировано как аргумент рецензентами) двумя серьезнейшими и непоколебленными пока доводами в пользу отнесения деятельности Каллиника к событиям Зопирионовой осады.

Новых аргументов к критике Роберов не добавил М. Б. Хацопулос⁷², зато на них не скупится Яйленко⁷³, пытающийся дискредитировать как реконструкцию издателями узловых клаузул декрета, так и вытекающую из нее историческую интерпретацию. Его основные возражения суть следующие. Во-первых, для кассации долгов источники всегда дают оборот $\chi\rho\epsilon\omega\tilde{\nu}$ ἀλοχολή только с таким порядком слов (аналогично и в $\chi\rho\epsilon\omega\tilde{\nu}$ ἄδεια, ἄφεσις, διάλυσις), а потому дополнение в стк. 8 τήν ἀλοχολήν τῶν $\chi\rho\epsilon\omega\tilde{\nu}$ неправомерно. «Коль это так, рушится усмотренная Виноградовым и Карышковским (вслед за Э. Миннзом) связь между Каллиниковым декретом и *factis tabulis novis* Макробия [ничего подобного Миннз не утверждал! — Ю. В.], а поскольку это краеугольный камень всей их исторической реконструкции, рушится и она»⁷⁴. Думается, не настало время для столь апокалиптических аккламаций, коль скоро приведенный контрдовод выдает не более чем формализм и приверженность к банализации, вообще отличающие «Материалы». $\chi\rho\epsilon\omega\tilde{\nu}$ ἀλοχολή соблюдает такой порядок слов, когда имеется в виду мероприятие как таковое, не конкретное, не реализованное; когда же речь идет о предпринятой кассации долгов, словосочетание получает артикли и смело может менять элементы местами. Так, Дионисий Галикарнасский сначала (*Dion. Hal.* VII, 8, 1 = *Asheri.* IV) первейшими лозунгами (προοίμια) тирании называет γῆς ἀναδασμός καὶ $\chi\rho\epsilon\omega\tilde{\nu}$ ἀλοχολή, но далее (VII, 8, 2) конкретными мероприятиями, которых старался избежать Аристодем, названы τὸν ἀναδασμὸν τῆς γῆς καὶ τὰς δανείων ἀφέσεις. Не пожелай здесь писатель украсить свою речь хиадной конструкцией у него $\chi\rho\epsilon\omega\tilde{\nu}$ ἀφέσεις так же легко претерпело бы инверсию, как и столь же «стабильный» троп γῆς ἀναδασμός. В том, что древние не страдали недугом формализма, убеждает обращение к эпиграфике. . . Ольвии, где о Протогене сказано, что он ἀφέσεις ἐποίησато τῶν χρημάτων (*IOSPE.* I², 32B. 69/70)!

Во-вторых, Яйленко обвиняет издателей в том, что они, обратив внимания на дистрибуцию частиц τε в стк. 8, без текстуального анализа дополнили здесь прич. перф. ἐστεφα [ν]ωκώς], «не дав себе

⁷² Hatzopoulos M. B. Le Pont Euxin et le monde méditerranéen // Acta Centri historiae Terra antiqua Balcanica. Trinovi, 1987. P. 124.

⁷³ Яйленко В. П. Материалы. . . С. 205—215. № 31.

⁷⁴ Там же. С. 206.

труда объяснить, почему упомянутые в с. 10 уменьшение налогов и какая-то акция с чеканом медной монеты были проведены демосом, а не самим Каллиником, — этим и объясняется парадоксальность ситуации: ее создал не составитель надписи, а современные его (?) истолкователи с учеными степенями»⁷⁵. Далее следуют путанные рассуждения насчет греческого перфекта и других глагольных форм. Собственно говоря, на все это можно было бы ответить ссылкой на замечательного филолога и тонкого стилиста (не говоря уже об ученых степенях) Л. Робера: «Le peuple, en même temps qu'il avait couronné Kallinikos, avait pris deux mesures très importantes»⁷⁶, — однако во избежание повторных недоразумений поясним синтаксическую структуру пассажа. Дело вовсе не в причастии ἐστεφανωθῶς (охотно заменяю его для большей стройности на личную форму — см. выше) и даже не в перфекте (часто замещающем в койне аорист), а в «дистрибуции» τε—τε—καί, недопонятой Яйленко, не обратившим внимания на приведенную нами аналогию постановки этих частиц⁷⁷, а потому убежденным, что «в лакуне с. 8 должен стоять эквивалент слова δῆμος, поскольку этого требует частица τε при нем, соединяющая его с этим эквивалентом»⁷⁸. На деле же в первом периоде (стк. 6—7) частицы соединяют три причастных оборота, выражающих образ и цель действия Каллиника, которое само вслед за этим передано личной формой ε[ἰσῆνευ]θεν; по реконструкции же Яйленко, это сказуемое вообще... отсутствует! Чтобы со стк. 9 вернуться к деяниям Каллиника, его версия явно нуждается в чем-то вроде αὐτὸς δέ, ἔτι δέ (а не τε), места которым на камне нет. Во втором периоде (стк. 8—10) τε—τε—καί соединяют сказуемые в перфекте, обозначающие действия демоса (но синтаксически вовсе не как результат акции Каллиника), за которыми следуют хортативная формула и вторая санкция. Отсюда выходит, что заслуги Каллиника заключались только в раздаче работ и в предложении декрета об отмене долгов, и о награде за это уже сообщено в стк. 8. Появление столь необычной структуры мы и пытались посылить объяснить.

Что же предлагается в «Материалах» взамен? Стоящее на камне в стк. 8 χρῆῶν превращается в τὸ χρῆῶν — «должное», со ссылкой на НО 42. 19, где оно означает неотвратимый «рок»!⁷⁹ Беспрецедентному ἐ[καὶ ἔδω]θεν («тогда отдал») лучшей параллели, чем тот же Протогеновского декрета, не отыскивается. Бесспорные χ[ρήμα]σι καὶ ἀνδρίαν[τι], с целью разрушить прочную корреляцию их с χρυσοῖς χιλίοις καὶ ἀνδρίαντι стк. 15, подменяются

⁷⁵ Там же. С. 207.

⁷⁶ Bull. ép. 1984. P. 458.

⁷⁷ Виноградов, Карышковский. Каллиник. I. С. 39. Примеч. 49: *Antiph.* 4. α, 2.

⁷⁸ Яйленко В. П. Материалы... С. 208.

⁷⁹ Вместо неудовлетворительного чтения и перевода этого места издателями НО 42 я предлагаю в стк. 18—20: ἐλε[δῆ] | δὲ τὸ χρῆῶν ἐλετέμετο αὐτοῦ τοῦς [μί] | τοῦς. — «Поскольку же рок перерезал нити его [Дадага] жизни».

тавтологией [καὶ εἰκό]σι καὶ ἀνδρίαν[τι], не только стилистически корявой (вот где нужно было бы ожидать τε—καί!), но и игнорирующей то, что εἰκόν не только «рельеф», но и любое пластическое изображение, включая статую и даже просто «облик» (Syll.³, 284. 2—4, 21—22). О причинах посвящения статуи Каллиника именно Зевсу Сотеру, естественно, ни слова.

В итоге вместо «фикций текстологического и хронологического характера, на которых основана претенциозная реконструкция политической истории Ольвии, предложенная Виноградовым и Карышковским»⁸⁰ Яйленко набрасывает свою историческую картину, которая, по его собственному признанию, «основывается на нескольких допущениях»⁸¹. Не удостоив даже упоминания детально разработанную в свое время издателями шкалу ольвийской лапидарной палеографии IV в.⁸², он удовольствовался парой случайных «аналогий» из справочника Гвардучи и ссылкой на близость нашей надписи ряду истрийских декретов III в., чтобы вынести безапелляционный вердикт: «Если Виноградов и Карышковский датируют Каллиников декрет временем после 331 г. . . . то они должны относить и указанные истрийские декреты ко второй половине IV в. до н. э. что совершенно невозможно. Например, ISM. I. 65. . . содержит упоминание о галатах, что датирует его временем не ранее 279 г.»⁸³ Во-первых, о необходимости передатировки ряда истрийских документов нам уже приходилось выступать в печати⁸⁴, а во-вторых, никакого упоминания о галатах декрет из Драгомирны не содержит: его сообщение о Ολατιχοσ πόλεμος давно уже справедливо сопоставлено с фрак. ЛИ Оλασ, зафиксированным еще с конца V в.⁸⁵

Вычислив таким способом дату Каллиникова декрета — вторая четверть III в., Яйленко предлагает следующую реконструкцию событий⁸⁶. Во время Зопирионовой осады в Ольвии верх взяли радикальные элементы, обложившие богатых большими податями. В дальнейшем олигархи пытались вернуть позиции в борьбе с «радикалами» — одну из вспышек разногласий уладил Каллиник, принадлежавший тогда к умеренным; но «в дальнейшем его позиция, возможно, сдвинулась в сторону олигархии, если предположить, что он отменил налоги на состоятельных. Это, конечно, не более как допущение (!): у нас нет данных (!) о характере проведенного Каллиником уменьшения налогов, и награда его в 1000 золотых, может быть (!), и свидетельствует о том, что эта акция,

⁸⁰ Яйленко В. П. Материалы. . . С. 214 и след.

⁸¹ Там же.

⁸² Виноградов Ю. Г., Карышковский П. О. Ольвийский декрет Каноба. . . С. 24—27.

⁸³ Яйленко В. П. Материалы. . . С. 211.

⁸⁴ Виноградов Ю. Г., Карышковский П. О. [Рецензия] // ВДИ. 1984. № 3. С. 181 и след. — Рец. на кн.: Pippidi D. M. ISM. I.

⁸⁵ Detschew. D. Op. cit. S. 340. Не стоит уже останавливаться на том, что ли в ISM. I. 65 гораздо более развитое, чем в декрете в честь Каллиника.

⁸⁶ Яйленко В. П. Материалы. . . С. 213 и след.

как и прекращение чеканки меди, приветствовалась состоятельными слоями, но можно думать и об обратном (!)».

Нельзя не согласиться с тем, что у нас нет никаких данных ни о финансовом ущемлении олигархов «радикалами» (см. выше роверовское дополнение [λύ]ντες ἐβλάττοντο), ни о политических шатаниях Каллиника, ни о противоречащем серьезным нумизматическим исследованиям допущении о перерыве в чеканке меди III в., а потому исчезает всякое желание опровергать умозрительные, фантастические конструкции приговителя «Корпуса лапидарных надписей Ольвии».

Возвращаясь к Каллинику, следует сказать, что ряд соображений исторического и нумизматического порядка, обоснованных в первой публикации, заставляет отнестись издание декрета в его честь к 325—320 гг. вскоре после снятия осады Зопириона 331 г. Что же касается причин и целей социальных реформ времени осады, то я присоединяюсь к той группе ученых, которая видит по крайней мере в одной из них — проведенной Каллиником кассации долгов — не просто превентивную меру, но, как прямо заявляет декрет в его честь, следствие разразившегося социального конфликта⁸⁷, хотя второе вовсе не исключает, но лишь дополняет первое. Такую оценку подкрепляет и рекомендация теоретика осадного дела Энея Тактика (XIV. 1). Причины вспыхнувших социальных волнений зрели, видимо, в недрах ольвийского общества давно, и осада послужила лишь катализатором их разрешения. В качестве конкретных стимулов, породивших стасис, можно предполагать подтверждаемое археологически опустошение осаждавшими сельскохозяйственной территории⁸⁸, вызывавшее продовольственный кризис и лишавшее малоимущих основного источника доходов. Осада парализовала экономическую жизнь Ольвии, прекратив, в частности, поступление в казну одной из основных статей пополнения государственного бюджета — таможенных пошлин и иных торговых сборов. В итоге городские власти были вынуждены ввести чрезвычайный военный налог (τὰ τέλη), отмена которого после победы наряду с редукцией медной монеты безусловно облегчала положение прежде всего городской бедноты, а потому не может быть расценена иначе, как важное демократическое преобразование.

Весь изучаемый декрет носит отпечаток ярко выраженной демократической окрашенности, поскольку он в числе заслуг Калли-

⁸⁷ Сведения о действовавшей в Ольвии в момент осады оппозиции, своего рода «пятой колонне», принявшей сторону македонского завоевателя, можно извлечь не только из коллективного захоронения 52 человек (включая детей и рабов (?), в кандалах), побитых камнями и расстрелянных из лука (см.: Козуб Ю. И. Историческая топография некрополя Ольвии // Античная культура Северного Причерноморья. Киев, 1984. С. 162 и след.), но и из найденного в 1985 г. на одном поселении ольвийской хоры загадочного письма на амфорном остраконе, подготовленного автором к публикации: [N]ιχοφάνας Ἀδράστου|Ζωπυρίωνι Ἰλλοῦν ἔδωκεν. δλο|στελάτω μοι|εἰς πόλιν καὶ δότω|[αῦ]τῶι τὰ γρά(μ) || μα(τα)

⁸⁸ О подобной практике IV в. см.: Hanson V. D. Warfare and Agriculture in Classical Greece. Pisa, 1983.

ника называет только две акции: раздачу работ и предложение по отмене долгов; все остальные важные мероприятия, в которых, по всей видимости, должен был принять определенное участие и сам эвергет, поставлены в заслугу демосу. Все это достаточно убедительно свидетельствует о победе в политике радикально-демократического режима и о сопряженном с этим обновлении всех или большей части сфер полисной жизни: внутри- и внешнеполитической, социально-демографической, финансово-экономической, религиозной и архитектурно-градостроительной.

Прежде всего имеет смысл отметить тот факт, что в обеих санкциях постановлений типа IV, изданных как до декрета в честь Каллиника (IOSPE I², 24), так и после него⁸⁹, обязательно присутствуют имена и буле и демоса. Этот же документ имеет оригинальную формульную структуру: в преамбуле вполне надежно дополняется [ἔδοξε βουλῆι καὶ δήμῳι], а в докладной санкции приведено имя только одного демоса — δεδούχαι τῷ δήμῳι. Еще более необычную структуру имеет синхронное постановление IOSPE. I². 325 (см. ниже), прескрипт которого не сохранился, а в докладной санкции стоит [ἔδοξε]ν τῷ δήμῳι τῷ Ὀλβιολοιτῶν⁹⁰, а хортативная формула следует после собственно постановления. Таким образом, в последней трети IV в. повторилась та же ситуация, что и в начале этого столетия: смена или модификация политического режима принесла с собой оригинальный и на первых порах неустойчивый формуляр, который лишь постепенно с течением времени выкристаллизовывается в устойчивую формульную структуру.

Декрет IOSPE. I², 325 представляет, кроме того, совершенно особый исторический интерес, почему имеет смысл остановиться на нем подробнее. Это постановление, вырезанное, как и псефисма в честь Каллиника, на торцевой стороне прямоугольного поста-мента статуи, которая, судя по габаритам базы и расположению следов крепления на верхней ее грани, представляла собой изваяние всадника на спокойно шагающей лошади⁹¹. Палеографические особенности шрифта не составляют сомнения в том, что надпись, относящаяся к 20—30-м годам IV в., оказывается полностью синхронной декрету в честь Каллиника (рис. 8)⁹².

Памятник обнаружен в 1841 г. на о. Левка Н. Н. Мурзакевичем и долгое время оставался на месте; между 1885 и 1887 гг. перевезен в Бухарест, где и хранится в настоящее время в Национальном музее древностей (инв. № L 350). Текст его с учетом предшествующих дополнений выглядит так:

⁸⁹ IOSPE. I², 26, 27, 29, 32—35; HO 24—28, 30, 39; ВДИ. 1984. № 1. С. 56.

⁹⁰ Причина замены во второй санкции δεδούχαι на ἔδοξεν состоит в том, что в этом уникальном по своей конструкции документе отсутствующая в начале первая санкция заступила место второй (ср.: Syll.³, 348).

⁹¹ Ср.: *Siedentopf H. B.* Das hellenistische Reiterdenkmal. Waldassen, 1968. S. 68—71. Abb. 14, 18 a—d.

⁹² См.: *Виноградов Ю. Г., Карышковский П. О.* Ольвийский декрет Каноба... С. 25.

Рис. 8. Декрет с Левки IOSPE. I², 325

- [— — — — —] | — ἐν Ὀλβιο[πόλ]εῖ (?) L I | — — —]
 [— — — — —] αν καὶ τοὺς τε καταλαβό[ντας]
 [τὴν ἱερὰν νῆσον?] λη[ι]στεῖται τῶν Ἑλλήνων
 ἀπ[έ]κτειν[εν κ]αὶ τοὺς μεθ' αὐτῶν ἐκ τῆς ν[ή]σου]
 5 [ἔξ] ἔβαλεν καὶ παραγενόμενος εἰς τὴν πόλιν
 πο[λλ]ὰ καὶ μεγάλα χρήσιμος γέγονεν τῷ δή-
 μωι Ὀλβιοπολιτῶν καὶ διὰ ταῦτα ὁ δῆμος
 αὐτ[ό]ν καὶ ζῶντα ἐτίμησεν δωρεᾶι
 καὶ τ[ε]λευτήσαντα ἔθαψεν δημοσίαι'
 10 [ἔδοξε] ν τῷ δήμωι τῷ Ὀλβιοπολιτῶν
 στήσαι αὐτοῦ εἰκόνα, ὅπως ἂν αἱ τε πράξει[ς]
 αὐτοῦ μ[νη]μονεύωνται καὶ ἡ πόλις φανερ[ὸν]
 ποιήσῃ το[ῖς] Ἑλλησιν, ὅτι καὶ τῆς νήσου πολ[λὴν]
 [ἐπιμέλειαν] ποιεῖται κατὰ τὰ πάτρια καὶ τοὺς φι-
 15 [λοτιμουμέ]νους εἰς αὐτὴν καὶ ζῶντας τιμ[αῖ]
 καὶ τελευτήσα[σιν] α[ὐτ]οῖς ἀ[ξί]ας ἀποδίδωσι
 [χάριτας].

Перевод: ... в Ольвиополе (?) ... и захвативших (священный остров) для грабежа эллинов перебил и бывших с ними изгнал с острова, и прибыв в город [т. е. в Ольвию], оказал много важных услуг народу ольвиополитов, и за это народ и при жизни почтил его подарком, и после смерти похоронил на общественный счет. Постановил народ ольвиополитов, (поставить) ему статую, дабы и деяния (его) оставались в памяти, и город (сделал) очевидным эллинам, что он и об острове имеет большое (попечение) по законам отцов, и служащих ему [т. е. острову] и живых почитает и умершим воздает достойную (благодарность) (пер. Латышева с незначительными изменениями)⁹³.

К сожалению, имя чествуемого лица в надписи не дошло, однако мотивировка его награждения сохранилась достаточно подробно, хотя и не совсем полно. Содержание ее сводится к следующему. Награждаемый — по всей видимости, ольвиополит (ср. стк. 5) — уничтожил пиратов, «захвативших священный остров для грабежа эллинов⁹⁴, а иже с ними изгнал с острова». Очищение Левки было кратковременной акцией чествуемого лица, после нее он возвратился в Ольвию и там оказал много великой пользы народу ольвиополитов. Кроме того, до отправления на Левку он совершил, возможно, еще какие-то деяния в самой Ольвии⁹⁵. Из декрета мы узнаем, что за все эти благодеяния (*διὰ ταῦτα*) неизвестный⁹⁶ еще при жизни был награжден, а после смерти, которая последовала, вероятно, не сразу после возвращения в родной город, был похоронен на общественный счет (стк. 7—

⁹³ Об обстоятельствах находки см.: *Мурзакевич Н. Н.* ЗООИД. 1844. I. С. 549 и след.; 1850. 2. С. 413 и след.; IOSPE. I², P. 271. Ed. princ.: *Babington* // Transactions of the Royal Society of Literature. 1874. X. P. 133 ff. № 34 (по копии капитана Спратта); IOSPE. I, 177 (1885); *Egger E.* // BCH. 9. 1885. P. 375—379; *Točilesku G.* // АЕМО. 1887. 11. С. 37 ff. N 41; IOSPE. I². 325 (1916); *Толстой И. И.* Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг., 1918. С. 39—42. Ср.: *Латышев В. В.* // ЗРАО. 1889. 4. С. 146 и след.; IOSPE. IV, P. 275 sq. (1901); *Wilhelm.* Beiträge. S. 204 ff.; *Minns.* P. 480; *Ростовцев М. И.* // ИАК. 1918. 65. С. 190.

⁹⁴ Дополнение Латышева предпочтительнее конъектуры Толстого по числу мест в лакуне. Выражение *λη [ι]στεῖαι τῶν Ἑλλήνων* могло означать как то, что пираты использовали Левку в качестве опорного пункта для грабительских налетов на проплывавшие мимо греческие торговые суда, так и то, что они грабили храмовые сокровища самого острова, которые мыслились как принадлежащие всем эллинам (см. ниже). Об этническом происхождении упомянутых пиратов см.: *Брашинский И. Б.* Понтийское пиратство // ВДИ. 1973. № 3. С. 130 и примеч. 40.

⁹⁵ Это следует из первой строки документа, где Точилеску и Латышев совершенно обоснованно читали 'Οὐλύο [λοῦ. . .], что само собой напрашивается раскрыть в имя ольвиополитов, однако такому дополнению препятствуют идущие вслед за тем остатки букв. Это побуждает восстановить здесь ἐν 'Οὐλύο [λόλ]ει. Если эта эмендация верна, то мы получали бы подкрепление гипотезе о бытовании 'Οὐλύολοῖς как официального названия Ольвии, по крайней мере с IV в. до н. э.; однако окончательное решение остается за осмотром оригинала в Бухаресте.

⁹⁶ Ростовцев (ИАК. 1918. 65. С. 190) полагал, что этот декрет мог быть издан в честь Посидея, сына Посидея, что, однако, невозможно по хронологическим соображениям, так как деятельность последнего протекала во II в. до н. э. (см. гл. VI). Латышев (IOSPE. I², P. 273) думал о «жреце или попечителе храма», жившем на самой Левке, против чего обоснованно возражил Толстой (Указ. соч. С. 43. Примеч. 5).

9). Однако, как следует из стк. 11—17, для составителя настоящего декрета главным деянием в жизни умершего было очищение священного острова Ахилла от пиратов: именно за это народ ольвиополитов ставит на Левке его конную статую.

Но составитель декрета ставил перед собой еще одну не менее важную, пропагандистскую цель. Во всем его содержании сквозит горделивое желание показать всем грекам, как неустанно и самоотверженно печется о благополучии и спасении священного острова Ольвия, взявшая на себя трудную, но вместе с тем почетную (хотя, по всей видимости, не убыточную) роль его покровителя. Такими словами, как «...захвативших остров для грабежа эллинов...» (стк. 3), «...чтобы и город сделал очевидным всем эллинам, что он и об острове имеет большое попечение по заповедям отцов, и служащих ему [т. е. острову] и живых почитает и умершим воздает достойную благодарность...» (стк. 12—17), специально подчеркнута, что ольвиополиты не считают Левку ни святилищем своего собственного полиса, ни своим владением, но священной землей и храмом всех эллинов⁹⁷.

Теперь уместно задать один очень важный вопрос: когда же могла сложиться такая ситуация, при которой морским разбойникам удалось захватить священный остров Ахилла? Наиболее вероятный ответ на него напрашивается сам собой. По всем приводимым ниже источникам вырисовывается вполне четкая, неопровержимая картина могущества и процветания Ольвии как до, так и после осады Зопириона. Поэтому на фоне вытекающей отсюда непрерывной заботы полиса-куратора о священной земле Левки и постоянного контроля над ней выглядела бы весьма неправдоподобной возможность захвата острова пиратами на довольно продолжительное время. Левка имела персонал, обслуживающий храм⁹⁸, и, вероятно, небольшой гарнизон, способный отразить первый натиск неприятеля и уж во всяком случае тотчас отправить в не столь отдаленную Ольвию за подмогой. Когда в 331 г. Зопирион осадил Ольвию, и город, как следует из Протогеновского декрета (IOSPE. I², 32 В. 1—4), еще не имел стен вдоль Гипаниса, ольвийский военный флот⁹⁹ должен был обеспечить охрану водных границ полиса с целью нейтрализовать действия флота противника¹⁰⁰. Воспользовавшись вытекавшей отсюда благоприятной ситуацией¹⁰¹, морские разбойники захватили Левку, оставшуюся

⁹⁷ Ср.: Толстой И. И. Указ. соч. С. 42, 85.

⁹⁸ Там же. С. 43 и след.

⁹⁹ Первое свидетельство о военном флоте Ольвии дает нам декрет в честь Антестерия (см.: Виноградов Ю. Г. Декрет в честь Антестерия... С. 56. Стк. 26—31), однако это не значит, что полис не обладал им до III в. до. н. э.

¹⁰⁰ Маловероятно, чтобы Зопирион не располагал вообще никаким флотом. Двигаясь по суше, он должен был все же иметь корабли, хотя бы для связи с Фракией и Грецией. Нельзя сбрасывать со счетов возможность использования полководцем подручными плавучих средств для штурма города со стороны лимана.

¹⁰¹ Да и помимо этого, когда на карту был поставлен вопрос о существовании самого полиса, ольвиополитам, охваченным к тому же гражданскими междоусобицами, было не до спасения святынь вне городских стен.

практически без присмотра, с целью разграбления тамошнего святилища и использования острова в качестве опорной базы для пиратских налетов на проплывавшие мимо греческие торговые суда¹⁰². Как только ольвиополиты ликвидировали с помощью Каллиника социальный конфликт и в немалой степени благодаря этому сумели отстоять независимость своего отечества от посягательству македонского завоевателя, они должны были первым делом ринуться вызволять святиню, отправив на остров Ахилла экспедицию военных кораблей во главе с не известным нам лицом¹⁰³. Доблестный ольвиополит с успехом выполнил поручение: частью перебив, частью изгнав¹⁰⁴ пиратов, он спас тем самым общеэллинское святилище от полного разгрома и по свершении этого вернулся в Ольвию, где прославил себя некими великими деяниями. По прошествии некоторого времени он скончался и за все свои былые заслуги перед полисом был похоронен на общественный счет и удостоен статуи на Левке. В предложенной интерпретации декрет IOSPE I², 325 вносит новую деталь в драматические события времен Зопирионовой осады.

Возвращаясь к вопросу о нестабильности оригинальной формульной структуры ольвийских псефисм времени Каллиника, нельзя не обратить внимание на то, что аналогичная картина синхронно наблюдается и в Милете. Как показал в своем исследовании Х. Мюллер¹⁰⁵, в милетских постановлениях начиная с конца IV в. после освобождения полиса Александром в первой и второй санкциях в различных сочетаниях то фигурирует имя одного демоса (*reine Volksbeschlüsse*), то он выступает вместе с Советом. Учитывая те связи, которые Ольвия заново устанавливает в эту эпоху со своей метрополией и которые проявлялись и в сфере государственных институтов¹⁰⁶, трудно удержаться от предположения о заимствовании подобной структуры псефисм из государственных актов Милета, т. е. в конечном итоге об изменениях во внешней политике по отношению к материнскому городу. Наиболее ярко эти перемены проявились в широко известном документе — возобновленном договоре об исполитии Ольвии

¹⁰² Подобную ситуацию мы встречаем в истрийском декрете в честь Агафокла (см.: ISM. I. 15. 8—11; см. гл. V).

¹⁰³ Не исключено, как я полагаю прежде (ВДИ. 1976. № 3. С. 210), что им мог быть тот же Каллиник, однако отсутствие какой-либо опоры в источниках делает эту гипотезу голой догадкой.

¹⁰⁴ Выражение декрета *τοῦδ μεθ' αὐτῶν* — «иже с ними» — остается не совсем понятным. По-видимому, к собственно пиратам примкнула еще одна группа лиц. Л. Робер считает, что под ними следует понимать жителей острова, служившего базой для пиратов (см.: *Robert L. // Hellenica*. 1960. 11/12. P. 274). Б. Браво пытается подкрепить мнение об обитаемости острова в эту эпоху ссылкой на наличие культурного слоя (см.: *Bravo B. Une lettre sur plomb de Berezan'*. P. 141). Признавая присутствие на острове немногочисленного культового персонала, я сомневаюсь, однако, в заселенности его сколько-нибудь стабильным населением в полном смысле этого слова.

¹⁰⁵ *Müller H. Milesische Volksbeschlüsse*. Göttingen, 1976. S. 18, 58, 93.

¹⁰⁶ См.: *Ehrhardt*. S. 222, 238.

с Милетом, эпиграфическая фиксация которого найдена при раскопках милетского Дельфиниона¹⁰⁷. Жебелев, изучавший обстоятельства заключения договора, пришел к вполне оправданному выводу о том, что с милетской стороны предпосылкой подтверждения ранее существовавшего соглашения с колонией было изменение политического строя, а именно реставрация демократии¹⁰⁸. Это подтверждается еще и тем, что исополития Милета и Ольвии — всего лишь один договор в целой серии подобных, заключенных в те же годы ионийской метрополией со своими апойкиями¹⁰⁹, а также с другими греческими полисами¹¹⁰.

Но Жебелев справедливо отметил, что и с ольвийской стороны были предпосылки для возобновления договора об исополитии. Резонно предполагая, что инициатива в проведении этого дипломатического акта исходила от Милета, он высказал мнение, согласно которому милетян побудили к тому мероприятию ольвиополитов времени осады Зопириона, и прежде всего «дарование гражданских прав иноземцам, что влекло за собой увеличение состава граждан», а также в какой-то мере и кассации долговых обязательств¹¹¹. Соглашаясь в целом с этой гипотезой, я считаю, однако, что она все же не единственное объяснение¹¹². Гораздо больше резона в позиции Карышковского: «Именно в условиях политиче-

---

¹⁰⁷ *Milet. I. 3. N 136 = Syll.³, 286 = StV. III. N 408; ср.: Жебелев. СП. С. 38—47; Graham A. J. Colony and Mother City. P. 99 ff.; Seibert J. Metropolis and Apoikie. S. 179 ff.; Asheri. P. 37; Gauthier Ph. SYMBOLA. P. 358 et suiv.* Дату возникновения договора А. Рем пометил между 334 и 323 гг. Жебелев, исходя из политической ситуации как в Милете, так и в Ольвии, уточнил ее: вскоре после 331 г. Ряд соображений подтверждает эту датировку и позволяет лишь несколько уточнить ее. Договор не мог возникнуть раньше снятия осады Зопирионом (или 331 г.), поскольку Милет окончательно освободился от власти персов только в 332 г. (см.: *Berve H. Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. Bd. 2. München, 1926. S. 201*). Однако заключение договора едва ли могло состояться и в 330/29 г., так как в этот год Милет испытывал серьезные затруднения, о которых можно судить по передаче эпонимии богу Аполлону (см.: *Milet. I. 3. N 122; о причинах подобного замещения эпонимии см.: Robert L. // Hellenica. 1946. 2. P. 51—64*). Таким образом, это событие мы должны поместить между годом милетского эпонима Лика, сына Леонта (329/8 г.), и смертью Александра (323 г.). Скорее всего, соглашение состоялось в 329/8 г. или в один из ближайших годов. Эрхардт датирует его на не слишком веских, как мне кажется, основаниях между 325 и 311 гг. См.: *Ehrhardt N. Die politischen Beziehungen zwischen den griechischen Schwarzmeergründungen und ihren Mutterstädten // Acta Centri historiae Terra antiqua Balcanica. Trinovi, 1987. 2. S. 115 ff.*

¹⁰⁸ Жебелев. СП. С. 40 и след.

¹⁰⁹ С Кизиком (StV. III. 409). Декрет в честь истриан (*Robert L. // BCH. 1928. 52. P. 170 = ISM. I. 62*) относится, видимо, к более позднему времени. Ср.: *Ehrhardt. S. 235 ff.*

¹¹⁰ С Сардами (StV. III. 407), с Фигелой (*Ibid.* 453). Оригинальна, но пока недоказуема гипотеза Ал. Штефан: путем заключения договоров об исополитии понтийских колоний с преданным ему Милетом свое политическое влияние на них стремился осуществить Антигон Одноглазый. См.: *Stefan Al. Relations étrangères des cités du Pont Gauche à l'époque hellénistique // Actes du VIIe Congrès FIEC. Budapest, 1984. P. 331.*

¹¹¹ Жебелев. СП. С. 47.

¹¹² АшерИ полагает, что ольвиополитами двигало стремление установить добрые отношения с Александром Великим. См.: *Asheri D. Op. cit. P. 37.*

ского возвышения города, которое помогло отразить нападение Зопириона, а тем самым и Александра, в условиях усиления демократии было принято или возобновлено соглашение об исополитии с Милетом, которое отражало изменения не только в положении Милета... но и самой Ольвии¹¹³». Действительно, из истории дипломатии мы знаем, что после политического переворота обновленный государственный строй либо подтверждает свою верность международным соглашениям, заключенным прежней властью, либо разрывает их. В данном случае если бы у нас не было никаких сведений об изменениях в ольвийском политическом режиме, то достаточной причиной выглядел бы один приход к власти демократов в Милете. Но коль скоро все сказанное выше позволяет констатировать перемены в образе правления и Ольвии, то гораздо логичнее предположить, что обе договаривающиеся стороны, хотя и по разным причинам и независимо друг от друга, но все-таки одновременно повернувшие свой политический курс, при этом в одном направлении, постарались тут же пересмотреть свои международные отношения, подтвердив исополитию и прежде существовавшую между обеими общинами¹¹⁴.

Урегулирование полисом международных отношений не ограничилось одним лишь милето-ольвийским договором: в последнее время появляется все больше данных о возникновении и последующей ликвидации конфликта Ольвии с ее восточным соседом — Херсонесским полисом¹¹⁵. Раскопки недавних лет на Тарханкутском п-ове на поселении Панское I выявили два периода жизни этого памятника. На раннем этапе в первой половине IV в. он представлял собой укрепленный четырьмя круглыми башнями форт, который хотя и не находит пока аналогов среди памятников Нижнего Побужья, однако по совокупности признаков материальной культуры как самого поселения, так и его некрополя имеет ярко выраженный ольвийский облик¹¹⁶. Особенно показательны два

¹¹³ *Каришковский П. И.* З історії Ольвії в IV в. до н. е. С. 169 и след.

¹¹⁴ О времени заключения первоначальной исополитии см. гл. II. Она, по всей видимости, лишь временно утратила силу где-то в IV в. На ее существование косвенно указывает полное отсутствие милетян среди ольвийских проксенов, что в иной ситуации выглядело бы странным при столь интенсивных экономических связях между двумя полисами (ср., однако: *Ehrhardt*. S. 200 ff.). Недавно Эрхардт подробно обосновал одну очень интересную идею, поданную ему П. Херрманом (см.: *Ehrhardt N.* Die politischen Beziehungen... S. 89 ff.). Сопоставив клаузулу разбираемого нами договора $\xi\lambda\alpha\rho\acute{\omicron}\sigma\theta\alpha\iota\ \tau\alpha\upsilon\varsigma\ \tau\rho\iota\alpha\chi\acute{\alpha}\sigma\iota\upsilon\ \kappa\alpha\theta\acute{\alpha}\sigma\sigma\alpha\ \kappa\alpha\iota\ \xi\mu\ \text{Μ}\iota\lambda\eta\tau\omega\iota\ \xi\lambda\alpha\rho\acute{\omicron}\sigma\theta\alpha\iota$ (стк. 12/13) с аналогичным установлением *Teiorum digae* о вознесении проклятий в Теосе и его колонии Абдерах на определенные праздники (см. *ML. ЗОВ. 29—35=Herrmann P.* *Chiron.* 1981. 11. S. 9), он полагает, что в Ольвии в 30-е числа каждого (?) месяца (а в Милете в какие-то другие дни) граждане возносили проклятия врагам полиса. Если мы снова оглянемся на время заключения исополитии (см. выше, примеч. 107), то станет ясно, что и милетяне и ольвиополиты имели животрепещущие поводы ввести эту клаузулу в соглашение: в Милете только что была свергнута власть персов, а в Ольвии, видимо, совершена попытка передать город в руки Зопириона (см. выше, примеч. 87).

¹¹⁵ См.: *Vinogradov.* *Pontos Euxeinus.* S. 33 ff.

¹¹⁶ См.: *Щеглов А. Н.* Ольвия и Херсонес: новые материалы и аспекты проблемы // Тезисы... Парутино, 1985. С. 84—86; *Щеглов А. Н., Рогов Е. Я.* Погре-

эпиграфических документа; один из них — граффито на чаше из одной подбойной могилы с именем «Леократ», ни разу не засвидетельствованным в Херсонесе, зато широко распространенным в среде ольвийской аристократии как раз в это время (см. выше). Второе граффито представляет собой своеобразную «выписку» из проксенического декрета НО 5 с упоминанием имени одного из чествуемых афинян — Ксантиппа¹¹⁷. Ранее поселение Панское I стало, таким образом, неопровержимым свидетельством территориальной экспансии ольвиополитов на запад Крымского полуострова в первой половине IV в.

Однако около середины или в третьей четверти этого столетия ольвийский форт гибнет в мощном пожаре, а затем перестраивается по типично херсонесскому образцу, что трудно не поставить в связь с синхронно развернувшейся экспансией херсонеситов в Северо-Западный Крым. Последовавший за военным конфликтом разрыв в отношениях Ольвии и Херсонеса, фиксируемый по целому ряду источников, ликвидируется довольно скоро: по данным лапидарной и керамической эпиграфики, а также нумизматики, в последней четверти IV в. прерванные связи налаживаются¹¹⁸, что знаменательно совпадает с победой радикальной демократии в Ольвии послезопирионовского периода. Взаимоотношения обоих полисов в последующие два столетия были построены на основе дружбы, взаимопомощи и, возможно, политического союза¹¹⁹.

Демократические веяния вторгаются и в такую консервативную сферу общественного бытия, как религия, на что уже было обращено внимание Карышковским, связавшим с этим процессом посвящения Дионису, покровителю крестьянства, Гераклу и особенно Народу¹²⁰. Отдавая должное наблюдению автора в целом, не могу не высказать ряд частных сомнений. С одной стороны, есть многочисленные данные о том, что Дионис почитался в Ольвии задолго до осады Зопириона. Далее, те посвящения Дионису, на которые ссылается исследователь (IOSPE. I², 345, 165, 166), по палеографическим соображениям следует отнести еще к первой

бения в подбойных могилах в Нижнем Побужье, Нижнем Поднестровье и в Северо-Западном Крыму // Там же. С. 86—88; *Шеглов А. Н.* Процесс и характер территориальной экспансии Херсонеса в IV в. до н. э. // *Античная гражданская община*. Л., 1986. С. 166 и след.

¹¹⁷ Надпись подготавливается к изданию автором.

¹¹⁸ См.: *Золотарев М. И.* Херсонес и Ольвия в конце VI—II в. до н. э.: Автореф. дис. . . канд. ист. наук. Л., 1986. С. 13—15. Упомянутые на с. 14 монеты требуют передатирования первой половиной IV в. Последней четвертью IV, а не III веком должен датироваться по палеографии херсонесский декрет в честь ольвиополита IOSPE. I², 345 — первое после проксении НО 3А—Б+12+107 лапидарное свидетельство прерванных отношений двух полисов.

¹¹⁹ Разнообразные источники в пользу этого кратко перечислены в статье: *Виноградов Ю. Г.* О методике. . . С. 66. Примеч. 52—54. Возможность заключения политического союза между Ольвией и Херсонесом в III в. до н. э. тонко подметила Е. И. Леви. См.: *Новая ольвийская надпись из раскопок 1951 г.* // ВДИ. 1953. № 1. С. 181.

¹²⁰ *Карышковский П. И.* З історії. . . С. 169.

половине IV в. Кроме того, как показано в гл. III, культ Диониса был широко распространен в среде не только демоса, но и аристократии, а потому его ставили себе на службу тираны. Наконец, весьма рискованно безоговорочно связывать с демократизацией культ Геракла. Напротив, хорошо известно, какую роль играл этот дорийский хат ἔξοχήν герой в аристократических полисах и в культе эллинистических владык начиная с Александра Великого.

Таким образом, единственным, но весьма значительным и веским аргументом остается почитание персонифицированного Демоса, появляющегося вместе с Гераклом в вотивно-строительной надписи Клеомброта Пантаклова (IOSPE. I², 179), которую я отношу ко времени декрета в честь Каллиника¹²¹. Культ Народа, возникновение которого в Ольвии есть все основания относить именно к первым послезопирионовским годам, — факт, сам по себе весьма знаменательный и красноречивый. Из многочисленных аналогий достаточно назвать сооружение афинянами в конце III в. до н. э. святилища Демоса и Харит, по всей вероятности, в прямой связи с удалением македонского гарнизона (229 г.)¹²². Любопытно также сочетание в одной надписи двух божеств — Геракла и Демоса. Насколько мы можем судить по нашим источникам, культ сына Зевса и Алкмены был гентильным в богатом и знатном ольвийском роду Пантаклов и Клеомбровов: несколько лет спустя народ ставит статую своего благодетеля Пантакла Клеомбровова (вероятно, сына вышеупомянутого стеностроителя), посвящая ее опять же Гераклу (IOSPE. I², 188). Это дает основание высказать догадку о причинах соседства в IOSPE. I², 179 этих двух божеств. Не исключено, что в период демократического оздоровления ольвийского общества богатые аристократы, вроде Клеомброта Пантаклова, были вынуждены приспособляться к изменившимся условиям и, не забывая своих фамильных божеств-покровителей, отдавали дань новой эпохе, почитая «его множество» Демос, ныне ставший у руля правления и вследствие этого обожествленный. Не исключено, по сходной причине демос посвящает статую Каллиника Зевсу Сотеру, а не Элевтерию, хотя случай был подходящий: в народе еще жила память о родовых культах прежних мэтров политики.

Очевидный подъем, оживление конъюнктуры и процветание наблюдаются и в экономической сфере. О состоянии государственного бюджета этого времени красноречиво говорит один тот факт, что ольвиополиты безо всякого напряжения, только что выдержав изнурительную осаду, оказались в состоянии выделить из казны для награды Каллинику, сыну Евксена, 1000 золотых или 3,3 таланта серебром. Подъем ощущается и в частноэкономическом секторе: неоднократно упоминавшийся Клеомброт, сын Пантакла,

¹²¹ См.: *Виноградов Ю. Г., Карышковский П. О.* Ольвийский декрет Каноба. . . С. 25.

¹²² *Nilsson M. P.* Op. cit. 2. Aufl. Bd. 2. S. 144.

строит на собственные средства такое дорогостоящее сооружение, как башня; наблюдается явная интенсификация строительства жилых домов (см. ниже). Ольвийская хора — зеркало экономики полиса — переживает в это время момент своего небывалого расцвета (рис. 3): раскопками и разведками зарегистрированы перестройка и увеличение площади старых поселений допирионовского периода, возникновение многочисленных новых поселений, появление первых ольвийских усадеб¹²³. Наконец, именно на эти годы приходится ольвийская денежная реформа (см. примеч. 69), среди различных мероприятий которой наиболее важен первый в истории Ольвии выпуск золота. Представляется вероятным, что эмиссия великолепных по исполнению золотых статеров, наглядно противопоставивших характер τῆς πόλεως олимпийской символике монет Филиппа и крылатой Нике широко распространившихся золотых статеров Александра¹²⁴, была не только чисто экономическим мероприятием, но и политической демонстрацией города, устоявшего перед армией, превышавшей количество его населения.

И наконец, раскопками послевоенных лет твердо установлено, что на первые десятилетия после Зопирионовой осады падают коренные преобразования архитектурного облика самого города Ольвии. Прежде всего заметно преобразуется общественный центр полиса — агора и прилегающие к ней строительные комплексы¹²⁵. Сама главная площадь, по крайней мере в своей северной части, вместо черепяного покрова получает монументальную вымостку из прекрасно отесанных известняковых плит. Территория священного участка — теменоса, полностью нивелируется слоем лёсса и также замощивается плитами, на ней строится более монументальный, периптериальный храм Аполлона Дельфиния и новый простильный (?) храм Зевса¹²⁶. Старый известняковый алтарь V в. служит теперь фундаментом для нового — роскошного, мраморного¹²⁷. На юге часть территории теменоса сокращается за счет сооружения здесь большой стои — внушительных размеров портика, открывавшегося на агору¹²⁸; портиком оформляется и западный вход в священный участок¹²⁹. Особенно существенным и показательным представляется факт повторного расширения главной площади за счет теменоса: как и в начале

---

¹²³ Рубан В. В. Из истории приольвийских поселений. . . ; *Он же*. О датировке поселения Козырка II; *Он же*. Проблемы. . . С. 37—39.

¹²⁴ О политическом содержании монетных типов македонских царей см.: Kleiner G. Alexanders Reichsmünzen. В., 1949. S. 9 ff., 17 ff.; Sellman Ch. Greek Coins. 2nd ed. London, 1955. P. 199 ff., 204 ff.

¹²⁵ Перечень реконструкций и новостроек дается конспективно.

¹²⁶ Карасев А. Н. Монументальные памятники ольвийского теменоса. С. 39, 41, 45, 113 и след. Автор считает, что храм Зевса был построен, вероятно, несколько позднее — в первой половине III в. Ср.: Там же. С. 116, 125 и след.

¹²⁷ Там же. С. 101.

¹²⁸ Леви Е. И. Итоги раскопок ольвийского теменоса и агоры. С. 9 и след.; *Она же*. Ольвия. С. 69.

¹²⁹ Карасев А. Н. Указ. соч. С. 44.

V в. (см. гл. III), это прямой показатель не только роста населения полиса, но и его экономической и — что особенно важно — политической активности.

Перестраивается комплекс ольвийского гимнасия, обрамлявший агору с юга¹³⁰. Реконструкция подвергается, вероятно, и здание суда — дикастерий, расположенный у северо-западного въезда на агору¹³¹. На восточной стороне площади, перед склоном, ведущим в нижний город, возводится длинное здание «торговых рядов»¹³². Капитальную перестройку претерпевают также торговые и общественные здания, обрамлявшие агору с запада¹³³. Выше уже говорилось о строительстве фортификационных сооружений.

Весьма характерно, что реконструкция не ограничилась только сферой государственного строительства, но в значительной степени затронула и частные жилые ансамбли. При этом следует отметить, что процесс сооружения новых домов и перестройки старых (как правило, с расширением их площади и монументализацией) проходил с равной интенсивностью во всех исследованных археологами районах города: в западных кварталах агоры (участок E₆—E₇), на участке АГД и подле Зевсова кургана, в северо-восточном районе города (участок И), в нижнем городе и других местах¹³⁴.

А. Н. Карасев, одним из первых обративший внимание на крупномасштабную реконструкцию общественного центра Ольвии, в качестве объяснения ее причин выдвинул следующую гипотезу: «Мы склонны связывать реконструкцию агоры с осадой Ольвии войсками Зопириона. Выдержавшие это жестокое испытание ценой наивысшего напряжения и мобилизации всех сил, победившие ольвиополиты, естественно, хотели отметить и увековечить свою победу сооружением новых храмов, новых общественных зданий на агоре и теменосе»¹³⁵. Не собираясь оспаривать справедливость этого предположения (морально-политический аспект вполне мог играть здесь свою роль), замечу только, что оно, как мне кажется, не исчерпывает всех причин расширения строительной деятельности ольвиополитов. Безусловно, огромное значение имели экономический подъем и непосредственно связанное с ним улучшение

¹³⁰ *Леви Е. И.* и др. Раскопки ольвийской агоры // АО 1972 г. 1973. С. 302; *Леви Е. И.* Ольвия. С. 101. Этот факт подтверждается датой сооружения последнего по времени трапециевидного резервуара и второй нивелировки котлована под колодец, предпринятой в последней четверти IV в. (а не в третьей, как указано в отчете); *Карасев А. Н., Леви Е. И.* Исследования Ольвии после Б. В. Фармаковского. С. 41; ср.: С. 43.

¹³¹ Ср.: *Карасев А. Н.* Раскопки ольвийской агоры в 1967—1969 гг. // КСИА. 1972. 130. С. 40; *Леви Е. И.* Ольвия. С. 69, 93, 95.

¹³² *Леви Е. И.* Ольвийская агора // МИА. 50. С. 44; *Она же.* Ольвия. С. 96.

¹³³ *Славин Л. М.* Раскопки западной части ольвийской агоры (1956—1960 гг.) // Ольвия. Теменос и агора. С. 192 и след., 211.

¹³⁴ См.: *Крыжицкий С. Д.* Жилые ансамбли древней Ольвии IV—II вв. до н. э. Киев, 1971; *Она же.* Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев, 1982. С. 31—38; *Леви Е. И.* Ольвия. Гл. III.

¹³⁵ *Карасев А. Н.* Монументальные памятники. . . С. 39. Примеч. 5.

состояния государственного бюджета, из которого ассигновались деньги на градостроительство. Однако и это еще не все, так как не объясняет, почему жители Ольвии принялись одновременно за сооружение сразу столь большого числа общественных комплексов. История античности (да и не только ее одной) знает немало случаев, когда широкую строительную программу разворачивала сменявшая прежнее правительство новая власть. Учитывая это обстоятельство, я склонен и ольвийское градостроительство последней трети IV—начала III в. связывать прежде всего с победой радикально-демократического режима.

Можно было бы привести много примеров тесной взаимосвязи и взаимозависимости между изменениями в политическом строе греческих государств и обновлением большинства сфер полисной жизни. Но из массы аналогий хотелось бы выбрать одну, очень близкую и показательную. В конце V—начале IV в. на Фасосе после бурных событий последних лет Пелопоннесской войны происходит гражданское примирение олигархов с демократами и установление демократического режима. Вслед за тем в ближайшие годы на Фасосе имело место обновление многих сторон общественной жизни¹³⁶: восстанавливаются оборонительные стены и порт, перестраивается агора, на которой сооружаются новые здания. Фасос улаживает свои международные отношения — примиряется со своими колониями на фракийском материке. Происходят изменения и во внутренней политике — преобразуются некоторые государственные институты и приводятся в порядок городские архивы, наказываются руководители олигархии и восстанавливаются в правах ее жертвы. Реконструкция коснулась и экономики — принимается ряд мер по благоустройству торговли и фискального обложения¹³⁷.

Итак, я прихожу к выводу о том, что под влиянием социальных волнений, разыгравшихся в Ольвии во время осады Зопириона, произошел политический переворот, приведший к власти радикальных демократов во главе с Каллиником, сыном Евксена, который провел в жизнь кассацию долгов, упомянутую Макробием. Смена государственного устройства повлекла за собой обновление почти всех сфер жизни общества: внутри- и внешнеполитической, религиозной, экономической, архитектурно-градостроительной. Таким образом, не столь уж далек был от истины Фармаковский, высказавший тезис о «форменной революции». На мой взгляд, сам факт сохранения Макробием разобранного свидетельства говорит в пользу коренного перелома в жизни Ольвии, надолго врезавшегося в память ее жителей.

Подводя итоги, необходимо кратко коснуться причин окончательной победы ольвийской демократии. Ведь мероприятие Каллиника было по существу своему всего лишь первым шагом на пути демократизации общества. Главную причину успешного

¹³⁶ Об этом см.: *Pouilloux J'* Recherches sur l'histoire et les cultes de Thasos. P., 1954. I. P. 193—286; *Guide de Thasos*. P., 1968. P. 12 et suiv.

¹³⁷ См.: *Виноградов Ю. Г.* Экономическое развитие Фасоса. . . С. 18, 20.

завершения этого процесса я склонен усматривать в обретении демократическими силами прочной социальной опоры среди тех слоев населения полиса, правовой и экономической статус которых был улучшен в результате упомянутых реформ¹³⁸. Демократическим преобразованиям не могли не оказать поддержку, вопреки, разорившаяся прослойка граждан, на политическую активизацию которой, безусловно, должна была повлиять кассация долгов, отмена налогового обложения и редукция медной монеты; во-вторых, ксены — прежде неполноправные, а ныне включенные в гражданский коллектив; и наконец — рабы, когда-то юридически недееспособные, а теперь вместе со свободой получившие определенные, хотя и ограниченные, права¹³⁹. В свою очередь демократизация явилась немаловажной предпосылкой небывалого взлета ольвийской экономики, поскольку те же факторы, а именно пополнение гражданской общины, кассация задолженности городских низов, расширение юридических прав вчерашних рабов и сопряженной с этим их экономической самостоятельности, не могли не сказаться благотворно на повышении конъюнктуры производства и развитии коммерции, на расширении и упрочении торговых связей с греческим и варварским миром. А это, в свою очередь, стимулировало приток в город новой массы чужеземцев и зависимых людей¹⁴⁰, значительно увеличивших численность населения полиса и в свою очередь способствовавших общему экономическому подъему, в частности — более интенсивному освоению хоры. Таким образом, постзопирионовский период стал апогеем развития Ольвийского полиса.

---

¹³⁸ Ср. слова Аристотеля (Pol. VI. 4. 9; 1319 b 6 sq.) о мерах, принимаемых руководителями радикальной демократии для упрочения своего строя: они стараются принять в свою среду как можно больших и сделать гражданами не только законнорожденных, но и внебрачных, а также таких, у кого либо отец, либо мать гражданин.

¹³⁹ Близкую параллель мы находим в Аргосе конца VI в. Из слов Аристотеля (см. *Arist. Pol. V. 2, 8; 1303 a*) явственно следует, что включение в гражданскую общину перийков повлекло за собой превращение «политии» в демократию.

¹⁴⁰ По данным ономастики, в конце IV—III в. до н. э. в просопографическом фонде Ольвии вновь фиксируется появление варварских и резкое возрастание неонийских элементов, достигающих здесь своего пика. См.: *Виноградов Ю. Г.* Варвары в просопографии Ольвии VI—V вв. С. 135—137 и рис. 1.

ЭПОХА КРИЗИСА:**вторая половина III—первая половина II в. до н. э.**

Предшествующая — раннеэллинистическая — эпоха была периодом последнего и наивысшего расцвета всех сторон жизни догетской Ольвии. Примерно с середины III в. до н. э. она вступает в затяжную полосу кризиса и упадка, наложившего неизгладимый отпечаток на большинство сфер бытия полиса, его обитателей и непосредственного окружения. Регулярная нехватка продовольствия, прежде всего хлеба, постоянные и затяжные войны и варварские набеги, тесно связанные с этим вымогательства дани, истощение государственных финансов и порча монеты — все это вместе с имущественной и социальной поляризацией приводило к вспышкам политической борьбы — таковы проявления кризиса, подробная характеристика которых дается ниже.

Не стоит упускать из виду, что кризис Ольвии был не узколокальным явлением, но составной частью того всеобъемлющего процесса, который охватил в эту эпоху очень многие греческие полисы Балканского полуострова и Малой Азии¹. Поэтому истоки и причины данного феномена следует искать прежде всего в особенностях того сложного организма, который представлял собою греческий полис, поскольку при сходстве и повторяемости кризисных явлений в разных областях греческого мира ольвиополиты в отличие от большинства городов Средиземноморья не испытывали над собой до конца II в. до н. э. власти ни одной из эллинистических монархий². Больше всего сходства в конкретных проявлениях кризиса и мерах борьбы с ним наблюдается у Ольвии, как и в предшествующие исторические периоды, с родственными ей по судьбам городами Северо-Западного и Западного Понта, что оправдывает широкое привлечение эпиграфических материалов последних в качестве аналогий.

¹ Одной из первых применительно к Ольвии на это обратила внимание Н. В. Шафранская (К вопросу о кризисе Ольвии в III в. до н. э. // ВДИ. 1951. № 3. С. 14—20), хотя она и пришла тем не менее к негативному выводу об отсутствии подлинного кризиса (см. ниже).

² Говоря о кризисе Ольвии в рассматриваемую эпоху, я ничуть не склонен смешивать его с так называемым «кризисом полиса» IV в. до н. э., проблема которого в последнее время оживленно дискутируется в научной литературе. См.: *Hellenische Poleis*. В., 1974. Bd. 1—4; *Глушкина Л. М.* Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. Л., 1975; *Маринович Л. П.* Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М., 1975; *Schuller W.* Griechische Geschichte. München; Wien, 1980. S. 192—197 (с новейшей библиографией); *Античная Греция*. М., 1983. Т. 2: Кризис полиса.

Причины кризиса

Более четверти века назад известный румынский эпиграфист и историк Д. М. Пиппиди первым поставил проблему: была ли социальная стратификация эллинистических государств Западного и Северного Причерноморья присущей только этому региону, или же здесь с течением времени создавалась та же сложная сеть социальных статусов и форм зависимости, которая так четко отличает эллинистические государства Балканского полуострова и Ближнего Востока от предшествующего классического периода их истории³. Пиппиди без колебаний высказывается за второй путь решения проблемы, и хотя некоторые его исходные положения спорны⁴, а разбираемые им термины из привлекаемых надписей допускают и иную интерпретацию⁵, дальнейшие исследования подтвердили продуктивность поиска в этом направлении. Археологические работы последних лет на хоре Ольвии, Херсонеса и Боспорского царства⁶ показали принципиальное разнообразие типов жилищ и поселений, которое с полным правом предполагает различия и в социальном статусе их обитателей и владельцев.

Однако сложнодифференцированное социальное деление не освобождало эллинистический полис от внутренне присущих ему противоречий. Как раз напротив, социальное и имущественное неравенство создавали благодатную почву, на которой при благоприятном — а точнее говоря, неблагоприятном — для полиса

³ Pippidi D. M. In jurul relațiilor agrare din cetățile Pontice în epoca preromană // Contribuții la istoria veche a României. Buc., 1958. P. 74—112. (Далее: Contribuții). Работа многократно переиздавалась с дополнениями автора, в последний раз в сборнике его статей «Scythica Minora» (Bucarest; Amsterdam, 1975. P. 65—80).

⁴ Так, презумпция Пиппиди о том, что рабство искони не использовалось в колониях Причерноморья в силу географических и ряда других причин, сильно поколеблена теперь четырьмя архаическими документами из Ольвии и Березани с упоминанием рабов, статус которых выражен разными терминами (см. гл. II).

⁵ Так, причастие Ταῦροι λαοικιοῦτες Диофантова декрета не правомерно считать просто эквивалентом социальному термину λαοικοί, а οἰκτεία Протогеновского декрета стоит в столь малоинформативном контексте, что не позволяет однозначно отдать предпочтение значению «зависимое сельское население» перед традиционным пониманием «совокупность рабов». Сомнения в этом высказаны, см.: Bull. ép. 1974, 381; Vinogradov. Griechische Epigraphik. S. 307. Anm. 95. Недавно была предпринята попытка поддержать интерпретацию Пиппиди термина οἰκτεία, приложив ее к конкретному археологическому материалу (см.: Марченко К. К. Ойкеты декрета в честь Протогена (IPE. I². 32). К вопросу о зависимом населении Ольвии эллинистического времени // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 242—256). Однако, на мой взгляд, видеть в οἰκτεία местное зависимое сельское население Ольвийского полиса трудно уже хотя бы потому, что дата составления Протогеновского декрета и описанные в нем события, как минимум, на четверть века позже времени практически полного исчезновения хоры Ольвии.

⁶ Рубан В. В. Комплекс памятников античного времени в урочище Дидова Хата на Бугском лимане // КСИА. 156. 1978. С. 32—36; Доманский Я. В., Марченко К. К. Поселение ольвийской хоры Козырка 2 // АСГЭ. 1980. 21. С. 20—38; Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 53—55, 125 и след.; Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. С. 96—99.

внутренне- и внешнеполитическом климате раздражались бури социальных и политических конфликтов. Широко известный ольвийский декрет в честь Протогена (IOSPE. I², 32) проливает яркий свет на огромное имущественное различие между такими εὐλοροῦμενοι, как Протоген, который безвозмездно истратил на общественные нужды 50 талантов⁷, и массой обнищавшего населения, страдавшего от постоянной нехватки хлеба. Короче говоря, голод явился одним из катализаторов социальных волнений, другим — по свидетельству наших источников — была непрерывная вражеская угроза.

Внутриструктурные причины кризиса Ольвийского, как и прочих понтийских полисов, значительно усугублялись нестабильностью внешнеполитической обстановки. Прежде всего есть некоторые основания полагать, что Ольвия могла быть втянута в эту эпоху в военные конфликты со своими греческими соседями — полисами Западного Понта.

В свое время Э. И. Соломоник на основании разубы в ольвийской проксении конца IV в. до н. э. в честь истрийца Дионисия, сына Струтиона, не без основания предположила, что Ольвия была вовлечена в войну, разгоревшуюся около 260 г. до н. э. за контроль над гаванью Том между Истрией и Каллатисом, с одной стороны, и Византием — с другой, причем на стороне последнего⁸. Другой декрет (НО 19+32) с упоминанием послов Ольвийского полиса позволяет с известной долей вероятия допустить, что он издан по поводу если не тех же самых, то аналогичных событий⁹. В этой связи весьма примечательно, что когда-то оживленные связи

---

⁷ Латышев. Исследования. С. 113. В мою задачу не входит подробное изложение этого уникального ольвийского документа, прекрасный анализ которого дан Латышевым; его данные привлекаются сообразно с задачами изучаемой здесь темы.

⁸ НО 15; Соломоник Э. И. Новые данные о связях Ольвии с Истрией // Кlio. 1970. 52. С. 433 и след.

⁹ Объединение фрагментов, реконструкцию текста и предположение о поводе издания документа см.: Виноградов Ю. Г. О методике. . . С. 56 и след. Эта публикация подверглась недавно резкой критике Яйленко (Материалы. . . С. 233—237), предложившим свое восстановление. Здесь не место подробно разбирать пренебрежение автора элементарными нормами обработки надписей: игнорирование критерия плотности строки, «конструирование» стелы, в два раза превышающей по ширине ольвийские стандарты, восстановление несуществующих формул (ἀφικνουμένους ἐκ τῆς πόλεως вместо обычного εἰς τὴν πόλιν+ τῶν πολιτῶν), небрежность в осмолре камня (при дополнении λαρέ[χο]υτα должен был бы выступать верхний уголок *ню*), коснусь лишь главного. Яйленко «опровергает» историческую интерпретацию декрета, приписывая мне попытку «выяснить, „куда и по какому поводу было отправлено посольство“ за помощью [sic!] . . .» (С. 235). Вынесенные за авторские кавычки слова на самом деле добавлены им самим: я был далек от мысли «отправлять» ольвийское посольство за помощью. . . к частному лицу, полагая только, что «награждаемое лицо оказало какую-то единорременную услугу» (выбор термина тут безразличен) посланникам: «перевез ольвиополитов через бурное море, провел через земли неприятелей, оказал медицинскую или денежную помощь, представительствовал перед властями и т. п.» (Виноградов Ю. Г. О методике. . . С. 55). Моя же гипотеза строилась не «на основе реконструированного текста», как хотел бы представить дело Яйленко (С. 235), а на историческом факте отправки послов. Ср.: SEG. XXVIII. 649.

между Истрией и Ольвией¹⁰, насколько позволяет судить в настоящее время состояние наших источников, в III в. до н. э. нарушаются. Этот факт можно поставить в связь с тем, что Ольвия вступила в первой половине III в. в конфликт с «сестринским» полисом Истрией, возможно, из-за территориально-экономических притязаний последней¹¹.

Накопец, ольвийский декрет в честь Антестерия третьей четверти III в. до н. э. в стк. 13—31 явно повествует о какой-то войне, из которой Ольвия с помощью миксэллинов вышла победительницей. В этой войне — на основании упоминания в том же документе чуть ниже об ольвийском военном флоте — можно, хотя и необязательно, предполагать вооруженный конфликт с одним из понтийских греческих государств¹². Тот же документ (стк. 19—24) свидетельствует об алтарях, пришедших в ветхость «из-за времени и многочисленных обрушившихся сейчас и бывших прежде военных опасностей» ($\chi\iota\upsilon\beta\upsilon\nu[\sigma\upsilon\varsigma]$). О какой-то «прошлой войне» глухо упоминает и Протогеновский декрет (IOSPE. I², 32B. 19—20).

Если о войнах Ольвии с ее греческими соседями мы располагаем в лучшем случае косвенными данными, то свидетельства о постоянной угрозе полису со стороны варварского окружения просто вопиющи. Прежде всего следует иметь в виду, что в эту эпоху этнополитическая ситуация в южнорусских степях по сравнению со временем Геродота резко поменялась. Сарматы, которые в конце IV в. до н. э. перешли Дон, постепенно вытеснили скифов из их исконных областей обитания. С запада усилился натиск гето-фракийских и кельтских племен на скифов, которые, вероятно, к середине III в. до н. э. были почти целиком оттеснены в Нижнее Поднепровье и за Перекопский перешеек в Крым, где основали новое царство со столицей в Неаполе, названное Страбоном (IV. 4, 5) Малой Скифией.

Происшедшее, подобно цепной реакции, перемещение племен привело к нарушениям греко-варварских контактов: теперь место

---

¹⁰ Об этом свидетельствует хотя бы посвящение ольвиополита Ксанфа, сына Посия, второй четверти V в. (см. гл. III) и ольвийские проксии истрийцам IV в. НО 7, 15; ср.: *Pippidi D. M. Histriene la Olbia // Studii clasice. 1966. 8. P. 244 sq.*

¹¹ О столкновении экономических интересов Истрии и Ольвии в Северо-Западном Причерноморье и установлении границы их «зон влияния» по Днестру могут свидетельствовать данные нумизматики (см.: *Диамант Э. И. Монетные находки Кошарского поселения: К вопросу о западной границе Ольвийского полиса // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1978. С. 241—249*). Приток ольвийских монет примерно после 260 г. к югу от Дуная практически прекращается вплоть до Митридатова времени. См.: *Карышковский П. О. Ольвийские монеты, найденные на острове Левке // МАСП. 1983. С. 166.*

¹² *Виноградов Ю. Г. Декрет в честь Антестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма // ВДИ. 1984. № 1. С. 64—71=SEG. XXXIV, 758 (ограничившись несогласием с рядом дополнений ed. prin., издатель не предложил им позитивной замены, что делает его общую оценку восстановления декрета чересчур суровой).*

добрососедских, обоюдывыгодных взаимоотношений заступили длительные, непрекращающиеся военные конфликты¹³. Наиболее ярко эта картина вырисовывается по строкам бесценной ольвийской хроники рассматриваемого периода — Протогеновского декрета. На стороне А стелы сообщается о том, что племя саиев во главе с царем Саитафарном¹⁴ неоднократно подходило к Ольвии и требовало дани, эфемистически названной составителем документа δῶρα и θεράλειά (IOSPE. I², 32A. 11, 34, 44, 84—92), которую иногда следовало отправлять в царскую ставку самим ольвиополитам (Ibid. A. 45)¹⁵. Об аналогичной ситуации сообщает и другой ольвийский декрет III в. до н. э. IOSPE. I² 30 в честь родосца Гелланика, собравшего средства, из которых (согласно убедительному восстановлению Латышева) «получают дары цари этой страны» (стк. 5—6: καὶ τὰ [δῶρα λαμβάνουσιν οἱ τ]ῆς χώρας βασιλεῖς).

Ситуация, описанная выше по словам Протогеновского декрета (сторона А), значительно осложнилась некоторое время спустя, когда от перебежчиков дошли слухи, что галаты и скиры составили союз, собрали большое войско и ближайшей зимой собираются идти на Ольвию (IOSPE. I², 32B. 5—8)¹⁶. Это известие вызвало

¹³ См.: Латышев. Исследования. С. 87 и след.; Rostovtzeff M. Iranians and Greeks. P. 115 ff.; Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре // МИА. 36. 1954. С. 20 и след.; Idem. Die Skythen. В., 1978. S. 27; Gajdukevicius V. F. Das Bosporanische Reich. S. 303 ff.; Harmatta. Studies. P. 15—20; Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым. С. 127 и след.; Карышковский П. О. Истрия и ее соседи на рубеже III—II вв. до н. э. // ВДИ. 1971. № 2. С. 36—56; Он же. Царські сармати у Страбона // Іноземна філологія. 1973. 32. С. 88—93; Мачинский Д. А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднестровье // АСГЭ. 1971. 13. С. 42—54; Смирнов К. Ф. Ольвийский декрет в честь Протогена и сарматы // Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе, 1981; Он же. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. С. 67. Попытку Д. П. Каллистова (Die Poliskrise in den Städten der nördlichen Schwarzmeerküste // Hellenische Poleis. Bd. 2. S. 573 ff.) не только отрицать ухудшение отношений с варварами как одну из причин кризиса полисов, но и усомниться в реальности описанного выше конфликта между скифами и сарматами следует признать несостоятельной, ибо она базируется на неверном толковании и датировке источников. Во многом аналогичную позицию заняли А. В. Симоненко (Ольвия и сарматы // Тезисы Парутино. 1985. С. 73 и след.) и С. В. Полін (Про сарматське завоювання Північного Причорномор'я // Археологія. 1984. 45. С. 24—34).

¹⁴ Не могу не согласиться здесь с Карышковским, Мачинским и Смирновым (см. предыдущее примеч.), возродившими к жизни предположение А. Бёка (SIG. II. P. 84 b) о том, что в саиях Саитафарна следует видеть не царских скифов, а царских сарматов.

¹⁵ Предложенное недавно толкование слов στόλος εἰς βασιλεία в смысле «морской конвой для сопровождения иноземцев, едущих на праздник в честь Зевса Царя» (Verilhac A.-M. A propos de quelques inscriptions du Pont // Epigraphica. 1979. 41. P. 48—53) надуманно и никак не согласуется с контекстом. Ср.: Bull. ép. 1981, 344: «une interpretation insoutenable».

¹⁶ Вопрос об этносе скиров оставляю открытым; о различных атрибуциях см. из последних работ: Карышковский П. О. Истрия и ее соседи. С. 53 и след. Решению этой проблемы мог бы способствовать один неопубликованный декрет из Добруджи, хранящийся в Болгарии в частной коллекции, который упоминает скиров среди прочих варваров, угрожавших набегами Истрии (см.: Pippidi D. M. Parerga. Bucureşti; P., 1984. P. 165. Not. 8; P. 181. Not. 19). Вопрос об идентификации галатов декрета с одним из известных нам по письменным источникам

панику в Ольвийском полисе и его окрестностях: в страхе перед жестокостью галатов окрестные племена скифов, тисаматов и савдаратов (в двух последних большинство исследователей не без

племен этого региона спорен, но при этом весьма важен, так как от него во многом зависит датировка документа. Вслед за В. Шмидтом (см.: *Schmidt W. A. Das oblbische Psephisma zu Ehren des Protogenes // Rh. Mus.* 1835/36. 4. S. 357 ff., 571 ff.) Латышев (Исследования. С. 69—76) видел в них кельтов, которые около 278 г. во главе с Комонторием основали во Фракии государство с центром в Тиле, распавшееся около 213 г. (см.: *Domaradzki M. L'Etat des celtes en Thrace avec capitale Tylis et en Asie Mineure-Galatie // Pulpudeva.* 1980. 3. P. 54. Not. 14). В таком случае дата составления декрета должна лежать в рамках этого отрезка времени, причем — по мысли Латышева — в первой его половине (позже он стал склоняться ко второй половине: *Латышев В. В. // ПОНТИКА*. С. 59). С датировкой документа в пределах названного периода согласился ряд исследователей. См., например: *Syll.*³, 495; *Rostowzew M. // Gnomon.* 1934. 10. S. 2; *Gajdukevič V. F. Op. cit.* S. 310 ff. Anm. 5; ср.: *Шафранская Н. В.* К вопросу о кризисе... С. 14. На основании главным образом палеографического анализа Т. Н. Книпович (К вопросу о датировке ольвийского декрета в честь Протогена // ВДИ. 1966. № 2. С. 142—149) и П. О. Карышковский (До питания по дату ольвийского декрету на честь Протогена // Археология. 1968. 21. С. 95—105) независимо друг от друга отнесли декрет к самому концу III—первым десятилетиям II в., причем «галатский аргумент» Шмидта—Латышева был ими, по существу, обойден. Только в более поздней статье «Истрия и ее соседи» (С. 54 и след.) Карышковский, отождествляя галатов Протогеновского декрета с бритолагами Птолемея (ср.: *Карышковский П. О., Клейман И. Б.* Древний город Тира. Киев, 1985. С. 72. Примеч.*) и относя их активность к 216—179 гг., приводит (со ссылками на ряд работ) археологический аргумент — отсутствие следов пребывания кельтов в Добрудже. Тот же довод выдвигает Пиппиди (см.: *Pippidi D. M. I greci nell basso Danubio.* Milano, 1971. P. 101, 259 sq. Not. 22; *Idem.* Scythica Minora. P. 52 et suiv.). Однако, с одной стороны, вопрос об атрибуции памятников материальной культуры дискусионен (ср.: *Domaradzki M. Op. cit.* P. 56. Not. 24), а с другой — эпизодические набеги галатов из Фракии должны были оставить трудно или пока неуловимые археологические следы своего пребывания в Северо-Западном Причерноморье. Так, например, в ольвийском некрополе, на городище и его окрестностях неоднократно обнаружены среднелатенские фибулы III в., в том числе и в погребениях воинов (см.: *Парович-Пешикан М.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974. С. 103; *Трейстер М. Ю.* Комплекс металлических изделий из Марьевки в собрании ГМИИ // Тез. докл. науч. сессии... ГМИИ за 1986 г. М., 1987. С. 21). Таким образом, вышеупомянутый исторический довод Шмидта—Латышева остается, на мой взгляд, пока непоколебленным. Нельзя, однако, не заметить, что просопографические аргументы Латышева (ПОНТИКА. С. 55—59) теряют силу, поскольку связующее звено его сопоставлений — каталог IOSPE. I², 201 — следует рассматривать не как синхронную, а как диахронную погодовую запись (см. ниже). Сказанное в равной мере относится и к попытке Яйленко (Материалы... С. 164—170), который, пренебрегая всеми нормами развития греческой палеографии, датирует каталог последней третью или концом III в. Я не склонен вслед за Марченко (Ойкеты... С. 247 и след.) относить декрет и к третьей четверти III в. Напротив, факт выступления галатов не в одиночку, но в союзе со скирами может свидетельствовать в пользу того, что их намечавшийся (совершившийся ли?) поход падает на то время, когда могущественные их царства клонились к упадку, т. е. незадолго до 213 г. Новые нумизматические данные, а именно уникальная монета с аббревиатурой ΠΡΩΤ(ΟΥΕΝΗΣ) 'ΗΡ(ΟΩΒΥΝΤΟΣ), датируемая предпоследним десятилетием III в. (см.: *Карышковский П. О.* Клад ольвийских монет из долины р. Кучурган // Новые археологические памятники Одессчины. Киев, 1984. С. 115 и след.), вместе с палеографией документа прекрасно согласуются с отстаиваемой здесь датировкой Протогеновского декрета 20—10-ми годами III в. (ср.: *Виноградов Ю. Г.* Декрет в честь Антестерия... С. 66), которую недавно признал сам Карышковский (см.: *Карышковский П. О., Клейман И. Б.* Указ. соч. С. 71: около 220 г.). В. М. Отрешко (Археология. 1982. 41. С. 40) и Рубан (см. ниже, примеч. 49) датируют декрет второй половиной III в.

основания видит оседлых сарматов¹⁷) возжелали найти убежище за стенами Ольвии, вследствие чего многие жители ее, впав в отчаяние, приготовились покинуть город. К этим бедам прибавилась и та, что «все рабы (οἰχεταιῶ) и пограничные миксэллины, числом не менее полутора тысяч, бывшие в прошлую войну союзниками в городе¹⁸, были совращены врагами, и выселились многие ксены и немалое количество граждан» (IOSPE. I², 32B. 5—21). Город должен был срочно укрепляться, опять же прибегнув к помощи частных благотворителей: Протоген не только финансировал, но и осуществил строительство двух куртин, отстроил требовавшие ремонта пять башен, починил житницу, пилон, привел в порядок общественные суда, возившие строительный камень, довершил постройку еще одного прясла стены (стк. 29—64).

В нарисованную яркими тонами картину постоянной варварской угрозы вторжений и набегов дополнительные штрихи кладет другой ольвийский документ эпохи кризиса — декрет в честь Никерата, сына Папия, IOSPE. I², 34. Он практически не привлекался в этой связи, поскольку в науке утвердилось мнение о его более поздней датировке, требующее, однако, пересмотра особенно в связи с важностью надписи для истории не только Ольвии, но и Херсонеса.

---

¹⁷ Страбон (VII. 3. 17) свидетельствует о том, что немногие сарматские племена междуречья Днепра и Дуная занимались земледелием.

¹⁸ В миксэллинах я в отличие от Шафранских (О миксэллинах // ВДИ. 1956. № 3. С. 37—48) вижу не наемников, а зависимое военно-земледельческое население, типа клерухов, катэков или пернэков, посаженное некогда для обработки ольвийской хоры и охраны границ полиса. (К такой оценке присоединяются П. О. Карышковский и И. Б. Клейман (Указ. соч. С. 74).) С наступлением затяжного кризиса они вышли из повиновения: чтобы привлечь их на свою сторону, ольвиополиты вынуждены были задабривать их предводителей «дарами», но, как показывают строки декрета, они могли быть «совращены» (ἐφθάρται) неприятелем. Подробнее см.: *Виноградов Ю. Г.* Декрет в честь Антестерия. . . С. 66 и след. Можно предположить, что миксэллины оставили памятники типа усадьбы Дидова Хата II, где расположенные по периметру большого двора жилые, связанные попарно стандартные блоки-парцеллы с типичным, повторяющимся в каждой из них набором инвентаря говорят об относительном равноправии их обитателей, подчиненных одному или нескольким предводителям, занимавшим, скорее всего, более крупные тройные жилые блоки по коротким сторонам у входов (см.: *Рубан В. В.* Комплекс памятников. . . С. 32—36; *Крыжицкий С. Д.* Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев, 1982. С. 41—45. Рис. 17). Для этнического состава обитателей показательно граффити с именем Φανισάλοϋς — смешанный греко-варварский композит (см.: *Виноградов Ю. Г.* Варвары в просопографии Ольвии. С. 145. № 14). Аналогичные и синхронные военно-земледельческие поселения этого типа раскопаны на границах хоры Херсонеса (см.: *Шеглов А. Н.* Северо-Западный Крым. . . С. 80 и след.). Отрешко (Указ. соч. С. 40—42) гипотетически усматривает в миксэллинах зависимое население ольвийской хоры, образовавшееся из рабов, отпущенных на волю по реформе времени Зопирионовой осады; он также связывает с ними коллективные усадьбы типа Дидова Хата II, что противоречит, однако, его определению этих поселений как частновладельческих. Недавно было предложено рассматривать миксэллинов как близко стоящую к рабам деклассированную часть населения. См.: *Hošek R.* Die Mischbevölkerung // *Listy filologické*. 1983. 106. S. 157 ff. О позиции Рубана см.: ВДИ. 1985. № 1. С. 42.

На первоиздателя декрета Латышева¹⁹ повлияло, по-видимому, прежде всего обрисованное словами документа печальное положение Ольвии, терзаемой нападениями неприятелей, которое вместе с некоторыми наблюдениями над шрифтом и языком и заставило его отнести надпись к первым десятилетиям I в. до н. э. незадолго до гетского разгрома, что и было принято некоторыми исследователями²⁰. Между тем высказывалось и другое мнение: М. И. Ростовцев²¹, а затем и Я. Харматта²² поместили декрет в конец II в. до н. э., причем первый — незадолго до Крымской кампании Митридата, а второй точнее — около 130—107 гг. Ростовцев не изложил подробно своих доводов, Харматта же исходил из собственных крайне спорных, во многом умозрительных рассуждений о двух разновременных конфедерациях сарматских племен²³ и о вклинивающемся между ними протекторате над Ольвией Скилура.

Между тем даже такая дата постановления в честь Никерата, сына Папия, кажется завышенной, в чем убеждает прежде всего палеографический анализ. Дело в том, что со второй половины II в. до н. э. в ольвийских надписях утвердился курсивный шрифт²⁴, сосуществующий в это время с угловатым²⁵. Шрифт же декрета в честь Никерата характерен для предшествующего периода — первой половины II в. до н. э.²⁶; уже Латышев отметил в нем, например, колебания в написании *альфы* (IOSPE. I², P. 57). Ту же датировку подтверждает и язык надписи, в который только понемногу начинают проникать формы развитого койне²⁷ в отличие от лапидарных текстов следующего периода²⁸

¹⁹ IOSPE. I¹, 17; I², 34, P. 58 sq.; *Он же*. Исследования. С. 139 и след.

²⁰ Толстой И. И. Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг., 1918. С. 67; Syll.³, 730; Diehl E. Pontarches 2 // RE. 1953. Hbhd. 43. Sp. 3; ср.: *Idem* // Gnomon. 1927. S. 640 ff.

²¹ Rostoutzeff M. // Gnomon. 1934. S. 5; *Idem*. SEHW. 2. P. 766; эту дату приняли W. Ziebell (Olbia.: Diss. Hamburg, 1937. S. 22. Anm. 3), H. B. Siedentopff (Das hellenistische Reiterdenkmal. Waldassen, 1968. S. 32); ср., однако, S. 87. N 18: I в. до н. э. Ср.: Слюсаренко Ф. // Науковий ювілейний збірник. . . Т. Г. Масарікові. Прага, 1925. I. С. 276 и след.

²² Harmatta. Studies. P. 21, 30.

²³ Обстоятельную критику гипотезы Харматты о мощной «сарматской империи» см.: Bichir Gh. Les sarmates au Bas-Danube // Dacia. 1977. 21. P. 195 et suiv.; Pippidi D. M. Les sarmates et les régions pontiques dans un récent ouvrage // Althistorische Studien (Festschrift H. Bengtson). Historia Einzelschriften. 1983. 40. S. 148—156.

²⁴ См. декреты HO 35—38 и чуть более поздний каталог IOSPE. I², 201.

²⁵ Сюда относятся исторически датируемая около 100 г. до н. э. надпись IOSPE. I², 35, а также HO 27 и IOSPE. I², 36.

²⁶ Ближайшие аналоги находятся в синхронных надписях HO 21 + 30 + 120, 34, которые я вслед за издателями HO датирую концом III—первыми десятилетиями II в. Показателен разительный контраст угловатого письма декрета в честь Никерата и в честь амисенского кибернета IOSPE. I², 35.

²⁷ С одной стороны: *πολείτας, Νεικήρατος*, пропуск *iota mutum* (8 раз), *ἐατῶ*; с другой: *iota adscriptum* (10 раз), *ἐαυτοῦ*.

²⁸ Ср.: HO 36.3: [ἰερ]ῶ; 38.4: δ]ήμω; 38.5: πρᾶσων; IOSPE. I², 35: βουλῆ, τῶ δῆμω, ἐφιλοτειμήθη; HO 27: [δία, ἐντυγχάνουσιν, [βουλ]ῆ, τῶ.

и особенно раннеримского времени²⁹, целиком перешедших на новые языковые формы.

Наконец, последними доводами, заставляющими отказаться от всех предложенных ранее датировок декрета в честь Никерата, служат соображения исторического порядка, основанные при этом, как ни странно, на событиях истории не Ольвии, а Херсонеса, с повествования о которых и начинается сохранившийся текст документа. Из первых строк мы узнаём, что, прежде чем вернуться на родину, Никерат, сын Папия, был призван третьей судей в «обуреваемый постоянными войнами» Херсонес³⁰, с тем чтобы разрешить распрю, вспыхнувшую между гражданами. Ольвиополит успешно справился с возложенной на него миссией, привел город к миру и был награжден за это херсонеситами статуей и изображением (IOSPE. I², 34. 6—10). Встает закономерный вопрос: в какую эпоху и в какой политической ситуации могли произойти подобные события?

Постоянные войны Херсонеса со скифами документируются нарративными, эпиграфическими, нумизматическими и археологическими источниками³¹ на протяжении III и II вв. вплоть до окончательных побед Диофанта. Следовательно, миссия Никерата не могла состояться после вхождения Херсонеса в состав всепонтийской державы Митридата, поскольку после подчинения последним Скифского царства, во-первых, положение в полисе должно было стабилизироваться, а во-вторых, в нем, по всей видимости, был размещен понтийский гарнизон, который не допустил или, по крайней мере, тут же сам погасил бы вспышку стасиса между жителями³². Вряд ли это могло случиться и во время военных кампаний Диофанта и его предшественников, т. е. примерно после 114 г. (см. гл. VI), поскольку Диофантовский декрет и другие документы рисуют поразительное единодушие херсонеситов во время военных действий (IOSPE. I², 352. 12, 19, 36, 37; 353). И уж вовсе невероятно, чтобы протектор Ольвии царь Скилур позволил одному из граждан контролируемого им (пусть и автономного) полиса отправиться умиротворять одного из злейших его врагов — херсонеситов, восстанавливая таким образом их едино-

²⁹ См.: *Виноградов Ю. Г.* О методике. . . С. 62 и след.: ἐπιδή, χωρισθίς, ἐατόν, ἀγαθῆ.

³⁰ По недоразумению И. С. Свенцицкая (*История древнего мира*. М., 1982. Т. 2. С. 373) относит эти слова декрета к самой Ольвии. Предложение А. Артимовича (*Науковий ювілейний збірник . . . Т. Г. Масарікові*. 1. С. 139—141), поддержанное Яйленко (*Материалы . . . С. 171*), дополнять в стк. 7 *καταβυθισθ[ε]ί[σας τὰς πόλεις]*, устанавливая таким образом ликвидацию Никератом конфликта не среди херсонеситов, а между Ольвией и Херсонесом, опровергается обращением к камню, на котором четко читается *καταβυθισθείσαν τ[ὴν πόλιν]*. Ср.: *Vinogradov. Pontos Euxeiños*. S. 61.

³¹ См.: *Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым. . . С. 128—134 (с литературой).

³² Хотя известны и случаи, когда эллинистические владыки назначали третейских арбитров из одного подвластного им полиса для разбора дел в другом. См.: *Robert L.* *Épigraphik der klassischen Welt*. Bonn, 1970. S. 27; *Idem.* *Les juges étrangers dans la cité grecque // ΞENION. Festschrift für Pan. J. Zepos*. Athen; Freiburg; Köln, 1973. Bd. 1. P. 780 et suiv.

душие и усиливая их обороноспособность³³. Исключено, конечно, и отнесение декрета в честь Никерата ко времени правления сына Митридата Евпатора Фарнака, поскольку Ольвия незадолго до разгрома Бурбистой представляла собой полностью истощенный и обескровленный город (см. гл. VI).

Таким образом, в полном согласии со сделанными выше наблюдениями над палеографией и языком документа остается отнести его к первой половине II в. до н. э., это могут подтвердить и уточнить следующие соображения исторического порядка. Многочисленные разнохарактерные материалы, добытые в последнее время, неоспоримо свидетельствуют о том, что в начале II в. Херсонесу приходилось отражать постоянно усиливавшийся натиск скифов: в это время полис теряет значительную часть своей хоры, на сохранившейся территории усадьбы и крепости срочно обносятся мощными панцирями стен, сам город, в непосредственной близости от которого гибнут поселки и производственные комплексы, вынужден, идя на крайние меры, использовать святыне для эллинов надгробия предков для укрепления «башни Зенона»³⁴, прекратить чеканку серебра³⁵ и т. п.

По наблюдениям А. Н. Щеглова (Там же. С. 131), «к концу второго десятилетия II в. до н. э. в херсонесско-скифских войнах наступила на какое-то время передышка». Вполне резонно он связывает ее с созданием в 179 г. Фарнаком I коалиции, куда вошли наряду с прочими членами сарматский царь Гатал и Херсонес, а также с заключенным в том же году договором между городом и понтийским царем. Интересы таврического полиса были вполне определенными: получить от сарматов и понтийцев военную помощь для отпора агрессии скифов³⁶. Можно предполагать, что на какое-то время Херсонес такую поддержку получил и положение несколько стабилизировалось, хотя уже к середине II в. полис теряет все свои территориальные владения в Северо-Западном Крыму³⁷. В свете всего сказанного и учитывая то, что шрифт декрета в честь Никерата тяготеет ближе к началу столетия, я склонен отнести его издание скорее до заключения договора с Фарнаком, т. е. к первым двум десятилетиям II в. Именно тогда в обстановке непрекращающихся военных невзгод и возник, по всей вероятности, стасис в среде херсонеситов³⁸, который и удалось ликвидировать Никерату.

³³ Вот почему датировку Харматтой (Studies. P. 21) Никератова декрета 130—107 годами следует признать абсолютно неприемлемой.

³⁴ Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым. . . С. 130 и след.

³⁵ Голенко К. В., Щеглов А. Н. Три позднеэллинистические тетрадрахмы из Северо-Западного Крыма // ВДИ. 1971. № 1. С. 46; Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С. 30 и след., 41 (автор отмечает, что единственная серия гемидрахм этого времени, датируемая им 190—180 годами, чеканилась из весьма низкопробного серебра, иногда напоминающего медь).

³⁶ Ср. из последних работ: Сапрыкин С. Ю. Гераклея, Херсонес и Фарнак I Понтийский // ВДИ. 1979. № 3. С. 43—59.

³⁷ Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым. . . С. 131.

³⁸ Подобные ситуации были весьма часты в эллинском мире; см.: Виноградов, Карышковский. Каллиник. I. С. 36 и след., 44 и след.

Но вернемся, однако, к Ольвии. Декрет в честь Никерата рисует практически ту же, что и Протогеновский, картину взаимоотношений города с окружающими воинственными варварами, названными два раза (стк. 10, 18; ср. 16) οἱ πολέμιοι. Из содержания следует, что Никерат исполнял одну из верховных военных должностей полиса, типа стратега, полемарха, токсарха и т. п.³⁹ То, что он был магистратом, а не действовал на свой страх и риск со своими людьми⁴⁰, следует из его характеристики в стк. 12: «...всякий раз разумно подавал советы (βουλευόμενος) и еще лучше исполнял постановления (τὰ δοχθέντα)». Мы узнаем, что опять полис непрерывно подвергается нападению варваров (стк. 10: τοὺς τε διὰ παντὸς ἐπεχειρομένους ἐπὶ τὴν πόλιν πολέμιους)⁴¹ и Никерат, в большинстве случаев явившись спасителем граждан, обезопасил положение города (стк. 11/12: ἐν ἅσ[φ] αλεῖε τὰ τῆς πατρίδος πρᾶ[γμα]τα κατέστησε).

Кульминационным пунктом доблестных подвигов Никерата стал момент, когда граждане переправились в Гилею, видимо, для того, чтобы устроить празднество в честь какого-то божества, не исключено — Ахилла⁴². Никерат счел свое присутствие необходимым для обеспечения большей безопасности народа (τοὺς ὄχλους), а потому явился туда в сопровождении неизвестного по численности военного отряда⁴³. Увидев нашествие неприятелей,

³⁹ Как точно называлась эта должность в догетской Ольвии, пока неизвестно. Только для римского периода имеются многочисленные упоминания коллегии 6 стратегов.

⁴⁰ Как, вероятно, думал В. Диттенбергер (Syll.², 324), дополнявший в стк. 15 (μετὰ τῶν οἰκετῶν); ср. P. 514. Not. 8: «mercenarii milites quos suo sumptu conduxerat».

⁴¹ Ср.: IOSPE. I², 32B. 80: διὰ τε τοὺς πολέμους.

⁴² Согласно гипотезе И. И. Толстого (Указ. соч. С. 80 и след.), ольвинополиты отправлялись на те самые конские ристания в честь Ахилла, которые упомянуты в стк. 30 декрета. Ср.: Кубланов М. М. Легенда о ристалище Ахилла и ольвийские агонистические празднества // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1957. 1. С. 229. Предположения Б. Браво (Une lettre sur plomb de Berezan. P. 143) о том, что из стк. 29/30 декрета якобы следует, что состязаний в честь Ахилла было несколько (само по себе это вероятно), что данный агон совершался не только не каждый год, но даже и увенчание Никерата на ἀρχαρχετική ἐκλήσια происходило лишь в год устройства агона, беспочвенны, так как вызваны стремлением вычитать в источнике более того, что в нем содержится, а кроме того, выдают некомпетентность автора в эпиграфических текстах: стандартное выражение καθ' ἕκαστον ἐνιαυτὸν всегда означает «каждый год». Непонятно, какие соображения послужили основанием для В. Цибея (Olbia. S. 22) утверждать, что в декрете речь идет о борьбе со скифами за Гилею, куда ольвинополиты передислоцировали свои военные силы.

⁴³ Восстановление лакуны в стк. 15 вызвало разногласия. Предложенное Латышевым сначала [ἀνευ στρατεύματος? κ]αὶ τῆς καθήκουσας ἀκολουθίας отклонено Диттенбергером на том основании, что Никерат конечно же явился не один, как можно было бы заключить по αὐτός в стк. 16; поэтому он предложил («не без колебаний») восстанавливать здесь [μετὰ τῶν οἰκετῶν κ]αὶ κτλ. В IOSPE. I², P. 60 Латышев пояснил свою мысль: как бы негативный смысл выражения τῆς καθήκουσας ἀκολουθίας позволяет допускать, что Никерат, будучи, разумеется, не один, явился без свиты, подобающей этому видному предводителю. Поэтому Латышев оставил предлог [ἀνευ. . .] и отказался от дополнения при нем существительного. Этот спор лишний раз подчеркивает справедливость слов Л. Робера

он отослал граждан в город, а сам остался, готовый отразить нападение, думая не о собственном спасении, а о благе государства⁴⁴. Однако враги, убоявшись его несокрушимой доблести, не решились напасть на него открыто, но устроили ночью засаду и убили его вероломно (стк. 13—20). Народ же, опечаленный потерей столь досточтимого мужа, организовал ему торжественные похороны, поставил конную статую и постановил награждать его ежегодно венком на экклесии, созываемой для выбора должностных лиц, а также на устраиваемых по оракулу Пифии конных состязаниях в честь Ахилла (ср. выше.)

Итак, эпитафические источники в один голос свидетельствуют о том, что во второй половине III—первой половине II в. Ольвийский полис постоянно терроризировали своими нападениями и вымогательством дани воинственные варвары: сарматы, галаты, скиры и, возможно, другие племена⁴⁵. Во многом схожая ситуация, сложившаяся в Западном Причерноморье и известная нам по ряду источников, позволяет допускать, что и в Нижнем Побужье варвары опустошали хору Ольвии⁴⁶, уводили в плен ее жителей⁴⁷, брали заложников⁴⁸ и т. п.

Данные эпитафики получили недавно блестящее подтверждение со стороны археологии. Изучение ольвийской хоры последних примерно полутора десятилетий неопровержимо доказало: около середины III в. до н. э. практически все многочисленные поселения некогда обширной сельскохозяйственной территории полиса погибают, причем обнаруженные в них слои разрушений и пожарищ красноречиво говорят о насильственном характере их исчезновения⁴⁹. Какое-то время в течение второй половины

(Annuaire d'école pratique des hautes études. 1972/73. P. 239), сказанных в отношении этой надписи: «...ее развитой стиль делает невозможными восстановления, и... большинство принятых дополнений не более чем затычки». Главное, как верно заметил И. И. Толстой (Указ. соч. С. 79 и след. Примеч. 5), что оба эпитафиста не сомневались в наличии отряда у Никерата. Пример, когда αὐτός не означает «сам, один», привел Ф. Хиллер ф. Герtringен (Syll.³, 730, adp.).

⁴⁴ Здесь отдаю предпочтение дополнению Хиллера (Syll.³, 730. 17/18): [ε]ἰ κοινῇ μὲν τῆς λολέως προνοέει | [Ἰδὶα δ' ἑτέρ σωτηρίας φ]ροντίσειεν. Яяленко Материалы... С. 171), приписав это восстановление Диттенбергеру, принимает дополнение Артимовича (Указ. соч. С. 140 и след.): [Ἰδὶα δὲ ἑτέρ αὐτῆς μὴ φ]ροντίσειεν, не зная, что против него (как и против его вышеприведенного — см. примеч. 30) выступал уже С. Дложевский (Изв. Укр. АН. 1926. VII/VIII. С. 576 и след.), предлагавший здесь читать: [λερί αὐτοῦ φ]ροντίσειεν; ср. SEG. III. 586.

⁴⁵ Латышев сначала (IOSPE. I¹, P. 48) полагал, что под οἱ λολέμοι декрета в честь Никерата скрываются геты, потом (Исследования. С. 139—141) он отдал предпочтение скифам; то и другое снимается теперь приведенными выше хронологическими и историческими аргументами.

⁴⁶ Ср. истрийский декрет в честь Агафокла: ISM. I. 15. 9—11 (см. ниже).

⁴⁷ Ср. декреты Истрии III в. до н. э.: ISM. I. 4, 16.

⁴⁸ Ср. истрийский декрет III в. до н. э. о послахе к Залмодегику: ISM. I. 8.

⁴⁹ Обобщающую сводку памятников см.: Рубан В. В. Проблемы исторического развития ольвийской хоры IV—III вв. до н. э. // ВДИ. 1985. № 1. В датировке гибели ольвийской сельской округи исследователи расходятся, хотя и ненамного, во мнениях: Рубан (Проблемы... С. 43) относит ее к середине—началу третьей четверти III в., Доманский и Марченко (Поселение ольвийской хоры Козырка 2 // АСГЭ. 1980. 21. С. 38) — к началу второй трети столетия.

III в. продолжают влачить свое существование лишь единичные, и то в непосредственной округе города, как показывает пример поселения Закисова Балка, где найдена монета⁵⁰, датируемая вскоре после 225 г. до н. э.⁵¹ В момент военной угрозы жители могли быстро укрыться за стенами Ольвии, хотя и не исключено, что это поселение превратилось в сезонное — обитатели могли посещать его теперь только на время земледельческих работ. Неизвестно, какие варварские племена причинили Ольвии столь опустошительные разрушения⁵², но налицо факт повторения, с соответствующими изменениями, конечно, истории V в.: опять вмешательство внешних сил практически полностью лишило полис одной из главных отраслей его экономики — сельского хозяйства⁵³, но на сей раз окончательно вплоть до римской эпохи⁵⁴.

Разрушение собственной земледельческой базы полиса было, как справедливо заметила Ал. Штефан⁵⁵, одной из главных причин, вызывавших постоянную нехватку продовольствия и хлебный голод в городах Понта⁵⁶. Другой немаловажной причиной было то, что агрессивность воинственных галатов, скиров, фракийцев и т. д. терроризировала не только греческие города, но и их мирных соседей — варваров, парализуя нормальные занятия последних земледелием и скотоводством. Красноречивый пример тому — то напряженное положение, когда перед лицом угрозы нашествия скиро-галатской коалиции соседние с Ольвией племена тисаматов, скифов и савдаратов пытались найти убежище за стенами города (IOSPE. I². 32B. 8—11). Такое положение вещей вело, с одной стороны, к тому, что мирное варварское окружение подвергалось той же, что и греки, эксплуатации путем грабежа и взимания дани, а с другой — к нарушению традицион-

⁵⁰ Штительман Ф. М. Поселения біля Закисової балки // АП. 1958. 7. С. 140. Табл. I. 12.

⁵¹ Карышковский П. О. Монеты ольвийской коллегии Семи // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 110. Рис. 14; С. 113, 115.

⁵² Рубан (Проблемы. . . С. 43 и след.) и Отрешко (Указ. соч. С. 43 и след.) склонны отнести это за счет галатов, что само по себе не исключено; однако мы не располагаем пока данными о том, что их агрессия в Побужье началась уже около середины III в. Ср.: Марченко К. К. Ойкеты. . . С. 256. Примеч. 24.

⁵³ Описанный экономический феномен повлек за собой ощутимые изменения и в области идеологии: в противоположность, например, Боспору в ольвийской коропластике II в. до н. э. почти полностью исчезают сюжеты, связанные с Деметрой и Персефоной. См.: Русьева А. С. Земледельческие культы в Ольвии. С. 71.

⁵⁴ Следует заметить, что описанный феномен не был локальным явлением, присущим лишь Ольвии. Гибель земледельческих поселений наблюдается синхронно в Поднестровье (см.: Мелюкова А. И. Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка. М., 1975. С. 197 и след.), на хоре Херсонеса (см.: Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым. . . С. 128) и Боспора (см.: Кругликова И. Т. Указ. соч. С. 58, 61, 70, 88, 95; автор склонен объяснять гибель боспорских поселений тем, что, видимо, центральная администрация сгоняла мелких производителей с их наделов, укрупняя тем самым царское хозяйство — С. 99).

⁵⁵ Stefan Al. Op. cit. S. 648 ff.

⁵⁶ Они усугублялись также периодически случавшимися неурожаями (IOSPE. I², 32B. 80: τὰς ἀφορίας; это относится, видимо, не столько к ольвийской хоре, к тому времени практически потерянной, сколько к полям окружающих полис варварских оседлых племен).

ных торговых коммуникаций между ними и греческими полисами, что, в свою очередь, лишало последние одного из источников продовольственного снабжения и вызывало в них частый хлебный голод⁵⁷.

О двух таких вспышках повествует Протогеновский декрет. «При жреце Геродоре, когда случился голод, и хлеб продавался по пять *медимнов за золотой*, и народ вследствие угрожавшей опасности считал нужным заготовить достаточное количество хлеба и приглашал к этому имевших *запасы*, он [Протоген] первым выступил и обещал 2000 медимнов по 10 *медимнов за золотой*» (IOSPE. I². 32A. 23—29). На следующий год или несколько лет спустя положение стало еще тяжелей: «...когда при жреце Плейстархе снова случился сильный голод и хлеб продавался по $1\frac{2}{3}$ медимна за *золотой*, но было очевидно, что будет дороже, — как и стал вскоре же *продаваться* медимн по $1\frac{2}{3}$ золотого, — и потому народ испугался и считал необходимым сделать закупку хлеба (σιτωνήσαι), а для этого *приглашал* житочных оказать услуги, Протоген первый, когда состоялось собрание, обещал на закупку хлеба (εις τὴν σιτωνίαν) 1000 золотых, которые немедленно принес и дал» (Ibid. A. 58—69; пер. Латышева). Детали организации упомянутой в декрете ситонии прояснил вотивный рельеф NO 72; подробности же о другой системе хлебоснабжения сообщил новый декрет в честь Антестерия (см. ниже).

Таким образом, сведенные выше письменные источники неоспоримо доказывают затяжной, глубинный характер экономического кризиса, охватившего Ольвийский полис. Тут же следует заметить, что его ощутимое присутствие, по крайней мере во второй половине III в., а *limine* отвергалось в некоторых работах, где отмечалось, что если кризис и имел место, то был временным и преходящим социально-политическим явлением, не влиявшим разрушающе на экономику⁵⁸. При этом выдвигались следующие аргументы: во времена Протогена заметны расширение и интенсификация торговых сношений, расцвет домостроительства, художественных ремесел и культуры, фиксируемые по материалам эпиграфики и археологии.

На это следует возразить, что, как в свое время совершенно справедливо заметила М. К. Трофимова⁵⁹, торговля в эллинисти-

⁵⁷ *Gajdukevič V. F.* Op. cit. S. 310; *Štefan Al.* Op. cit. S. 657. Недаром Полибий (IV. 38. 5), очевидец этого времени, говорит, что иногда хлеб вывозят с Понта, а иногда ввозят туда.

⁵⁸ *Шафранская Н. В.* К вопросу... С. 10 и след.; *Kallistov D. P.* Op. cit. S. 573 f. Ссылаясь единственно на работу Шафранской 1951 г., Ю. И. Козуб в своей недавней статье (Историческая топография некрополя Ольвии // Античная культура Северного Причерноморья. Киев, 1984. С. 163) пишет: «В настоящее время на основании нового археологического материала большинство исследователей Ольвии придерживается мнения о том, что кризис полиса начался не ранее II в. до н. э.» (курсив мой. — Ю. В.).

⁵⁹ *Трофимова М. К.* Из истории эллинистической экономики // ВДИ. 1961. № 2. С. 46—68.

ческом мире не была единственной и определяющей отраслью экономики. Кроме того, для преодоления продовольственных кризисов были необходимы массовые закупки основных продуктов питания — хлеба, вина и масла, импорт которых покрывался за счет морской торговли⁶⁰. Именно на «великодушие» купцов, ввозивших и продававших по твердым, а не спекулятивным ценам эти продукты⁶¹, полис и реагировал теми почетными и проксеническими декретами, которые и произвели, вероятно, столь сильное впечатление на названных исследователей. Единовременные массовые закупки вина (не говоря уже о потреблении его в среде *ισχυροῦτες* и *εὐλοροῦμενοι*), как, например, однажды предпринятая ольвийскими архонтами (IOSPE. I². 32A. 19 sq.), должны были непременно оставить в культурных слоях поселений большое количество амфорных клейм⁶². Однако в целом проблема увеличения или уменьшения объема импорта вина и масла в Северное Причерноморье должна решаться статистикой, базирующейся на современной методике⁶³, что в равной степени относится и к произведениям ремесла. Наконец, при решении вопроса о расцвете или упадке городского строительства следует учитывать тот фактор, что благосостоятельные горожане достатка Протогена, естественно, воздвигали себе роскошные *villae urbanae*, к тому же исследование жилищ простых обитателей города требует пересмотра их хронологии и реконструкции⁶⁴.

Прогрессирующее социальное и имущественное расслоение в обстановке усугубляющегося экономического кризиса и вызванной им нехватки продовольствия приводило к обострению социально-политической борьбы в Ольвийском полисе, катализатором которой зачастую оказывались напряженные моменты военной угрозы. Только по одному Протогеновскому декрету мы были осведомлены о том, что ввиду надвигающейся опасности скиро-галатского нашествия врагами были совращены миксэллины, а главное — рабы, всегда представлявшие собой тлеющий трут, грозящий вот-вот разгореться в факел социальных смут и восстаний (IOSPE. I². 32B. 15—20)⁶⁵.

Если по сообщению Протогеновской хроники можно лишь догадываться о том, что зревшие в недрах Ольвийского полиса противоречия были способны разразиться вспышками социаль-

⁶⁰ *Stefan Al.* Op. cit. S. 657.

⁶¹ Ср. истрийский декрет ISM. I. 20 в честь карфагенского морского торговца, предложившего полису продать привезенный им хлеб по цене, ниже рыночной.

⁶² Это обстоятельство справедливо подчеркнуто В. Д. Блаватским (Античная полевая археология. М., 1967. С. 200 и примеч. 13—16).

⁶³ См.: *Брашинский И. Б.* Методы исследования античной торговли. Л., 1984.

⁶⁴ См.: *Крыжицкий С. Д.* Жилые ансамбли древней Ольвии. Киев, 1971. С. 49 и след.

⁶⁵ М. Парович-Пешикан (Указ. соч. С. 156) полагает, что социальный протест рабов выразился в их побеге от хозяев, сопоставимом с *ἀναχώρησις* в Птолемеевском Египте. Эта вероятная гипотеза остается, однако, голой догадкой.

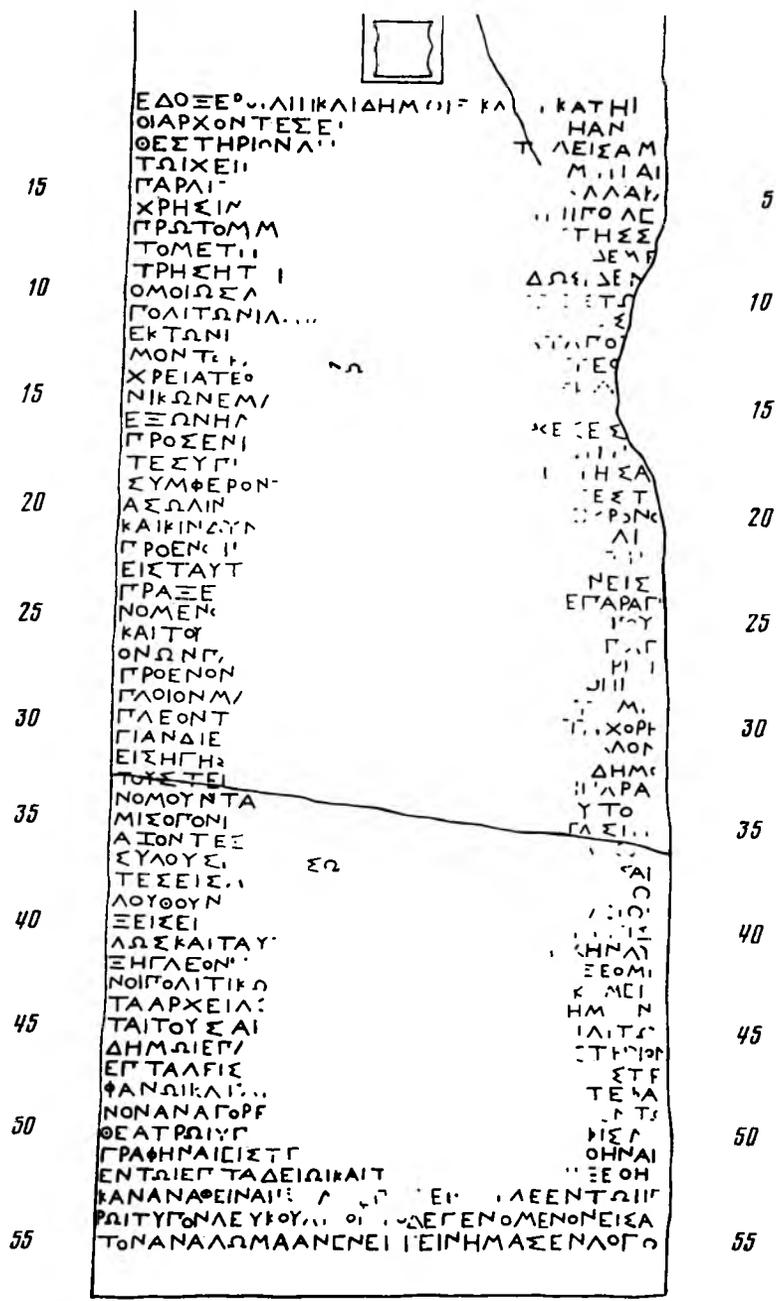

Рис. 9. Декрет в честь Антестерия (фото и прорись)

ных бурь, то декрет в честь Антестерия заявляет об этом *expressis verbis*. В заключительной части его мотивировки (к сожалению, сильно попорченной) речь идет о гражданах, преступавших законы (τοὺς τε π[ολίτας...] παρανομούντα [ς]; [μὴ ἀκ]ολουθοῦν- [τες τοῖς νόμοις?]), провоцировавших распри в городе ([οἱ πολῖ]τα [ι] στ[ασι]άζοντες), грабивших священное имущество ([τὰ ἱερ]ᾶ [ι] ἐρ[ο]συλοῦσι), свергших полис в раздоры ([τὴν τε πόλιν καταστῆ]σαντες εἰς ἡ[αφοράν]). Относясь к ним с ненавистью (μισολογῆ[ρ-]), чествуемый постановлением Антестерий изгнал их из отечества на многие годы ([ἐφ'ἔτη π]λείω ἐξεῖς ἐκ[τῆς πόλεως?])⁶⁶.

Кроме приведенных из текста документа отрывков, не требующих подробного комментария, не менее красноречивым «пострадавшим» свидетелем социально-политической борьбы в Ольвии в третьей четверти III в. выступает и сама стела декрета в честь Антестерия в нынешнем ее состоянии (рис. 9). Характер вытертости ее лицевой стороны и археологический контекст находки позволяет предположить, что она не позже, чем через полвека после установки, была уложена лицом вверх в заостр. площади или двора какого-то здания. Трудно, однако, себе представить, чтобы столь важный государственный акт вместе (что особенно симптоматично) с высеченными на нем святынями — рельефами с изображением Аполлона Кифареда и алтаря — осмелилось бы в буквальном смысле попирать ногами следующее поколение сограждан выдающегося политического деятеля и эвергета. Остается признать, что это было актом умышленного надругательства: если Антестерий действительно изгнал из отечества противников существовавшего тогда государственного порядка, то им, вернувшимся через некоторое время на родину, ничего не стоило (особенно если обвинение их в святотатстве не было голой инвективой) предать его имя особенно жестокой *damnatio memoriae*⁶⁷.

В этой связи нельзя умолчать о том, что не так давно были предприняты новые попытки отыскать в ольвийских источниках следы социальной и политической борьбы⁶⁸. Приводя стк. В. 79—88 Протогеновского декрета в переводе Латышева, где речь идет о том, что по просьбе народа Протоген простил должникам все долги, составлявшие 6000 золотых, М. Парович-Пешикан обращает внимание на то, что эвергет совершил это *πρώτος*, т. е. его примеру последовали и другие богачи, откуда делается уже заключение «о наличии в городе, очевидно, сильных волнений среди неимущего населения, требовавшего отмены долговых обязательств. Напуганные этим движением, боясь потерять власть в городе, Протоген и такие, как он, вынуждены были согласиться на кассацию долгов»⁶⁹.

⁶⁶ Виноградов Ю. Г. Декрет в честь Антестерия... С. 71—73, стк. 33—40.

⁶⁷ Подробнее см.: Там же. С. 72 и след.

⁶⁸ Парович-Пешикан М. Указ. соч. С. 154—156.

⁶⁹ Там же. С. 155. На эту мысль намекала уже Шафранская (К вопросу о кризисе... С. 16).

Эта остроумная догадка не выдерживает, однако, критики, поскольку она основана на переводе, к тому же не совсем корректном, а посему не способна оценить контекст фразы оригинала. Нисколько не умаляя авторитета В. В. Латышева, хочу предложить свой перевод и понимание отрывка (В. 79—88): «И когда все в городе находилось в плохом состоянии вследствие войн и неврожаев, и наличные состояния (τῶν ἑλαρχόντων) превратились в ничто, так что народ стремился ради них добиться отсрочки [или: уменьшения] выплаты помесячных процентов (ζητήσαντος ἑτέρ τοῦτων τοῦ [δή] μου ἐπιμηνιεῖσαι) и позаботиться обоюдодовыгодно (χρησίμως) и о займодавцах и о должниках, он первый (πρῶτος), хотя долги ему и его отцу составляли 6000 золотых, предложил народу располагать им, как тому угодно, а когда народ попросил (ἄξιώσαντος) его отпустить долги должникам, он всем все отпустил».

В своей диссертации Латышев исходил из неправильной посылки, что, согласно контексту, «просьба народа была обращена к Протогену», противореча себе тут же следующими двумя верными замечаниями: «... иначе необходимо было бы прибавить название лица в виде дополнения к глаголу ζητήσαντος» — и чуть ниже: «слово πρῶτος... очевидно, указывает, что просьба народа относилась и к другим займодавцам»⁷⁰. Действительно, в первом случае требовался бы αὐτόν, поэтому ζητήσαντος и ἀξιώσαντος не синонимы: первое означает «стремился», второе — «попросил» (выбор разных слов здесь не стилистический прием), причем первый γεν. abs. относится ко всем займодавцам (ἐπιμηνιεῖσαι — просьба к кредиторам, προνοῆσαι — забота о них и о должниках), а второй, хоть и тоже без αὐτόν, — только к Протогену, так как именно о нем только что шла речь. Из проведенного структурного анализа ясно, что πρῶτος связано только с просьбой ἐπιμηνιεῖσαι⁷¹, обращенной ко всем кредиторам, поэтому гипотеза Парович-Пешикан лишается своей основы.

Исследовательница высказала и другую интересную догадку: «Борьба против богатых находила свое выражение также в борьбе различных партий в Ольвии»; обоснованием справедливости этого высказывания послужил ей на сей раз *martelage* двух ольвийских посвящений Гераклу⁷². Речь идет об одной вотивно-строительной (IOSPE. I², 179) и одной посвячительной надписи (Ibid. 186), текст которых был уничтожен еще в древности, так что сохранились лишь жалкие остатки строк. Обративший на это внимание Латышев предположил, сопоставив оба факта, что «в эту эпоху культ Геракла в Ольвии был по какой-то причине упразднен,

⁷⁰ Латышев. Исследования. С. 295.

⁷¹ О значении термина будет сказано особо; ср.: Asheri. P. 54 sq. Латышев своим переводом в IOSPE. I², P. 56 «месячные отсрочки» фактически отказался от своего прежнего толкования этого термина (Исследования. С. 295 и след.), но как бы контаминировал оба значения, откуда и проистекла ошибочная интерпретация отрывка.

⁷² Парович-Пешикан М. Указ. соч. С. 155.

а его имя на памятниках умышленно выскоблено» (Ibid. P. 206). Идя еще дальше, Э. Минз высказал смелую гипотезу⁷³ о том, что Протоген был тираном, пришедшим к власти на плечах демократии после выступления последней против олигархии, поклонявшейся Гераклу, посвящения которому Клеомброта и Никодрома (т. е. указанные выше надписи) были стерты народом; в эту же связь он поставил и надчеканки на меди с изображением Геракла⁷⁴.

Развивая догадку Минза (на которого она, правда, не ссылается), Парович-Пешикан привлекает два новых аргумента. Во-первых, надпись фиаситов и жрецов Евресивиадов⁷⁵ свидетельствует, по ее мнению, что покровителем этого аристократического фиаса был Геракл Сотер, откуда уже один шаг до заключения: «Переворот, упомянутый [sic!] в надписях, мог быть направлен против аристократии, покровителем которой был Геракл. Переворот произошел, очевидно, где-то в первой половине III в. до н. э.»⁷⁶. Во-вторых, она обратила внимание на то обстоятельство, что изображение Геракла после известных статеров Эминака V в. надолго исчезает с монет, появляясь на ольвийском серебре лишь в начале II в. до н. э. Этот факт автор склонен предположительно объяснять новым усилием аристократической партии, опиравшейся к тому же на потомков первых ионийских поселенцев, пришедшей к власти в результате усугубления социального неравенства⁷⁷.

Несостоятельность всех этих громоздящихся одна на другой догадок видна *prima facie*. Вместо того чтобы просто так безоговорочно причислять Геракла к покровителям аристократии⁷⁸, имело бы смысл посмотреть, *какие* документы, упоминающие его имя, *когда* и *почему* оказались поврежденными⁷⁹, т. е. подойти к этим надписям как к памятникам в полном смысле этого слова⁸⁰. Строительная эпиграмма Клеомброта, сына Пантакла (IOSPE.

⁷³ Он оставил ее оговоркой: «If I were inclined to wild hypotheses» (Minns. P. 462. Not. 2).

⁷⁴ Ibid. P. 485. Доказательство несостоятельности последнего довода с точки зрения нумизматики см.: Зограф А. Н. Античные монеты. С. 135; ср.: Карышковский П. О. Серебряные монеты Ольвии из раскопок 1957 г. // НЭ. 1960. 2. С. 22. Примеч. 43.

⁷⁵ Белецкий А. А. Греческая надпись на базе статуи из Ольвии // ВДИ. 1955. № 2. С. 180—191.

⁷⁶ Парович-Пешикан М. Указ. соч. С. 155.

⁷⁷ Там же. С. 155 и след.

⁷⁸ Замечу, что дополнение [Ἡρακλέω] ὕς Σωτ[ῆρος] в editio princeps было дано предположительно; впоследствии А. А. Белецкий отказался от него в пользу [Ζε] ὕς Σωτ[ῆρ] (НО 71). Надпись должна датироваться не началом III, а серединой — третьей четвертью IV в.; как показывают другие документы, культ Зевса был в роду Евресивиадов гентильным (см. гл. IV).

⁷⁹ Кстати, как справедливо отметил Карышковский (Серебряные монеты... С. 22. Примеч. 43), в них как раз имя Геракла уцелело, т. е. говорить о преднамеренной *damnatio metoigiae* именно этого бога не приходится.

⁸⁰ Замечательные методические наблюдения в этом плане сделаны в книге: Merritt B. D. Epigraphica Attica. Martin Classical Lectures. Cambridge (Mass.). 1940. Vol. 9.

I², 179), это посвящение башни Гераклу — мощному божеству, защитнику полиса от неприятеля, стоящему в одном ряду с такими воинственными богами-заступниками, именами которых ольвиополиты нарекали башни города, как Арес⁸¹, Зевс Освободитель (см.: гл. IV), Зевс Полиарх (IOSPE. I², 183), возможно, местные герои (Ibid. 32В. 4)⁸². Вторая надпись — посвящение гимнасиарха Никодрома статуи своего сына постоянной паре агонистических божеств, покровителей гимнасии — Гермесу и Гераклу⁸³. Однако самое интересное то, что Клеомброт Пантаклов посвятил башню не одному Гераклу, но и обожеествленному Демосу; стало быть, парадоксальным образом оказывается, что неизвестные ревностные борцы за демократию вместе с именем аристократического бога Геракла сбили с камня заодно и символ самой демократии?!

Когда и по какой причине были уничтожены обе надписи, выясняется при внимательном осмотре самих памятников, на которые они нанесены. Оказывается, база статуи сына Никодрома имеет на нижней поверхности два углубления «в виде тщательно сделанных полушариков», назначение которых не понял ни Штерн⁸⁴, ни Латышев (IOSPE. I², 186, *letta*). Между тем это чашеобразные углубления жертвенника для возлияний, типичного для Ольвии римской эпохи⁸⁵. Тогда же при вторичном использовании камня и была уничтожена более ранняя надпись. Тогда же, в римское время, при вторичном использовании мрамора с надписью Клеомброта для вырезания посвящения Аполлону Простату (IOSPE. I², 105) был испорчен его предшественник. А ларчик, оказывается, просто открывался!

Точно так же рискованно привлекать для обоснования гипотезы о политической борьбе партий и монеты с головой Геракла. Они датируются сейчас не началом II, а примерно серединой III в. до н. э.⁸⁶, т. е. синхронны надписи Никодрома, и ни о какой реставрации аристократического режима говорить не приходится. Кроме того, Карышковский совершенно справедливо объяснил появление этого сюжета подражанием монетам Александра и первых диадо-

⁸¹ HO 75; предлагаемое мной восстановление см.: Гл. VI.

⁸² Ср.: *Maier F. G. Griechische Mauerbauinschriften*. Heidelberg, 1959. I. S. 271 ff.; автор считает, что «посвящение [башен богам. — Ю. В.] скорее выражение набожности дарителя, чем призыв божественной помощи для безопасности города». Ср., однако, башни Смирны, посвященные Гераклу, Диоскурам, Артемиде, Латоне, Доброй Судьбе и Благоденствию. См.: *Wilhelm Ad. Akademieschriften*. II. S. 160 ff., N 13; S. 191 ff.

⁸³ Ср.: *Pleket H. W. Epigraphica*. II. 33; SEG. XXVII. 261A. 26; ср.: *Bull. ép.* 1978. 274. P. 433; IGBR. I². 45; *Robert L. Les inscriptions // Fouilles d'Af Khanoum*. P., 1973. I. P. 208.

⁸⁴ *Штерн Э. Р. // ЗООИД*. 1901. 23. С. 5; первоиздатель думал, что они служили для лучшего крепления пьедестала на постаменте.

⁸⁵ Ср.: IOSPE. I², 178. Латышев вслед за Б. В. Фармаковским (ИАК. 1914. 51. С. 140 и след.) ошибочно считал, что обе чаши, вырезанные на поверхности этой базы статуи (!), служили для сбора воды. Ср.: HO 77.

⁸⁶ *Карышковский П. О. Серебряные монеты...* С. 22; ср.: *Он же. Монетное дело...* С. 14.

хов⁸⁷. Таким образом, как та, так и другая гипотеза Парович-Пешикан рушатся в итоге критического анализа источников. Псефисма в честь Антестерия остается пока нашим единственным свидетелем, но мы вправе ожидать, что грядущие эпиграфические находки предоставят в наше распоряжение новый материал о социальной и политической борьбе в полисах Северного и Западного Понта эллинистической эпохи.

После сказанного сама собой напрашивается констатация того факта, что приступы социальной и политической борьбы не в меньшей степени должны были сказаться на нормальном ходе производства, при этом среди прочего — наиболее болезненно для полиса — производства сельскохозяйственного⁸⁸, в тех рамках, в которых оно еще могло осуществляться. Они же вредили стабильности производства ремесленной продукции, а также заморской торговле — в рассматриваемую эпоху одному из главных источников хлебоснабжения полиса (см. выше). Иными словами, мы видим перед собой пример циклической взаимозависимости между экономикой и общественными отношениями: продовольственный кризис влечет за собой стасис, последний же в свою очередь снова обостряет нехватку основных продуктов питания.

Кризис Ольвийского полиса затрагивал, очевидно, в той или иной степени и прочие сферы общественного бытия: идеологию, культуру, социальную психологию и т. д., но здесь мы не располагаем пока необходимыми данными.

Тем более красноречивы на фоне этого молчания многочисленные свидетельства наших источников о еще одной — и далеко не маловажной — стороне упадка: о кризисе полисного бюджета и финансов. В рассматриваемый период государственное хозяйство ольвиополитов совершенно явно попадает в перманентное состояние негативного платежного баланса. Это следует хотя бы из того, что такие выражения, как *ἀπορία*, *ἀχρηματία*, *κοινή ἀσθένεια*, на долгое время становятся постоянными эпитетами полисов в декретах⁸⁹. Ольвийские городские власти доходят до того, что не могут заплатить за дешево купленную партию вина (IOSPE. I², 32A. 19—23). Истощение государственной казны толкает архонтов даже на то, чтобы заложить священные сосуды на общественные нужды ростовщику-иноземцу Полихарму всего за каких-то 100 золотых; когда истекает срок выплаты долга, и те они не в силах вернуть, так что только великодушные Протогена спасает городские святыни от перечеканки (Ibid. A. 14—18). Ольвия не может вовремя расплатиться с крупными заимодавцами (HO 28+29+123+IOSPE. I², 240), послать из собственных средств подать царям и скептухам (IOSPE. I², 32A. 9—13, 32—38, 43/44, 45—58, 82—96; 30. 5—6), отстроить на собственные деньги

⁸⁷ Карышковский П. О. Серебряные монеты. . . С. 22 и след.

⁸⁸ Ср.: Трофимова М. К. Указ. соч. С. 54.

⁸⁹ HO 28. 11; IOSPE. I², 32 *passim*; Pippidi D. M. *Histria*. București, 1954. I. P. 488 sq., N 2=ISM. I. 9. 12.

оборонительные и другие сооружения (Ibid. 32В. 29—49, 57—64), починить транспортные и военные корабли (Ibid. В. 49—54; декрет в честь Антестерия, стк. 26—31) и т. д. и т. п. Если к этим эпиграфическим свидетельствам добавить показания нумизматики о кризисе денежном (см. ниже), то картина станет исчерпывающей.

К другим специфическим причинам упадка городских финансов следует причислить расходы (прежде не имевшие место) на выплату дани местным царькам и скептухам, фрахт (ναῦλον) частным корабельщикам, возившим строительный камень, ощутимый ущерб пошлинным сборам (τέλη) вследствие нарушения сухопутных и морских (пираты?) торговых коммуникаций и некоторые другие. О попытках преодолеть эти кризисные явления речь пойдет ниже.

Теперь, после того как многогранные проявления кризиса Ольвийского полиса обрисованы достаточно детально, трудно удержаться от искушения сопоставить полученные данные со сведениями, сообщаемыми замечательным документом истрийского лапидарного архива — декретом в честь Агафокла, сына Антифила, датируемым примерно тем же временем (около 200 г. д. н. э.)⁹⁰, и некоторыми другими надписями Истрии.

Как и ольвиополитов, жителей Истрии постоянно терроризируют своими нападениями окрестные варвары: организованное войско фракийцев во главе с их предводителем (τὸν ἄρχοντα) Золтом и просто разбойничьи шайки фракийцев (λειρατευόντων Θρακῶν), которые, насколько можно судить по плохо сохранившемуся стк. 20—22 декрета в честь Агафокла, находились в какой-то зависимости от Золта ([ὄλο] Ζ[ὸ]λ[τ]η[ν τε] ταγμένων). Своими набегами варвары разоряли хору (τὴν χώραν λорθοῦντων), не давали возможности убрать урожай (τῶν θερῶν ὄντων ὄλοῦσθαι), уводили добычу (τὰ κτήνη). Точно так же, как тисаматы, скифы и савдараты в страхе перед жестокостью галатов стремились укрыться в Ольвии, окрестные мирные варвары находят убежище за стенами Истрии (стк. 43/44: τῶν συμφευγόντων β]αρθάρων ε[ἰς τὴν] πόλιν), становясь, как некогда миксэллины, союзниками (в данном случае добровольными — ἐ[θελ]-οὔτας) истрийского гражданского ополчения, выступившего на защиту своей территории.

Руинирование земледельческой базы полиса, усугубляемое частыми неурожаями⁹¹, сталкивало истрийцев, как и ольвиополитов, лицом к лицу с постоянными продовольственными кризисами⁹². Участвовавший хлебный голод, подогреваемый перманентной варварской угрозой, приводил, как и в Ольвии, к вспыш-

---

⁹⁰ Lambrino S. // Revue des études roumaines. 1962. V/VI. P. 180—217; SEG. XXIV. 1095; Nouveaux choix 6; Moretti. Isc. stor. ellen. II. 131; Pippidi D. M. Scythica Minora. P. 32 et suiv.; ISM. I. 15. Такое сопоставление частично уже проводилось; см., например: Карышковский П. О. Истрия и ее соседи. С. 37—39.

⁹¹ Ср.: ISM. I. 18. 31 (ἀφορία[ς]); 59. 7 (τὰς ἀφορίας).

⁹² ISM. I. 1. 6; 18. 11, 22; 19. 4—10; 20. 7—8.

кам социальной борьбы⁹³. О них может свидетельствовать найденный в Истрии сильно фрагментированный декрет в честь третейского арбитра из Аполлонии, приглашенного улаживать судебные тяжбы в городе⁹⁴. Будучи послан с этой миссией своим родным полисом, неизвестный по имени аполлониат провел судебные разбирательства по общественным и частным искам ([τὰς δημοσίας τ]ε καὶ ἰδιωτ[ικὰς δίκα]ς) честно, справедливо и в согласии с законом ([ἐδίκασεν τὰς] δίκα[ς] ὀρθῶ[ς] καὶ δικαίω[ς] [κατὰ τοὺς νό]μους, стк. 1—2 и 7—9), за что народ аполлониатов был восхвален, а сам третейский судья получил награду.

О том, что подобные вспышки социальных катаклизмов, улаживавшиеся третейским судом, не представляли собой в эллинистических полисах Понта единичного явления, говорит кроме вышеприведенного документа и декрета в честь Никерата, сына Папия (см. выше), и одно постановление из Одесса, также в честь трех приглашенных иностранных арбитров, этникон которых не сохранился (IGBR. I². 37 bis). В надписи сказано (стк. 2—6), что они, «прибыв, одни из тяжб уладили, другие же правильно и справедливо разрешили судом и свое оставшееся пребывание сделали достойным пославшего их города и самих себя»⁹⁵.

От постоянных набегов фракийцев Золта Истрия была вынуждена неоднократно откупаться золотом (стк. 19 и след. 30—32: ἔλειπε[ε] Ζολτῆν καὶ τοὺς Θραϊκάς [ἀ]πό χρυσῶν ἐξ[ακ]οσίων); один раз полис платит даже пять талантов, чтобы купить весьма ненадежный союз с этим фракийским вождем (стк. 24—25), который тот — как и следовало ожидать — нарушает тут же (стк. 25—33), а вскоре и вторично (стк. 40) — после возобновления клятвенных обещаний и договоров (стк. 35—36). Когда ни задабривание,

⁹³ Карышковский (Истрия и ее соседи. С. 36 и след.) в подтверждение этого ссылается на стк. 8/9 и 11 декрета в честь Агафокла: τῆς τε πόλεως οὐσίας ἐν ταραχῇ. . . καὶ τῶν πολιτῶν ἐν ἀγωνίαι καθεστῶτων, означающие в этом контексте не более чем: «когда город был в смятении. . . и граждане впали в отчаяние». Тут же (с. 38. Примеч. 12) он приводит обрывочные слова другого очень фрагментарного истрийского декрета (ISM. I. 18) ἀχορηγῆσία, ταραχαί, и πολιτικὰς ἐλιστάσεις. Однако первое слово, вопреки мнению Пиппиди (Histria. I. P. 501 sq.), не дает никакого намека на дезорганизацию в полисе, но означает всего лишь «недостаток средств», что хорошо вписывается в контекст. Восстановление Пиппиди (Ibid. P. 499. I. 12/13) συναγωγ[νιστῶν] δὲ τῶν πολιτῶν] τὰ μὲν διὰ τὰς ταραχὰς] неприемлемо, так как подобного глагола в греческом не засвидетельствовано; Вудхед дополнил его в συναγωγ[νιστῶν] (ISM. I. 18. 12). Здесь следует скорее ожидать нечто вроде συναγωγ[νιστῶν] vel sim.] τὰ μὲν διὰ τὰς ταραχὰς] с e. g. κακῶς διαχειμῆνα διορθῶσαι], т. е. «содействуя исправлению пришедшего в упадок вследствие потрясений»; ἐλιστάσεις означает «прекращения, задержки, препятствия», поэтому и дополнение [πολι]τικὰς (Ibid. I. 16/17) не подходит. Иными словами, вопреки толкованию Пиппиди (Ibid. P. 501 sq.), и в этом документе не содержится прямых указаний на социальные конфликты. Ср.: ВДИ. 1984. № 3. С. 177.

⁹⁴ ISM. I. 30; ср.: Pippidi D. M. I greci nell basso Danubio. P. 132. Удачные дополнения документа предложены недавно Роберами (Bull. ép. 1984. 268. p. 455 et suiv.); он должен датироваться, по моему мнению, началом II в. до н. э.

⁹⁵ Надпись должна датироваться, скорее всего, началом II в. до н. э. (издатель: III—II вв.). Исправление чтения см.: Lifshitz B. // ZPE. 1972. 9. P. 72; ср.: Bull. ép. 1972. 300.

ни военное сопротивление силами ополчения, наемников и варваров уже не помогают, истрийцам остается обратиться за помощью к своему сюзерену (стк. 16—17) — царю Ремаксу. Однако тот, ввиду задолженности ему городом дани, не спешит оставить отряд для защиты истрийской хоры (φυλαχή), но, посылая вестников, требует дани (τὸν φόρον). Выбранному послом Агафоклу удается «уговорить» (за деньги, конечно) царя выделить для охраны территории ([προ]φυλ[αχή], το [ἴ]ς προφύλαξιν) конную сотню. Когда и она в страхе перед фракийцами бежит за Дунай, Агафоклу не остается ничего иного, как, совершив посольство к сыну царя Фрадмону, «убедить»⁹⁶ его дать отряд в 600 всадников.

Регулярная выплата даров и дани фракийским царям и племенным вождям, с одной стороны, живо напоминает отношения Ольвии с Саитафарном и саями (см. ниже), а с другой — так же как и в последней — заметно подрывала истрийский государственный бюджет, приводя к финансовому кризису и толкая на поиски спасения в частной благотворительности и займах у граждан и иноземцев (см. ниже). Таким образом, налицо полная идентичность положения обеих сестринских апоекий Милета — Истрии и Ольвии, наглядно демонстрирующая экстралокальный и всеобъемлющий характер кризиса, в затяжной полосе которого оказались понтийские полисы в III—II вв. до н. э.

Средства борьбы с кризисом

Каким же средствами пытались бороться с кризисным состоянием ольвиополиты и к каким мерам прибегли для его преодоления? Прежде всего ими были предприняты усиленные попытки устранить одну из первопричин того бедственного положения, в котором они очутились, а именно ликвидировать вражескую угрозу, которая как Дамоклов меч нависла над полисом. Здесь они столкнулись с тройной задачей. Во-первых, оградить свой город мощными оборонительными сооружениями. Как уже было сказано в гл. III, Ольвия обносится стенами в первой половине V в. Однако Протогеновский декрет свидетельствует о том, что даже к концу III в. большая часть территории города, лежащая у реки, не была защищена, а именно вся часть вдоль лимана и у прежнего рыбного рынка до того места, где герой Сосий (IOSPE. I², 32B. 1—4), а кроме того, куртина возле башни Посия осталась недостроенной и несколько башен нуждались в ремонте (B. 44—49, 57—59). Благодаря частным пожертвованиям, судам и личной инициативе Протогена все эти фортификационные сооружения удалось по-

⁹⁶ Такое впечатление, будто глагол *πειθω* — «убеждать, уговаривать, склонять» — становится в этом документе (стк. 19, 30, 50, 54) чуть ли не *terminus technicus* с оттенком «откупаться дарами, данью» (ср. стк. 30: *ἐξαγοράζειν τὴν χώραν καὶ τὰ θεῖρα*); иначе думает Пиппиди (*Scythica Minora*. P. 36). Штефан видит в этом глаголе значение «уговорил заключить новый договор или на новых основаниях» (*Ştefan Al. Relations étrangères...* P. 334).

строить, завершить и привести в порядок, а сверх того и соорудить новый пилон у выставки товаров (τὸν ἐπὶ τοῦ δαίματος. — В. 29—49, 57—54). Причина столь поспешной фортификационной деятельности раскрывается стк. 7—8 декрета: составившие союз галаты и скиры собирались совершить нападение *зимой*, т. е., не располагая собственным флотом, предполагали взять Ольвию голыми руками, напав на незащищенную часть города по льду Бугского лимана⁹⁷.

Второй задачей явилось строительство мощного военного флота с целью отразить со стороны моря и лимана нападения как своих соплеменников, так и пиратов. Интересные сведения об этой стороне деятельности ольвиополитов дает в наше распоряжение декрет в честь Антестерия, который, прибыв в город и застав военных корабли как пришедшими в упадок, так и значительно уменьшившимися числом, привел в боевую готовность суда, не бывшие на плаву, снабдил их необходимыми снастями и вдобавок построил на собственные средства военный корабль⁹⁸.

И наконец, самой главной и первоочередной задачей было организовать сухопутные вооруженные силы, способные отразить неприятельские набеги на полис и обеспечить надежную защиту его территории. Эту задачу оказалось выполнить сложнее всего. Нам неизвестны пока состав и структура ольвийского войска; возможно, как и в Истрии, оно состояло из гражданского ополчения с включением в него определенного контингента наемников и привлечением время от времени сил местных варварских племен (см. выше)⁹⁹. О последнем прямо свидетельствуют декреты в честь Антестерия и в честь Протогена, упоминающие союзных с ольвиополитами миксэллинов. Наверняка можно только сказать, что даже всех этих соединенных сил явно не хватало для обеспечения безопасности полиса. Поэтому, как мне представляется, ольвиополитам ничего не оставалось, как прибегнуть к последнему, крайнему средству.

Выше я уже имел случай отметить, что отношения, сложившиеся к концу III в. у Истрии с ее варварскими соседями, в частности с царем Ремаксом, живо напоминают отношения Ольвии с царем Саитафарном: как и истрийцы, ольвиополиты платят этому владыке трибут, с тем лишь различием, что у последних он именуется не φόρος, а δῶρα¹⁰⁰. Полная схожесть ситуации позволяет предположить, что требование дани царем саиев имело под собой не просто обещание не разорять страну, но и предусматривало известные гарантии военной помощи в случае разбой-

⁹⁷ Латышев. Исследования. С. 97.

⁹⁸ Виноградов Ю. Г. Декрет в честь Антестерия. С. 69—71. Стк. 29—31: πλοῖον μα[χρὸν κητασχευασμένον καὶ] τ[ὰ] μ[η] πλέοντ[α διορθωμένον κατὰ τὰ πάν]τα χορηγίαν διέ[θηγεν ἰκανήν?].

⁹⁹ Об этом см.: Pippidi D. M. Scythica Minora. P. 56—64.

¹⁰⁰ В δῶρα, адекватных, по ее мнению, φόρος, Штефан (Relations... P. 337 et suiv.) склонна усматривать подать не только деньгами, но и частью урожая с хоры полисов, что источниками прямо не подтверждается.

ничьих варварских набегов на Ольвию¹⁰¹. В пользу такого предположения может, видимо, говорить тот факт, что Саитафарн и саи не всегда сами приходят за получением дани (IOSPE. I², 32A. 9—11, 33—35, 82—84), но и ольвиополиты время от времени снаряжают к царю посольства, которые приобрели настолько регулярный и организованный характер, что регламентация их финансирования путем отдачи на откуп потребовала издания особого постановления (Ibid. A. 45—48).

Аналогичные договорные отношения сложились в ту же эпоху и у Византия с галатами Тилы: по сообщению Полибия (IV. 46, 3—4), византийцы откупались от варваров ежегодными дарами (δῶρα) в три, пять, десять тысяч золотых, а в конце концов они выплачивают и 80 талантов фороса в год. Условием другой стороны было не только не опустошать хору Византия (μὴ καταφθεῖρεῖν τὴν χώραν αὐτῶν), но — как следует из другого места Полибия (VIII. 24) — и оказывать им помощь в войнах с соседними варварами, например с фракийцами и вифинами¹⁰². Чего стоили, однако, эти гарантии, обещанные вероломными варварами, показывает не один пример¹⁰³. Царь галатов Кавар в войне Византия с Родосом и Прусием придерживается нейтралитета. Царь Ремакс после выплаты ему задолженности по форосу оставляет Истрию всего сотню всадников, и та бежит в страхе перед фракийцами. Наконец, ольвиополиты, когда над ними нависла серьезная угроза скиро-галатского нашествия, остаются беззащитными и даже не пытаются отправить посольство к Саитафарну за помощью — этот царь внезапно исчезает со сцены излагаемых хроникой событий.

Таким образом, есть основания утверждать, что над Ольвией, подобно Византию¹⁰⁴ и греческим полисам Добруджи¹⁰⁵, протек-

---

¹⁰¹ Эта гипотеза впервые была высказана, правда в отношении не Саитафарна, а скептухов, Шафранской (К вопросу о кризисе. . . С. 18), а затем на эпиграфическом материале Западного Понта развита Штефан (Getreidekrise. . . S. 651 ff.). Однако подобные же отношения западнопонтийских полисов с царями Канитов и Котисом прямо не вытекают из соответствующих договорных документов, а потому остаются гипотетическими. Спорна и интерпретация автором отношений Византия с соседними фракийскими племенами, некоторых из которых, по ее мнению, он заполучал в качестве временных союзников; по крайней мере слова Полибия (IV. 45) «ἐνὶ πρόωπταί τι» можно понять только как «уступки в чем-либо, сделанные одному» (пер. Ф. Г. Мищенко).

¹⁰² Ср.: *Domaradzki M.* Op. cit. P. 54.

¹⁰³ Ср.: *Vinogradov.* Griechische Epigraphik. S. 308. Anm. 99.

¹⁰⁴ Ростовцев (SEHNW. P. 673) прямо говорил о созеренитете Галатского царства во Фракии по отношению к Византию. В. П. Невская (Византий в классическую и эллинистическую эпохи. М., 1953. С. 139. Примеч. 3) называет его мнение ошибочным, отмечая, что «политически город оставался совершенно свободным». Однако разве подчинение Истрии Ремаксу (см. след. примеч.) мешало ей издавать государственные постановления, чеканить монету и т. д.?

¹⁰⁵ Об этом *expressis verbis* заявляет декрет в честь Агафокла (ISM. I. 15. 16/17: καὶ τὰς [Ἑ]λληνίδας πόλεις τὰς [τασσομένας] ἕπ[ὸ] βασι]λέα Ρημαξὸν — «а эллиниские города были подвластны царю Ремаксу»). Ср. освобождение в 195 г. Антиохом Великим греков, которые были подчинены фракийцам («Ἑλλήνας δ' ἔσσι τοῖς Ἰστροῦν ὑπήκοον»). См.: *App. Syr.* 6; ср. *Liv.* XXXIV. 33. 12.

торат варварских владык устанавливается на сотню лет раньше Скилура¹⁰⁶. Очевидно, сфера его действия ограничивалась преимущественно или даже исключительно внеэкономической — взиманием подати. Во всяком случае, мы видим, что в это время Ольвия не была стеснена ни в своей внутренней, ни в своей внешней политике: издаются декреты как в честь граждан, так и иностранцев, функционируют городские магистратуры, продолжает чеканиться монета с именем и эмблемой полиса и т. п.¹⁰⁷

Не менее решительно, чем против варварской угрозы, боролись ольвиополиты с постоянно бичевавшими их общество продовольственными кризисами, вводя для этого ряд действенных мер¹⁰⁸. Одной из них была ситония — массовые закупки хлеба государством и перепродажа его населению по твердым и достаточно умеренным ценам. Как сообщает Протогеновский декрет, во время первого голода, случившегося при жреце Геродоре, народ счел нужным запастись достаточное количество хлеба (IOSPE. I², 32A. 25/26): *λαραθέσθαι σίτον Ιχανόν*). Хотя ситония здесь прямо не названа, следует думать, что под приведенным выражением скрывается именно она. На следующий (?) год, когда при жреце Плейстархе разразился сильный голод, народ, находясь из-за этого в панике, счел нужным организовать ситонию (*σιτωνῆσαι*), на каковую (*εἰς τὴν σιτωνίαν*) Протоген одолжил деньги и продал хлеб на льготных условиях (стк. 58—82).

В обоих свидетельствах не указано, кто и как устроил ситонию; можно предположить, что эта миссия была возложена на магистратов, ведавших обычно другими делами, например архонтов, занимавшихся среди прочего и продовольственным снабжением: за год до первого голода они дешево закупили большую партию вина (стк. 19—23)¹⁰⁹. А. Штефан (Op. cit. S. 656), приходящей к такому выводу, приведены примеры подобной практики, когда экстраординарные функции ситонов в кризисные годы брали на себя другие полисные магистраты. Но однажды в Ольвии положение с нехваткой хлеба сложилось, видимо, настолько серьезное, что потребовалось создание особой постоянной коллегии сито-

¹⁰⁶ Ср.: *McGing B. C. The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator King of Pontus. Leiden, 1986. P. 48.*

¹⁰⁷ Менее понятны взаимоотношения со скептухами и прочими «царями этой страны», которых Ольвия время от времени «обслуживала» (*ἐφηρελεύεσσιν*) дарами (IOSPE. I², 30. 6; 32 A. 42/43). Быть может, они напоминали отношения истрийцев с Золотом.

¹⁰⁸ О них см.: *Francotte H. Le pain à bon marché et le pain gratuit dans les cités grecques // Mélanges de droit public grec. 2-e ed. Roma, 1964; Новосадский Н. И. Борьба с повышением цен в Древней Греции // ЖМНП. 1917. Февр. Отд. V. С. 75—92; Jardé A. Les céréales dans l'antiquité grecque. P., 1925; Heichelheim F. Sitos // RE. 1935. Supplbd. 6; Köster K. Die Lebensmittelversorgung der altgriechischen Poleis. B., 1939; Bolkenstein H. Wohltätigkeit und Armenpflege im vorchristlichen Altertum. Groningen. 1967. S. 260—267; Ştefan A. Getreidekrisen. . . S. 653—656; Foxhall L., Forbes H. A. Σιτομετρία: The Role of Grain as a Staple Food in Classical Antiquity // Chiron. 1982. 12. P. 41—90.*

¹⁰⁹ Не исключено, впрочем, что вино было запасено для общественных жертвоприношений.

Р и с. 10. Рельеф ситонов НО 72

нов ¹¹⁰, причем достаточно солидной: она состояла из пяти членов, включая секретаря (НО 72). Успешно выполнив свои полномочия, ольвийские ситоны посвящают мраморный рельеф Герою внешнему со своим и его изображением (рис. 10); очевидно, это сотерическое божество было покровителем как их самих ¹¹¹, так и защитником всего полиса от различных бед, включая и голод ¹¹².

Декрет в честь Антестерия сообщает некоторые важные подробности об устройстве в Ольвии другой меры борьбы с голодом — ситометрии, т. е. раздаче хлебных рационов ¹¹³. Для устройства ситометрии, как и ситонии, ольвиополиты выбирают экстраординарного магистрата Антестерия, занятого в данный момент в иной сфере деятельности: он выполнял функции члена (или даже главы?) коллегии Семи. Если верно дополнение стк. 9 декрета, Антестерий восстанавливает прежний порядок распределения хлеба, и в частности раздачу равных пайков. Отсюда можно заключить, что до него этот порядок нарушался.

Ольвийская ситометрия была бесплатной, долгосрочной, распространялась исключительно на граждан, причем только имевших на это право. Подобный порядок нельзя не признать

¹¹⁰ См.: *Vinogradov. Griechische Epigraphik*. S. 310 und Anm. 111. Исходя из палеографии, я склонен датировать надпись третьей четвертью III в. до н. э., т. е. незадолго до Протогена, в отличие от издателей НО (с. 68), относящих ее «вероятнее всего... к первой половине II в. до н. э.»; ср.: *Vinogradov. Olbia*. S. 31.

¹¹¹ *Stefan A. Getreidekrisen...* S. 655 ff.

¹¹² А. А. Белецкий (Благосклонно внешнему Герою в Ольвии // ВДИ, 1969. № 1. С. 157 и след.), идентифицируя 'Ηρώς ἐλπίχος рельефа с Асклепием, никак далее не определяет его функции.

¹¹³ Подробное исследование этого вопроса см.: *Виноградов Ю. Г. Декрет в честь Антестерия*. С. 58—64.

справедливым, ибо такие богачи (οἱ ἔχοντες, οἱ εὐλοροῦμενοι, οἱ ἰσχυροῦτες), как Протоген, сами предоставлявшие для продажи зерно тысячами пудов¹¹⁴, причем в моменты острой нехватки хлеба (!), с точки зрения неимущих граждан, едва ли нуждались в минимальных его порциях, необходимых, чтобы только не умереть с голода. Наконец, эти раздачи происходили (или стали происходить) не только в индивидуальном, но и в коллективном порядке, т. е. в виде всенародных угощений, совершавшихся, как мы знаем из практики других городов, во время праздников, как правило религиозных.

Сопоставление декрета в честь Антестерия с данными других аналогичных эпиграфических документов показывает, что ольвийская ситометрия относилась к ее редчайшей разновидности и по большинству показателей наиболее близко стоит к ситометрии, порядок которой устанавливает самосский хлебный закон¹¹⁵, хотя и опережает его все же на три-четыре десятка лет. Она представляет, таким образом, одно из самых ранних эпиграфических свидетельств об этой мере борьбы с голодом, да и, видимо, о самом термине как в надписях, так, пожалуй, и в литературе (см. LSJ, s. v.). Исходя из общегреческой практики, можно с уверенностью предположить, что фонд ситометрии составляли преимущественно добровольные пожертвования граждан (ἐπιδοσις), а полис лишь распоряжался им. Но не исключены и какие-то выплаты из государственной казны, как на то может указывать закупка архонтами партии вина на общественные нужды. Поэтому следующий вопрос, который нам предстоит рассмотреть, это методы санирования ольвийских финансов.

О плачевном состоянии государственной казны Ольвии этого времени не стоит долго распространяться: Протогеновский декрет буквально пестрит такими выражениями, как «общественная казна была опустошена» (Α. 12: τῶν δὲ κοινῶν ἐξηλορημένων), «в поступлениях от доходов нет ничего» (Α. 87: ἐν ταῖς προσδοσίς ἐστὶν οὐδέν), и т. п. О причинах такого положения сказано выше. Для пополнения государственного бюджета полис вводил в действие ряд мер, казавшихся поначалу эффективными. Одной из них явился, видимо, пересмотр налогового обложения.

На эту мысль наводит сакральный тариф, изданный в последней четверти III в. до н. э. коллегией Семи (IOSPE. I², 76). Он устанавливает реестр тех сумм, выраженных в медной монете, которые должны были выплачивать за разные виды жертвенных животных священной казне лица, приносящие жертвы (стк. 11/12: Τοῦς θύοντας ἀλάρχεσθαι εἰς τὸν θεσαυρὸν). Латышев (Исследования. С. 101 и след.) полагал, что речь идет о налоге на жертвоприношения. Исходя из значительного размера указанных

¹¹⁴ Один раз 2000 по 10 медимнов за стагер, другой раз 2500 медимнов, из которых 500 шли по $4\frac{1}{6}$, а 2000 — по $3\frac{1}{12}$ медимна за стагер; в общей сложности 4500 медимнов, т. е. около 11 250 пудов.

¹¹⁵ Syll.³, 976 = Choix 34; около 200 г. до н. э. О дате см.: Robert L. Hellenica. 1960. II. P. 209 (мнение X. Хабихта).

цифр ¹¹⁶, В. Д. Блаватский и Ф. Соколовский независимо друг от друга ¹¹⁷ предложили видеть в них преискурант покупаемых и приносимых в жертву животных. Хотя вторая интерпретация выглядит более правдоподобной, нельзя упускать из виду, что эти цены так или иначе должны были быть явно выше рыночных. Если принять во внимание требования к чистоте и здоровью жертвенных животных, контролируемым жрецами, а также тот факт, что иногда храм содержал собственные стада и продавал из них животных приносившим жертвы ¹¹⁸, станет понятным, что святилище должно было иметь от такой продажи некий доход, поступавший в храмовую казну. Сакральный тариф септемвиров упорядочивал эту куплю-продажу, фиксируя таксы за жертвоприношения и устанавливая таким образом скрытый налог ¹¹⁹.

Коль скоро есть основания полагать, что в это время храмовая казна фактически слилась с государственной ¹²⁰, можно думать, что рассматриваемая *lex sacra* была издана коллегией Семи в интересах пополнения и полисных финансов, и допустить возможность подобной регламентации и в других отраслях фиска. В этой связи любопытен фрагмент, скорее всего, закона (IOSPE. I², 37), синхронного Протогеновскому декрету ¹²¹, в стк. 3 которого Латышев восстанавливал [ἐρύαστ] ἡρίων или [πώλητ] ἡρίων μισθός ¹²², предполагая, что речь здесь идет о сдаче в аренду казенных лавок или мастерских. Интересно сопоставить эти слова с опубликованным недавно самосским законом того же времени о порядке сдачи в аренду мелочных лавок (τῶν κατῆλειων) на территории святилища Геры, за что арендатор платил храму μισθός (SEG. XXVII. 545). Судя по тому, что в последней строке ольвийского фрагмента стоит [πρ]οσόδου [ς] перед, вероятно, дополняемым строкой выше τῆι π[όλει], напрашивается вывод, что арендная плата за мастерские или лавки либо налог на нее пополняли ольвийский бюджет.

Регламентация налогообложения и упорядочение поступлений доходов в полисную казну были только одной мерой по спасению городских финансов из катастрофического положения и, видимо, делеко не столь эффективной, как того хотелось бы. Гораздо более многообещающими, как поначалу могло казаться, были манипуляции с медной монетой. Из одного декрета Сеста эллинистического времени известно, что даже простая чеканка меди в условиях стабильного уровня экономики приносила значитель-

---

¹¹⁶ За быка — 1200, за овцу и козу — 300, за шкуру (?) — 60, что по курсу ἐξ τετραχοσίων (см. ниже) составит соответственно 75 и около 19 и 4 серебряных драхм.

¹¹⁷ Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953. С. 205 и след.; Sokolowski. LSCG. 88. P. 176.

¹¹⁸ Латышев В. В. Очерк греческих древностей. 2-е изд. СПб., 1899. Ч. 2. С. 44; Блаватский В. Д. Указ. соч. С. 206.

¹¹⁹ Vinogradov. Griechische Epigraphik. S. 314. Anm. 133.

¹²⁰ Ibid.; Он же. Декрет в честь Антестерия. С. 78. Ср.: Minns. P. 463.

¹²¹ В IOSPE. I², P. 64. Латышев датирует его II или I в. до н. э.

¹²² Латышев. Исследования. С. 285; исправление ΜΙΣΘΩΣ в ΜΙΣΘΟΣ сделано им в IOSPE, где надпись отнесена в разряд декретов.

ный доход полису¹²³. Можно себе представить, какие прибыли создавались от выпуска в обращение медной монеты по принудительному курсу путем частой смены монетных типов, редукиции веса, постоянных надчеканок и перечеканок¹²⁴.

Следует заметить, что с середины III в. ольвиополиты прекратили чеканку серебра¹²⁵. Это неуклонно вело к тому, что количество циркулировавшего на внутреннем рынке золота, превратившегося в номинальные счетные деньги, резко сократилось, а функции реального средства обращения практически безраздельно приняла на себя медь, которую брали в обращение в любом количестве по принудительному курсу, что влекло за собой ее обесценение. Единственное средство борьбы с нараставшими трудностями было усмотрено в дополнительном подтверждении принудительного курса меди путем частого изменения типов, наложения на монеты различных клейм и даже при помощи сплошной перечеканки находившихся в обращении монет¹²⁶.

Карышковским выявлено и еще одно средство поддержать среди населения доверие к катастрофически падавшей в цене медной монете: кратковременная передача прерогатив чеканки меди коллегии Семи, которая «должна была закрепить и освятить — и притом не только авторитетом представляемого ею божества... но, возможно, и остатками все еще сохранявшихся в храмовой казне сокровищ» — изменение в наименовании наиболее ходового номинала медной монеты¹²⁷. Однако ни эта мера, ни описанные выше манипуляции с монетой не были по своей натуре способны укрепить денежное обращение Ольвии: законы свободного рынка, которые продолжали управлять экономикой автономных эллинистических полисов, неумолимы, а потому сиюминутная прибыль тотчас оборачивалась девальвацией, разрушающе влиявшей на экономику¹²⁸.

Гораздо более обещающим был финансовый трюк, когда государство брало ссуду золотом, а выплачивало долг по курсу редуцированной медью¹²⁹. О двух таких уступках со стороны Протогена упоминает декрет в честь этого эвергета (IOSPE. I², 32A. 66—71; В. 41—44), из строк которого следует, что в его время установился курс $\xi\kappa$ тетраχοσίωv, т. е. 1 золотой статер разменивался на 400 медных монет, несомненно, старшего номинала¹³⁰.

¹²³ OGIS. 339. 43 sq.; ср.: *Robert L.* Les monétaires et un décret hellénistiques de Sestos // RN. 1973. 15. P. 49 et suiv.

¹²⁴ Роль надчеканок как свидетельств кризисного состояния государства убедительно подчеркивает Ле Ридер: *Le Rider G.* Contremarque et surfrappes dans l'antiquité grecque // Numismatique antique: Problèmes et méthodes. Nancy; Louvain, 1975. P. 45.

¹²⁵ *Зограф А. Н.* Античные монеты. С. 130.

¹²⁶ *Карышковский П. О.* Монеты ольвийской коллегии Семи. С. 112.

¹²⁷ Там же. С. 116.

¹²⁸ *Vinogradov.* Griechische Epigraphik. S. 314.

¹²⁹ *Ibid.* S. 314; ср., впрочем: *Карышковский П. О.* Монеты ольвийской коллегии Семи. С. 112.

¹³⁰ *Карышковский* (Там же. С. 115), резонно возражая против уравнивания

Однако даже введением в действие всех названных мер Ольвийский полис не мог выкарабкаться из перманентного состояния негативного платежного баланса. Нерегулярное поступление доходов¹³¹, подорванных расстроенной экономикой, сплошь и рядом приводило к тому, что городские власти не были в состоянии вернуть займодавцу одолженную сумму основного капитала и наросшие на ней проценты. Наиболее драматическим моментом явилась, пожалуй, ситуация со священными сосудами, заложенными архонтами ростовщику-иноземцу Полихарму всего за 100 золотых; хорошо, вовремя подоспел Протоген с необходимой для выкупа суммой, не то магистратам грозило бы увидеть городские святыни пушенными под молоток (IOSPE. I², 32A. 14—19).

Из этого и аналогичных случаев следует, что для ольвиополитов оставалось одно наиболее эффективное средство: постоянно прибегать к частной благотворительности как своих сограждан, так и иностранцев. Красноречивые свидетели тому — декреты Совета и народа, изданные в честь эвергетов. О разносторонней благотворительной деятельности Протогена уже неоднократно упоминалось; его многочисленные заслуги перед отечеством наиболее полно освещены Латышевым¹³², что избавляет нас от их повторного перечисления. Неоднократно приходил на помощь родному полису и старший современник Протогена Антестерий. Согласно постановлению в его честь¹³³, он отстроил или починил на собственный счет какое-то сооружение у реки — не исключено, общественный амбар (τὸ σιτόβολον), упомянутый в Протогеновском декрете (IOSPE. I², 32B. 48), дал деньги на подарки предводителям миксэллинов, с тем чтобы привлечь их как союзников на сторону ольвиополитов, и, наконец, отремонтировал на свои средства обветшавшие суда, снабдив их необходимыми снастями, и сверх того построил боевой корабль.

Однако денежных пожертвований одних только сограждан не хватало, что толкало ольвийские городские власти прибегать к займам и великодушию иноземцев. Строки 3—6 фрагментированного декрета в честь родосца Гелланика (IOSPE. I², 30) свидетельствуют, что он «собрал (большое количество денег), на которые совершаются общественные (жертвоприношения?)... и (получают дары) цари этой страны».

Но, пожалуй, самым ярким в этом отношении документом эпохи служит почетный декрет в честь сыновей херсонесита Аполлония — Аполлодора, Аполлония и Эвфрона, составляющийся (не полностью) из нескольких фрагментов (НО 28 + 29 + 123 + IOSPE.

этого номинала с оболем, склонен видеть в нем тетрахалк, деградировавший по курсу протогеновского времени в трихалк. См.: Там же. С. 117. Примеч. 49; *Он же*. Монетное дело... С. 24, 26. Примеч. 5.

¹³¹ Ср.: IOSPE. I², 32A. 49—51: «... архонты не могли заплатить эти деньги, которые были у откупщиков податей».

¹³² Латышев. Исследования. С. 109—114.

¹³³ Виноградов Ю. Г. Декрет в честь Антестерия... С. 64—67, 69—71.

I², 240). Несмотря на многочисленные дополнения отдельных строк, удовлетворительного восстановления этой важной надписи целиком не было представлено, а ее содержание зачастую неверно интерпретировалось, что заставляет остановиться на ней подробнее.

Большой фрагмент НО 28 был впервые дважды опубликован Е. И. Леви¹³⁴, в издание которой Ж. и Л. Роберы внесли ряд корректив, дополнений и высказали свои замечания¹³⁵. Он был переиздан в НО, где сделано предположение, что опубликованный там впервые фр. № 29 «является продолжением той же надписи» (С. 37). Следующий важный шаг предпринят в рецензии на НО Карышковским¹³⁶, который присоединил с правого края к фр. НО 29 фр. IOSPE. I², 240 и предположительно атрибуировал к этой надписи фр. НО 123. Последняя гипотеза была реализована мною объединением в контакте НО 29 и 123¹³⁷. Принадлежность НО 28 и 29 одной надписи была оспорена Б. Лифшицем¹³⁸ на том основании, что как в том, так и в другом фрагменте присутствует хортативная формула. Однако Ж. и Л. Роберы справедливо указали рецензенту на то, что подобное явление многократно встречается в декретах и не служит, таким образом, основанием для разобщения фрагментов¹³⁹. Это было поддержано Л. Моретти¹⁴⁰, мною¹⁴¹, В. П. Яйленко и Л. Мижеоттом¹⁴². Большинство названных исследователей предложило свои дополнения того или иного фрагмента, попытка же восстановить весь текст была предпринята, правда без обоснования, в тезисах Яйленко («с учетом предшествующих дополнений»).

Уже только беглый взгляд на сохранившиеся выражения декрета показывает, что он трактует о финансовых материях, поэтому следует а limine отвергнуть попытки, пусть даже сделанные в предположительной форме, увидеть в тексте указания на «какие-то действия военного характера»¹⁴³ или на «помощь ольвиополитам

¹³⁴ Леви Е. И. Новая ольвийская надпись; *Она же*. Ольвийская агора // МИА. 1956. 50. С. 94—98.

¹³⁵ Bull. ép. 1956. 192.

¹³⁶ Карышковский П. О. // ВДИ. 1969. № 2. С. 114.

¹³⁷ Виноградов Ю. Г., Русьева А. С. Культ Аполлона и календарь в Ольвии. С. 54. Примеч. 51 (в тексте опечатка: не «Карышковский совместно с Виноградовым», а «на месте Виноградовым»).

¹³⁸ Lifshitz B. Inscriptions grecques d'Olbia // ZPE. 1969. 4. P. 247.

¹³⁹ Bull. ép., 1970, 408.

¹⁴⁰ Moretti. Isc. stor. ellen. II. 132, lemma (издан лишь фр. 28)

¹⁴¹ Виноградов Ю. Г., Русьева А. С. Указ. соч. С. 54. Примеч. 51; *Vinogradov*. Griechische Epigraphik. S. 315. Anm. 137.

¹⁴² Яйленко В. П. Материалы к истории проксенической и сакральной деятельности Ольвийского государства // VIII Всесоюз. авторско-читательская конф. ВДИ: Тез. докл. М., 1981. С. 126 (автор почему-то называет декрет проксений, хотя даже полиция чувствеемым не даруется, так как они давно уже были натурализованными ольвиополитами — см. ниже); *Migeotte L.* L'emprunt public dans les cités grecques. Québec; P., 1984. P. 131—133. N 43.

¹⁴³ Клипович Т. Н. Итоги работ Ольвийской археологической экспедиции // КСИИМК. 1953. 51. С. 114; *Она же*. Эпиграфические находки из раскопок Ольвии 1920—1954 гг. // СА. 1958. 28. С. 167.

в организации их вооруженных сил» путем формирования боевых порядков или «такс»¹⁴⁴, ибо подобные толкования полностью игнорируют контекст документа. Его основное содержание (по фр. НО 28) верно определили первыми Ж. и Л. Роберы (Bull. ép. 1956. 192. P. 145 et suiv.).

Сначала речь идет о почестях, назначенных Аполлонию из Херсонеса (стк. 1—4); его три сына¹⁴⁵ следуют примеру отца (стк. 4—7). Стк. 7—12 уточняют финансовые дела, которые живо напоминают в точности такую же ситуацию, обрисованную одним истрийским декретом. Город должен сыновьям 3000 статов золотом, одолженных их отцом на определенных условиях. Вероятнее всего, сыновья прежде всего отказались от процентов и заключили сделку с отсрочкой для возвращения капитала. Ослабление города было причиной такого отношения к нему наследников. Народ устанавливает им почести (стк. 12—16). В стк. 16—17 мы находим параграф о возвращении денег: ἄλλως δὲ καὶ ἡ ἀλόδοσ[ις в соответствии с договором о желанной отсрочке γίγνηται¹⁴⁶ ὑποχεῖσθαι ἀπὸ [οἷς —]; здесь говорится, что дается кредиторам в виде гарантийной ипотеки из доходов города.

Итак, общий смысл документа ясен, уточнения требуют, однако, детали, становящиеся немаловажными не только для реконструкции надписи, но и для выяснения некоторых моментов истории и хозяйства ольвиополитов. Существенную поддержку оказывают документы аналогичного содержания, и прежде всего истрийский декрет в честь каллатийца Гефестиона, сына Матрия, настолько близкий нашему¹⁴⁷, что его составитель употребляет почти ту же терминологию¹⁴⁸. Истрийское постановление¹⁴⁹ описывает аналогичную ситуацию: Матрий, отец Гефестиона, некогда одолжил Истрии сумму в 10 раз меньшую, чем Аполлоний (300 золотых), составив договор об условиях отдачи долга (συγγράφή). Задолженность висела над полисом в течение столь многих лет, что Матрий успел скончаться, и отданную в рост сумму вместе

¹⁴⁴ Блаватский В. Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954. С. 69 и примеч. 2. Основанием для этих гипотез обоим авторам послужили слова τὰς εἰς и συντεταγμένοι (НО 28. 9, 12).

¹⁴⁵ Попытка Яйленко (Материалы... С. 126), в противовес всем издателям и комментаторам (ср., впрочем: Книпович Т. Н. Эпиграфические находки... С. 167. Примеч. 15), считать декрет изданным в честь не трех, а двух сыновей, порождает излишний polysyndeton в стк. 5 и странное даже с точки зрения русского языка сочетание в стк. 4 «сыновья того Аполлония и Аполлоний и Эвфрон» (ἐχεῖνον Ἀπ[ολλωνίου]).

¹⁴⁶ Обычайшее написание времени эллинистической койне гораздо предпочтительнее предложения Яйленко (Указ. соч. С. 126) γίγνηται (на камне к тому же не осталось никаких явных следов именно *эпсилона*).

¹⁴⁷ На эту поразительную близость первыми обратили внимание Роберы (Bull. ép. 1956. 192. P. 145 et suiv.) и независимо от них Карышковский (Утерянная ольвийская надпись // СА. 1958. 28. С. 161. Примеч. 60).

¹⁴⁸ Ср.: Vinogradov. Griechische Epigraphik. S. 314 ff.

¹⁴⁹ Pippidi D. M. Histria. I. P. 487—494, N 2; Bull. ép. 1955. 163; 1956. 187; SEG XVIII. 289; XXV. 789; Moretti. Isc. stor. ellen. II. 130; ISM. I. 9; Migeotte L. Op. cit. N 41. Надпись датируется, скорее всего, второй половиной или даже серединой III в. до н. э., т. е. практически синхронна ольвийскому декрету.

с набевшими за это время процентами, превысившими основной капитал (400 золотых), наследовал его сын Гефестион¹⁵⁰. Для того чтобы как-то спасти хотя бы основной капитал, он великодушно прощает городу проценты и устанавливает порядок выплаты ($\sigma[\nu\nu\epsilon\tau\acute{\alpha}] \xi\alpha\tau\omicron \chi\omicron\mu\epsilon\iota\tau\omicron\sigma\alpha\iota$ — стк. 16/17; конъектура Роберов) первоначального займа (300 золотых), а именно без процентов в течение двух лет. За это Совет и народ Истрии постановил восхвалить Гефестиона и определил ему почести, перечисление которых на камне не сохранилось.

Та же история случилась и с займом Аполлония. Некогда этот херсонесский гражданин одолжил ольвиополитам 3000 золотых под проценты на определенный срок¹⁵¹ и установил порядок отдачи, что и было зафиксировано в соответствующем договоре, вотивированном ольвийской еkkлeсией (см. ниже). За это и другие благодеяния городу Аполлоний был награжден ольвиополитами «величайшими почестями» (стк. 3/4), из которых нам известна по данной псефисме установка ему скульптурного изображения (HO 29 + 123 + IOSPE. I², 240. 5). Судя по тому, что его сыновья не награждаются ольвийской политией, ее получил еще их отец вместе с потомками.

Однако из-за плохого состояния государственного хозяйства Ольвии выплата займа Аполлонию отсрочивалась на такой долгий срок, что за это время он успел скончаться, и долг — вместе с «отцовскими наклонностями» — был унаследован тремя его сыновьями, которые владели, видимо, неразделенным отцовским имуществом. Пытаясь как-то заполучить назад хотя бы огромный основной капитал, они идут на ряд уступок: во-первых, отказываются от выросших за эти годы процентов¹⁵²; во-вторых, согла-

¹⁵⁰ Исходя из наиболее частого в это время размера ежегодных процентов — 8,33 % (т. е. $\frac{1}{12}$ капитала), Моретти вычисляет срок задолженности в 16 лет при условии, что это были простые проценты.

¹⁵¹ Вместо предложенного для HO 28. 8 *exempli causa* Моретти конкретного $[\epsilon\iota\varsigma \delta\iota\epsilon\tau\acute{\iota}\alpha\nu]$ или $[\epsilon\nu \epsilon\tau\epsilon\iota\nu \delta\upsilon\sigma\iota\nu]$ предпочитаю дополнять $[\dots \epsilon\tau\omega\nu]$, оставляя впереди место для указания на количество лет. Его же дополнение здесь слова $\sigma\nu[\nu\eta\lambda\lambda\alpha\acute{\xi}\epsilon\nu]$ неудачно, так как этот глагол непереходный, как правильно заметил Мижеотт (Op. cit. P. 132). Ж. и Л. Роберы (Bull. ép. 1956. P. 146) и Дунст (заметно удачно предложили здесь причастную конструкцию; исходя из этого, восстанавливаю: $\sigma\nu[\beta\upsilon\lambda\omega\nu \dots \epsilon\tau\omega\nu \tau\eta\varsigma] \acute{\alpha}\lambda\omicron\delta\omicron\upsilon\sigma\epsilon\omega\varsigma$. Дополнение Яйленко $\sigma\nu[\alpha\lambda\lambda\acute{\alpha}\xi\iota\varsigma \epsilon\delta\acute{\alpha}\nu\epsilon\iota\sigma\epsilon \kappa\alpha\iota \tau\acute{\alpha}\varsigma] \acute{\alpha}\lambda\omicron\delta\omicron\upsilon\sigma\epsilon\omega\varsigma \tau\acute{\alpha}\xi\epsilon\iota\varsigma \kappa\tau\lambda.$ опускает указание на срок ссуды.

¹⁵² Ср.: Bull. ép. 1956. P. 146. Дополнение Яйленко в стк. 9 $\tau\omicron\upsilon\varsigma [\mu\acute{\epsilon}\nu \chi\rho\upsilon\sigma\omicron\upsilon\varsigma \dots \chi\iota\lambda\iota\omicron\upsilon\varsigma \acute{\alpha}\phi\epsilon\iota] \chi\alpha\sigma\iota\nu$, навеянное, видимо, стк. 12—14 декрета в честь Гефестиона, неудачно, так как оставляет без объяснения, из чего (основного капитала или процентов) прощается эта огромная сумма в не менее чем (судя по отточию) 2000 золотых. Ведь в истрийском постановлении наряду с указанием суммы выросших процентов прямо стоит $[\tau\omicron\upsilon\varsigma] \mu\acute{\epsilon}\nu \tau\omicron\chi\omicron\upsilon\varsigma \lambda\alpha\rho\iota\chi\epsilon\nu$. Так и у нас я предлагал $\tau\omicron\upsilon\varsigma [\mu\acute{\epsilon}\nu \tau\omicron\chi\omicron\upsilon\varsigma \gamma\epsilon\nu\omicron\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\upsilon\varsigma]$ (Мижеотт: $[\tau\omicron\chi\omicron\upsilon\varsigma \lambda\acute{\alpha}\nu\tau\alpha\varsigma?]$). П. Херрман указал мне (устно) на возможность обычного в таких случаях удачного дополнения $[\chi\alpha\theta' \epsilon\nu\iota\alpha\nu\tau\omicron\nu \tau\omicron\chi\omicron\upsilon\varsigma]$ со ссылкой на: *Wilhelm Ad. Akademieschriften*. III. S. 496. Однако если предположить, что в Ольвии еще до протогеноского времени взимали ежемесячные проценты (ср. выше и см.: *Asheri*. P. 54 sq.), то и здесь возможно дополнять $[\tau\omicron\chi\omicron\upsilon\varsigma \epsilon\lambda\iota\mu\eta\nu\iota\omicron\upsilon\varsigma]$. Одно восстановление не противоречит другому; как показывает договор Аркесины с Праксиклеем (Syll.³, 955. 5/6, 9/10),

шаются на отсрочку на не уточненное в декрете время и, в-третьих, определяют беспроцентную выплату собственно ссуды; причиной последнего снисхождения послужило всеобщее истощение финансов города¹⁵³.

За свое великодушие сыновья Аполлония прежде всего получают обычное вознаграждение и награждаются золотым венком с провозглашением о нем глашатаем в экклесии¹⁵⁴ и на Дионисии в театре¹⁵⁵. Следующая клаузула трактует о возвращении херсонеситам основного долга: ἀλόδοσις τῶν αὐτοῖς ὀφειλομένων χρημάτων] (стк. 16/17)¹⁵⁶, с каковой целью им прежде всего обеспечивается какой-то залог, гарантия, по мнению Роберов¹⁵⁷ и Моретти¹⁵⁸, нечто из доходов города. На основании вышеупомянутого документа из Аркесины, согласно которому накосец Праксиклей одолжил городу в три с лишним раза меньшую, чем херсонеситы, сумму — 3 таланта серебром — и тем не менее получил в виде ипотеки «все общественное достояние полиса и частное имущество как аркесинцев, так и проживающих в Аркесине, имеющееся на земле и на море»¹⁵⁹ (Syll.³. 955. 7—9, § 2), я рискую и в нашем случае предложить восстановление стк. 17—18: ὑποχεῖσθαι αὐτ[οῖς] τὰ κοινὰ τῆς πόλεως πάντα (?) ὡς περ ἐψηφίσαμεν [ἐπὶ τοῦ] βίου [τοῦ] πατρὸς αὐτῶν]. Дополнение последней строки выглядит бесспорным¹⁶⁰, поскольку ссылка на первоначальный или

насчитывавшиеся ежемесячно проценты подлежали уплате в конце каждого года [καθ' ἐνιαυτὸν ἕκαστον].

¹⁵³ Мое восстановление стк. 9—12 см.: *Vinogradov. Griechische Epigraphik. S. 315. Апт. 137.* Дополнение Моретти в стк. 10 [ἀναβεβλήρασι] неприемлемо, так как «отсрочивать что-либо на какой-либо срок» по-гречески ἀναβάλλω τινα εἰς τινα (к тому же преимущественно в мед.). Мое дополнение (без префикса ἐμ-) принято Яйленко. Его восстановление стк. 11: ἀσθ[ένεια] καὶ πόλεμον (?) ἀτοχὸν κοινῶν] δῆν — требует при обоих существительных артиклей, не уместающихся в лауну. Дополнение в стк. 11 [ἀτοχὸν], оправданное стк. 17 декрета в честь Гефестиона, предпочтительнее реконструкции Моретти, согласно которой сыновья Аполлония простили только [πρωτέρους τόχους] (стк. 9) и установили срок выплаты [ἐν ἔτησιν δυοῖν?] (стк. 11). Мижеотт (Op. cit. P. 131 et Addenda), которому мое высчитанное до буквы дополнение кажется немного длинным, принимает под вопросом восстановление Моретти.

¹⁵⁴ Беспрецедентное дополнение Яйленко стк. 14 [ἐν τῇ τρί(?)] τῇ ἐκκλησίᾳ вызвано, видимо, указанием на дни без месяца в некоторых ольвийских декретах, которые определены мной — как раз напротив — как ежемесячные праздники. См.: *Виноградов Ю. Г., Русяева А. С.* Указ. соч. С. 42 и след.

¹⁵⁵ Повторение тем же автором в стк. 15 [τὸν στέφανον] совершенно излишне; присоединяюсь к восстановлению Роберов.

¹⁵⁶ Моретти: [ἐν τοῖς προγεγραμμένοις χρό[νο]ις]; Яйленко: [τῶν καταλειπομένων ὀφειλημάτων].

¹⁵⁷ Bull. ép. 1956. P. 146; *Migeotte L.* Op. cit. P. 131: αὐτ[οῖς] τὰς προσόδους?].

¹⁵⁸ Моретти: ὑποχεῖσθαι αὐτ[οῖς] ἐκ τῶν τῆς πόλεως προσόδων[-]; интересно, что из доходов города может уместиться в таком случае в лауну из 8 букв и как это соотносится с последующим-σάμεν?

¹⁵⁹ О таком толковании δερπόντια вопреки Syll. см.: *Gauthier Ph. Etudes sur des inscriptions d'Amorgos // BCH. 1980. 104. P. 197—205.* Этот случай на Аморгосе не единичен — такая же ипотека дается некоему Александру (Ibid. P. 207 — исправление чтения надписи IG. XII. 7. 69. 8—10).

¹⁶⁰ Яйленко, к сожалению, не обосновывает, как его изолированное дополнение — [σάμεν] οὐ τοῦ] βίου] — должно вписаться в общий контекст.

предшествующий договор, псефисму, постоянно присутствует в подобного рода документах ¹⁶¹.

Придерживаясь, как и большинство эпиграфистов, мнения, что все 4 фрагмента принадлежат одной надписи, я полагаю, что между последней сохранившейся строкой НО 28 и первой — НО 29 пропало минимальное их число — одна-две, так что конец одного фрагмента и начало второго составляют соответственно начало и конец одной клаузулы. Поэтому я предпочитаю предложенным дополнениям стк. 1 НО 29 ¹⁶² восстанавливать здесь нечто вроде [ἀλεμ] [σθωσαν μετὰ τῶ|ν]; иными словами, ольвиополиты, для того чтобы вернуть кредиторам ссуду, отдали на откуп или в аренду какие-то государственные доходы или состояния.

Далее документ приобретает сложную структуру: две хортативные формулы, заканчивающиеся постановлением о предоставлении чествуемым реальных награждений и заключительным решением о порядке обнародования псефисмы. Были предприняты только две попытки восстановить вторую часть декрета в честь сыновей Аполлония; по ряду причин обе они не кажутся мне удовлетворительными ни в целом, ни в частности ¹⁶³. Самую большую сгук составляет восстановление стк. 3—6. Все ранее предложенное ¹⁶⁴ не может быть принято, поскольку противоречит буквам ΣΟΝ стк. 1 IOSPE. I², 240, составляющим за лакуной в два места окончание стк. 3 НО 29. Принимая во внимание то, что о выплате основного капитала шла речь в предыдущей клаузуле, я не вижу пока более подходящего ситуации и контексту, чем предположив в стк. 3 двоекратный переход резчика впервые в документе на *iota subscriptum*, дополнить в стк. 3/4: ἡ κοινῆ συντη[ρῆ]σον[τα πάντα καταλειλο-

¹⁶¹ Ср. в декрете в честь Гефестиона дважды (стк. 7/8 и 15): κατὰ (τῆν) συγγραφῆν; в договоре с Праксиклеем: κατ[ἀ] τὸ ψήφισμα ἃ εἶπε Στ[ησα]γόρας (стк. 7); κατὰ τὸ σύμβολον τῶ Ναξ[ί]ων καὶ Ἀρχασινέων (стк. 13) и др.

¹⁶² [στεφανοῦ]σθωσαν μετὰ τῶ|ν] — Lifshitz В. Ор. cit. P. 248; [καλεῖ]-σθωσαν μετὰ τῶ|ν ἐβεργέτων εἰς προεδρίαν] — Bull. ép. 1970. 408. P. 417 (принято Яйленко).

¹⁶³ Лифшиц (Ор. cit. P. 248), которому не было еще известно объединение Карышковским НО 29+ IOSPE. I², 240, не слишком, видно, был озабочен точным вычислением длины лакун (ср.: стк. 3—29 букв, стк. 4—17 букв), заполнял их механически на основании «аналогий», не принимая во внимание и потому не получая стройную синтаксическую структуру текста. Анализируя восстановление Яйленко (Указ. соч. С. 126), трудно избавиться от впечатления, что автор, побуждаемый *hoggor vacui* и создавший себе сначала представление о том, что примерно *должно* было содержаться в пропавшей слева части, но не исследовавший предварительно того, что *стоит* на камне, стал заполнять лакуны по принципу, который Л. Роберт метко окрестил как «eine Art fremdsprachlicher Aufsatzübung» (*Robert L. Epigraphik der klassischen Welt. Bonn. 1970. S. 40; ср. S. 42, 52*). Нельзя не согласиться и с замечанием последнего: «Дополнения, которые необоснованны и неоправданны, не только бесполезны, но и вредны» (*Ibid. S. 52*).

¹⁶⁴ Лифшиц: ἡ κοινῆ συντη[ρῆ]σεται γνώμη; Bull. ép. 1970. 408: ἡ κοινῆ συντ[έ]ληται τιμῆ (т. е. одна почесть трем братьям одновременно); Яйленко: ἡ κοινῆ συντ[έ]λε σφῆ [τω θυσία]. Не говоря уже о том, что в одном, вводимом *ἴνα* финальном периоде невероятное сочетание *conj. с imper.*, согласно этому дополнению выходит, кроме того, сомнительная почесть, если деньги на жертвоприношение выдаются из доходов чествуемых: [τὸ μὲν ἀργύριον (?) ἐκ τῶ|ν αὐτῶν προσόδων ἀποδοθῆ[ναι] (μὲν к тому же не получает своего коррелата δέ).

μέγα ¹⁶⁵ τῶ]ν αὐτῶν προσόδων. Если это так, то ольвийские финансовые политики прибегли к хитрому приему: данным постановлением они якобы ¹⁶⁶ возвращают кредиторам и проценты с займа, на самом же деле фиктивно, поскольку статуя, которую, кстати сказать, херсонеситам скорее всего и так бы поставили ¹⁶⁷ за их выдающиеся заслуги, наверняка стоила во много раз дешевле их доходов от набравших за много лет процентов.

Содержание следующей, построенной по тому же принципу клаузулы настолько прозрачно, что не представляет особых трудностей для восстановления ¹⁶⁸. После банального призыва и другим проявлять более преданное рвение и т. д., следует *apodosis* с распряжением пригласить чествуемых на угощение к жрецу Аполлона. Очевидно, угощение замышлялось столь грандиозное, что для его организации были выбраны три лица ¹⁶⁹, — не исключено, тот же жрец-эпоним с коллегами. Заканчивается постановление распоряжением вырезать псефисму на мраморной стеле попечительством архонтов ([ἐλμελοῦντ]ων τ[ῶ]ν ἀρχόντων) ¹⁷⁰ и выставить в святилище Аполлона рядом со статуей.

В заключение для большей наглядности приведу текст и перевод декрета в честь сыновей Аполлония:

HO 28

Ἐδοξε βουλῇ καὶ δήμῳ, οἱ σύνεδροι ἔβαν ἐπειδὴ Ἀπολλώνιος] Ἐδφρόνεος Χερσονησίτης πολλὰ καὶ μεγάλα εὐεργέτηκε τὴν] πόλιν, ὑπὲρ ὃν ὁ δῆμος ἀποδοῖς χάριν εἰκότι καὶ ταῖς μεγίσταις] τιμαῖς ἐστεφάνωκεν αὐτόν, οἳ τε δεῖς οἱ ἐκείνου Ἀπολλώδωρος] 5 καὶ Ἀπολλώνιος καὶ Ἐδφρόνης διαδεξάμενο [ι τὴν πατρικὴν] προαίρεσιν, πᾶσαν εὐνοίαν εἰς τὰ συμφέρογ[τα πρὸς τὸν δῆμον] ἀποδεικνύμενοι διατελοῦσιν καὶ ὀφειλομένων παρὰ τῇ πόλει] χρυσῶν τρισχιλίων, οὓς ὁ πατήρ συμ[βαλῶν — — — ἐτῶν τῆς] ἀποδόσεως τάξεις ἐποίησατο, τοὺς [μὲν τόκους γενομένους ἀφεί-

¹⁶⁵ Дополнено по корреляции со стк. 10 большего фрагмента HO 28.

¹⁶⁶ Ср. обтекаемость выражения κοινῇ — «в общем, в целом».

¹⁶⁷ Нередко это делалось за счет чествуемых; см.: *Klaffenbach G. Griechische Epigraphik. 2^e Aufl. Göttingen, 1966. S. 80; Guarducci M. Epigrafia greca. Roma, 1969. II. P. 25.*

¹⁶⁸ Несмотря на ряд несуразностей, Лифшиц правильно уловил, что в данной хортативной формуле речь идет не о чествуемых, а о прочих потенциальных благодетелях. Это обстоятельство ускользнуло от внимания Яйленко, неправильно понявшего структуру всей фразы, что привело к неверному членению ее на периоды, как это видно из одного только русского перевода его реконструкции стк. 5—10: «И статую их поставить рядом со статуей Аполлония, таким образом почтив его сыновей, чтобы они и впредь оказывали услуги городу, зная, что народ хорошим мужам и совершающим по отношению к нему благорасположение воздаст благодарности большие, нежели он испытывает блага». Кроме словесного балласта (стк. 5 — [εἰκόνα], 7 — [αὐτοῖς]) и невероятных сочетаний (стк. 8—9 — φιλο- [τιμίαν τε λοιοῦσιν]!), неверно разобраны концы стк. 6 и 7, что и вызвало дополнения εἰς τὸ [λοιοῦσιν] вместо πιστο[τέραν] и [ε]ἰδὸς [τε]ς вместо ἰδὸς [ντε]ς (для такого переноса ср. HO 39. 3/4: εἰχρη[στον]).

¹⁶⁹ О результативной форме [εἰρέ]θησαν см.: *Виноградов, Карышковский. Калинин. I. С. 34*; там же в примеч. 29 см. о критике других дополнений.

¹⁷⁰ Восстановлению Яйленко [τέλει]ν τ[ῶ]ν ἀρχόντων противоречит кончик *omegi* перед *ню* на фр. HO 123 и тот факт, что подобные решения принимали не архонты, а Совет и народ.

10 κασιν τῆι πόλει, τῶν δὲ καταλειπομέ[νων ἀποδόσει ἐμπεποιήκασιν]
 χρόνος καὶ διὰ τὴν κοινὴν ἀσθέν[ε]ϊαν ἄτοκον τοῦ ἀρχαίου (?) κομι-
 δὴν συντεταγμένοι εἰσὶ δεδόχθ[αι βουλῆι καὶ δήμωι ἐπαινέσαι]
 τοὺς Ἀπολλωνίου θεῖς καὶ στε[φανῶσαι αὐτοὺς χρυσῶι στεφάνωι,]
 τὸν δὲ στέφανον ἀναγορευθῆ[ναι ὑπὸ τοῦ κήρυκος τῆς βουλῆς ἐν]
 15 τῆι ἐκκλησίαι, ἀναγγεῖσθαι δὲ καὶ ἐν τοῖς Διονυσίοις ἐν τῶι
 [θεά]τρωι ὅπως δὲ καὶ ἡ ἀπόδοσις τῶν αὐτοῦς ὀφειλομένων χρημά-]
 [των γίνηται, ἐποκεῖσθαι αὐτ[οῖς τὰ κοινὰ τῆς πόλεως πάντα ὡς-]
 [περ ἐψηφί]σμεν [ἐπι τοῖ] βίωι [τοῦ πατρὸς αὐτῶν — — — — —]

[— — — — — ἀπεμ]ίσθωσαν μετὰ τῶν . . . .]
 [— — — — —] ἵνα δὲ καὶ ὁ δῆμος φ[αίνηται]
 ἄξιος τῶν αὐτῶν εὐεργετούντων καὶ τῆ κοινῆ συντη[ρή]σον-
 τα πάντα καταλειπομένα τῶν αὐτῶν προσόδων, ἀποδοθῆ. IOSPE. I². 240
 5 [ναὶ αὐτοῖς ταῦτα διὰ τοῦ πρόξ[την] τὴν εἰκόνα τὴν Ἀπολλωνίου
 ἀνασταθῆναι καὶ τοὺς θεῖς τ]οὺς ἐκείνου ὅπως καὶ πιστο-
 τέραν οἱ ἄλλοι ἔχωσι τὴν προθυμ]ίαν τὴν πρὸς τὴν πόλιν ἰδο-
 [ντες, ὅτι ὁ δῆμος τοῖς ἀγαθοῖς ἀνδράσι καὶ εἰς αὐτὸν φιλο-]
 [τιμοῦμένοις ἀξίως χάριτας ἀ]ποδίδωσι μείζους ὢν ἢ ἐν πά-
 10 [σθι ἢ] αὐτῶν, καλεῖσαι αὐτοὺς ἐ]πι ξενία πρὸς τὸν ἱερέα τοῦ Ἀπόλ-
 λωνος ὢν ἐπιμεληταὶ (?) εἰρή]θησαν Ἀγαθῖνος Δημάχου, Κόνων
 [τοῦ δεῖνος, ὁ δεῖνα — — — — ο] ἡ ἀναγράφαι δὲ καὶ τὸ ψή-
 [φισμα εἰς στήλην λιθίνην ἐπιμελούντ]ων τ[ῶ]ν ἀρχόντων, τῆ[ν δὲ]
 [στήλην τήνδε ἀνασταθῆναι ἐν τῶι Ἀπόλ]λων[ος] [ἱερῶι παρὰ τὴν [ε]τ-]
 [κόνα].

HO 123 HO 29

Перевод. Совет и народ постановил, синедры внесли предложение. Поскольку Аполлоний, сын Эвфрона, херсонесит, оказал городу многие и великие благодеяния, за что народ, воздавая благодарность, наградил его статуей и (величайшими) почестями, сыновья же его — Аполлодор, Аполлоний и Эвфрон, воспринявшие (отцовские) склонности, постоянно выказывают всяческую благосклонность ко *всему* полезному (для народа) и из одолженных (городом) 3000 золотых, которые их отец ссудил (на . . . лет) и назначил порядок выплаты, они (наросшие проценты) городу погасили, а (выплату) оставшихся *денег* отсрочили и ввиду всеобщего упадка определили (беспроцентное) погашение (первоначального капитала?). Да постановит (Совет и народ: восхвалить) сыновей Аполлония и увенчать (их золотым венцом), об увенчании возвестить (через глашатая Совета?) в народном собрании и провозгласить (на Дионисии?) в театре. С тем чтобы возратить (им одолженные деньги), пусть они получают в виде залога (все общественное имущество города (?), как) мы и постановили при жизни (их отца) . . . были сданы в аренду [или: на откуп] вместе с . . . Чтобы и народ явно был (достоин благодетельствующих его) и было бы в целом сохранено (все оставшееся) из их доходов, вернуть (им это) установкой рядом со статуей Аполлония *изображения* и его сыновей. Дабы и (другие проявляли) более преданное рвение по отношению к городу, видя, (как народ) мужам добрым и щедрым к нему возвращает (достойными благодарностями), большими, нежели то добро, что он получил (от них), пригласить их на угощение к жрецу Аполлона, попечителями которого выбраны Агатин, сын Деимаха, Конон, сын такого-то, такой-то, сын такого-то; постановление же это написать (на камен-

ной стеле) попечительством архонтов, а (стелу эту поставить) в святилище Аполлона рядом с изображением.

Таким образом, исследование декрета в честь сыновей Аполлона показывает, насколько великие заслуги оказали их отец и они сами Ольвийскому государству, сколь пропорционально высокой была определенная им награда и сколь сложен был процесс возвращения им долга. Со столь ответственным случаем и сложной процедурой согласуется и первый в ольвийской государственной практике прецедент появления в качестве эйсегетов почетного декрета синедров¹⁷¹. Это дает повод перейти к последнему интересующему нас вопросу — проблеме государственного устройства Ольвии эпохи эллинизма.

Политический строй

В свое время Латышев создал великолепный панегирик Протогену, написанный столь вдохновенно, что трудно не поддаться искушению повторить его здесь целиком: «Каковы бы ни были оказанные ему почести, они исчезли без следа, но мрамор сохранил благодарное слово сограждан об его заслугах и более двадцати веков спустя воскресил из забвения благородное имя Протогена Ольвийского, который своею самоотверженной преданностью интересам отечества, своею постоянной готовностью отдать последний грош на его нужды невольно внушает к себе глубокое уважение и заслуживает почетного места в рядах самых горячих патриотов всех времен и народов!»¹⁷²

Конечно, как и во всякой *laudatio*, здесь кое-что подано с излишним пафосом и в розовом свете: разумеется, ростовщик, простивший своим должникам 6000 золотых, не остался с пустым кошельком или, продавши в голодные годы из своих амбаров согражданам 11 250 пудов зерна, не оказался без куска хлеба. Но гораздо важнее задать другой вопрос: не имеет ли медаль и обратную сторону? В том новом, эллинистическом мире, в котором как никогда прежде котировался принцип *do ut des*, были ли богатые эвергеты вроде Протогена такими уж «горячими патриотами» или получали за свою, иногда вынужденную, щедрость компенсацию в иной, не материальной сфере общественного бытия?

Надо сказать, что в отечественной литературе неоднократно высказывалось мнение, что ольвийские богачи в эту эпоху фактически сосредоточили в своих руках управление государством¹⁷³, что под прикрытием демократии в Ольвии процветала олигархия¹⁷⁴. Наиболее крайнюю форму эта точка зрения обрела в выше-

¹⁷¹ Ольвийские синедры заслуживают отдельного исследования, подготовленного автором.

¹⁷² Латышев. Исследования. С. 113 и след.

¹⁷³ Для Латышева (Исследования. С. 305; ср. с. 213 и след.) Ольвия во все времена представлялась «с резко очерченными признаками благоустроенной демократической республики».

¹⁷⁴ См., например: Славин Л. М. Ольвия. Київ, 1938. С. 15 и след.; Он же. Пери-

упомянутой гипотезе Минза¹⁷⁵, которую в целом склонен разделять и П. Н. Юр¹⁷⁶, — Протоген был если не политическим, то экономическим тираном, коммерческим монополистом, сконцентрировавшим в своих руках все финансы города, но управлявшим посредством демократических институтов. Однако между презумпцией и доказанной гипотезой лежит определенная дистанция, и, смотря с этих позиций, разбираемую концепцию пока вовсе нельзя признать солидно подкрепленной фактическими аргументами.

Так, кроме общих соображений типа того, что «новые хозяева города, по большей части крупные торговцы, не видели практического смысла в отстаивании и сохранении полисной системы»¹⁷⁷ (интересно, в рамках какой иной системы мыслили они свое существование — монархической державы, империи?), приводилось и то соображение, что в IV в. ольвийские декреты издавались от имени всей общины¹⁷⁸, а в III—II вв. от имени Совета и народа, что свидетельствует якобы об усилении роли βουλῆ, состоявшей из ольвийской знати¹⁷⁹. Мало того, что пробулевматика декретов вещь сама по себе в принципе процедурная, автор прошел мимо декрета Каноба дозопирионовского времени (IOSPE. I², 24), изданного как раз от лица Совета и народа, но несопоставимого по важности с проксениями, составлявшимися в этот период по другому формульному типу. На более правильном пути стояли те, кто пытался найти опору указанной гипотезе в ольвийской просопографии, хотя и здесь проведенные сопоставления интересны, но недостаточны¹⁸⁰.

Целиком разделяя вышеозначенную концепцию отечественных историков, я хотел бы, во-первых, уточнить дефиниции, а во-вторых, привести в ее поддержку дополнительные аргументы. Из всех

одизация исторического развития Ольвии // ПИСП. С. 101; Блаватский В. Д. Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье // ПИСП. С. 21, 29; Блаватская Т. В. Внутреннее устройство западно-пантийских городов в эпоху их автономии // ВДИ. 1949. № 3. С. 45; Шафранская Н. В. К вопросу о кризисе. . . С. 19; Парович-Пешикан М. Указ. соч. С. 153 и след.

¹⁷⁵ Minns. P. 462. Not. 2.

¹⁷⁶ Ure P. N. The Origin of Tyranny. N. Y. 1962. P. 286—289, 297. Остановленный, видимо, оговоркой Минза «wild hypotheses», Юр прямо не называет Протогена коммерческим тираном, но пишет, что это был путь, которым в другую эпоху пришли к власти Писистрат, Гестией Милетский, Эвбул, Гермий, Эвайон, Тимей, Филетор, Аттал и др.

¹⁷⁷ Шафранская Н. В. К вопросу о кризисе. . . С. 19

¹⁷⁸ Блаватский В. Д. Процесс. . . С. 21. Непонятно, из какого документа автор извлек несуществующую и невообразимую формулу *Οὐβιολοῖται ἔδοξεν (!). Ср., впрочем: Блаватская Т. В. ЗПГ. С. 198 («Месембрийцы постановили» = Μεσσημβριαχοὶ ἔδοξαν?!).

¹⁷⁹ Блаватский В. Д. Процесс. . . С. 29.

¹⁸⁰ Так, Парович-Пешикан (Указ. соч. С. 153), пишущая о том, что, «поскольку руководящие должности требовали больших денежных расходов, их могли занимать только представители богатой знати», смешивает полисных магистратов вообще и жрецов в частности. Первые зачастую даже получали денежное содержание, а их благотворительность была актом доброй воли или, если угодно, данью моде эпохи; вторые могли (и то не всегда) тратить свои деньги. См.: Рубан В. В. Магістратура агораномів в Ольвії // Археологія. 1982. 39. С. 39.

предлагавшихся определений интересующего нас феномена наиболее удачным, на мой взгляд, выглядит термин «элитаризация» государственного строя Ольвии, поскольку олигархи не обязательно должны были происходить из благородных семей, да и ольвийская аристократия в это время, по всей видимости, не всегда возводя свою генеалогию к поколениям первых колонистов и не имея славной родословной, могла состоять просто из нуворишей¹⁸¹.

Первый признак элитаризации я вижу в нарушении одного из основных принципов античной демократии — превышении годового срока для исполнения полномочий обычного магистрата. Так, илионский закон, направленный против попыток установления в полисе олигархии или тирании¹⁸², запрещал дважды исполнять должность стратега¹⁸³ или любую другую магистратуру. Закон Эрифр¹⁸⁴ запрещал дважды быть даже секретарем какой угодно коллегии. Договор о симполитии Теоса и Кирбисса¹⁸⁵ исключал назначение фрурарха более чем на четырехмесячный срок, с интервалом не менее пяти лет итерации должности. Хорошо известны многочисленные подобные предписания других демократических полисов¹⁸⁶. В то же самое время Протоген, вообще не слишком много занимавшийся политикой¹⁸⁷, три года подряд исполнял должность верховного распорядителя финансов (IOSPE. I², 32B. 71 sq.). И хотя подобная практика допускалась в отношении сходного финансового магистрата, например, в Афинах в конце IV в. до н. э. по закону Гегемона¹⁸⁸, общий дух эпохи и аналогичные случаи в соседних полисах¹⁸⁹ не позволяют не видеть в этом нарушении демократических принципов. Причина этого кроется не столько в том, что исполнение этих должностей требовало больших расходов со стороны магистратов¹⁹⁰, сколько в том, что по отношению

¹⁸¹ Ср.: *Rostovtzeff M.* SEHW. 2. P. 1116.

¹⁸² OGIS. 218 = *Frisch P.* Die Inschriften von Ilion. Bonn, 1975. N 25. 71—75: $\epsilon\acute{\alpha}\nu\ \delta\epsilon\ \tau\iota\varsigma\ \tau\omicron\ \delta\epsilon\upsilon\tau\epsilon\rho\omicron\nu\ [\sigma]\tau\rho\alpha\tau\eta\gamma\acute{\eta}\sigma\eta\iota\ \eta\ \acute{\alpha}\lambda\lambda\eta\nu\ \acute{\alpha}\rho[\chi\eta\nu]\ \epsilon\rho\zeta\eta\iota,\ \delta\sigma\acute{\upsilon}\nu\ \delta\iota\alpha\chi\epsilon\iota\rho\iota\sigma\eta\iota\ \chi[\rho\eta]\mu\alpha\tau\alpha,\ \lambda\acute{\alpha}\nu\tau\alpha\ \theta\phi\epsilon\iota\lambda\epsilon\iota\nu\ \omega\varsigma\ \delta[\eta]\mu\omicron\sigma\iota\alpha\ \delta\upsilon\tau\alpha$ (около 280 г. до н. э.)

¹⁸³ В Афинах была другая практика. См.: *Arist.* Ath. pol. 62.3; Pol. 1275 a 25; 1299 a 10; 1371 b 24; *Dem.* XXIV. 150.

¹⁸⁴ SGDI. IV. 61 = *Engelmann H., Merkelbach R.* Inschriften von Erythrai und Klazomenai. Bonn, 1972, N 1 (V — начало IV в.).

¹⁸⁵ *Robert J. et L.* Une inscription grecque de Téos en Ionie // *Journal des savants*, 1976, juil—dec. P. 196—198, 205 et suiv. (II в. до н. э.)

¹⁸⁶ См.: *Busolt G.* Griechische Staatskunde. München, 1920. S. 419 ff., 467 ff.

¹⁸⁷ В противоположность его старшему современнику Антестернию, который, судя по тому, что он неоднократно инвестировал собственные деньги на строительство сооружений, флота и на разные предприятия, принадлежал к тому же слою $\epsilon\lambda\tau\epsilon\rho\upsilon\beta\epsilon\iota\omicron\upsilon\sigma\iota\omega\iota\iota$, что и Протоген. См.: *Виноградов Ю. Г.* Декрет в честь Антестерия. . . С. 64—67, 69—71.

¹⁸⁸ Подробнее см.: *Rhodes P. J.* The Athenian Boule. Oxford, 1972. P. 107 ff., 235 ff.

¹⁸⁹ Так, из более позднего истрийского декрета в честь Аристагора известно, что он три года подряд занимал должность агоранома (см.: *Syll.*³, 708, 38 sq. = ISM. I. 54; о дате см.: *Pippidi D. M.* // *Dacia*. 1957. 1. P. 165 et suiv.) Ср. запрещение подобной практики замещения для афинских астиномов и подобных магистратов. См.: *Dem.* Prooem. P. 1461, 9.

¹⁹⁰ Ср.: *Busolt G.* Op. cit. S. 468.

к ним ввиду серьезной финансовой и административной ответственности применялся высокий имущественный ценз¹⁹¹, под который уже не подходили средняя и низшая прослойки гражданства.

Во-вторых, в ольвийском обществе позднеллинистической эпохи заметно начало той тенденции, которая в римское время станет доминантой политической структуры полисов Средиземноморья и Причерноморья. Я имею в виду элитаризацию государственного аппарата, когда, с одной стороны, доступ к верхушке полисной иерархии становится прерогативой немногих очень богатых аристократических родов¹⁹², а с другой — одни и те же представители этих родов занимали год за годом высшие посты в полисе, т. е. можно говорить о *cursus honorum* в зародыше.

Латышев при издании известного каталога ольвийских граждан (IOSPE. I², 201) отметил в нем довольно частую повторяемость одних и тех же имен с отчествами через определенные интервалы в 20—30 мест, но поменявшихся местами, например: Ἀριστόχριτος Ποσειδωνίου (I. 11) и Ποσειδώνιος Ἀριστοχρίτου (I. 36). Отсюда им был сделан правильный вывод о том, что перед нами имена отцов и детей. Он, однако, отказался определять характер списка, и что самое досадное — даже не поставил вопрос о его синхронности или диахронности, принимая за аксиому первое. Ряд соображений (о которых в другом месте) привел меня¹⁹³ к мысли о том, что мы имеем дело с диахронной записью, причем записью эпонимов города — жрецов Аполлона¹⁹⁴, фиксированной около рубежа II—I вв.

Из достаточно обильного совпадения имен дедов, отцов, внуков, возможно также — братьев и племянников следует закономерный вывод о том, что в III—II вв. верховное жречество и эпонимат часто замещали представители одних и тех же состоятельных и знатных¹⁹⁵ фамилий¹⁹⁶. При этом обильное разнообра-

---

¹⁹¹ Так, фрурарх, назначавшийся Теосом в Кирбисе, должен был владеть недвижимостью стоимостью не менее четырех талантов. См.: *Robert J. et L. Une inscription...* P. 196 et suiv.

¹⁹² На это уже неоднократно указывалось, см.: *von Stern E. Die politische und soziale Struktur der Griechenkolonien am Nordufer des Schwarzmeergebietes // Hermes. 1915. 50. S. 171* (автор смешивает, однако, воедино догетскую и римскую эпохи и в рамках первой неверно относит рассматриваемое явление к рубежу IV—III вв.; конкретных примеров для этого времени он не приводит, а посему его верная мысль остается неаргументированной); *Парович-Пешикан М. Указ. соч. С. 153; Рубан В. В. Магистратура...* С. 39.

¹⁹³ *Vinogradov. Griechische Epigraphik. S. 313; Он же. Варвары в просопографии...* С. 145. № 15.

¹⁹⁴ К выводу о том, что ими были именно эти магистраты, пришли одновременно и независимо друг от друга Карышковский (Ольвийские эпонимы // ВДИ. 1978. № 2. С. 82—88) и автор этих строк (*Griechische Epigraphik. S. 313. Anm. 127*).

¹⁹⁵ В качестве примера можно привести хотя бы семикратное повторение в разных комбинациях имен рода Пантаклов и Клеомбровов. См.: IOSPE. I², P. 219 sq.

¹⁹⁶ Недавно мысль о диахронности каталога высказал также Рубан (*Магистратура...* С. 40). По поводу его эпонимного характера он колеблется, хотя чуть выше им без ссылки на каталог утверждается, что на должность эпонима выбиралась ольвийская элита.

имен не позволяет заключать, что верховные жрецы избирались лишь из одного-двух аристократических родов Ольвии, подобно, к примеру, афинским Керикам и Эвмолпидам, служившим Элевсинским богиням.

Дате фиксации каталога эпонимов близок ольвийский декрет в честь аμισенского кибернета IOSPE. I², 35, о котором подробнее речь пойдет в следующей главе. В его преамбуле Латышев восстанавливал:

[Ἐπὶ ἄρχοντος . . .]ς τοῦ μετὰ Ποσίδεον Ἀναξα-
[γόρου, μῆνός Μεταγείτ]νιώντος εἰς, ἦν δὲ δῆμος ἐψη-
[φίσατο γνώμην κυρῶσα]ι ἔδοξε βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ. *Ἀρ-
[χοντες οἱ περὶ Ποσίδεο]ν Ἀναξαγόρου εἶπαν.

Впоследствии его восстановление было несколько раз улучшено: в стк. 1 Ф. Билабель¹⁹⁷, а за ним Л. Робер¹⁹⁸ предложили дополнять имя божества, замещавшего вакантную должность на следующий год после Посидея Анаксагорова; тот же Робер дополнил в стк. 2/3 ἐψη [φίσατο ἱερὰν εἶνα]ι¹⁹⁹, что по остаткам *ню* мною было слегка исправлено в [ἱερὰν ἔγει]ν²⁰⁰.

Однако все издатели²⁰¹, повторяя в стк. 1 латышевское [ἐπὶ ἄρχοντος], сохраняли вместе с тем и возникающее противоречие: постановление издано при боге таком-то, бывшем *архонтом после* Посидея, сына Анаксагора, а предложил его *архонты во главе* с самим Посидеем Анаксагоровым. Устранило эту несусразность восстановление Карышковского²⁰²: [Ἱερῶμένον²⁰³ Ἀλόλλωνο]ς. Таким образом, получается, что Посидей, сын Анаксагора, два года подряд отправлял высшие полисные магистратуры: сначала жреца-эпонима, затем первого архонта, в чем нельзя не усмотреть проявления элитаризации государственного аппарата. Хотя документ относится, строго говоря, к последующему периоду ольвийской истории, нет никаких оснований, учитывая все сказанное, отрицать реальность такой ситуации и в рассматриваемую эпоху.

Наконец, третье проявление исследуемого нами процесса элитаризации ольвийского общественного строя наблюдается в эйсетике декретов. Еще в прошлом веке Г. Свобода, классифицируя и анализируя прескрипты ольвийских постановлений, пришел к следующим выводам²⁰⁴. В IV—III вв. внесение предложений по псефисмам исходило от архонтов совместно с коллегией Семи²⁰⁵. Начиная со II, а может быть, уже и с III в. до н. э. картина меняется:

¹⁹⁷ Bilabel F. Die ionische Kolonisation. S. 110. Anm. 1.

¹⁹⁸ Robert L. Hellenica. 1946. 2. P. 58.

¹⁹⁹ Ibid. P. 59 et suiv. Станным образом С. А. Жебелев (СП. С. 283) обошел это существенное corrigendum.

²⁰⁰ Виноградов Ю. Г., Руслева А. С. Указ. соч. С. 61. Примеч. 161.

²⁰¹ Ср.: Жебелев. СП. С. 283 и след.

²⁰² Карышковский П. О. Ольвийские эпонимы. С. 87. Приятно заметить, что одновременно и независимо к тому же пришел и автор этих строк.

²⁰³ Это лучше, на мой взгляд, варианта [ἐπὶ ἱερῶος]; ср. НО 26.

²⁰⁴ Swoboda H. Die griechischen Volksbeschlüsse. Leipzig, 1890. S. 131—133.

²⁰⁵ Вслед за П. Фукаром Свобода называет такую совокупность коллегий, действовавших вместе, синархией.

как *rogatores* выступают только архонты, впереди которых стоит одно лицо в качестве эйсегета. Та же процедура продолжает сохраняться и в первые века н. э., в которые, по мнению Свободы, не произошло существенных изменений в конституции Ольвии, поскольку римское влияние город ощутил лишь со времени Септимия Севера, когда он попал под господство Рима. Это дало исследователю основание утверждать, что в III или II в. до н. э. произошло изменение в ольвийской конституции, заключавшееся в том, что каждое предложение декрета должно было быть его инициатором заявлено архонтам как председателям Совета, и лишь они одни — без Семи, лишенных этой прерогативы — могли, обсудив его, двигать его дальше в буле и экклесию. В этом он усмотрел ограничение права выдвигать проект псефисмы и дебатировать его и соответственно ущемление демократии.

Надо отдать должное исследователю, что он первым нащупал новый путь в изучении ольвийского государственного строя, хотя и пошел по нему в ложном направлении. Прежде всего он молчаливо закрыл глаза на то, что два приведенных им же самим декрета — IOSPE. I¹, 11 и 15 — выдвинуты отдельными гражданами без участия архонтов и Семи. Далее, тот мостик, который он перекинул от эллинистической эпохи к римской — IOSPE. I¹, 18, оказался в силу большой фрагментарности надписи очень шатким, а потому и рухнул. Восстановление по одной букве Латышевым в преамбуле этого декрета (= IOSPE. I², 33): ε[ἰσηγήσαμένους τοῦ δεῖνος οἱ ἄρχοντες εἶλαν — ненадежно хотя бы потому, что (как показывают многочисленные известные теперь синхронные документы) указание на эйсегета перед *rogatores* в это время беспрецедентно²⁰⁶. И наконец, целиком ошибочно утверждение Свободы о том, что в послегетское время не произошло никаких изменений в ольвийской конституции, хотя он чисто интуитивно и нащупал в III в. до н. э. ростки тех социально-политических изменений, которые пышным цветом распустились в римскую эпоху.

Наконец, вся, казалось бы стройная, система Свободы рухнула под тяжестью новых эпиграфических находок, число которых со времени издания IOSPE. I¹ (на материалах которого базировался исследователь) выросло в несколько раз. Достаточно сказать, что одновременно с декретами, выдвинутыми архонтами и Семью, проект постановления в честь сыновей херсонесита Аполлония вносит только комиссия синедров (см. выше). В то же время декрет в честь Антестерия выдвигают одни архонты.

При нынешнем состоянии лапидарного государственного ар-

---

²⁰⁶ За *эпсилон* идет, видимо, *гамма* или *пи*, поэтому я предпочел бы здесь дополнять со знаком вопроса ἐ[ταβέοντες καὶ οἱ ἄρχοντες εἶλαν (см.: *Виноградов Ю. Г.* Декрет в честь Антестерия. . . С. 76. Примеч. 106). При всей гипотетичности предложенного дополнения оно соответствует формульной структуре ольвийских декретов данного типа и, во всяком случае, не отрывает месяц от указания на число, вклинивая между ними первую санкцию: См.: *Яйленко В. П.* К проксенической деятельности Ольвии и Боспора // *Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья.* М., 1984. С. 219.

хива Ольвии ²⁰⁷ вырисовывается следующая ситуация. Вплоть до Зопирионовой осады оба важнейших закона, составленные в форме псефисм ²⁰⁸, предложены частными лицами. После реконструкции постзопирионовской Ольвии псефисмы распадаются на две категории: проксенические и почетные. К сожалению, от конца IV—первой половины III в. дошел лишь один декрет, сохранивший указание на эйсегета: это чрезвычайно важное постановление в честь Каллиника, сына Евксена, спасшего отечество; оно предложено архонтами и коллегией Семи (IOSPE. I², 25+31). Начиная с середины III в. все проксении выдвигаются частными лицами ²⁰⁹, зато все до одного почетные декреты — различными коллегиями магистратов, одиночными или их совокупностью: архонтами ²¹⁰, архонтами и Семью ²¹¹, комиссией синедров ²¹². Картина получается настолько очевидная, что не требует излишних комментариев: примерно с середины III в. прерогатива вносить в Совет и далее в Народное собрание проекты ответственных постановлений (почетных декретов, законов и т. п.) отбирается ольвийскими коллегиями магистратов у частных лиц в свою пользу, за последними же резервируется лишь право выступать инициаторами предложений по скромным проксеническим псефисмам. Как показывают наши документы, в римское время и этого права они лишаются. Вряд ли будущие находки внесут существенные коррективы в эту схему.

С аналогичной, если не более показательной, ситуацией мы сталкиваемся и в Херсонесе эллинистической эпохи. Р. А. Новикова в своем интересном исследовании ²¹³ выбрала тот же, что и Свобода, путь изучения перемен в государственном устройстве Херсонеса по изменениям в эйсегетике его декретов ²¹⁴. В результате анализа херсонесских официальных документов исследовательница приходит к следующим выводам. Херсонес был основан как аристократическое государство, но на рубеже IV—III вв. произошло изменение, хотя и недостаточно радикальное, государственного строя в сторону демократии, что прослеживается по вне-

---

²⁰⁷ В IOSPE. I¹ издано лишь 12, сейчас известно около 40 декретов формульного типа IV, из которых одна треть сохранила в преамбуле эйсегетов (ниже привлекаются только они).

²⁰⁸ Закон Каноба о деньгах IOSPE. I², 24 и предложение Каллиника об отмене долгов IOSPE. I², 25+31. 8.

²⁰⁹ IOSPE. I², 27; HO 24, 25, 26.

²¹⁰ Декрет в честь Антестерия и IOSPE. I², 29, 35.

²¹¹ IOSPE. I², 26, 32, 33 (?).

²¹² HO 28+29+123+IOSPE. I², 240.

²¹³ Новикова Р. А. Симнамоны и номофилаки Херсонеса Таврического // ВДИ. 1961. № 2. С. 104—108.

²¹⁴ В недавней бессодержательной работе Н. И. Новицкой (К вопросу о народном собрании Херсонеса Таврического // Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе, 1981. С. 139—149) эта проблема даже не затрагивается. Путь исследования, проложенный Новиковой, недавно был удачно продолжен в статье: Пальцева Л. А. К вопросу об эволюции государственного строя Херсонеса в эллинистическую эпоху // Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. Л., 1984. С. 108.

сению декретов частными лицами. Где-то во второй половине III в. до н. э.²¹⁵ усиливается аристократизация политического строя, нашедшая выражение в том, что постановления вносятся теперь исключительно магистратами.

К сожалению, идея по правильному пути, исследовательница допустила ряд неточностей и к тому же не исчерпала всех возможностей анализа. Во-первых, она не учитывает, что, как демократия в современном смысле слова может быть разного толка, так и понятие *δημοκρατία* прилагалось греками к разным типам республики²¹⁶. Но и здесь она не совсем последовательна: упоминание *ἡ δημοκρατία* в херсонесской присяге она расценивает как признак демократизации, а тот же термин в аналогичном контексте договора с Фарнаком она считает пустой фразой, постулируя для II в. до н. э. режим аристократического толка²¹⁷. Во-вторых, опираясь на слишком суммарные датировки прежних издателей, она не стремится их уточнить, а это, возможно, позволило бы получить новые результаты. Наконец, самое главное: Новикова относится ко всем государственным актам Херсонеса как к однородным, не ставя вопрос об их классификации и лишая, таким образом, свое исследование возможности проверить — не зависела ли эйсегетика декретов в отдельные периоды от типа документов?²¹⁸

Не ставя себе задачей исследовать проблему во всей ее полноте, постараюсь внести отдельные коррективы. В Херсонесе, как и в Ольвии, постановления доримской эпохи делятся на две крупные категории: простые проксенические декреты и более важные государственные акты. Попробуем проследить динамику эйсегетики тех и других. Наиболее ранние проксенические декреты IOSPE. I². 345 и 340, датированные мною концом IV—началом III в., предложены одним и двумя частными лицами. Та же система в отношении проксений сохраняется и в III в. до н. э. (Ibid. 341). Зато два важных постановления (Ibid. 342 и 343) были внесены синархиями магистратов: номофилаками, диойкетом и казначеем (№ 343). Единственное, на первый взгляд, исключение из этого правила представляет известный почетный декрет в честь историка Сириска (Ibid. 344). Однако дело здесь, видимо, в другом. По убедительной гипотезе Ростовцева²¹⁹, предложивший псефисму Гераклид, сын Парменонта, был отцом самого чествуемого. Но мы знаем, что он же выступает уже как диойкет одним из инициаторов декрета IOSPE. I², 343, идентичность шрифта которого с № 344

²¹⁵ Новикова (Указ. соч. С. 107) нечетко определяет этот рубеж, говоря то о середине, то о второй половине, а то о конце столетия. Ее мнение о переходном периоде разделяет и Пальцева (Указ. соч. С. 120), также базирующаяся на датировках прежних издателей.

²¹⁶ Ср.: *Finley M. I. Antike und moderne Demokratie*. Stuttgart, 1980.

²¹⁷ Более деликатно подходит к этому вопросу Пальцева (Указ. соч. С. 124 и след.).

²¹⁸ Подобная дифференциация отсутствует и в новейшей работе Пальцевой (Указ. соч. С. 115).

²¹⁹ *Ростовцев М. И.* Сириск — историк Херсонеса Таврического // ЖМНП. 1915. Апр. С. 153—155.

отмечена Латышевым. Поэтому очень возможно, что, предлагая и декрет в честь своего сына, Гераклид был облечен должностью того же диойкета (или какой-то другой), но из-за приватности повода и по соображениям скромности (речь шла о сыне) опустил ее упоминание, выступив как частное лицо. Во всяком случае, это особая ситуация, привлекать которую для опровержения общей картины было бы неосторожно.

С иной картиной мы сталкиваемся буквально с начала II в. На протяжении двух последних столетий до н. э. проекты абсолютно всех постановлений херсонеситов вносятся исключительно синархией номофилаков и диойкета: проксении — IOSPE. I², 347 +, 349, 351 (наиболее ранняя — около 179 г.), почетные декреты — 352, 691, неизвестный тип — ВДИ. 1982. № 2. С. 76—83²²⁰. Важно при этом отметить, что Аполлодор, сын Герогеята, за короткое время исполнил высшие херсонесские должности: диойкета и эпонима-царя (№ 351 и 402) — явление, которое мы наблюдаем и в Ольвии. Но, в отличие от последней, по состоянию наших источников мы можем констатировать в Херсонесе несколько убыстренные темпы элитаризации государственного аппарата: здесь уже в начале II в. до н. э. простые граждане были лишены права вносить какие бы то ни было предложения, пусть даже самые банальные проксении, что продолжает далее, как и в Ольвии, строго соблюдаться и в римскую эпоху. Столь удивительная схожесть социально-политических феноменов — лишнее свидетельство нивелирующего действия эллинизма, распространившего свое влияние практически в равной степени на столь несхожие когда-то полисы — ионийский и дорийский.

Иная ситуация прослеживается в Истрии. Из 19 декретов, сохранивших в преамбуле имя эйсегета, все 3 проксении, как и в Ольвии, внесены частными лицами, 16 же почетных декретов распределяются следующим образом: эйсегетами десяти (среди них такой важный документ, как декрет в честь Аристагора) выступают частные лица, а шесть внесены либо архонтами, либо синедрами. Та же практика сохраняется и в римское время: почетное постановление II в. н. э. ISM. I. 57 было предложено частным лицом. Следует ли отсюда делать вывод о более демократичном государственном устройстве Истрии позднеллинистической эпохи?²²¹

Возвращаясь к Ольвии, мы сможем отыскать там еще один, и весьма своеобразный, признак изменений в государственном строе. В хортативной клаузуле декрета в честь Антестерия высказывается пожелание, чтобы укреплялась власть народа, чтобы, по всей видимости, законы были более гражданственными (πολιτικώ [τεροί]), дабы стяжали себе заслуженную славу устанавливающие и блюду-

²²⁰ Vinogradov. Griechische Epigraphik. S. 313.

²²¹ Т. В. Блаватская (ЗПГ. С. 193 и след.) пыталась связать процесс аристократизации Истрии с переходом эпонимии от эпимениев к жрецам, что нельзя признать удачным, так как эпонимом в этом полисе, как и в Ольвии, вплоть до римской эпохи всегда оставался жрец Аполлона, эпимении же выступали как псевдоэпонимы. См. работы, указанные в IGBR. I². P. 83. Comment. ad 36.

шие их магистраты и наказывались виновные²²². Выбор определения *πολιτικῶ* [τεροῖ], думается, не случаен, ведь вместо него редактор псефисмы вполне мог употребить по отношению к законам обычное *δημοτικώτεροι*.

Интересно в этой связи привлечь лексику Аристотеля, у которого *πολιτικῶς* тесно связано с *πολιτεία*, понимаемой либо как просто государственный строй, либо как «так называемая полиция», т. е. наилучший способ государственного устройства. Особенно показательно одно место из «Политики» (V. 6, 1305 a 37 sqq.), где описывается, какими двумя способами могут быть ликвидированы олигархии. Приводя конкретные примеры, философ сообщает: *καὶ ἐνθα* (sc. *ἐν Μασσαλῆα*) *μὲν πολιτικώτερα ἐγένετο ἡ ὀλιγαρχία, ἐν Ἰστρω δ' εἰς ἕξακοσίους ἤλθεν* (1305 b 10—12). Здесь, безусловно, качественная характеристика: *πολιτικώτερα ἡ ὀλιγαρχία* — это более гражданственная олигархия, ближе стоящая к идеальной политике, но не переставшая при этом быть олигархией и не переродившаяся, как в Истрии, в демократию. Естественно, было бы рискованным прямо считать лексику нашего декрета адекватной словоупотреблению Аристотеля, однако трудно отделаться от впечатления, что редактор псефисмы не случайно употребил в этом месте более обтекаемый и допускающий неоднозначное толкование термин, вместо того чтобы прямо заявить о демократизации ольвийского государственного строя. Он, видимо, отдавал себе ясный отчет в том, что не по форме, а по сути к этому строю понятие *δημοκρατία* в его исконном значении приложить уже было нельзя.

Подводя итоги, попробуем в русле общих тенденций протогеновской эпохи определить роль, которую играли в общественной жизни полиса ольвийские *maîtres de la politique*. Мне думается, было бы неправомерным и рискованным поддаться односторонней оценке их деятельности. Как отметила М. К. Трофимова, помощь, оказываемая подобными гражданами государству, была весьма несходной по степени ее добровольности: «от принудительных литургий²²³ до вполне свободной инициативы, которую, очевидно, иногда стимулировало желание гражданина стяжать себе славу эвергета, поднимавшую его политический вес в полисе, а иногда — и более прямой деловой расчет»²²⁴.

Целиком разделяя это мнение, я, однако, ничуть не склонен вслед за некоторыми современными исследователями впадать в крайность, характеризуя ольвийских Протогенов как неких «мироедов», захвативших власть в государстве и наживавшихся на несчастье и бедах своих неимущих сограждан. Как-никак это был и их родной полис, с гибелью которого — даже если отрешиться от их, вполне естественных, патриотических чувств — они

²²² Виноградов Ю. Г. Декрет в честь Антестерия... С. 74.

²²³ Возможность подобной трактовки мотивов «щедрости» Протогена отмечена и Юром. См.: Ure P. N. Op. cit. P. 287.

²²⁴ Трофимова М. К. Указ. соч. С. 63.

теряли если не жизнь, то свои состояния (τὰ ὑλάρχοντα), заключавшиеся в немалой степени и в недвижимости. Но, с другой стороны, при общем плачевном состоянии финансов и экономики, повторяющихся хлебных голодах, при постоянной военной опасности, угрожавшей благополучию и даже существованию города, и сами сограждане нуждались в благотворительности — добротной или вытребованной — Протогена и иже с ним, волей-неволей платя за нее некоторым ущемлением своих реальных политических прав ²²⁵.

Таким в общих чертах рисуется мне в свете имеющихся на сегодняшний день источников тот сложный организм, который представлял собой Ольвийский полис эпохи эллинизма.

---

²²⁵ В недавно вышедшей интересной монографии о греческом эвергетизме Ф. Готье последовательно отстаивает ту мысль, что в раннеэллинистическую эпоху не наметилось еще отчетливой тенденции к вырождению греческого полиса, в частности эвергеты типа Протогена еще не стали безраздельными хозяевами политической жизни греческих городов, хотя и вынужден согласиться с приведенными мною фактами нарушения демократических принципов. См.: *Gauthier Ph. Les cités grecques et leurs bienfaiteurs* (IVe — Ier s. avant J. C.). P., 1985. P. 66—75; 70—72 (о Протогене).

ОТ СКИЛУРА ДО БУРЕБИСТЫ: середина II—середина I в. до н. э.

Нарисованная в предыдущей главе картина глубокого экономического упадка не должна породить впечатления, что кризис, в котором очутилась Ольвия, непрерывно нарастая, превратился на два столетия в неразлучного спутника полиса вплоть до его разгрома гетами в середине I в. до н. э. Такой подход к этому феномену выглядел бы слишком упрощенным, особенно принимая во внимание источники, свидетельствующие о том, что процесс исторического развития Ольвийского полиса на исходе первой половины его существования протекал гораздо сложнее и многообразнее. Эти источники показывают, что полосу кризиса не была непрерывной: успешные попытки его преодоления стали давать свои плоды уже во второй четверти II в., приводя к временному подъему и оживлению экономической конъюнктуры.

Как было сказано выше, начиная примерно с середины III в. в Ольвии полностью прекращается чеканка монеты из драгоценных металлов; основным средством обращения на внутреннем рынке стала медь, а функцию счетных денежных единиц приняло на себя иноземное золото посмертных александровских и лисимаховских эмиссий. Поэтому нельзя не признать знаменательным тот факт, что во второй четверти II в. ольвиополиты возрождают чеканку по родосской системе серебряных монет трех номиналов: статеров, драхм и триоболов, притом в сравнительно большом количестве¹. П. О. Карышковский датирует эту серию 175—145 годами и справедливо ставит ее в связь с попыткой выхода из финансовых затруднений².

Собственно говоря, одна из таких попыток увенчалась временным и относительным успехом несколько ранее — во втором десятилетии II в. Об этом можно судить по тому, что из зашедшего в тупик ольвийского монетного обращения внезапно изымаются все многочисленные покрытые надчеканками и перечеканенные типы меди, на смену которым резко и бесповоротно приходят три номинала многогодичной серии с легендой ВΣΕ³. Но эта медная эмиссия ознаменовала собой лишь одну из проб — более или менее

¹ Карышковский П. О. Монетное дело... С. 8. Табл. 1. Сер. 7; С. 26.

² А. М. Гнлевич (Клад монет из раскопок Ольвии 1973 г. // ВДИ. 1984. № 3. С. 86) склонна отнести ее к первой четверти II в., видимо ближе к ее концу.

³ Зограф А. Н. Античные монеты. С. 133 и след. Автор датирует эту серию концом III в.; заслуга правильного передатирования и дальнейшего ее исследования принадлежит П. О. Карышковскому, любезно информировавшему меня о результатах *per litteras*. Ср.: Гнлевич А. М. Указ. соч. С. 86.

удачных — санирования ольвийских финансов. Реальный признак улучшения экономической и финансовой ситуации города следует усматривать только в возобновлении чеканки серебра, поэтому нам остается лишь попытаться выяснить, с какими историческими событиями эта перемена могла быть связана.

Обращает на себя внимание поразительное хронологическое совпадение возобновления эмиссии ольвийского серебра со стабилизацией и улучшением международной политической и экономической обстановки на Понте, наступившими после заключения в 179 г. мирного договора между Фарнаком I Понтийским, Эвменом II Пергамским, Прусием I Вифинским и Ариаратом IV Каппадокийским⁴. В мирное соглашение был включен также ряд полисов и династов: Гераклея, Месембрия, Херсонес, Кизик, сарматский царь Гатал, правитель большей части Армении Артаксий и Акусилох (*Polyb.* XXV. 2). Первым это отметил в связи с ольвийской историей В. Цибель, не сделав, однако, отсюда никаких конкретных выводов⁵. Интересное объяснение улучшения политической и экономической ситуации предложил Я. Харматта⁶. Обратив внимание на то, что в многостороннем договоре с Фарнаком фигурирует и сарматский династ Гатал, он предположил, что в конфронтации скифов и сарматов, парализовавшей всю торговлю и вообще экономическую жизнь на древнем Юге России, наступает временная передышка и держава сарматов (*Sarmatian power*) консолидируется в такой степени, что способствует возрождению торговли.

Гипотеза Харматты заслуживает серьезного внимания. Действительно, как было отмечено в предыдущей главе, именно после коллективного договора с Фарнаком в напряженном военном конфликте между скифами и херсонеситами по археологическим данным наблюдается временное затишье⁷, объясняемое еще и тем, что Херсонес не просто был включен в мирный договор, но в том же году заключил с Фарнаком отдельное соглашение (*IOSPE. I*². 402), по одному из пунктов которого понтийский царь обязывался прийти на помощь херсонеситам в случае нападения на них соседних варваров, в которых надо видеть прежде всего крымских скифов.

Нет сомнения, что и Ольвия должна была извлечь выгоды из создавшейся благоприятной ситуации. Поскольку, как уже было сказано, к этому времени полис своей хоры окончательно лишился, нормализация международной обстановки и какая-то, пусть временная, нейтрализация агрессивности воинственных варваров не могли благотворно не сказаться прежде всего на поставках в город продовольствия от соседних земледельческих племен,

---

⁴ Симптоматично, что в то же самое время и по тем же причинам Тира начинает чеканку золотых статеров лисимаховского типа; см.: *Карышковский П. О., Клейман И. Б.* Древний город Тира. С. 76, 79.

⁵ *Ziebell W.* Olbia. S. 21.

⁶ *Harmatta J.* Studies. P. 19.

⁷ *Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым. С. 131.

а успешная борьба с пиратами, например с теми же сатархами, об активности которых мы слышим чуть позже, — и на заморской торговле, одном из немногих оставшихся источников как снабжения хлебом, так и доходов Ольвийского полиса.

Мы не располагаем прямыми сведениями ни о том, что Ольвия вошла как равноправный партнер в мирный договор малоазийских монархов, ни о том, что она, подобно Херсонесу, заключила с Фарнаком сепаратное соглашение об оборонительном союзе против нападения варваров. Такую возможность, однако, целиком исключать не приходится, в чем убеждает пример Одесса. Полибий не упоминает этот полис в числе автономных греческих городов, присоединившихся к мирному договору 179 г., однако полвека назад в Варне была найдена надпись, к сожалению очень фрагментарно сохранившаяся, которая повествует о тесных политических взаимоотношениях Одесса и Фарнака I (IGBR. I². 40). Из обрывков строк следует, что одна из сторон (скорее всего Одесс) отправила другой послов, и в результате переговоров народ попросил о чем-то царя (?) и склонил его к какому-то деянию (стк. 9: ὁ δῆμος ἔλεϊσε καὶ ἠξίω[σε]).

Вне зависимости от того, что нам неизвестно, когда — до войны 183—179 гг. или после нее — прошли переговоры и, возможно, был заключен договор между Одессом и Фарнаком, варненская надпись оправдывает ожидание будущей находки документа, юридически фиксирующего отношения Фарнака и Ольвии. В любом случае филэллинская по отношению к понтийским городам политика этого царя⁸ — в известной степени предтечи Митридата Евпатора — позволяет надеяться, что предположение об ольвийско-понтийском соглашении не лишено оснований⁹. Так или иначе, предпосылки для этого имелись с обеих сторон: Фарнак стремился к установлению своего рода союзного единства припонтийских государств и благоволил поэтому к греческим полисам, Ольвия, как и Херсонес, искала прежде всего надежного союзника и защитника от агрессивных варваров. Все сказанное — лишь свидетельство того, что основной причиной как экономического кризиса понтийских городов, так и временного улучшения в них экономической конъюнктуры был и оставался прежде всего внешнеполитический фактор, а именно характер их взаимоотношений с варварским миром.

Протекторат Скилура

Однако период некоторого оживления в экономической и финансовой сферах Ольвии длился недолго, как о том свидетельствуют те же нумизматические источники. Выпущенное недавно серебро,

⁸ Колобова К. М. Фарнак I Понтийский // ВДИ. 1949. № 3. С. 34 и след.; Блаватская. ЗПГ. С. 150; Молев Е. А. Митридат Евпатор. Саратов, 1976. С. 17; Сапрыкин С. Ю. Гераклея, Херсонес и Фарнак I Понтийский // ВДИ. 1979. № 3. С. 57 и след. Ср.: Vinogradov. Pontos Euxeinos. S. 62—65.

⁹ Категоричное утверждение о заключении такого «мира» (Frieden) находим у Э. Дияля (Oblia 4 // RE. 1937. XXXIV. Sp. 2422).

как и обращавшаяся параллельно с ним медь, вскоре было дважды подвергнуто надчеканке, почему Карышковский делает справедливое заключение о новом обострении кризиса около середины II в. до н. э.¹⁰ Мы не знаем всех перипетий внутри- и внешнеполитической истории Ольвии этого времени, но можем предполагать, что одной из главных причин нового упадка было опять-таки ухудшение отношений с окружающими варварами. Так, известно, что в рассматриваемое время к западу в непосредственной близости от города всколыхнулась новая мощная волна миграции варваров — бастарнов, которые в 179 г. переходят Дунай и ближе к середине столетия усиливают давление на греческие города Добруджи¹¹. Вполне возможно, что они, равно как и другие воинственные варвары, стали активнее тревожить своими нападениями Ольвию, что и заставило последнюю после смерти Фарнака искать себе нового защитника и покровителя. И такой протат вскоре нашелся в лице скифского царя Скилура.

В одном широко известном отрывке Страбон (VII. 4, 5) сообщает о том, что не только Крымский полуостров, но и почти вся страна за перешейком (т. е. Перекопом) до Борисфена называется Малой Скифией. Согласно Ростовцеву¹², эта справка была заимствована Страбоном у жившего в конце II в. до н. э. Артемидора Эфесского, перипл которого должен был отражать политико-географическую ситуацию в Причерноморье незадолго до Крымской кампании Митридата. Исходя из этого, абсолютное большинство исследователей вполне законно распространяло власть позднего Скифского царства в Крыму на всю прибрежную полосу от Каркинитского залива до Борисфена и, связывая это с чеканкой Скилуром монет в Ольвии, приходило к выводу об установлении им протектората над этим греческим полисом. Поскольку монеты — наше единственное прямое свидетельство об этом историческом факте, имеет смысл остановиться на них подробнее.

Медные монеты Скилура вот уже полтора столетия привлекают внимание нумизматов и историков; последнее и наиболее обстоятельное исследование их было предпринято Н. А. Фроловой¹³, которая среди выделенных до нее типов видит три номинала:

1. Портрет царя¹⁴ — лук в горите, палица и колос;
2. Женская голова в покрывале — повозка;
3. Гермес в петасе — кадуцей.

Она различает по деталям эмблем и легенд 7 вариантов. 5 вариантов двух первых типов носят одновременно имя и титул царя

¹⁰ Карышковский П. О. Монетное дело. С. 26.

¹¹ См., например: Блаватская. ЗПГ. С. 153 и след.

¹² Ростовцев М. И. Страбон как источник для истории Боспора // Сб. в честь Бузескула. Харьков, 1914. С. 12 (отдельный отт. особой паг.); *Idem.* Skythien und der Bosporus. S. 34.

¹³ Фролова Н. А. Монеты скифского царя Скилура // СА. 1964. № 1. С. 44—55.

¹⁴ Карышковский (Про так звані портретні монети скіфського царя Скілура // Археологія. 1973. № 9. С. 28—33) узнаёт в этом изображении скифского бога Таргитая или Папая.

(ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΚΙΛΟΥΡΟΥ) вместе с этниконом ольвиополитов (ΟΛΒΙΟ), а младший номинал (Гермес-кадуцей) представлен двумя вариантами: на первом — легенда подобна предыдущим, на втором — этникон отсутствует.

Одновременно с двумя последними вариантами была отчеканена аналогичная им медная монета чуть меньшего веса, где стоит только этникон ΟΛΒΙΟ.

Совокупность приведенных фактов породила различные их интерпретации. В установлении Скилуrom владычества над Ольвией никто не сомневался, однако динамика их взаимоотношений представлялась по-разному. Так, исходя из гипотезы о разновременности выпусков монет типа 1—2 и 3, допускалось, что «через некоторое время... власть Скилура над Ольвией окрепла настолько, что он мог позволить себе выпускать медь без всякого упоминания о городе»¹⁵, что предполагает более жесткое ущемление автономных прав полиса с течением времени. Против этого предположения Фролова выдвинула тот вполне резонный контраргумент, что «одновременно с монетами Скилура типа Гермес-кадуцей Ольвией чеканились автономные монеты того же типа, но с надписью ΟΛΒΙΟ»¹⁶.

Для объяснения подобного сосуществования царской и автономной эмиссий исследовательницей привлечена монетная чеканка скифских царей Добруджи (также именовавшейся Малой Скифией) на монетных дворах западнопонтийских городов, столь важная для принципиальных вопросов нашего исследования, что она заслуживает отдельного экскурса.

В настоящее время мы располагаем монетами следующих царей Малой Скифии: Канита, Тануса, Хараспа, Акроса, Сариака и Айлиса¹⁷. Нумизматами неоднократно отмечалось заимствование их типов с автономных монет полисов Левого Понта: Дионисополя, Одесса, Каллатиса, Том. На этом основании они делали вполне законный вывод об использовании скифскими династиями греческих монетных дворов и об установлении над этими городами скифской зависимости. Возражая против такой точки зрения,

¹⁵ Сальников А. Г. Монеты скифских царей, чеканенные в Ольвии // ЗОАО. 1960. I (34). С. 89.

¹⁶ Фролова Н. А. Указ. соч. С. 49.

¹⁷ *Canarache V. Monetele scitilor din Dobrogea // SCIV. 1950. I. P. 213--259. Герасимов Т. Монеты от Канит, Тануза, Харасп, Акроза и Сариа // ИВАД. 1953. 9; Мирчев М. Към вопроса за мястото на сеченето на скитските монете // ИВАД. 1961. 12. С. 132; Youroukova J. Nouvelles données sur la chronologie des rois Scythes en Dobroudza. Thracia, 1977. IV. P. 105--121. Исходя из полной формы ΣΑΡΙΑΚΟ(υ) на единственной серебряной монете, Л. И. Тарасюк (Имена царей Малой Скифии на монетах из Добруджи // КСИИМК. 1956. 63. С. 22--30) предложил видеть и в легендах ΑΚΡΟΣΑ и ΤΑΝΟΥΣΑ сокращения полных имен «Акросак» и «Танусак», что само по себе исключить нельзя. Однако доверие к этой гипотезе подрывается неосведомленностью автора о том, что в имеющихся именных формах -α есть окончание обычного эллинистического (не обязательно дорийского) ген. имен на -ας (см.: Schwyzer Ed. Griechische Grammatik. München, 1977. I. S. 561. 3 γ). Поэтому до новых находок, способных подтвердить догадку Тарасюка, я предпочитаю придерживаться традиционного чтения этих имен.*

Фролова привела несколько соображений¹⁸. Прежде всего ни одна из монет западнопонтийских династов не имеет демотикона — чеканившие их полисы ограничиваются помещением в монетном поле сокращения или монограммы монетария. Затем один тип меди Канита (лук в горите и палица) она считает заимствованным с монет не Каллатиса, а Ольвии, которая явно не подчинялась царям Добруджи. Наконец, наличие на некоторых экземплярах эмиссий скифских правителей надчеканок западнопонтийских городов, в том числе и Истрии (колесо с четырьмя спицами), свидетельствует, по ее мнению, об их независимости, «ибо для того, чтобы царская монета могла служить платежным средством, она подвергалась контрамаркированию»¹⁹.

В итоге сам «факт предоставления городами своих монетных дворов царям скифов» вместе с ответственностью за качество и вес чеканившихся на них монет, лежавшую на городских магистратах, Фролова истолковывает как свидетельство «дружественных отношений между городами и царями Западной Скифии» и даже как «своеобразный союз или договор, по условиям которого скифские цари получали право чекана своих монет на городских монетных дворах, а города рассчитывали на поддержку и покровительство скифов против многочисленных нападений варварских племен». Для подтверждения этого главного вывода приводится ссылка на декрет Одесса в честь антиохийца Гермия (IGBR. I². 41), «который вывозил от скифов и ввозил к грекам через Одесс всевозможные товары», и на якобы высокий экономический подъем западнопонтийских городов в конце III—II в. до н. э.²⁰

Несмотря на кажущуюся солидность аргументации, она оказывается легко уязвимой. Нельзя не согласиться с Д. Б. Шеловым, принявшим позицию Фроловой в том, что интересующий нас вопрос требует широкого рассмотрения на материале различных варварских чеканок в разных районах античного мира²¹, однако уже одна попытка анализа монет лишь понтийского региона дает интересные результаты. В гл. III речь шла о серебряных статерах Эминака, служивших ольвийской полисной монетой, на которой символы полиса (без демотикона) скромно расположились на реверсе. Но там же я попытался доказать, что анализ совокупности наших источников свидетельствует в пользу установления над Ольвией в V в. скифского протектората.

Несмотря на скепсис Шелова, считающего, что даже комбинация имен царя и Каллатиса на второй серии драхм Атея не может «служить доказательством подчинения города царем»²², более убедительно звучит мнение В. Илиеску²³, считающего, что монета

¹⁸ Фролова Н. А. Указ. соч. С. 50—53.

¹⁹ Там же. С. 52.

²⁰ Там же. С. 53; со ссылкой на Блаватскую (ЗПГ. С. 147).

²¹ Шелов Д. Б. Царь Атей // НСФ. 1965. 2. С. 36.

²² Там же.

²³ *Iliescu VI. Die außenpolitische Krise der hellenischen Poleis Klein-Skythiens // Hellenische Poleis. B., 1974. 2. S. 668, 677. Anm. 75.*

Атея чеканилась Каллатисом для выплаты подати. Он ссылается на вполне резонные соображения Т. Герасимова²⁴, полагавшего, что серебро кельтского правителя Кавара чеканилось городом Кабиле (без имени города) также для выплаты дани этому династу. Далее, второй аргумент Фроловой²⁵, даже если признать его силу, не может «работать» на предложенную гипотезу: ведь никто и не пытался на сходстве царских и городских монет основывать вывод о подчинении городов власти скифов; это всего лишь свидетельство (признаваемое и исследовательницей) того, что царские монеты чеканились на эллинских монетных дворах.

Наконец, автор несколько односторонне подходит к вопросу об использовании надчеканок и об ареале обращения меди. Как это было недавно еще раз убедительно подчеркнуто Ж. Ле Ридером²⁶, бронзовая монета, как правило, не имела хождения вне территории полиса и не служила, во всяком случае, средством обращения на чужой территории, а потому отдельные попадавшие туда экземпляры зачастую перечеканивались. Из ареала находок скифских царских монет отчетливо видно, что они были призваны обращаться преимущественно на территории полисов Западного Понта и их хоры наряду с полисной «автономной» монетой²⁷; лишь единичные экземпляры их в силу политических или торговых контактов случайно вырывались за пределы этой зоны²⁸. Попадая туда, они подвергались перечеканке или надчеканке вместе с общей массой обращавшихся денежных знаков. Однако эта надчеканка служила не для придания им функции законного платежного средства, а совсем иным целям: в условиях постоянного финансового и денежного кризиса, бичевавшего эллинистические полисы Причерноморья, подтвердить их принудительный курс, дабы вызвать к ним доверие у населения (см. гл. V)²⁹. В этой связи следует еще раз указать на ошибочность мнения тех исследователей, которые стараются отыскать в хозяйстве западно- и северопричерноморских полисов III—II вв. признаки хотя бы отно-

---

²⁴ Герасимов Т. Где са сечени тетрадрахмите на Кавар, келтски владетел в Тракия // ИБАИ. 1959. 22. С. 115 и след.

²⁵ Нам известно, как легко заимствовали эллинистические полисы и цари друг у друга монетные типы, особенно такие расхожие: лук в горите и палица — весьма частые эмблемы, и помещены они, кстати сказать, на ольвийской меди в иной комбинации, чем на монете Канита.

²⁶ Le Rider J. Contremarques et surfrappes dans l'antiquité grecque. P. 53.

²⁷ По сводке В. Канарак (Op. cit. P. 255. Карта-вклейка между P. 228—229), находки царских скифских и автономных полисных монет зафиксированы исключительно между Истрией и Одессом (преимущественно в районе Том), на удалении от черноморского побережья не более чем на два десятка километров.

²⁸ Как, например, монета Канита, найденная в Ольвии (см.: Карышковский П. О. Монеты западнопонтийских династов, найденные в Северном Причерноморье // СА. 1962. № 4. С. 55—58), или монета Хараспа из Тиры (см.: Андрух С. И. Монета скифского царя Хараспа из раскопок Тиры // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1984. С. 143—148).

²⁹ Весьма показательно, что за редчайшими исключениями (два случая) монеты скифских династов надчеканивались на тех же монетных дворах, где они и были выбиты См.: Фролова Н. А. Указ. соч. С. 51 и след.

сительно высокого подъема: как было показано в предыдущей главе, совокупный анализ наших источников говорит как раз об обратном — о глубоком кризисе многих отраслей их экономики.

Вообще же надо заметить, что чеканка варварскими правителями денежных знаков на монетных дворах греческих полисов — будь то серебро Атея или медь западноскифских, кельтских и дакийских династов, равно как и Скилура, — носила ярко выраженный демонстративный характер; она была явно подчинена политико-пропагандистским целям поставить себя на один уровень с могучими эллинистическими монархами, во всем подражая их моде³⁰. На это, во-первых, прямо указывает «заимствование» Атеем, стремившимся быть на равной ноге с Филиппом, сюжета оборотной стороны серебра последнего — скачущего всадника, но переначенного на скифский манер: место македонского наездника, победителя на олимпийских состязаниях, заступает бородастый скиф, стреляющий из лука³¹. О демонстративном характере эмиссий скифских царей говорит, во-вторых, и малочисленность отчеканенных ими монет. От Атея дошло только 4 подлинных монеты³², на шесть западнопонтийских царей по сводке на 1964 г. приходилось всего около 80 экземпляров³³, тогда же было зарегистрировано лишь 22 монеты Скилура³⁴. Наконец, ареал находок этих монет со всей очевидностью доказывает, что они не только не «служили надежным платежным средством» в интерлокальных торговых операциях³⁵, но и не предназначались даже для обслуживания собственно скифской глубинной территории Добруджи, полностью обращаясь наряду с полисной автономной монетой в рамках внутреннего рынка греческих городов и их хоры (см. выше).

Последнее обстоятельство нельзя не расценить как недвусмысленное свидетельство неразвитости товарно-денежных отношений у варварского населения обеих Малых Скифий. Подобно внутренним районам Добруджи в отношении монетных находок всех шести скифских царей, в Крыму, в столице позднескифского царства Неаполе до сих пор не обнаружено ни одной монеты Скилура, отчеканенной в Ольвии. Вообще, мизерное количество найденных здесь монет (до рубежа н. э. — 9, из общего коли-

³⁰ Т. Рейнак вполне резонно заметил, что ольвийская чеканка Скилура свидетельствует о «первых шагах к восприятию эллинской культуры» (*Reinach Th. Mithridates Eupator, König von Pontos. Leipzig, 1895. S. 55*).

³¹ Об этом же может говорить, если принимать выводы В. А. Анохина (Монеты Атея // Скифские древности. Киев, 1973. С. 36, 39), и использование Атеем для дидрахм весовой системы монет Филиппа.

³² Пятый экземпляр следует, видимо, признать все-таки поддельным (см.: *Брабич В. М. Подлинна ли монета Атея из собрания Эрмитажа? // Прошлое нашей родины в памятниках нумизматики. Л., 1977. С. 152—155*). В. А. Анохин (Монеты Атея. С. 40) считает реально обращавшимися только монеты второй серии, принимая дидрахмы (ср., однако, предыдущее примеч.) первой серии за донативы.

³³ *Фролова Н. А. Указ. соч. С. 51.*

³⁴ Там же. С. 44—48.

³⁵ Там же. С. 55.

чества — 15) невольно наталкивает на мысль о безраздельном господстве натурального обмена³⁶.

В связи с проблемой торговли между скифскими царями придунайской Малой Скифии и греческими полисами нельзя кратко не остановиться и на до недавнего времени единственном эпиграфическом документе, подтверждающем, по мнению большинства исследователей, зависимость одного из последних — Одесса — от царя Канита. В Варне еще в конце XVI в. был списан декрет, ныне, к сожалению, утерянный, в честь антиохийца Гермея³⁷, который, «пребывая у царя скифов Канита, постоянно проявляет себя благосклонным и благорасположенным к народу и, в частности, помогает имеющим с ним общение гражданам, ни в чем не оставляя рвения в *удовлетворении* всех их просьб»³⁸. За эти охарактеризованные довольно бесцветно благодеяния граждане Одесса награждают Гермея стандартным набором проксенических привилегий: проксенией, политией, проэдрией, ателией и т. д., при этом право свободного ввоза и вывоза снабжено оговоркой *ἐλὶ χτήσεϊ*. Неточный перевод этой формулировки декрета («для обогащения») породил — увы! — неверное истолкование всего документа целым рядом последующих исследователей.

Так, решительно заявлялось, что Гермей «вывозил от скифов и ввозил к ним через Одесс много имущества «для обогащения». Вероятно, одесситяне, имевшие дела с Гермеем, также занимались преимущественно торговлей. Возможно, что они даже имели свободный и беспрепятственный доступ внутрь страны»³⁹. Между тем данная интерпретация не находит никакой поддержки в тексте источника. Во-первых, остается непонятым, как стандартный набор проксенических привилегий, предоставлявшихся в эту эпоху *en bloc* лицам, даже не нуждавшимся в какой-либо из них конк-

---

³⁶ *Высотская Т. Н.* Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев, 1979. С. 150 и след.

³⁷ IGBR. I². 41 = Moretti. *Isc. stor. ellen.* II. 124.

³⁸ Этот перевод кажется мне более точным, чем тот, который предложен Б. Н. Граковым (ВДИ. 1939. № 3. С. 251, № 17) и который не в лучшем смысле повлиял на интерпретацию документа современными исследователями: «... собственными средствами (*ἰδία!*) помогает встречающимся с ним гражданам, не оставляя рвения к просящим ни в чем (*σπουδῆς οὐδέν ἐπιλείπων ἐν λάσσι τοῖς ἀξιουμένοις*)». Так, Карышковский (Монеты западнопонтийских династов... С. 57), цитируя этот пассаж в переводе Гракова, замечает, что эти слова выставляют «на первый план его [Гермея] материальную помощь одесситянам», в то время как ни о какой материальной помощи нет и речи: *καὶ ἰδία* подразумевает предшествующее эллиптически пропущенное *καὶ κοινῆ* — «и вообще... и в частности». После ознакомления с критикой автора этих строк исследователь изменил свою точку зрения; см.: *Карышковский П. О., Клейман И. Б.* Указ. соч. С. 72.

³⁹ *Блаватская.* ЗПГ. С. 146. Это толкование приняли Фролова (Указ. соч. С. 53) и Карышковский (Монеты западнопонтийских династов... С. 57), подкрепивший его наблюдением о якобы необычности прибавки *ἐλὶ χτήσεϊ*. Пиплиди (I greci... P. 109) считает даже, что сам Канит «был в состоянии предоставить льготы одесситянам, прибывавшим с торговыми целями на контролируемую им территорию».

ретно (а то и во всех), может свидетельствовать о торгово-предпринимательском профиле деятельности Гермея. Во-вторых, совсем не необычная, а как раз весьма банальная⁴⁰ прибавка ἔλι χτήσει вовсе не означает «для обогащения», но — напротив — «для приобретения»; недаром она в Одессе два раза сочетается с пояснением: ἔλι χρήσει — «для пользования». Ее смысл прекрасно раскрыт в одном лаконичном примечании диттенбергерской хрестоматии: «Neque vero τῶν ἐλί πράσει, sed εἰς τὸν ἴδιον οἶκον (Syll.³, 332. nota 10)». Так что в правильном понимании эта прибавка говорит скорее против, чем за то, что Гермей был купцом⁴¹. И наконец, на статус и род занятий этого антиохийца недвусмысленно намекают слова διατρίβων παρὰ βασιλεῖ Σκυθῶν Κανίται, где причастие от глагола διατρίβω, ставшее в данную эпоху чуть ли не terminus technicus, обозначает придворного, исполнявшего некие функции при царе, советника⁴². Бесспорно, прав Моретти, замечающий, что «при таких дворах... совет опытных греческих политиков имел спрос и был ценим также из-за оживленности связей с греческими государствами побережья»⁴³.

Итак, Гермей предстает перед нами совсем в другом обличье: не крупного купца⁴⁴, пользовавшегося своим положением при Каните «для обогащения», а высокопоставленного советника; это не исключает, конечно, того, что среди просьб (τὰ ἄξιόμμενα), с которыми одесситяне обращались через него к царю, были и в какой-то степени связанные с коммерческими делами. Для нашего исследования, однако, гораздо важнее другое: дает ли нам этот единственный письменный документ право делать вывод о некоей форме зависимости Одесса от царя Канита? Против такой традиционной точки зрения выступили некоторые исследователи. Так, Фролова, считающая доказанной «независимость западно-понтийских городов... от скифских царей и существование дружественных отношений между ними во II в. до н. э.», основу этих взаимоотношений видит в том, что скифские цари по некоему союзу или договору получали право чеканки на монетных дворах греческих полисов, а последние «рассчитывали на поддержку и покровительство скифов против многочисленных нападений варварских племен»⁴⁵. Любопытно было бы увидеть, однако, ссылки на такие прецеденты в древней истории, когда не даннические

⁴⁰ Кроме разбираемого здесь эта оговорка встретилась еще в четырех декретах Одесса: IGBR. I². 37 bis, 38 bis, 42, 42 bis, причем интересно, что в двух последних она имеет еще одно уточнение: ἐλί χτήσει καὶ ἐλί χρήσει.

⁴¹ Ср.: *Moretti*. *Isc. stor. ellen* II. P. 140. Not. 2: «Escluso quindi il caso che vogliano farne commercio».

⁴² Поэтому правы Ростовцев (*Gnomon*. 1934. 10. S. 4) и Моретти (*Ibid*. P. 140 e not. 1), именующие Гермея Ratgeber и cortigiano. Ср.: *Herzog R.* *Koische Forschungen und Funde*. Leipzig, 1899. S. 3. Anm. 2; *Bull. ép.* 1974. 163.

⁴³ *Isc. stor. ellen* II. P. 140.

⁴⁴ *Карышковский П. О.* Из истории отношений Селевкидского государства с городами Северо-Западного Причерноморья // ПСб. 1962. 9. С. 111.

⁴⁵ *Фролова Н. А.* Указ. соч. С. 53.

отношения, не политические, территориальные и т. п. уступки, а право чеканки монеты (не обращавшейся, кстати сказать, на территории варварских царств) служило достаточной расплатой за обязательство охраны границ полисов от вражеских набегов.

Не более последовательна и позиция Г. Михайлова⁴⁶, считающего, что «Истрия, Томы, Каллатис, Дионисополь и Одесс не были под скифами», но тут же парадоксальным образом замечаящего, что свою «свободу они покупали выплатой трибута»! Интересно, что болгарский эпиграфист ссылается здесь же на истрийский декрет в честь Агафокла, заявляющий, как мы видели, *expressis verbis*, что «греческие города были под властью царя Ремакса» (см. гл. V).

Как мне представляется, вопрос в состоянии прояснить обращение к аналогичным документам. Из подборки декретов разных полисов в честь лиц, приближенных (*διὰ τριβούτης*) к эллинистическим монархам, однозначно следует, что в ситуациях, подобных случаю с Гермеем, греческие города вынуждены были через этих влиятельных придворных заискивать перед могущественными владыками, от которых полисы были в той или иной степени зависимы политически и (или) экономически⁴⁷. Взятые в комплексе наблюдения приводят к выводу, что и Одесс в ряду других западнопонтийских полисов испытывал на себе определенную форму зависимости от царей Малой Скифии в Добрудже, и весь вопрос сводится к определению характера этой зависимости. При нынешнем состоянии наших источников безусловно правыми кажутся те исследователи, которые отрицают жесткий политический контроль со стороны скифских царей, ограничивая их влияние экономической сферой. Действительно, многочисленные документы III—II вв.⁴⁸ показывают, что в городах Левого Понта

---

⁴⁶ IGBR. I². add. ad. N 41. Ее разделяет и Mopetti (Isc. stor. ellen. II. P. 140).

⁴⁷ Syll.³, 312, 333, 342, 347, 381, 644/645 (ср.: *Liv.* XLI, 20, 58; *IvKalchedon S. 4*); IG. II². 495; *Moretti.* Isc. stor. ellen. I, 6.

⁴⁸ Я не касаюсь здесь сложной проблемы хронологии скифского владычества в Добрудже и соотношения его с другими племенными и государственными образованиями Карпато-Дунайского региона, поскольку ни относительная, ни абсолютная датировка монет всех шести скифских царей не может в настоящее время считаться окончательно разработанной. Канарак (Op. cit. P. 225 sq.) датирует эти монеты первой половиной III в., Фролова (Указ. соч. С. 50, 52) склонна отодвинуть их во II в., Карышковский (Монеты западнопонтийских династий... С. 56) по фактуре и стилю изображений относит монеты Канита к концу III или к первой половине II в. Й. Юрукова (Op. cit. P. 112—121), следуя завышенным датировкам Дж. Прайсом посмертных статов Р. Лисимаха, чеканившихся в западнопонтийских полисах, неправоммерно относит чеканку монет всех шести скифских царей Добруджи к митридатовскому времени. Более резонная датировка постлисимаховского золота Ле Ридером (160—110 гг.) вместе с новой найденной, упоминающей царя Сариака надписью с м. Калиакра второй четверти II в. (см. ниже, примеч. 73) приводят к более оправданному выводу о том, что правление царей Малой Скифии должно укладываться в компактные хронологические рамки второй и третьей четвертей II в. (во всяком случае, до Митридата), т. е. оно практически синхронно царствованию Скилура. Это в гораздо большей степени соответствует исторической ситуации, иными словами, не вынуждает пред-

продолжают функционировать органы самоуправления — еkkлeсия и Совет, от имени которых издаются постановления, сохраняются и другие полисные магистратуры, наряду с царской чеканится автономная монета. Города свободны и в своей внешней политике, как можно судить хотя бы по заключению Одессом неких соглашений с Фарнаком и по участию Месембри в мирном договоре 179 г. (см. выше).

Представляется заслуживающим внимания следующее высказывание Блаватской: «Скифские цари желали использовать греческих торговцев и греческий флот для вывоза продуктов своего царства. . . Им пришлось подчиниться скифам и использовать положение с наибольшей пользой для себя»⁴⁹. Это предположение не исчерпывает, конечно, всей разносторонней заинтересованности скифских правителей в установлении протектората над греческими полисами: здесь следует назвать прежде всего главную цель эксплуатации скифами эллинов — взимание фороса в обмен на гарантии (порой ненадежные) защиты от грабительских набегов, затем интерес в получении военной (к примеру, осадной) техники, военных экспертов, технических специалистов, в строительстве собственного военного флота, наконец, в привлечении ко двору эллинизированных полуварварских правителей: врачей, технитов, художников и ремесленников и т. п.⁵⁰ Однако главная мысль выражена верно: стараясь не вмешиваться во внутри- и внешнеполитические дела полисов, не затрагивая их автономии, скифские цари концентрировали главное направление своей политики на экономической сфере (т. е. на внеэкономической эксплуатации) и только в этой сфере диктовали им свою волю, переориентируя, например, их экономику сообразно со своими расчетами. Но было бы неверным представить этот процесс односторонним диктатом: определенно, некоторые слои греческого общества получали известную прибыль от занятий хозяйством по новому профилю, скажем, транзитной реализацией на причерноморском и средиземноморском рынках продуктов, поступавших со скифской территории.

Столь подробный анализ родственных структур греко-варварских отношений на Западном Понте необходим для лучшего выяснения взаимоотношений Ольвии и позднескифского царства Скилура в Крыму, документированных главным образом нумизматическими источниками⁵¹. Как я пытался доказать выше, че-

---

полагать опосредованного через скифский протекторат вхождения полисов Левого Понта в державу Митридата.

⁴⁹ Блаватская. ЗПГ. С. 146.

⁵⁰ Вспомним в этой связи анекдот Плутарха (Reg. apophth. 174E—F, 3) о том, как скифы Атея, все, кроме царя, наслаждались игрой захваченного в плен знаменитого флейтиста Исмения.

⁵¹ В литературе предпринималась попытка истолковать употребленное в одной ольвийской метрической эпитафии II в. до н. э. (IOSPE. I², 226 = Peek. GVI, 752.3) выражение Σκυθίας λόγος Ὀλβία как указание на подчинение Ольвии скифам (Шелов Д. Б. Античный мир в Северном Причерноморье. М., 1956. С. 99; Он же // Античные государства Северного Причерноморья. С. 12; Хазанов А. М. Социальная история скифов. М., 1975. С. 250; Молев Е. А. Митридат Евпатор.

канка скифскими династами монеты в западнопонтийских полисах свидетельствует не о дружественных отношениях тех и других, а об установлении своего рода «экономического» протектората над последними. Едва ли есть основания сомневаться в том, что крымские соплеменники скифов Добруджи не шли других путем и не действовали иными средствами. По крайней мере, на принадлежность крымской Малой Скифии земель до Борисфена прямо указывает Страбон (VII. 4, 5).

Фролова на основе выделенных типов монет Скилура устанавливает два последовательных периода ольвийской чеканки, разделенных переходным этапом: к более раннему она относит первые два типа с именем как царя, так и ольвиополитов; к последующему этапу отнесены монеты типа Гермес—кадуцей то с именем царя и демотиконом, то только с легендой ОЛВИО. Этот промежуточный этап, на котором Скилур пошел на компромисс и позволил параллельную автономную эмиссию, стал, по ее мнению, переходным ко второму периоду чеканки, когда наряду с продолжавшей обращаться городской медью прежнего типа начинает выпускаться того же облика монета, но с одним только именем царя. Далее, базируясь на положении Ф. Ленормана о сочетании принципа исключительного права верховной власти на чеканку монеты и принципа городского права и исходя из доказанной, как ей казалось, независимости западнопонтийских полисов от скифских династов, прослеживаемой будто бы по монетам, она приходит к ответственному выводу о том, что во второй «период Ольвия уже не испытывала на себе верховной власти Скилура и между ними возможно, были дружественные отношения»⁵².

Несмотря на остроумность и видимую логичность перечисленных построений, они едва ли способны выстоять под нажимом критики. Во-первых, выделение двух хронологических периодов не просто декларируется и никак не доказывается нумизматически, но и вступает в явное противоречие с высказанным самой исследовательницей предположением о том, что тип «Гермес—кадуцей» всего лишь третий младший номинал всей серии Скилура⁵³. Так что до тщательного нумизматического исследования ничто не мешает считать все перечисленные типы единовременной эмиссией⁵⁴. Во-вторых, многочисленные соображения, высказан-

---

С. 72. Примеч. 22). Такое понимание проистекает, видимо, от неверно истолкованного недословного перевода этого места Латышевым: «скифский город Ольвия». Между тем в этих словах, буквальный перевод которых звучит: «Ольвия, город (в) Скифии», заключена лишь чисто географическая, но не политическая информация, такая же, как, например, в Ἐβδρα δὲ ἐστὶ πόλις Θράκιης (*Pseudo-Synes.* I. 56.7/ Ed. Berth.). Ср.: Граков Б. Н. Термин Σχῦβαι и его производные в надписях Северного Причерноморья // КСИИМК. 1947. 16. С. 84, где приводится также критика произвольной попытки С. И. Капошиной извлечь из этого выражения указание на греко-скифский характер Ольвии.

⁵² Фролова Н. А. Указ. соч. С. 54.

⁵³ Там же. С. 49; ср.: Сальников А. Г. Указ. соч. С. 89.

⁵⁴ Целиком разделяющий это мнение Карышковский привел мне (в письме) и еще один довод против построений Фроловой: крайняя редкость и плохая сохран-

ные выше по поводу монет западнопонтийских династов, не позволяют, как кажется, предполагать некий компромисс Скилура по отношению к Ольвии и переход его к новой «дружественной» политике. Параллельная чеканка и обращение городской монеты наряду с царской может быть свидетельством только одного: сохранения полисом под эгидой скифского протектората, осуществлявшегося преимущественно в экономической сфере, одного из атрибутов полисной автономии — монетной регалии. О динамике же политических отношений Скилура и Ольвии можно будет судить только тогда, когда нумизматами будет четко выявлена динамика последовательно сменявших друг друга монетных типов.

В пользу того, что Ольвийский полис, подобно западнопонтийским городам, испытывал на себе исключительно внеэкономическую эксплуатацию скифов и не подвергался с их стороны ущемлению в политических правах, говорят и эпиграфические данные. Во второй половине II в. до н. э. Ольвия продолжает издавать проксенические постановления, свидетельствующие как о сохранении за представительными органами гражданской общины — народным собранием и Советом — законодательных полномочий, так и о функционировании городских магистратур⁵⁵. Судя по фиксации в конце II — начале I в. погодного списка эпонимов (см. гл. V), существование этой главной жреческой должности не прерывалось и в годы скифского протектората.

Сопоставление методов правления царей Добруджи и Скилура можно было бы продолжить и дальше. Еще Ростовцев тонко подметил, что, как и Скилур, Канит имел греческого советника — Гермея из Антиохии⁵⁶. В случае с царем крымских скифов имеется в виду Посидей, сын Посидея, названный Ростовцевым крупным ольвийским арматором, вторым Протогеном и, вероятно, правой рукой Скилура, — личность, действительно заслуживающая особого внимания.

О Посидее сохранилось, к счастью, достаточно большое число эпиграфических свидетельств. Исходя из того, что он посвятил в Неаполе Скифском статусу несколько сугубо местным родосским божествам (Зевсу Атабирию, Афине Линдии и богине Ро-

---

ность мелких монеток Скилура оставляет, в сущности, открытым вопрос о том, существовал ли вообще штемпель их оборотной стороны без указания места чеканки. Если это соображение подтвердится, то оно окончательно подорвет саму базу гипотезы о «дружественных отношениях» ольвиополитов и Скилура на втором этапе.

⁵⁵ Поскольку вторая половина II — начало I в. — единая эпоха в развитии лапидарной палеографии Ольвии, трудно порой уточнить датировку отдельных документов. С уверенностью отношу к периоду протектората Скилура постановления в честь смирейца НО 27; предложенные дополнения (см.: Lifshitz B. *Inscriptions grecques d'Olbia*. P. 246 et suiv.; Новиков Е. Б. // ВДИ. 1981. № 4. С. 120 и след.) не могут меня полностью удовлетворить (ср. SEG. XXXI. 712), хотя и значительно улучшают editio princeps. К этому же времени или к началу Митридатовой эпохи можно отнести проксении НО 35—38; в начале последней уверенно восстанавливаю: [ο] ἄρχοντ]εσ εἰδα[ν]. Имя архонтов читается и в НО 35.7—8; в НО 36.5 предположительно дополнено имя ойкономов.

⁵⁶ Rostoutzeff M. // *Gnomon*. 1934. 10. S. 4.

дос) ⁵⁷, большинство исследователей вслед за А. Бёком и Латышевым решило, что по своему происхождению он был родосцем, получившим — как то показывает его вотивный дар в Ольвии Афродите Эвплог без указания этника (IOSPE. I². 168) — ольвийское гражданство ⁵⁸. Однако раздавались и одинокие голоса за то, что приношения родосским богам говорят всего лишь о тесных связях Посидея с Родосом, но не о родосском его происхождении ⁵⁹. Казалось, что находка в Неаполе четвертой надписи Посидея с посвящением богине острова (или города) Родос должна была окончательно поставить точки над *i*, но дело неожиданно обернулось совсем иначе.

Названная выше публикация Соломоник получила обстоятельный разбор в «Эпиграфическом бюллетене» Ж. и Л. Роберов. С неизменно присущей им широкой эрудицией авторы на многочисленных материалах эпиграфики показали, что культ богини Родос был повсеместно распространен в городах, подвластных или дружественных Родосу, что на самом острове существовала ассоциация *συνβύται Ῥοδίασταί ἐλδαιασταί* — культовая коллегия иностранцев, получивших привилегию *ἐλδαια*. Касаясь общепринятой точки зрения о родосском происхождении Посидея, Роберы выдвинули в противовес ей тот сильный антропонимический аргумент, что имя *Ποσίδεος*, столь частое в Ольвии, «не засвидетельствовано и, как нам кажется, не может ожидать в родосской антропонимии» ⁶⁰. На этом основании они отнесли Посидея к ольвийским грекам, а его рвение в почитании родосских божеств объяснили тем, что он, крупный торговец, совершая многократные поездки на Родос, приобрел там пристрастие к типично локальным культам. В качестве предположения они склонны даже допускать существование в Крыму частной культовой ассоциации, которая могла называться согласно родосской терминологии *Ῥοδίασταί Ἀταβυρίασταί Λιγδίασταί*.

Заслуживающее самого серьезного внимания мнение Роберов может, как мне кажется, найти поддержку и с другой стороны. Из Ольвии происходят две копии декретов Коса и Тенедоса в честь ольвиополита (IOSPE. I², 77 и 78), имя которого Латышев в свое время удачно дополнил в *Ποσίδεος Ποσίδεου*, отнеся его к одному

⁵⁷ IOSPE. I², 670, 671; Дашевская О. Д. // СА. 1960. № 1. С. 261—265; Соломоник Э. И. Эпиграфические памятники Неаполя Скифского // НЭ. 1962. 3. С. 35—44.

⁵⁸ CIG. II, comment. ad № 2103b; Латышев. Исследования. С. 133 (ср., впрочем: IOSPE. I², Р. 182); Карышковский П. И. З історії зовнішньополітичних зв'язків Ольвії. Ольвія та Родос // МАСП. 1959. 2. С. 72 и след.; Дашевская О. Д. Указ. соч. С. 263 и след.; Соломоник Э. И. Указ. соч. С. 43; Высотская Т. Н. Неаполь. С. 148. Это мнение разделялось и мной. См.: Vinogradov. Griechische Epigraphik. S. 316. Anm. 145.

⁵⁹ Minns. P. 463. Ср.: Rostoutzeff M. // САН. 1951. IX. P. 228; Латышев В. В. // ИРАИМК. 1921. 1. С. 20.

⁶⁰ Bull. ép. 1965. 272. P. 136. Ср., к примеру, богатый просопографический материал, собранный в работе: Poma G. Ricerche sull'adozione nel mondo rodio (III sec. a. C. — III sec. d. C.) // Epigraphica. 1972. XXXIV. 3/4. P. 169—303, где это имя и родственные ему отсутствуют.

и тому же лицу — занимающему нас Посидею, сыну Посидея. Издание декретов в его честь он объяснил тем, что, «будучи сам не коренным жителем Ольвии, а натурализованным иностранцем, Посидей вполне естественно мог относиться сочувственнее других к иностранцам, приезжавшим в Ольвию (тем более что жители Коса были близкими соседями его далекой родины). . .»⁶¹. Этому объяснению противоречит, однако, то простое обстоятельство, что, по крайней мере, соседи его далекой родины — косцы, согласно обычному употреблению, должны были назвать его не просто ольвиополитом, но Ῥόδιος ὁ καὶ Ὀλβιολοίτας, поставив, естественно, демотикон его родного города на первое место. Это наблюдение вместе с вышеизложенными аргументами Роберова оставляет нам только одно решение: Посидей был не родосцем, а исконным ольвиополитом, связанным тесными узами как с Родосом, так и с Неаполем.

Свидетельством того, что второе направление его связей не ограничивалось только сферой торговых интересов, может служить следующий факт. На основании отсутствия в ольвийском посвящении Посидея Афродите Эвплое (IOSPE. I², 168) этника Ῥόδιος Латышев, в согласии со своей гипотезой, сделал вывод о получении им ольвийского гражданства⁶², что теперь объясняется значительно проще. Однако удивляет другое обстоятельство, ускользнувшее от внимания всех эпиграфистов: почему ни в одной из четырех надписей, обнаруженных в чуждом Посидею Неаполе, он не упомянул своего демотикона Ὀλβιολοίτης? Исходя из обычной греческой практики указывать свой этникон в надписях, поставленных на чужбине, и учитывая высокую степень эллинизации верхушечных слоев позднескифского царства, можно представить два объяснения: либо в то время уже существовало нечто вроде «скифского гражданства», которым и наделили скифские владыки Посидея, либо он уже до такой степени слился с верхушкой местного общества и, возвысившись, стал настолько своим человеком при дворе, что находил излишним и даже невыгодным выставлять себя как пришельца и чужака. Второе представляется единственно приемлемым, но тогда оно-то и означает, что деятельность Посидея в скифской столице не ограничивалась одной только торговлей, чему находится прямое подтверждение еще в одном источнике.

В том же Неаполе обнаружено посвящение Посидея Ахиллу, владыке острова Левки, по случаю одержанной им победы над пиратствовавшими сатархеями⁶³. Сопоставляя данные надписи со

---

⁶¹ Латышев. Исследования. С. 133 и след. Примеч. 16. В комментарии к IOSPE. I², 77 по непонятной причине он приписал эту честь Минзу (Op. cit. P. 463). Почти через столетие это «открытие» повторил В. П. Яйленко (Греческая колонизация. С. 283. Примеч. 63).

⁶² Латышев. Исследования. С. 133.

⁶³ IOSPE. I², 672; Соломоник Э. И. Указ. соч. С. 37—40 (где приведены все предложенные дополнения и литература). И. Б. Брашинский (ВДИ. 1973. № 3. С. 130. Примеч. 36) заметил, что в конце стк. 3 видны остатки тау. Основываясь

свидетельствами Страбона (II, 1, 16; VII, 3, 18) о победе Нептолема, стратега Митридата, над варварами в морском сражении, Граков пришел к интересному наблюдению о наличии у Скифского царства во II в. до н. э. собственного военного флота⁶⁴. Нам неизвестно, построили ли скифы Скилура собственную флотилию либо использовали военно-морские силы ольвиополитов⁶⁵ или — что вовсе не исключено — Боспорского царства⁶⁶, ясно одно: Посидей, обладавший, бесспорно, богатым опытом в морском деле, выступил на сей раз в роли не простого арматора, но военачальника (типа наварха) на службе Скифского царства.

Все сказанное рисует нам совершенно иной портрет Посидея, сына Посидея, в образе которого как бы сфокусирована вся суть взаимоотношений ольвиополитов, с одной стороны, и их крымских протекторов — с другой. Властители Скифского царства в Крыму, нуждавшиеся в сбыте излишков своей, прежде всего сельскохозяйственной, продукции, упорно рвались получить выход к морю. Более чем красноречивый свидетель тому — их территориальная экспансия в Северо-Западный Крым, захват Керкинитиды и Калос Лимена, разрушение сельскохозяйственных усадеб и строительство здесь своих собственных крепостей⁶⁷. Но одного только захвата морских ворот для налаживания внешней торговли было недостаточно: требовался довольно большой торговый флот, навыки в морском деле, соответствующий технический персонал, благоустроенные порты и т. п., все то, чем скифы к середине II в. до н. э. едва ли располагали. Оказавшие им сопротивление Керкинитиды и Калос Лимен с их прекрасными гаванями были, как показывают данные археологии, скифами разрушены. Сам Херсонес, на который скифы усилили свой натиск именно в это время, при всех перипетиях ожесточенной борьбы сумел все-таки отразить варварскую агрессию. В такой ситуации владыке мощного скифского царства Скилуру не оставалось иного выхода, как искать другую кандидатуру, способную удовлетворить потребности скифов в реализации излишков сельскохозяйственных продуктов за морем⁶⁸. Она незамедлительно нашлась.

Боспорское царство представляло собой в это время — применяясь к военному потенциалу скифов — еще настолько сильное

на этом наблюдении, я предлагаю следующее восстановление: Ἀχιλλεῖ νῆσον [μεδέοντι]||Ποσιδεὸς Ποσι[δεὸς τοῦς]||Σαταρχαίους τ[οῦς τὴν νῆσον?]||λεριτατεδ-ααντ [αἰς νικῆσας].

⁶⁴ Граков Б. Н. Термин Σχῆβα. . . С. 87.

⁶⁵ Об ольвийском военном флоте см. гл. V.

⁶⁶ О тесных дружественных связях Скифского и Боспорского царств в эту эпоху вопреки общему мнению см.: Виноградов Ю. Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикалея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н. э. // ВДИ. 1987. № 1. С. 66—86.

⁶⁷ Подробнее см.: Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым. С. 131 и след. Автор выдвигает на первый план стремление скифов захватить новые сельскохозяйственные территории — аспект, разумеется, ничуть не менее важный.

⁶⁸ Ср.: Ziebell W. Olbia. S. 22; автор видит, однако, причину подчинения Ольвии скифами в невозможности для них захвата Херсонеса, поддерживаемого по договору Фарнаком.

политическое образование, что можно было предпочесть мирные и союзные с ним отношения (которые, кстати, служили общему делу борьбы с сарматской угрозой) попытке прямо подчинить Спартокидов своей власти. В противном случае скифам пришлось бы сражаться сразу с тремя серьезными противниками: сарматами, Херсонесом и Боспором⁶⁹. Но, так как Скилур удерживал в руках прибрежные территории к западу от Перекопа вплоть до Днепра, ему удалось при известных условиях (см. ниже) установить протекторат над Ольвией. Нет оснований предполагать, что их взаимоотношения с самого начала сложились на основе политического монолога, одностороннего диктата. Ольвиополиты получали у своего могучего протектора военные отряды для защиты рубежей полиса от опустошительных набегов соседних варваров⁷⁰ и одновременно обеспечивали свою безопасность с востока. Взамен они расплачивались, видимо, той же ценой, что и Саитафарну: либо постоянным форосом, либо время от времени выплачиваемыми дарами.

Не оставался в проигрыше и Скилур, который получал от ольвиополитов кроме дани прежде всего торговый флот с опытными экипажами, принадлежавший таким крупным судовладельцам, как Посидей. Давние деловые связи последнего с Родосом⁷¹, Косом, Тенедосом и другими островами и полисами Эгейды способствовали тому, что в обмен на скифскую пшеницу знать Неаполя получала из средиземноморских и причерноморских центров вино, масло, предметы роскоши, другие произведения греческого ремесла⁷². Благоприятная экономическая конъюнктура привлекала ольвийских богачей в скифскую столицу, где они оставались достаточно долго, становясь приближенными царя, нуждавшегося в греческих советниках, экспертах, военачальниках и т. п.⁷³

⁶⁹ См.: *Виноградов Ю. Г.* Вотивная надпись... С. 84—86.

⁷⁰ См.: *Ziebell W.* Olbia. S. 23.

⁷¹ Ср.: *Kontorini V.* Τὸ Σκυθικὸν βασιλεῖο τῆς Κριμαίας καὶ ἡ Ῥόδος τὸν 2 π.Χ.αί. // *Ἀρχαιολογία*. 1981. 2. Ρ. 224—233.

⁷² О характере торговых связей, и в частности об интенсивности поступления в Неаполь через Ольвию амфор из разных центров, см.: *Высотская Т. Н.* Торговые связи Неаполя Скифского в эллинистический период // ВДИ. 1978. № 4. С. 79 и след. Ср.: *Голенцов А. С., Голенко В. К.* Из керамической эпиграфики Неаполя // КСИА. 1979. 159. С. 74—84. Об экономических связях Ольвии и Скифского царства по данным нумизматики см.: *Голенко К. В., Щеглов А. Н.* Три позднеэллинистические тетрадрахмы из Северо-Западного Крыма // ВДИ. 1971. № 1. С. 46.

⁷³ В этой связи нелишне вспомнить Гераклита из Маронеи — советника при дворе фракийского царя Севта I, исполнявшего его приказания и за свою деятельность (обрисованную, правда, Ксенофонтом в неприглядном свете) пожалованного землями и укрепленными поселениями (см.: *Xen. Anab.* VII. 3, 19; 4, 2; 6, 2—7). Такими же доверенными лицами правителей Малой Скифии были, видимо, греческие монетарии, считавшиеся прежде полисными магистратами: они помещали аббревиатуры своих имен на монетах западнопонтийских полисов, находившихся под скифским протекторатом (см.: *Youroukova J.* Op. cit. P. 111 et suiv.). Недавняя счастливая находка в море у м. Калиакра (близ Каварны в Болгарии) посвящения алтаря за царя Сариака Диоскурам Спасителям подарила нам имя еще одного подобного лица — Антигона, сына Гераклита, из Стиберы в Македонии, который, по удачному предположению издателя, был сначала полководцем Филиппа V Ма-

Вместе с ними приходили и многие достижения эллинистической культуры, что в значительной степени способствовало эллинизации верхушки скифского общества. Свидетелями этого процесса выступают многочисленные статуи с вырезанными на их базах греческими надписями, посвященные в Неаполе эллинским, а возможно, и варварским божествам⁷⁴, в том числе — что симптоматично — и от имени самого царя⁷⁵. Некоторым из греков при дворе скифских правителей, подобно Посидею, доверялось даже командование военно-морскими экспедициями для борьбы с пиратами⁷⁶. Целью этих операций было прежде всего обеспечить безопасность морской торговли Скифского царства. Все сказанное убеждает в справедливости меткого определения Ростовцевым Посидея как крупного ольвийского купца-кондотьера, правую руку Скилура⁷⁷.

Сделанные выше наблюдения о структуре взаимоотношений ольвиополитов и Скифского царства подводят нас вплотную к вопросу о том, каким путем произошло подчинение Ольвии скифскому протекторату. Исследователи начиная с Латышева рассматривали две принципиальные возможности: либо ольвиополиты добровольно подчинились Скилуру, т. е. отделились под его начало в силу определенных внешних обстоятельств, либо это подчинение произошло в результате военного захвата. При этом кроме логических рассуждений о пользе или невыгодности для них такой акции до недавнего времени привлекалось лишь два источника:

кедонского, получившим приказ передислоцировать в 182 г. до н. э. военные отряды бастарнов ближе к границам Македонии, но после внезапной смерти царя перешел на службу к Сариаку (см.: *Лазаров М.* Новооткрытая надпись Антигона за царя Сариака) // ВДИ. 1985. № 3. С. 47—50). Великолепную аналогию вотиву Антигона дает синхронное посвящение Главкия, сына Зота, из Бисанты и апамейца Артемона, сына Артемона, за царя Мостида Зевсу Сотеру и Афине Никефоре (см.: *Taşlıktioğlu Z.* *Trakya'da epigrafya araştırmaları.* İstanbul. 1971. 2. P. 227, N 2). Издатель оставил надпись без комментария. Однако, как отметили с присущей им эрудицией Ж. и Л. Роберы (*Bull. ép.* 1972. 284), вотивная надпись поставлена поименованными греками, состоявшими на военной службе у хорошо известного по монетам южнофракийского династа Мостида, по поводу одержанной ими победы над каким-то другим фракийским правителем или племенем. Интересную историческую интерпретацию этой надписи дал Моретти (*Isc. stor. ellen.* II. 116). Приведенная параллель дает право предполагать, что и Антигон воздвиг алтарь Диоскурам Спасителям в честь успешно выигранного им (морского?) сражения.

⁷⁴ IOSPE. I², 670—673; *Соломоник Э. И.* Указ. соч.; *Она же.* Четыре надписи из Неаполя и Херсонеса // СА. 1958. 28. С. 308—313. Кроме Посидея статую Деметры посвящает здесь также во II в. до н. э. некий Евмен, имя которого в Северном Причерноморье пока засвидетельствовано еще только дважды в Ольвии (!).

⁷⁵ IOSPE. I², 668. В этой связи крайне интересна недавняя находка в Пантикапее мраморного жертвенного стола, посвященного дочерью Скилура негреческой богине Дитагойе: *Виноградов Ю. Г.* Вотивная надпись. . .

⁷⁶ Колеблясь принять то или иное дополнение строки 4 IOSPE. I², 672: [τῆν νῆσον] (Толстой) или [τῆν ἀκτῆν] (Соломоник), я все же полагаю, что операция Посидея велась по велению скифского царя и не на суше (см.: *Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым. С. 132), а на море: судя по его ольвийскому посвящению Афродите Эвплорей и неапольским вотивным статуям в честь родосских божеств, Посидей был прежде всего мореходом.

⁷⁷ *Rostovtzeff M.* // САИ. 1951. IX. 228; *Idem* // *Gnomon.* 1934. 10. S. 3 ff. Ср.: *Гайдукевич В. Ф.* Очерк истории // АГСП. 1955. С. 55.

с одной стороны, показания монет о сохранении Ольвией известной доли автономных прав, с другой — свидетельство Диона Христора (XXXVI, 4) о том, что город и до разгрома его гетами был неоднократно взят варварами. Взвешивая все pro и contra и учитывая, что показание Диона не обязательно следует относить к установлению над Ольвией власти Скилура, большинство отдавало предпочтение первому, «мирному» варианту ⁷⁸.

Попытка привлечь для решения этого вопроса археологические источники была предпринята только А. Н. Карасевым, тщательно раскрывшим многочисленные сооружения теменоса и агоры Ольвии. В процессе раскопок им сделано очень интересное наблюдение: в то время как мраморные плиты облицовки центрального алтаря теменоса оказались на месте раздробленными на мелкие куски, стены зданий священного участка были не разрушены, а разобраны: «Здесь абсолютно отсутствовал слой пожарища с остатками рухнувшей кровли; не было следов и от разрушенных кладок храмов» ⁷⁹. Эта картина дополняется и тем, что точно так же, как и алтарь, были разбиты на месте и вырезанные на мраморных стелах декреты, стоявшие в теменосе ⁸⁰. Датируя эти разрушения и разборки II в. до н. э. и относя их тем самым ко времени протектората Скилура, Карасев предлагает следующее их истолкование. Победители-скифы старались прежде всего уничтожить алтари, посвященные богам побежденных, храмовые же постройки они использовали для целей своего нового культа, оставив их неповрежденными ⁸¹. Интересно, что он не высказывается прямо о военном разгроме города, да и было бы неосторожным на основе приведенных данных делать подобные заключения ⁸².

Нисколько не умаляя точности наблюдений заслуженного исследователя Ольвии, я полагаю, что можно предложить и иное их истолкование. Было бы в высшей степени странным, чтобы завоеватели-скифы, столь терпеливо сносившие украшение своей столицы Неаполя сакральными статуями эллинских божеств: Афины, Зевса, Деметры, Ахилла и других (см. выше), ринулись бы уничтожать в захваченной Ольвии священные алтари эллинов. Как будет показано ниже, большая часть города по крайней мере

⁷⁸ См.: Латышев. Исследования. С. 137 и след.; Minns. P. 463; Rostovtzeff M. // САН. 1951. IX. P. 228; Гайдукевич В. Ф. Очерк истории. С. 54, 55. Примеч. 1; Славин Л. М. Древний город Ольвия. Киев, 1951. С. 10; Он же. Периодизация исторического развития Ольвии // ПИСП. С. 102; Шелов Д. Б. Античный мир... С. 99; Он же. Северное Причерноморье 2000 лет назад. М., 1975. С. 52. За «насильственный» вариант недавно голословно высказался С. В. Полин (Про сарматське завоювання Північного Причорномор'я // Археологія. 1984. 45. С. 27): «Натиск скифов на Ольвию в середине III в. до н. э., засвидетельствованный декретом в честь Протогена (?), закончился разгромом города в конце (!) II в. до н. э. и включением его в состав позднескифской державы».

⁷⁹ Карасев А. Н. Монументальные памятники ольвийского теменоса. С. 46.

⁸⁰ См.: Леви Е. И. Ольвийская агора. С. 113 и след.

⁸¹ Карасев А. Н. Указ. соч. С. 47.

⁸² Как, например, В. Ф. Гайдукевич, изменивший свою первоначальную точку зрения. См.: Gajdukevič V. F. Das Bosporanische Reich. В. 1971. S. 312.

к началу I в. до н. э., а может быть, и раньше практически не существовала. Поэтому в условиях постоянной угрозы разорительных варварских набегов, не в силах как следует оборонять прежнюю обширную территорию города, ольвиополиты поспешили спасти прежде всего не только священное, но и ценное имущество из храмов теменоса, сами же храмовые постройки разобрали, пустив камень — как то показывают замечательные находки на раскопе Р₁₉ (см. ниже) — на укрепление стен, оборонявших ту часть города, где еще продолжалась жизнь. Центральный же алтарь — средоточие культовой жизни теменоса — остался стоять как символ⁸³ и был разрушен вместе с немногими оставленными на месте стелами и постаментами, видимо, во время одного из тех «захватов» города, о которых повествует Дион Хрисостом.

Таким образом, и археология не позволяет говорить о насильственном захвате Скилуром города, сопровождавшемся военным разгромом⁸⁴. Маловероятен он и по следующим веским соображениям. Не говоря уже о том, что, признав над собой главенство Скилура, ольвиополиты получали более или менее надежную защиту от окрестных варваров, которых Дион (XXXVI. 4) прямо называет *πολεμικώτεροι*, успешная борьба с ними и с пиратами способствовала оживлению торговли и прежде всего улучшала хлебоснабжение города, т. е. помогла решать основную экономическую проблему той эпохи. Немаловажным фактором для этого явилось и открытие нового источника получения продовольствия — крымских степей Малой Скифии. Наконец, те круги ольвийской плутократии, которые пошли на альянс со скифами и стали, подобно Посидею, советниками Скилура, убедили его — и, как мы видели, безуспешно — оставить в неприкосновенности большинство автономных прав полиса. А коль скоро, как показано в предыдущей главе, именно они играли первую скрипку в политической жизни Ольвии, им ничего не стоило убедить и сограждан, номинально поступившись принципами эллинской элевтерии, спасти отечество и извлечь при этом явные экономические выгоды из создавшейся политической ситуации. Таким образом, как мне представляется, проблема генезиса подчинения Ольвии Скифскому царству должна решаться однозначно.

Перейдем теперь к последнему вопросу этого раздела — хронологии скифского протектората. Основным опорным репером служит здесь время жизни и царствования Скилура. Начнем с верхней даты.

Основываясь на том факте, что, согласно Страбону (VII, 4,

---

⁸³ Алтарь — первое монументальное сооружение теменоса — считался, вероятно, таким же его (если не всего города) центром, из которого тот возник и развился, как знаменитый дельфийский *ομφαλός*. О том, что само место жертвенника было для ольвиополитов священным, говорит и тот замечательный факт, что еще в послегетскую эпоху, когда территория святилища была не заселена и, превратившись в производственный район, была защищена только рвом, на месте прежнего каменного алтаря неоднократно воздвигался деревянный. См.: *Карцев А. Н.* Указ. соч. С. 48 и след. Рис. 14.

⁸⁴ *Vinogradov. Griechische Epigraphik.* S. 315. Anm. 144.

3; 7), Митридат начал войну против Скилура и его сыновей, среди которых упомянут один — Палак, а в Диофантовом декрете (IOSPE. I², 352) противником понтийского полководца назван только последний, было высказано несколько точек зрения: 1) Скилур умер к началу первой кампании Диофанта, 2) он передал Палаку всю полноту власти либо 3) разделял ее с ним; некоторые допускали альтернативные решения⁸⁵. В любом случае надо полагать, что к моменту прибытия Диофанта в Крым Скилур уже не распространял свою власть над Ольвией. Но когда это произошло?

Абсолютное большинство современных исследователей, следуя авторитету Т. Рейнака⁸⁶, относило начало Крымской кампании Митридата к 110 г. Однако, как я старался показать⁸⁷, этому следует предпочесть дату, предложенную еще Б. Низе и поддержанную другими учеными⁸⁸, который отнес начало действий в Крыму к 114/13 г. Отсюда вытекает, что смерть Скилура случилась не позже 113 г., который становится тем самым *terminus ante quem* периода его правления над Ольвией.

Сложнее обстоит дело с определением *terminus post quem*. Нумизматика здесь помочь не в состоянии, ибо ольвийские монеты с именем царя малочисленны и выпускались эпизодически. К тому же, если даже удастся установить более или менее точно начало их чеканки, то оно не обязательно должно будет совпасть с моментом установления власти царя над Ольвийским полисом. По достоверным показаниям Посидония (FGrH 87 F 32) и Аполлониды (apud *Strab.* VII, 4, 3), у Скилура к началу борьбы с Митридатом было 50 или 80 сыновей (естественно, от разных жен), следовательно, он скончался в довольно преклонном возрасте. Если согласиться с Н. Н. Погребовой⁸⁹ в том, что захороненный в центральной гробнице неапольского мавзолея на рубеже II/I или в начале I в. до н. э. покойник (по определению М. М. Герасимова, 40—45 лет) — не Скилур, а его старший сын Палак⁹⁰, то сам Скилур должен был родиться не позднее 70—60 годов II в. Тогда становится вполне реальным, что он заступил на царство не позднее 50-х годов этого столетия. Несколько лет ему в любом случае понадобилось для укрепления своей державы; следовательно,

---

⁸⁵ Аргументы в пользу первой версии см.: *Виноградов Ю. Г.* Вотивная надпись... С. 69 и след.

⁸⁶ *Reinach Th.* Op. cit. S. 45. Anp. 2.

⁸⁷ *Виноградов Ю. Г.* // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси. 1985. С. 643—646; ср.: *McGing B. C.* The Foreign Policy of Mithridates VI. P. 43—47.

⁸⁸ *Niese B.* Straboniana. VI // *Rh. Mus.* 1887. 42. S. 567; *Brandis.* Bosphoros // *RE.* 1899. III. Sp. 773; *Olshausen E.* Pontos // *RE.* 1978. Supplbd. XV. Sp. 420.

⁸⁹ *Погребова Н. Н.* Погребения в мавзолее Неаполя Скифского // *МИА.* 1961. 96. С. 174—179.

⁹⁰ Но в этом нет полной уверенности, поскольку из IOSPE. I², 352.30—32, согласно предложенному мною дополнению (*Виноградов Ю. Г.* Вотивная надпись... С. 74 и след.), следует, что Диофант вынудил Палака и иже с ним бежать. Если это так, то на рубеже II/I вв. Скифским царством вместо изгнанного Палака должен был править один (?) из прочих старших сыновей Скилура, что соответственно может отодвинуть дату рождения Скилура еще ближе к началу II в.

не будет преувеличением, если мы примем, что сюзереном Ольвии он стал в 40-е годы ⁹¹.

Эта дата, как кажется, подтверждается и эпиграфическими источниками. Первые издатели неапольской надписи, вырезанной от имени самого Скилура (IOSPE. I². 668), вычитывали во второй ее строке 30-й год его правления, однако Латышев подверг такое чтение законному сомнению. К сожалению, ставшее еще худшим состояние камня не позволяет нам сколько-нибудь уверенно восстановить эту строчку. На помощь могут прийти, однако, довольно многочисленные надписи Посидея. По своей палеографии они укладываются в довольно узкие хронологические рамки и принадлежат переходному этапу в развитии ольвийского лапидарного шрифта (см. гл. V), однако по особенностям некоторых букв ⁹² тяготеют ближе к первой половине II в., исходя из чего, я предпочел бы датировать их около середины этого столетия. Но поскольку вряд ли подложит сомнению тот факт, что наиболее тесные связи этого ольвиополита со Скифским царством завязались уже после того, как Скилур стал сюзереном его родного города, то, учитывая все вышесказанное, и сам момент установления протектората над Ольвией я бы счел наиболее реальным отнести к 50—40-м годам II в.

Ольвия в составе державы Митридата

Итак, власть скифов над Ольвией пала со смертью Скилура. Ни один из наших источников ни слова не говорит о том, что Палаку либо кому-то из его наследников удалось удержать ее в своих руках ⁹³. Как раз наоборот — мы имеем прямые сведения о том, что некоторое время спустя Ольвия была включена в состав Понтийской державы Митридата Евпатора. Если до начала нынешнего столетия это предполагалось на основании косвенных данных, вытекавших из общих свидетельств античных авторов ⁹⁴,

---

⁹¹ Большинство исследователей высказываются о времени его протектората общо — вторая половина II в. — либо помещают его начало на время около середины века (см.: Латышев. Исследования. С. 131; Ziebell W. Olbia, S. 22; Сальников А. Г. Указ. соч. С. 87). Неясно, на каком основании Ростовцев (Iranians and Greeks. P. 147 ff.) относил создание Скилуром царства и установление протектората над Ольвией к концу III в.; потом он (САН. IX. P. 227 ff.), правда, передвинул все эти события во вторую половину II в. Харматта (Studies. P. 18, 19, 30) склонен поместить их между 140 и 130 гг.

⁹² Ср., например, колебания в написании *альфы* с прямой и ломаной перекадиной, но при этом *пи* с перекадиной, вынесенной за оба габарита буквы (см. IOSPE. I², 168).

⁹³ Ср.: Латышев. Исследования. С. 138. Однако Е. М. Молев (Митридат Евпатор. С. 49) не только полагает, что Палак восстанавливал боеспособность своей армии в Ольвии после первого поражения от Диофанта, но и считает вполне реальной попытку вторичного подчинения им города после окончательного разгрома. То и другое бездоказательно, ибо не находит ни малейшей опоры в источниках.

⁹⁴ Источники и соответствующие работы приведены в статье: Ростовцев М. И. Мифрадат Понтийский и Ольвия // ИАК. 1907. 23. С. 22.

то после находки в Ольвии в 1905 г. декрета IOSPE. I², 35 в честь амьсенского кибернета подчинение этого полиса Митридату стало неоспоримым фактом.

Прежде чем перейти к содержанию документа, необходимо кратко остановиться на его датировке, с которой непосредственно связано и время вхождения Ольвии в державу Митридата. Попытка Ростовцева отнести издание декрета к 64 г. до н. э., т. е. к предпоследнему году жизни великого понтийского царя⁹⁵, была подвергнута столь убедительной критике Ад. Вильгельмом, что теперь никто ее не разделяет⁹⁶. Палеография надписи лежит целиком в рамках переходного периода в развитии ольвийского шрифта (вторая половина II — начало I в. до н. э.), а потому не может быть определена с точностью до десятилетий. Однако ряд косвенных соображений нумизматического и исторического порядка (см. ниже) заставляет вслед за Жебелевым признать наиболее вероятной датой издания декрета один из годов последнего десятилетия II — первого десятилетия I в. до н. э. А поскольку между упомянутыми в документе первым и вторым переселениями армянцев должно было пройти, видимо, несколько лет, то мы вряд ли ошибемся, если отнесем отправку Митридатом первой помощи ольвиополитам и соответственно включение их в состав Понтийской державы к последнему десятилетию II в., т. е. вскоре после Крымской кампании Диофанта.

Подчинение Ольвии Митридату еще со времен Муральта и Низи постоянно ставили в связь с походами в Северо-Западное Причерноморье царского полководца Неоптолема, датируемыми самым концом II в. либо 99—95 гг.⁹⁷ Молев высчитывает даже точный промежуток между посылкой Митридатом первой и второй помощи Ольвии, относя отправку первой к 106 г., а второй — на 10 лет спустя, незадолго до экспедиций Неоптолема⁹⁸. Самый факт походов последнего извлекается исключительно из свидетельства Страбона (VII, 4, 16) о «башне Неоптолема», близ устья Днестра⁹⁹. Думается, настало время решительно отказаться от этого исторического псевдофакта. Как отметил в свое время Ростовцев¹⁰⁰, этот же топоним упомянут под именем τὰ Νεοπτολέμου у Анонима [PPEux. 89 (63)], который контаминировал в данном

⁹⁵ Там же. С. 24—26.

⁹⁶ *Wilhelm Ad. König* Mithradates Eupator und Olbia // *Klio*. 1936. 29. S. 50—59; *Жебелев*. СП. С. 286 и след.; *Шелов Д. Б.* Тира и Митридат Евпатор // ВДИ. 1962. № 2. С. 101; *Карышковский П. О.* Денежное обращение Ольвии в конце II и в первой половине I в. до н. э. // НЭ, 1965. 5. С. 70; *Молев Е. А.* Митридат Евпатор. С. 51. Отказался от нее и сам Ростовцев. См.: *SEHNW*. P. 1559. Not. 13.

⁹⁷ *Niese B.* Op. cit. S. 569 ff.; *Geyer F.* Mithradates. 12 // *RE*. 1932. Hbhd. 30. Sp. 2165.

⁹⁸ *Молев Е. А.* Митридат Евпатор. С. 49—51; *Он же.* Ольвия под властью Понта // Тезисы Парутино. 1985. С. 52.

⁹⁹ Этот кочующий из работы в работу *locus communis* последний раз повторен Д. Б. Шеловым (Понтийская держава Митридата Евпатора // Причерноморье в эпоху эллинизма. 1985. С. 557); ср., однако: *Грацианская Л. И.* // Там же. С. 642 и след.; *McGing B. C.* Op. cit. P. 55).

¹⁰⁰ *Rostowzew M.* Skythien und der Bosphorus. S. 63—66.

месте неизвестный нам перипл конца IV—III в. до н. э., т. е. данный населенный пункт существовал уже в раннеэллинистическое время. Он же привел убедительные данные в пользу того, что географическая справка Страбона восходит к Артемидору, писавшему в конце II в. (т. е. незадолго или одновременно с походами Диофанта), и, принадлежи она одному из историков деяний Митридата (по его мнению, Гипсикрата), Страбон бы не преминул связать башню Неоптолема с военными успехами этого стратега, о которых у него говорится двумя параграфами ниже¹⁰¹.

Обратимся теперь к самому ольвийскому документу (рис. 11). Эта надпись¹⁰² — вотированное Советом и Народным собранием постановление в честь некоего сына Филократа (имя не сохранилось), амисенского кибернета, состоявшего на службе Митридата Евпатора и доставившего в трудное для ольвиополитов время [χ]ορήγῆα βασιλικῆ расквартированным в ольвийской округе воином-армянцам, а также захватившего по пути в Ольвию в Синопе ольвийских послов и какую-то «помощь», посланную царем ольвиополитам. О затруднительном положении города свидетельствует уже самый прескрипт надписи, датированной жречеством самого бога Аполлона, бывшего эпонимом после Посидея, сына Анаксагора¹⁰³. Робер на многочисленных примерах показал, что божество заступало место городского эпонимного магистрата — жреца — в особенно тяжелые для полиса времена, когда в силу политических или финансовых затруднений не находилось гражданского, способного нести сопряженный с этой должностью расходы¹⁰⁴. Аналогичный казус с ольвийской эпонимией свидетельствует о напряженности положения, сложившегося в Ольвии в год прибытия транспорта от Митридата: с полным правом мы можем предполагать учащение варварских набегов, истощение казны, обнищание граждан и т. п.

В унисон с предполагаемой ситуацией звучат и другие показания декрета. Как уже отмечалось¹⁰⁵, только угрожающее положение

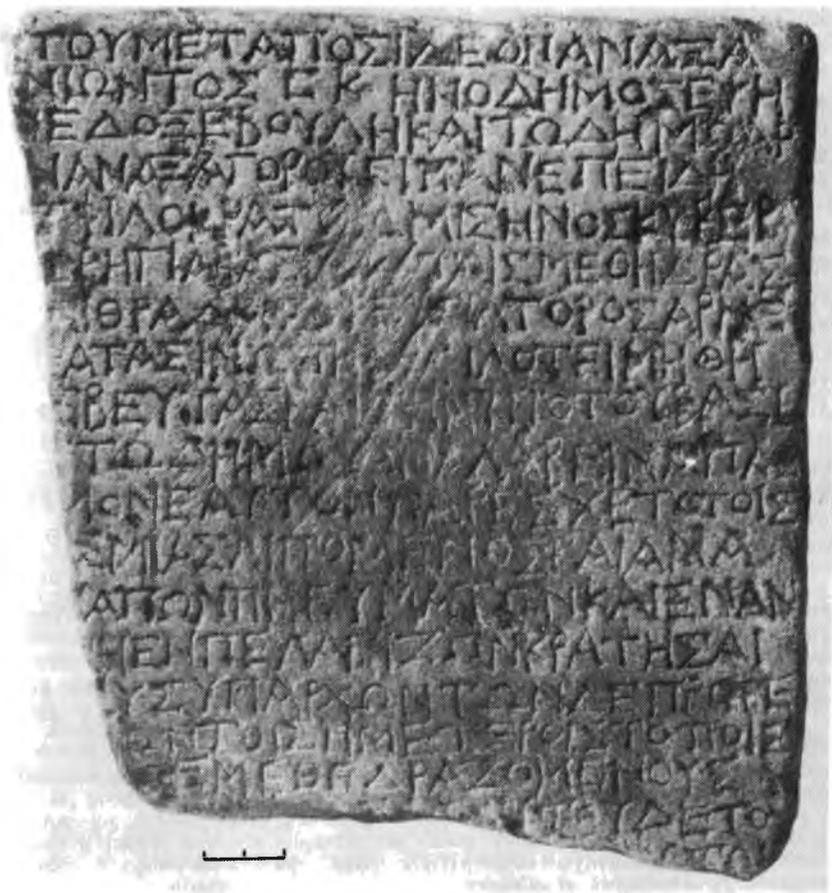
¹⁰¹ *Ростовцев М. И.* Страбон как источник по истории Боспора. С. 15; ср.: *Idem.* Skythien und der Bosphorus. S. 65. Anm. 1. Странным образом в своем очерке в САН. IX (Р. 232), вышедшем одновременно с немецким изданием «Скифии и Боспора», он повторяет отвергнутый им же самим *locus citatim*. Эту точку зрения целиком разделяет П. О. Карышковский (К вопросу о древнем названии Рокосланского городища // МАСП. 1966. 5. С. 161. Примеч. 59).

¹⁰² Вопреки сведениям, приведенным в лемме к IOSPE. I². 35, камень хранится в Эрмитаже (инв. № Ол. 15719).

¹⁰³ Об исправлении чтения преамбулы в *editio princeps* Билабелем, Робером, Карышковским и мной см. гл. V.

¹⁰⁴ *Robert L.* Hellenica. 1946. 2. P. 51—64. Ср. близкий по времени декрет из соседней Истрии Syll.³, 708 = ISM. I. 54.28—30: «И когда три года спустя из-за скопищ владеющих страной варваров граждане снова искали жреца Аполлона Врача, он [Аристагор], хотя и стесненный в собственных средствах к жизни, предоставил распоряжаться собой и, придя в Народное собрание, принял тот же самый венец бога [т. е. стал жрецом-эпонимом]».

¹⁰⁵ *Молев Е. А.* Митридат Евпатор. С. 52. Нельзя, однако, согласиться с автором в том, что «штормовая погода вынудила капитана судна укрыться в гавани Синопы»: согласно контексту, буря разыгралась после того, как амисенец взял на борт ольвийских послов.

Р и с. 11. Декрет в честь амисенского кибернета IOSPE. I², 35

ние, в котором очутилась Ольвия, заставило амисенского кибернета пересечь штормовое море, видимо, по кратчайшему пути, пролежавшему между мысами Карамбис и Бараний лоб¹⁰⁶. Не менее важно и то, что капитан забирает из Синопы не только ольвийских послов, но и *χορήγία βασιλικά*¹⁰⁷ водворенным в Ольвии армяницам, а главное, некую «помощь» (*τὴν [βοήθειαν]*) — слово восстанавливается достаточно надежно, учитывая стоящий за ним *dat. commodi*). Как известно, термин *βοήθεια* очень часто употреблялся в военной лексике, означая «вспомогательные отряды, под-

¹⁰⁶ См.: Гайдукевич В. Ф. О путях прохождения древнегреческих кораблей в Понте Эвксиискм // КСИА. 1969. 116. С. 11—19.

¹⁰⁷ Этот термин, как верно отметил Жебелев (СП. С. 280), включал в себя «и провиант, и деньги, и всякого рода другие необходимые вещи».

могу» в противоположность основным силам ¹⁰⁸. На вопрос о том, в чем заключалась эта «военная подмога», ответ дает стк. 17 надписи, отличающая от уже «водворенных в наших местностях арменийцев» (стк. 6—8, 15—16), передислоцируемых туда на сей раз (μεθεδραζόμενους). Совершенно ясно, что речь идет о вспомогательных силах, предназначенных пополнить гарнизон арменийцев, расквартированных в ольвийской округе ¹⁰⁹.

Интересен вопрос и о том, кем были упомянутые в надписи Ἀρμένιοι. В противовес общему мнению, что это жители Малой Армении, Жебелев выдвинул свое толкование: арменийцы — граждане (!) синопского пригорода Армены; их-то и захватил амисенский кибернет, бросив по дороге якорь возле Синопы ¹¹⁰. Однако его гипотеза не встретила сочувствия в научной литературе ¹¹¹. Кроме тех логических аргументов, которые уже были выдвинуты ¹¹², приведу самый веский: недавно в Херсонесе найдено надгробие времени походов Диофанта, поставленное Айхмону, сыну Зарей, командиру армянских лучников ¹¹³. Теперь все «недоуменные» вопросы Жебелева ¹¹⁴ об отсутствии при этнике «арменийцы» ограничения, о сложности их переселения на другой

¹⁰⁸ См. примеры из авторов в LSJ. s. v. II, а для эпиграфики начиная с V в. до н. э.: Syll.³ 75. 42 sq.; 164. 45 sq.; 560. 9 sq.; 569. 8; 627. 16 sq.; 656. 24; *Taşlıklioğlu Z. Op. cit.* P. 204—206, N 1 = Bull. ép. 1972, 371 (договор Скеписиса с Парнионом, один из параграфов которого устанавливает выплату жалования контингенту наемников, составлявшим вспомогательный отряд — ἡ βοήθεια). Пиппиди (I greci... P. 138) видит здесь, однако, лишь указание на договор о взаимопомощи.

¹⁰⁹ Жебелев (СП. С. 282, 284) предлагал в стк. 16—18 восстановления, основанные, по его собственному признанию, «в значительной степени на фантазии»: πρότε [ρον ἐνεδραστῆνων Ἀρμενί]ων τοῖς ἡμετέροις τόλοις [πολλοὺς ἀλοχομισίας οἰκადε τοῦ]ς μεθεδραζόμενους [ἐν τῇ λόλει ἡμῶν κατέστησε φρουράν]. На этом основании он предполагал, что капитан многих или чаще прежде переселенных арменийцев отправил на родину, новых же поставил в самом городе в качестве гарнизона. Предложенную реконструкцию трудно принять по следующим соображениям: 1) «поставил в качестве гарнизона» — так могло говориться только о самом Митридате, а не о исполнявшем его волю кибернете; 2) перед μεθεδραζόμενους на камне остатки не *сигмы*, а *эпсилона*, что заставляет предполагать здесь начало нового периода фразы; 3) ἡμῶν — излишне, особенно ввиду предшествующего ἡμετέροις; 4) асс. dupl. выглядит искусственным. Удачнее по смыслу контекста дополнение Молева (Митридат Евпатор. С. 53): «Поселенных прежде в наших местах арменийцев он присоединил к вновь переселяемым», хотя ввиду неформульного построения фразы от восстановлений лучше воздержаться. Скорее всего, в стк. 15—19 стояло три самостоятельных периода.

¹¹⁰ Жебелев. СП. С. 288—290.

¹¹¹ Против высказались, L. Robert (Hellenica. 2. P. 60. Not. 3), М. И. Максимова (Античные города Юго-Восточного Причерноморья. С. 226), Е. А. Молев (Митридат Евпатор. С. 51, 53). За: А. Н. Зограф (Находки понтийских монет митридатского времени в Ольвии // Ольвия. Киев, 1940. С. 293, 298), Н. Ломури (К истории Понтийского царства. Тбилиси, 1979. Ч. 1. С. 91).

¹¹² Молев Е. А. Митридат Евпатор. С. 51, 53.

¹¹³ Ἀρμενί]ων τοῖς ἡμετέροις βοήθειαι Αἰχμῶνα Ζαρείου παῖδα χέχουθη τάφη. Ср.: *Vinogradov. Griechische Epigraphik*. S. 313. Anm. 128. Автором подготовлена отдельная публикация надписи. Предварительно см.: *Виноградов Ю. Г., Кадеев В. И.* Армянские лучники на службе Митридата Евпатора // Второй симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке: тез. докл. Ереван, 1984. С. 12 и след.

¹¹⁴ Жебелев. СП. С. 288.

конец Черного моря и пр. снимаются очень просто: Ἀρμένιοι — уроженцы Малой Армении, т. е. организованный по национальному принципу контингент профессиональных воинов типа критских лучников, беотийской конницы, фракийских пельтастов и т. п., которых легко можно было перебросить в особо горячие места ¹¹⁵. Они принимали участие в боях Диофанта за Таврику, а потом были передислоцированы Митридатом и поставлены в качестве отряда, охранявшего как саму Ольвию, так и ее округу (ἡμέτεροι τόλοι). Последнее становится яснее в свете того, что армянские лучники были преимущественно гиппотоксотами, почему их и ввели в действие против наседавших на Ольвию варваров-номадов, таких же конников, хотя вооружение павшего в Таврике их командира — длинный щит (θυρέος) — указывает на то, что какая-то часть этих Ἀρμένιοι состояла из пехотинцев.

Дополнительные сведения о составе Митридатовых войск в Ольвии дают два ольвийских надгробия, не привлекавшие в данной связи главным образом потому, что оба они были неверно датированы первым издателем Э. Р. Штерном и следовавшим ему Латышевым — соответственно I в. (до или н. э.?) и позднейшей императорской эпохой (II—III вв.) ¹¹⁶. На самом деле по своей палеографии их следует отнести к тому же переходному периоду в развитии ольвийского (лунарного) шрифта, что и IOSPE. I². 35, 192, 201; HO 35—38 и др. (см. выше), т. е. к эпохе Митридата. Первая эпитафия поставлена Ἀδαῖος Δαου ἱπλεὺς, т. е. прямо указывает на военно-профессиональную принадлежность умершего к всадникам. ЛИ Ἀδαῖος преимущественно македонское ¹¹⁷, а его патронимик Δαος — первоначально фрако-фригийского происхождения — распространился в эллинизме во многих греческих областях ¹¹⁸, так что в погребенном следует скорее всего видеть, по убедительной гипотезе Латышева, наемника ¹¹⁹, давно оторвавшегося от родины, а потому утратившего этникон. Διζαζελμῖς Σεῦθου, почтенный вторым надгробием, был, без всякого сомнения, предводителем (ἡγέμων) военного контингента фракийского племени Διζυρων ¹²⁰, возможно, идентичным одноименному династу, чеканившему монеты во Фракии в I (?) в. до н. э. ¹²¹ Таким образом, оба надгробия вместе с декретом в честь амисенца отражают разношерстный характер войск Митридата, мобилизо-

¹¹⁵ О возможных путях их комплектования Митридатом см.: *Vinogradov. Pontos Euxeinos*. S. 66.

¹¹⁶ Штерн Э. Р. // ЗООИД. 1900. 22. Прот. С. 108, 104; *Idem* // ОЖ. 1900. 3. S. 79 ff.; IOSPE. IV, 31; I², 222, 223.

¹¹⁷ См.: Штерн Э. Р. Указ. соч. С. 108; *Zgusta L. Kleinasiatische Personen-namen*. Pr., 1964. S. 47. § 15—3. Anm. 31.

¹¹⁸ См.: *Lascu N. Sur la signification ethnique de «Daos»* // Античное общество. М., 1967. С. 248—253.

¹¹⁹ IOSPE. I², P. 235. Comment. ad N 222.

¹²⁰ Об этих ЛИ и этниконе см.: *Detschew D. Die thrakischen Sprachreste*. S. 132, 135, 434—437.

¹²¹ *Head B. V. Historia numorum*. Oxford, 1911. P. 286; об исправлении чтения имени см.: *Detschew D. Op. cit.* S. 132.

ванных как из наемников, так и из национальных контингентов, имевших своих племенных военачальников ¹²².

Итак, исходя из контекста декрета и воссоздаваемой на его основе ситуации, мы можем с полным правом сделать заключение о серьезной опасности, нависшей над Ольвией в один из годов конца II — начала I в. ¹²³ Подкрепление провиантом, деньгами, оружием и т. п., а главное — свежими силами вспомогательного отряда лучников-армянцев, доставленное отважным амисенским кибернетом, было столь своевременным, что по представлению послов, сделавших отчет в народном собрании ¹²⁴, оно тут же, не откладывая, вотирует внесенное архонтами предложение не только издать в честь сына Филократа почетный декрет, но и, не дожидаясь ближайшего праздничного дня месяца ¹²⁵, сам день прибытия транспорта и издания псефисмы объявить священным ([ἐράν δῦει] γ).

О постоянной неприятельской угрозе Ольвии со стороны окрестных воинственных варваров свидетельствуют кроме разобранного декрета раскопки на участке P₁₉ (см. ниже), а также надпись НО 75, относящаяся по своему шрифту, характерному для развитой стадии переходного периода, скорее всего уже к началу I в. до н. э. Первый издатель документа (НО 75. С. 69) не мог решиться, к какой категории надписей — строительных или votивных — его отнести, и неудачно предположил в оставшихся буквах стк. 1 указание на родственные отношения посвятителем, связав это со словами ἀνεψία, ἀνεψιός — двоюродная сестра, брат, родственник. Правильное чтение в этой строке названия месяца [Κ]ρανεψιῶνος — плод независимых усилий рецензентов НО — А. И. Доватура ¹²⁶, П. О. Карышковского ¹²⁷ и А. И. Болтуновой ¹²⁸. Что касается атрибуции надписи к той или иной категории, то первоиздатель был прав в том отношении, что строительные надписи часто бывают одновременно и посвятельными ¹²⁹, однако глагол ἐλεμελήθη не оставляет сомнения в том, что на сей раз мы имеем дело именно с titulus aedificionis. Указание на то, какого характера было это сооружение, содержит стк. 2, где вместо несуществующего варварского имени, прочтенного издателем, четко вычленяется имя бога Ареса — Ἄρης. Исходя из того факта, что все без

¹²² О фракийцах в войнах Митридата см.: *App. Mithr.* 69; о составе его войск: *Reinach Th. Op. cit.* S. 261—263. Ср. след. примеч.

¹²³ М. Ю. Трейстер на основании убедительной передатировки «клада» из Марьевки концом II — началом I в. полагает, что одним из племен, угрожавших Ольвии в это время, могли быть кельты (см.: *Трейстер М. Ю.* Комплекс металлических изделий из Марьевки в собрании ГМИИ. С. 21). Не исключено, однако, что это погребение (?) принадлежало малоазийскому воину-кельту Митридатова войска.

¹²⁴ По остроумному предположению Робера (*Hellenica*. 2. P. 60).

¹²⁵ Об этом см.: *Виноградов Ю. Г., Русяева А. С.* Указ. соч. С. 41—43.

¹²⁶ ВДИ. 1969. № 2. С. 109.

¹²⁷ Там же. С. 115.

¹²⁸ СА. 1971. № 4. С. 286.

¹²⁹ См., например: *IOSPE. I²*, 174—176, 179, 181, 183—185; *Виноградов.* Синопа и Ольвия. II. С. 63.

исключения башни оборонительных стен Ольвии именовались либо по именам их строителей, либо были посвящены могучим божествам, заступникам города (см. гл. V), а куртины (σχοιναῖαι), не имея своих имен, обозначались по прилегающим к ним башням или другим ориентирам (IOSPE. I², 32B. 1—5, 58—59), я без колебаний предлагаю следующее восстановление НО 75:

[Ἐρωμένον τοῦ δεῖνος¹³⁰ μηνός K] νανεφῶνος .
 [vel . . . ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος τοῦ πωλῶνος] Ἄρης
 [καὶ ----- ἐκ τῶν ἰδίων (?)] ἐπεμελήθη.

Таким образом, мы получаем новое немаловажное свидетельство о напряженном положении Ольвии в Митридатову эпоху, потребовавшем в кратчайшие сроки¹³¹ ремонта фортификационных сооружений: неизвестное лицо приводит в порядок башню, посвященную грозному богу войны Аресу.

Теперь перед нами встают те же вопросы, что и при исследовании протектората Скилура: в чем заключалась зависимость Ольвии от Митридата, а также на каких условиях и как вошла она в состав его державы? Думается, ответить на эти вопросы не составит особого труда. Оказание понтийским царем военной помощи ольвиополитам недвусмысленно показывает, что они, оказавшись в критической ситуации без могучего заступника, нуждались в покровительстве понтийского царя, а потому должны были добровольно отдать себя под его начало¹³². По всей вероятности, после смерти Скилура и окончательного разгрома Палака ольвийское посольство, подобное доставленному капитаном-амисенцем на родину, было отправлено ко двору «освободителя эллинов» Митридата с просьбой и предложением стать и для Ольвии таким же протектором, каким он сделался незадолго до этого для Херсонеса. По сути, ольвиополиты сменили одного хозяина на другого, к тому же не менее, а наверняка даже более эллинизованного. Как мы видим, политика нового покровителя по отношению к Ольвийскому полису — по крайней мере, на первых порах — ничуть не изменилась по сравнению с периодом скифского протектората: продолжают функционировать городские магистратуры — архонты, жрецы-эпонимы, органы самоуправления общины — Совет и народное собрание, издающие от своего имени постановления, чеканится монета и т. п. Определенное ущемление собственной инициативы можно предполагать только в сфере внешней политики¹³³, которая должна была отныне подчиняться воле понтийского царя.

¹³⁰ Болтунова (СА. 1971. № 4. С. 286) предлагает дополнять в датировке: «при архонтах во главе с таким-то. . .», однако это формула не эллинистического, а уже римского времени.

¹³¹ В этой связи обращает на себя внимание достаточно грубая обработка лицевой поверхности камня и небрежность вырезанных букв. Сжатыми сроками исполнения работ вызвано, вероятно, и уникальное пока для Ольвии появление столь точной датировки (до дня) в строительной надписи.

¹³² Ср.: Шелов Д. Б. Города Северного Причерноморья и Митридат Евпатор // ВДИ. 1983. № 2. С. 41 и след.

¹³³ Ср.: Молев Е. А. Митридат Евпатор. С. 54.

Нам неизвестно, на каких формально-юридических началах вошла Ольвия в состав державы Митридата. Не исключено, что это было оформлено в виде союза — *συνμαχία*, подобно заключенному, например, между царем и Аполлонией, на основании которого Митридат прислал городу военный отряд под командованием Эпитинханонта (IGBR. I², 392); армяницы могли появиться в Ольвии таким же путем¹³⁴.

Митридат со своей стороны получал один из важных стратегических форпостов в Северо-Западном Причерноморье, потенциальный источник снабжения материальными и людскими ресурсами, короче — еще одно звено в цепи создаваемого им всепонтийского политического и экономического единства. Значительный интерес представляет, однако, другой вопрос: сохранилось ли отношение Митридата к Ольвии неизменным на всем протяжении его господства над городом, или оно претерпело изменения во времени и можно наметить динамику этих изменений? Ведь, как хорошо известно, Митридат на первых порах усиленно выставлял себя освободителем эллинов, «новым Дионисом»¹³⁵ и лишь потом — как в силу своих военных неудач, так и в согласии со своей гегемонистской политикой — постепенно стал переходить к более жесткому ущемлению автономных прав греческих полисов¹³⁶. Ответить на этот вопрос может помочь анализ данных нумизматики.

Как было установлено еще А. Н. Зографом, среди понтийско-лафлагонских монет Митридатовой эпохи, притекавших в Ольвию, в процентном отношении резко преобладают две ранние группы Имхоф-Блюмера, а именно третья и четвертая¹³⁷. По данным исследования Карышковского, дополнившего его сводку послевоенными находками¹³⁸, на третью группу (111—105 гг.) приходится около 60 %, а на четвертую (105—90 гг.) — около 35 % всех привезенных в Ольвию монет Понта. При этом удельный вес групп 1 и 2 (120—111 гг.) составляет менее 1 %. Резко падает приток этих монет с начала 80-х годов: группа 5 (90—80 гг.) — около 1,5 %, группы 6 и 7 (80—70 гг.) — чуть более 2 %. Если же взять интенсивность ввоза этих монет в пересчете на один год, то картина станет еще более выразительной¹³⁹.

Эти весьма красноречивые данные послужили исследователю надежным основанием для совершенно справедливого заключения

¹³⁴ О путях создания Митридатом из полисов и племен Причерноморья обширной всепонтийской державы см.: *Блаватская*. ЗПГ. С. 160—165; *Молев Е. А.* Митридат Евпатор. С. 24—56; *Шелов Д. Б.* Понтийская держава Митридата Евпатора; *Idem.* Le royaume pontique de Mithridate Eupator // *Journal des Savants*. 1982. 3/4. P. 243—266; *Vinogradov.* Pontos Euxeinos. S. 65—68, 73.

¹³⁵ См.: *Reinach Th.* Op. cit. S. 244 ff.

¹³⁶ *Каллистов Д. П.* Этюды по истории Боспора в римский период // ВДИ. 1938. № 2. С. 281 и след.; *Шелов Д. Б.* Города Северного Причерноморья... С. 52; *Idem.* Le royaume... P. 263.

¹³⁷ *Зограф А. Н.* Находки понтийских монет... С. 297 и след.

¹³⁸ *Карышковский П. О.* Денежное обращение Ольвии... С. 63—66. Табл. 4.

¹³⁹ Там же. С. 66. Табл. 5.

о том, что подобное хронологическое распределение понтийской меди подтверждает датировку Жебелевым декрета в честь амисенского кибернета и соответственно предполагаемую дату вхождения Ольвии в состав державы Митридата¹⁴⁰. Добавлю со своей стороны, что оно же говорит и в пользу предложенной выше более ранней хронологии Крымской кампании полководцев понтийского царя: коль скоро в высшей степени маловероятно, чтобы покровительство и соответственно военная помощь ольвиополитам были оказаны Митридатом раньше подавления движения Савмака, датируемого обычно 107—106 гг.¹⁴¹, то следует признать также невозможным, что за всего один год максимум в Ольвию поступило более половины всех найденных в ней понтийских монет! Следовательно, разгром Савмака и последовавшее вскоре вслед за этим вхождение Ольвии в состав Понтийской державы следует перенести на самое начало последнего десятилетия II в.

Резкое сокращение привоза понтийской меди с начала 80-х годов должно было быть компенсировано интенсификацией собственной ольвийской чеканки. Действительно, в течение нескольких десятилетий, предшествовавших гетскому разгрому, ольвиополиты чеканят несколько серий монет, изучение которых Карышковским позволило ему наметить в общих чертах динамику в изменении политики Митридата по отношению к этому полису¹⁴². Если на наиболее ранних монетах периода подчинения Понту наряду с демотиконом помещается и имя магистрата Εβρη (σίβριος), то последующие серии, сохраняя имя города, но уже без имени монетария, широко заимствуют эмблематику южнопонтийских монет. Наконец, с перечеканенной на понтийско-пафлагонской меди 75—70 гг. двух номиналов заключительной серии исчезает не только имя магистрата, но и имя самого полиса — они анэпиграфны. Датируя выпуск этой серии около 67—63 гг., Карышковский приходит к тому выводу, что Ольвия удержалась в составе державы Митридата до самой его гибели и подвергалась с его стороны на последнем этапе наиболее ощутимому ущемлению своих автономных прав.

Мне представляется, что исследователь верно выявил суть перемен в отношениях Митридата и Ольвии, согласующуюся с тем, что нам известно об изменениях в политике царя по отношению к греческим полисам вообще¹⁴³. Аналогичные изменения претерпела политика Митридата и в отношении Херсонеса: на ран-

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ *Reinach Th.* Op. cit. S. 61; *Жебелев.* СП. С. 93 и след. Примеч. 2; *Молев Е. А.* Митридат Евпатор. С. 43.

¹⁴² *Карышковский П. О.* Денежное обращение Ольвии... С. 68—73.

¹⁴³ См.: *Шелов Д. Б.* Города Северного Причерноморья и Митридат... С. 52 и след. Карышковским (Причерноморье в эпоху эллинизма. С. 631) упомянуты серебряные дидрамы, чеканившиеся в Ольвии около 90 г. до н. э., с монограммой, раскрываемой им в имя «Эпафродит», принадлежавшее, видимо, вольноотпущеннику — ставленнику Митридата, подобно «монетарию» Деметрию, под контролем которого синхронно чеканится монета в Херсонесе и на Боспоре (ср. след. примеч.).

нем этапе сразу после Диофантовых походов в городе обильно чеканится медная и серебряная монета с именами полисных магистратов, издаются постановления буле и демоса и т. п. Впоследствии чеканка серебра сокращается до одного выпуска драхм с именем монетария Деметрия, но уже без демотикона, а вслед за тем за городом сохраняется право только медной эмиссии с ярко выраженными заимствованиями эмблематики понтийских и боспорских монет¹⁴⁴, при этом абсолютно исчезают эпиграфические документы, свидетельствующие о политической правоспособности Херсонеса¹⁴⁵. Новый, хотя и кратковременный, подъем политической активности города приходит вместе с дарованием ему в 46 г. Цезарем «элевтерии».

Однако один вывод работы Карышковского вызывает сомнения: это важный для нашего исследования вопрос о времени и обстоятельствах выхода Ольвии из-под понтийского контроля. Касаясь вышеупомянутой заключительной серии анэпиграфной меди, исследователь замечает, что «было бы нелегко указать причину, побудившую граждан независимого города-государства отказаться от помещения на монетах всякого указания на место чеканки», откуда делается заключение о том, что эти редкие монеты — последний выпуск времени Митридата и что Ольвия испытывала на себе власть царя вплоть до самой его гибели¹⁴⁶. Признавая весомость приведенного довода, нельзя все же не высказать другого недоумения: а какая причина побудила ольвио-политов впервые за все время подчинения Митридату перестать универсально обращайтесь, общепризнанные и, видимо, даже специально насаждавшиеся в Причерноморье бронзовые монеты Понта и Пафлагонии, при этом практически не изношенные их экземпляры? Не могла ли эта акция быть расценена как политический вызов, брошенный царю? Ведь, например, заключительная «митридатовская» серия монет Херсонеса чеканилась на новых, отличающихся по цвету меди кружках¹⁴⁷.

Сопоставление интенсивности притока понтийских монет в Ольвию, с одной стороны, и в Херсонес и на Боспор — с другой — также позволяет прийти к определенным выводам. Если, как сказано выше, поздние группы этой меди — 6 и 7 (80—70-е годы)

---

¹⁴⁴ См.: *Голенко К. В.* Состав денежного обращения Херсонеса в I в. до н. э. // ВДИ. 1964. № 4. С. 50—63; *Гилевич А. М.* Херсонес и Понтийская держава Митридата VI по нумизматическим данным // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 608—617; ср.: Там же. С. 650 и след.

¹⁴⁵ Интересно сопоставить положение Херсонеса с удивительно сходной ситуацией, сложившейся в эллинистическую эпоху в Саламине на Кипре. В эпиграфике города полностью отсутствуют документы политического, экономического или социального характера; почти все надписи — посвятельные, выражающие верноподданнические чувства по отношению к Лагидам, их придворным и наместникам на острове; мизерно число полисных магистратур и саламинян, замещавших официальные должности. См.: *Roesch P.* Les Lagides à Salamine: épigraphie et administration // *Salamine de Chypre. Histoire et archéologie.* Lyon, 1978. P. 249—256; ср.: Bull. ép. 1981. 639 (о критике Б. Элли).

¹⁴⁶ *Карышковский П. О.* Денежное обращение Ольвии... С. 71 и след.

¹⁴⁷ *Голенко К. В.* Указ. соч. С. 57 и след.

представлены в Ольвии всего немногим более 2 % от общего их количества и такова же годовая интенсивность их завоза, то в Херсонесе они составляют чуть менее четверти, а на Боспоре — более половины всего их контингента¹⁴⁸. При этом несомненно, что крайне редкие ольвийские анэпиграфные монеты заключительной серии не были в состоянии восполнить вакуум в денежном обращении, образовавшийся в итоге прекращения поступления понтийской меди. Отсюда, как мне кажется, неоспоримо следует одно: сама экономика Ольвии, отраженная как в зеркале в данных нумизматики, находилась в 60-е годы I в до н. э. в глубоком упадке, что подтверждается и другими источниками.

Что же представляла собой Ольвия как город и как государство в период подчинения Понту? Очевидно, включение ее в состав державы Митридата привело на первых порах к известному оживлению экономической конъюнктуры. Об этом свидетельствует кроме резкого увеличения количества поступающей в город понтийско-пафлагонской монеты¹⁴⁹ один эпиграфический документ: декрет города Тома в честь гражданина Тиры Нила¹⁵⁰, датированный последним издателем около 100 г. до н. э.¹⁵¹ Наряду с прочим тирит чествуется за то, что он «постоянно (заботится) и покровительствует всем (эмпорам города), плывущим в Ольвию» (стк. 15—17). Таким образом, эта надпись неоспоримо свидетельствует о том, что к моменту создания Митридатом всепонтийского экономического и политического единства торговый путь вдоль левого берега Черного моря интенсивно использовался купцами, довольно часто посещавшими и конечный пункт назначения — Ольвию.

С иной ситуацией сталкиваемся мы в последующие десятилетия правления Митридата. Как уже отмечалось выше, еще во второй половине II в. до н. э. ольвиополиты разбирают монументальные постройки теменоса, оставив на месте лишь центральный алтарь. В то же время прекращают существование и другие сооружения агоры: торговые ряды, водоем, дикастерий, гимнасий, наземные стены которых вскорости разбираются¹⁵². Для этого же периода констатируется захирение жилого строительства в Верхнем и Нижнем городе¹⁵³. По наблюдениям раскопщиков Ольвии¹⁵⁴, а также личному опыту автора этих строк, участвовавшего во мно-

¹⁴⁸ Там же. С. 56, 59; *Карышковский П. О.* Денежное обращение Ольвии... С. 65 и след. Табл. 4 и 5.

¹⁴⁹ Ср. упомянутый выше (примеч. 143) кратковременный выпуск серебра.

¹⁵⁰ *Граков Б. Н.* // ВДИ. 1937. № 3. С. 310 и след. Доп. № 2.

¹⁵¹ *Stoian I.* Tomitana. Buc., 1962. P. 90—92. N 3=ISM. II. 5.

¹⁵² *Леви Е. И.* Ольвийская агора. С. 85 и след.; *Она же.* Керамический комплекс III—II вв. до н. э. из раскопок ольвийской агоры // *Ольвия. Теменос и агора.* С. 260; *Карасев А. Н.* Раскопки ольвийской агоры в 1967—1969 гг. // КСИА. 1972. 130. С. 40, 44.

¹⁵³ *Леви Е. И.* Ольвийская агора. С. 114 и след.; *Крыжицкий С. Д.* Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев, 1982. С. 31; *Он же.* Ольвия. С. 130 и след.

¹⁵⁴ *Леви Е. И.* Ольвийская агора. С. 115.

гих раскопочных кампаниях, культурный слой I в. до н. э. на большей части верхнего плато к югу от Северной балки вообще отсутствует. Все перечисленные факты могут означать только одно: к началу I в. до н. э. обитаемая территория города еще задолго до гетского разгрома резко сокращается, стягиваясь, видимо, до пределов южной оконечности «ольвийского треугольника», заселенного в дальнейшем в римскую эпоху¹⁵⁵.

Объяснение этому явлению отыскать также не трудно. Протогеновский декрет сообщает, что перед лицом угрозы нашествия галатов и скиров «многие впали в отчаяние и приготовились покинуть город... и выселились многие иностранцы и не малое количество граждан» (IOSPE. I². 32В. 12—13, 20—21). Без всякого сомнения, подобная ситуация повторилась, только в еще более крупных масштабах, столетие спустя: терроризируемое постоянно варварскими набегами население Ольвии резко сократилось¹⁵⁶, что повлекло за собой, с одной стороны превращение большой, прежде плотно заселенной территории города в пустыри, а с другой — чреватое последствиями значительное уменьшение числа его защитников. Вследствие этого ольвиополиты были вынуждены сильно сократить протяженность линии оборонительных стен, стянув ее вокруг вышеобозначенной площади на юге верхнего плато, которую еще было реально защитить силами как своих жителей, так и понтийского гарнизона. Последнее соображение прекрасно подтвердилось недавними раскопками на участке P₁₉, где обнаружены разрушенные остатки оборонительной стены, наспех сложенной из архитектурных деталей и постаментов посвященных статуй, перенесенных сюда из прекратившего свое существование теменоса¹⁵⁷. Судя по тому, что самое позднее из вырезанных на базах посвящений датируется около середины II в. до н. э., сооружение или укрепление этой стены едва ли может относиться ко времени ранее Митридата; таким образом, мы получаем еще одно свидетельство напряженного военного положения города незадолго до его гибели под ударами воинов Вурбисты.

Итак, все приведенные факты рисуют нам Ольвию второй четверти I в. до н. э. как обескровленный, захиревший, пришедший в крайний упадок город. Едва ли после последовавших одно за другим поражений Митридата в третьей войне с Римом она могла представлять для царя сколько-нибудь достойный интереса и траты усилий объект, требовавший отвлечения на его оборону

¹⁵⁵ Новейший план раскопок Ольвии см.: *Vinogradov. Olbia. Abb. 2; Крыжицкий С. Д. Ольвия. С. 41. Рис. 7. См. выше: Рис. 1.*

¹⁵⁶ Исследователи ольвийского некрополя отмечают резкое уменьшение числа погребений второй половины II и особенно первой половины I в. до н. э. См.: *Козуб Ю. И. Историческая топография некрополя Ольвии // Античная культура Северного Причерноморья. Киев, 1984. С. 164.*

¹⁵⁷ *Vinogradov. Olbia. S. 27.* Сейчас, после окончательного раскрытия этого участка, следует отказаться от выдвинутой мной предварительной гипотезы о том, что сполли происходят из расположенного неподалеку святилища: состав богов, которым посвящены вотивы, полностью повторяет пантеон, почитавшийся на центральном священном участке. Ср.: *Крыжицкий С. Д. Ольвия. С. 177.*

военных сил в тот момент, когда эти силы были столь необходимы самому царю для того, чтобы выиграть решающую схватку с Помпеем. И уж конечно, вынашивая последние отчаянные планы похода на Италию через северные земли, он должен был расценивать потенциальные возможности Ольвии стать опорным пунктом в таком предприятии¹⁵⁸ не выше, чем какой-нибудь Гермонактовой деревни. Поэтому правы скорее те исследователи¹⁵⁹, которые относят выход Ольвии из-под власти понтийского царя еще до смерти последнего, скорее всего в конце 70-х или начале 60-х годов. В таком случае перечеканка на ольвийском монетном дворе понтийской меди в анэпиграфные номиналы становится вполне объяснимой¹⁶⁰. Однако я не склонен предполагать, что Ольвия сама решила выйти из державы в ответ на усиление притеснений Митридатом эллинских свобод либо что она была, подобно многим западнопонтийским городам, силой завоевана римлянами. Более вероятно то, что, оставленная в критическую минуту понтийским царем без военной поддержки, она автоматически вышла из-под его контроля. Ослабленный, истощенный военными нападениями город доживал свои последние дни. Катастрофа разразилась одним-двумя десятилетиями спустя.

Гетский разгром

Посетивший Ольвию в конце I в. н. э. ритэр-изгнанник Дион Хрисостом оставил нам следующее свидетельство в своей «Борисфенитской речи»: «Город борисфенитов по величине не соответствует своей прежней славе вследствие неоднократных разорений и войн: находясь уже так давно среди варваров, и притом почти самых воинственных, он постоянно подвергается нападениям и несколько раз уже был взят врагами; последнее и самое сильное разорение его было не более как за 150 лет: геты взяли и его и остальные города по левому берегу Понта вплоть до Аполлонии» (XXXVI. 4 *Agñit*; пер. В. В. Латышева). Прежде чем перейти к исторической оценке этого события, остановимся на его хронологии.

Со времен Т. Моммзена¹⁶¹ в науке прочно устоялась дата гетского разгрома — около середины I в. до н. э. Хронологическое указание Диона вполне определено — за 150 лет до него, так что

---

¹⁵⁸ *Карышковский П. О.* Денежное обращение Ольвии... С. 70 и след.; *Молов Е. А.* Ольвия под властью Понта. С. 53.

¹⁵⁹ Например: *Шелов Д. Б.* Тира и Митридат Евпатор. С. 102.

¹⁶⁰ Шелов в недавней работе (Города Северного Причерноморья и Митридат...), не изменив своей точке зрения по поводу выхода Ольвии из-под власти Понта около 71—70 гг. (С. 41), пытается примирить ее с фактом указанной перечеканки тем, что предлагает передатировать анэпиграфную серию теми же 70-ми годами, к которым относится и понтийская медь (с. 52). Это представляется маловероятным, так как оставляет без объяснения цели этой бессмысленной операции и опять же не снимает приведенного мной выше аргумента политического порядка.

¹⁶¹ *Моммзен Т.* История Рима. М., 1949. Т. IV. С. 27.

проблему составляет лишь точка отсчета: исходил ли он в своем сообщении от времени своего визита в Ольвию или от момента прочтения и публикации речи, состоявшихся после возвращения из изгнания на его родине в Прусе? Большинство современных исследователей высказывается — и, на мой взгляд, не без основания — в пользу второго решения. Действительно, побывав в городе, познакомившись с бытом его обитателей, их нравами, историей и, не исключено, государственными архивами, наблюдательный ритор¹⁶², скорее всего, должен был записать не *срок*, прошедший со времени разгрома, а *дату* его по одной из принятых эр. Окончательно отделявая свою речь для слушателей и читателей, он — в силу жанра и специфики своего произведения — перевел эту дату в соответствующий отрезок времени, дав нам, таким образом, право отсчитывать 150 лет от момента его выступления на родине.

К сожалению, ни тот, ни другой хронологические пункты прямо в источниках не зафиксированы. Одним из первых занимавшийся этим вопросом Латышев¹⁶³ предполагал, что Дион побывал в Ольвии в 83 г., а на родину вернулся около 100 г., установив тем самым *termini post et ante quem* нашествия гетов: 67 и 50 гг. до н. э. Первая дата должна быть отклонена по изложенным ниже соображениям исторического порядка; что касается второй, то большинство современных ученых принимают вслед за Арнимом в качестве даты прочтения речи не 100, а 95 г.¹⁶⁴, что дает нам для времени гетского разорения 55 г. до н. э.¹⁶⁵ Этой же цифры, согласующейся с показаниями и других источников, буду придерживаться и я. Сопоставляя полученную дату с исторической ситуацией, сложившейся около середины I в. до н. э. в Карпато-Дунайском регионе, новые историки согласно пришли к единственно возможному решению: Ольвия в ряду других западно-понтийских полисов подверглась нападению и разгрому полчищами гетов, сплотившихся под властью их правителя Бурбисты, на личности которого и созданном им политическом образовании следует кратко остановиться.

¹⁶² Ср.: Трофимова М. К. О некоторых источниковедческих проблемах XXXVI (Борисфенитской) речи Диона Хрисостома // ВДИ. 1959. № 3. С. 161 и след. В этой интересной статье исследуется другая — философская — сторона речи, которая по вполне понятным причинам выходит за рамки моего исследования. К сходным с автором заключениям приходит и К. Той. См.: *Treu K. Zur Borysthenica des Dion Chrysostomos // Griechische Städte und einheimische Völker des Schwarzmeergebietes. B., 1961. S. 137—154.*

¹⁶³ Латышев. Исследования. С. 148 и след.

¹⁶⁴ М. Сармах связывает произнесение речи с первым походом Траяна против дакийцев, а потому датирует ее 101 или 102 г. См.: *Sarmach M. Zur Borysthenischen Rede des Dion von Prusa // Die Antike und Europa. 17. Internationale EIRENE-Konferenz. Berlin, 11. bis 15. 8. 1985. S. 201.*

¹⁶⁵ Многочисленные работы, в которых принята эта датировка, приведены из последних в кн.: *Crișan I. H. Burebista and His Time. București, 1978. P. 126. Not. 414, 419* (здесь же о критике курьезной датировки этого события Дж. Маренги — незадолго до 100 г. н. э.). Расчет Т. Д. Златковской (Племенной союз гетов под руководством Бурбисты // ВДИ. 1955. № 2. С. 84. Примеч. 4) — 50 или 45 гг. до н. э. — основан на недоразумении.

Вне зависимости от того, когда Бурбиста¹⁶⁶ стал царем¹⁶⁷, создание им могучего объединения гетских племен¹⁶⁸ следует относить скорее всего к началу 50-х годов до н. э. Это следует прежде всего из строк дионисопольского декрета IGBR. I². 13. Даже если и не считать упомянутого в стк. 6 царя, к которому Акорнион совершил до 62—61 гг. посольство, отцом Бурбисты, тем не менее стк. 22—23 прямо свидетельствуют, что Бурбиста «только что» ([$\nu\epsilon\omega\sigma\tau$]εἶ стал первым и величайшим из царей во Фракии, т. е. после того, как Г. Антоний Гибрида презимовал в Дионисополе в 62—61 гг. (стк. 16). С этим согласуется и то, что в источниках, упоминающих о разгроме этого римского полководца под Истрией в 61 г., геты упоминаются как одно из племен наряду с бастарнами и скифами, но не как «мощная держава» под владичеством царя¹⁶⁹. Наконец, то же подтверждает и Страбон (VII. 3. 11), свидетельствующий, что Бурбиста «в *немногие* годы создал великую державу и большинство соседней подчинил гетам» (курсив мой. — Ю. В.). Если учесть, что смерть Бурбисты от рук заговорщиков случилась в 44 г. вскоре после убийства Цезаря (Strab. VII. 3, 5; 11), то выходит, что держава его просуществовала весьма непродолжительное время — около полутора десятка лет — и распалась на несколько частей с гибелью ее основателя.

Согласно вышеприведенному показанию Диона Хрисостома, геты взяли и разорили (ἐάλωχε, ἄλωσιν, εἶλον) Ольвию и другие города Левого Понта вплоть до Аполлонии. Большинство исследователей в согласии с этим сообщением и с показаниями других источников расценивало эти акции Бурбисты как опустошительные набеги с целью грабежа. Несколько иную позицию заняла Т. В. Блаватская, замечая, что к суммарному сообщению Диона о покорении гетами всех городов от Ольвии до Аполлонии следует подходить осторожно¹⁷⁰. Отрывочные сведения источников привели ее к тому заключению, что «только лежавшие в непосредственной близости к гетам Истрия, Тома и Каллатия, подобно Ольвии, могли подвергнуться разгрому их гетами», жители же городов южной части Западного Причерноморья нашли

¹⁶⁶ Разные источники и их рукописи дают различную транскрипцию его имени; подробнее см.: Crişan I. H. Op. cit. P. 42 ff.

¹⁶⁷ Согласно свидетельству Иордана (Get. XI. 67) — во время диктаторства Суллы, т. е. около 82 г. до н. э.; исходя из фрагментарной стк. 6 дионисопольского декрета в честь Акорниона (IGBR. I². 13), большинство исследователей предпочитают более высокую дату — 60-е годы, второе кажется мне предпочтительнее. Иного мнения придерживается И. Кришан (Op. cit. P. 43—54), который приводит разноречивые точки зрения.

¹⁶⁸ В мою задачу не входит выяснение характера этого объединения, хотя дефиниция «племенной союз» (Т. Д. Златковская) более соответствует, на мой взгляд, показаниям источников, чем «государство» (Кришан и др.); см.: Crişan I. H. Op. cit. P. 94—112.

¹⁶⁹ Попытка Кришана (Op. cit. P. 124) объяснить это тем, что Бурбиста в это время был занят покорением боев и тавриков, по существу, заставляет и его согласиться с тем фактом, что власть царя в это время не распространялась к югу от Дуная.

¹⁷⁰ Блаватская. ЗПГ. С. 173.

поддержку и убежище у одрисов, а потому выстояли¹⁷¹. Не приступая пока к подробному разбору источников, замечу, что Дион вовсе не говорит прямо обо всех городах Левого Понта, но более осторожно замечает: καὶ τὰς ἄλλας (и другие, прочие) τὰς ἐν τοῖς ἄριστοισι τοῦ Πόντου πόλεις.

Следует отметить, что исследовательница стремится связать враждебную Риму политику западнопонтийских полисов с антиримской позицией Бурбисты, что также вызывает возражения¹⁷². На мой взгляд, уместнее говорить не о про- или антиримской позиции эллинских полисов, а прежде всего об их стремлении выстоять любой ценой перед могучими политическими и военными силами, будь то римляне или варвары. Сама Блаватская признает, что, совершая в 48 г. посольство к Помпею, Акорнион ведет какие-то переговоры с ним не только от имени Бурбисты, но и о родном городе (IGBR. I². 13. 36—40); по ее предположению, задачей Акорниона было примирение (!) римлян с Дионисополем. Однако о каком примирении могла идти речь, когда, с одной стороны, находился захолустный городок, а с другой — знаменитый на Востоке полководец со всеми его легионами, только что разбивший Цезаря у Диррахия?

Не более антиримской была и позиция Бурбисты. Если он и казался опасным Риму, то только потому, что — по недвусмысленному высказыванию Страбона (VII. 3. 11) — совершал свои грабительские рейды (λεηλατῶν) вплоть до границ римских провинций Македонии и Иллирии. Главной целью этих набегов было насильственным путем ограбить и увести добычу. Когда неподалеку оказалось огромное войско Помпея, Бурбиста, опасаясь, что прославленный полководец повернет на него свои легионы, спешно отправляет к нему послом Акорниона, который сумел отвратить беду от своего варварского повелителя, а заодно и от родного города, либо выяснил, что таковой угрозы вовсе не было¹⁷³.

Еще более крайние позиции занимает Кришан. По сути, его монография служит апологетическим целям возвеличивания Бурбисты, которого автор рефреном, повторяющимся чуть ли не через страницу, постоянно вслед за угодливыми и верноподданническими эпитетами дионисопольского декрета именует «первым и величайшим из царей Фракии», причем между строк, а порой и открыто¹⁷⁴ читается «. . . из царей, которые когда-либо правили гето-даками». По поводу покорения Бурбистой варварских народов Балкан автор пишет, например, в отношении боев и таврисков, на корню вырезанных жестоким гетским правителем (*Strab.* VII. 3. 11), что для защиты западных границ своей державы они, проникавшие

¹⁷¹ Там же. С. 175 и след.

¹⁷² Там же. С. 172. Ср. критику Кришаном (Op. cit. P. 124) аналогичной точки зрения, разделяемой Р. Вулпе, Э. Кондураки и К. Дайковичу.

¹⁷³ Цель посольства Акорниона прекрасно показана еще Латышевым (ПОНТИКА, С. 240 и след.).

¹⁷⁴ См.: например: *Crişan I. H.* Op. cit. P. 129.

(infiltrated) на территорию Западной Дакии, были изгнаны (drive off) гетами оттуда¹⁷⁵.

Что же касается военных действий против припонтийских полисов, то, по словам Кришана, «это не были изолированные акции с целью разграбления того или иного греческого города, но тщательно запланированная политика интеграции всего западнопонтийского побережья со всеми его городами в Гето-Дакийское государство»¹⁷⁶. Одним из проявлений этой политики, инспирированной «недюжинной интуицией» царя, явилось то, что «эти греческие города были завоеваны и подчинены не в одну кампанию и не одним и тем же способом». Те полисы, которые покорно сдались на милость победителя, открыв врагу свои ворота, подобно Дионисополю, были пощажены. Такие же города, как Ольвия и Истрия, оказавшие гетам вооруженное сопротивление, заплатили за это дорогой ценой: «Сопротивление было сломлено, стены разрушены, и соответствующий город сожжен дотла»¹⁷⁷. В отношении тех полисов, для которых нет прямых сведений об их подчинении Бурбисте (Тира, Тома, Каллатис), Кришан предполагает, что трагическая судьба Ольвии и Истрии подала им пример добровольно подчиниться гетам. По мнению автора, «жестокость» варваров не была на деле такой уж суровой: как показывает истрийский декрет в честь Аристагора, сына Апатурия, в Истрии под властью Бурбисты город снова отстраивается, жители его постепенно возвращаются из плена, жизнь входит в нормальную колею — избираются жрецы, продолжают интенсивные торговые связи, охватывающие царство гетов. Наступает новая историческая эра: место протектората Ремакса заступает эффективная военная оккупация с последующей интеграцией в Гето-Дакийское государство¹⁷⁸.

Все перечисленные построения румынского историка базируются на насильственном истолковании источников в угоду презумптивно созданной концепции. В этом нетрудно убедиться, обратившись к самим этим источникам, сразу же оставив, однако, в стороне те полисы, для которых у нас данных пока нет, тем более что предполагать воздействие на их поведение в момент нашествия Бурбисты печальных примеров Ольвии и Истрии можно будет лишь тогда, когда удастся доказать, что оба города были разрушены гетами первыми.

Начнем наш краткий экскурс с Истрии. Составитель известного декрета в честь Аристагора (Syll.³. 708 = ISM I. 54) ни словом, ни намеком не обмолвился о том, что речь идет о событиях времени правления над городом Бурбисты; напротив, не называя ни разу имени царя, он постоянно говорит о «варваре», «владеющих страной варварах», «скопищах варваров» и т. п. Кришан объяс-

¹⁷⁵ Ibid. P. 125 ff.

¹⁷⁶ Ibid. P. 125.

¹⁷⁷ Ibid. P. 126. Ср. также: *Блаватская*. ЗПГ. С. 174.

¹⁷⁸ *Crișan I. H.* Op. cit. P. 129.

няет это тем, что упомянуть правящего царя в том документе, который повествует о его жестокостях и произволе, было бы явной дерзостью, сопряженной с большим риском¹⁷⁹. Но разве не большим риском было вообще писать о подобных событиях в столь печальных тонах, когда завоеватель-гет прочно стоял на истрийской земле? Не разумнее ли было редактору псефисмы наделить Буребисту по примеру дионисополитов столь же льстивой характеристикой или хотя бы просто, как месембрийцы, упомянуть его имя? Более того, указание декрета о том, что Аристагор пришел «в отечество после постигших город превратностей» (стк. 7 — *μετὰ τὴν κατὰσχοῦσαν τὴν πόλιν ληρίστασιν*), прямо говорит о возвращении жителей после того, как гетский царь был убит своими соплеменниками-заговорщиками, возмущенными введенной им и его подручным — магом Декенеем — «дисциплиной», доходившей до того, что они принудили народ выдрать с корнем лозу и жить в абстиненции, воздерживаясь от вина (*Strab.* VII. 3, 11).

О том, что Истрия была сильно разрушена гетами, а жители ее покинули город, говорят не только слои пожарища в «сакральной зоне», но и один интересный обойденный Кришаном эпиграфический документ: список эвергетов одной из истрийских фил «после второго основания города» (*μετὰ τὴν δευτέραν κτίσιν τῆς πόλεως*)¹⁸⁰, естественно, обязанного этим не благодетелю Буребисте, почему и всю «культурно-экономическую программу» царя по возрождению Истрии следует считать ни много ни мало как фикцией. В варварах декрета в честь Аристагора следует узнавать одно из племен гетов, владевших «страной и рекой» в Добрудже — одной из тех частей, на которые распалась держава Буребисты. Данные археологии не дают никакого права делать заключение¹⁸¹, что гето-даки после разгрома продолжительное время жили в Истрии и держали здесь военный гарнизон.

Видимо, сходную с Истрией судьбу разделил и Одесс, откуда дошел список лиц от конца I в. до н. э., которые «жречествовали богу после возвращения» — *μετὰ τὴν κάθοδον* (*IGBR.* I². 46). В этом «возвращении» еще Латышев первым верно узнал возвращение жителей, покинувших город после захвата его Буребистой¹⁸². Прозрачное содержание надписи приводит, однако, Кришана к тому выводу, что она якобы явно свидетельствует о «страданиях, перенесенных жителями Одесса, но не доказывает, что Буребиста взял город силой»¹⁸³. Полученные недавно археологические данные опровергли и это заключение румынского ис-

¹⁷⁹ Ibid.

¹⁸⁰ *Pippidi D. M. Scythica Minora* P. 193—201; *ISM.* I. 191; ср. 193. Иную интерпретацию и датировку надписи предлагает Al. Ștefan (*Callatis à l'époque du Haut-Empire à la lumière des documents épigraphiques // Dacia.* 1975. 19. P. 164 et suiv.) Ср., однако: *Pippidi D. M. Sur un fragment de décret inédit de Callatis // Epigraphica.* București, 1977. P. 57 et suiv.

¹⁸¹ *Crișan I. H. Op. cit.* P. 128.

¹⁸² *Latyshev B. // Ath. Mitt.* 1886. 11. S. 200 ff.

¹⁸³ *Crișan I. H. Op. cit.* P. 131; ср.: *Блаватская.* ЗПГ. С. 176.

следователя: в Варне при раскопках святилища Хероса Карабасма были обнаружены четкие слои разрушений, датируемые серединой I в. до н. э.¹⁸⁴, откуда следует, что Одесс был также разгромлен гетами и покинут его жителями.

Как показывает декрет в честь Акорниона (IGBR. I². 13), Дионисополь геты не тронули, причем, видимо, не потому, что его граждане добровольно открыли ворота врагу¹⁸⁵, а в силу давних связей, установившихся, может быть, в итоге деятельности самого Акорниона между дионисополитами и отцом Буребисты или самим последним¹⁸⁶, когда он еще не стал «первым и величайшим царем во Фракии» и не пошел походом против понтийского эллинизма. По-иному обернулись дела у гетов с Месембрией. Судя по посвящению коллегии 6 стратегов IGBR. I². 323, исполнивших свою должность во время войны с Буребистой, город успешно сражался с гетскими полчищами и взят ими не был. Предполагаемые причины успеха месембриан уже высказывались в литературе¹⁸⁷.

Иной была участь Аполлонии, подвергшейся, согласно Диону Хрисостому (XXXVI. 4), разграблению гетами. Если учесть, что город совсем недавно — в 72/71 г. — был razорен войском Марка Теренция Лукулла (*Eutrop.* VI. 10), то едва ли его обитатели сумели за столь короткий срок отстроить мощные оборонительные стены, позволившие бы им оказать длительное сопротивление Буребисте¹⁸⁸: геты, по-видимому, взяли город голыми руками. Сопоставление примеров Месембрии и Аполлонии весьма показательно, так как вносит существенный штрих в тактику Буребисты: в качестве своей очередной жертвы он выбирал прежде всего обескровленного, истощенного противника, с которым и расправлялся потом наиболее жестоким способом. Такова была судьба Истрии, которая, по заслуживающим внимания соображениям Пиппиди¹⁸⁹, в силу ряда географических и исторических причин, пришла в упадок уже ко II в. до н. э.; такую же участь разделила и Ольвия, которая, как показано выше, в первой половине I в. до н. э. фактически перестала существовать как город. Вот почему нет никаких оснований утверждать¹⁹⁰, что осада и покорение этих богатых (!) городов были нелегким предприятием, потребовавшим «особой одаренности и искусства со стороны командующего» войском гетов — Буребисты. Наши источники молчат пока о судьбе других западнопонтийских полисов — Тиры, Том, Каллатиса¹⁹¹, Бизоны, Анхиала, однако их спасение зависело, как мне

¹⁸⁴ Tončeva G. Le sanctuaire du Héros Karabasmos d'Odessos // Actes du 1er Congrès International des études balcaniques et sud-est européennes. Sofia, 1969. Vol. 2. P. 364.

¹⁸⁵ Crișan I. H. Op. cit. P. 126, 130.

¹⁸⁶ Блаватская. ЗПГ. С. 174.

¹⁸⁷ Там же. С. 175.

¹⁸⁸ Crișan I. H. Op. cit. P. 131.

¹⁸⁹ Pippidi D. M. Zur Geschichte Histrias im 3. bis 2. Jh. v. u. Z. // Klio. 1959. 37. S. 131—134.

¹⁹⁰ Crișan I. H. Op. cit. P. 127.

¹⁹¹ Декреты о караулах из Том (см.: Stoian I. Op. cit. P. 79—94 = ISM. II. 2)

представляется, прежде всего от уровня их военного и экономического потенциала.

После всего сказанного на вопрос, неоднократно задававшийся исследователями¹⁹²: что представляла собой деятельность Бурбисты — простые набеги с целью грабежа или реализацию давно продуманного политического плана? — можно дать однозначный ответ. Да, это была политика, причем продуманная не одним поколением гетских властителей задолго до Бурбисты, но политика совершенно иного толка: вместо создания протектората, вместо экономической эксплуатации путем регулярного взимания трибута в обмен на гарантии защиты Саитафарнами, Ремаксами, Фрадмонами, Скилурами и т. д., совершенно неприкрытое насилие, причем прежде всего над наиболее слабым противником, без думы о завтрашнем дне, вырезание целых племен, разгром, грабеж, стирание с лица земли целых городов, жесткие требования беспрекословного повиновения от соплеменников и т. д. Апологетам Бурбисты еще в конце прошлого века дал убедительный ответ К. Брандис, также принимавший гетские походы против кельтов за вынужденную акцию обороны своих западных рубежей: «Однако я не знаю такого основания, на котором можно оправдать его (Бурбисты. — Ю. В.) грабительские походы, предпринятые против греческих колоний и по ту сторону Дуная вплоть до области римских провинций»¹⁹³.

Трудно поэтому не согласиться со сжатой, но метко бьющей в цель оценкой, данной политике Бурбисты Т. Д. Златковской: «...перечисленные надписи свидетельствуют о разрушении и разграблении гетами большинства греческих городов западного побережья и Ольвии; они, однако, в равной мере свидетельствуют и о том, что пребывание гетов носило временный характер, жизнь в этих городах налаживалась самими греками, что никаких наместников этого царя или управителей, могущих закрепить их власть в греческих колониях, не было оставлено. Таким образом, можно утверждать, что походы Бирбисты, направленные против негетского населения, носили характер опустошительных набегов с целью грабежа или физического уничтожения тех соседних племен, которые представляли для гетов военную опасность. Они не ставили себе целью подчинение и планомерную эксплуатацию побежденных. Такая форма военной экспансии характерна для наиболее ранних этапов развития государства»¹⁹⁴. Тщетны поэтому усилия тех исследователей¹⁹⁵, которые, соблазняясь дан-

---

и в честь неизвестного строителя военного корабля из Каллатиса (см.: *Блаватская*. ЗПГ. С. 258. № 29), видимо, старше эпохи Бурбисты.

¹⁹² См., например: *Pippidi D. M.* I greci... P. 149.

¹⁹³ *Brandis*. s. v. *Burbista* // RE. 1899. III. Sp. 2904.

¹⁹⁴ *Златковская Т. Д.* Указ. соч. С. 90. С этой оценкой целиком согласны П. О. Крышковский и И. Б. Клейман. (Указ. соч. С. 81).

¹⁹⁵ Их работы приведены в обзоре: *Stefan A.* Etudes recentes d'épigraphie grecque en Roumanie // *Eirene*. 1982. 18. P. 86. Note 10. Ср.: *Pippidi D. M.* Parerga. P. 183.

ными о греческих советниках и мастерах на службе у Бурбисты, о циркуляции на территории его державы монеты, развитии торговли и т. д., пытаются определить созданную им политическую структуру как монархию эллинистического типа.

В полном согласии со всем сказанным свидетельствуют наши источники об Ольвии. Обессиленный, изнуренный город, или, вернее то, что от него осталось к середине I в. до н. э., был взят гетами, можно сказать, голыми руками, разграблен и разрушен. Однако Ольвия к этому моменту настолько захирела, что археологические следы разгрома до последнего времени даже не улавливались. В этой связи как на подтверждение обычно ссылаются на раскопки Фармаковского¹⁹⁶, которые как раз не дают никакой «блестящей иллюстрации» описанию Дионом Хрисостомом развалин древних башен, далеко отстоявших от послегетского города. Как я пытался показать выше, территория городища значительно сократилась еще до гетского разгрома, так что оборонительные сооружения у Северной балки должны были прийти в запустение и разбиться на камень задолго до Бурбисты. Сведения же В. Д. Блаватского¹⁹⁷ об открыти раскопками конца 20-х годов текущего столетия «в слое разрушенной гетами Ольвии ряда костяков убитых ольвиополитов и брошенных без погребения» слишком неопределенны и никак печатно не документированы, чтобы на них можно было безоговорочно опираться.

Археологическое подтверждение сведениям Диона принесли раскопки в Ольвии последних лет. На уже упомянутом участке P₁₉ обнаружен мощный (шириной 3 м) развал оборонительной стены, состоящий из бута, обработанных квадров, архитектурных деталей и постаментов статуй с надписями¹⁹⁸. Стратиграфические наблюдения позволяют отнести время разрушения к середине I в. до н. э. и безошибочно связать его, таким образом, с гетским нашествием. К счастью, глубокий ров, вырытый обороняющимися перед наспех сложенной стеной, воспрепятствовал дальнейшему падению деталей кладки в Заячью балку, сохранив тем самым для науки не только интересные архитектурные и эпиграфические памятники, но и бесценное археологическое свидетельство «широко задуманной» политики Бурбисты.

Уцелевшие после погрома ольвиополиты, подобно жителям Истрии и Одесса, вынуждены были покинуть город. Вернулись они на пепелища спустя некоторое время, как предполагает Дион Хрисостом (XXXVI, 6), по желанию скифов, нуждавшихся в торговле с эллинами. Очевидно, Ольвия пережила, как и Истрия, событие, получившее название «второе основание» — δευτέρα

¹⁹⁶ Фармаковский Б. В. Ольвия. М., 1915. С. 17.

¹⁹⁷ Блаватский В. Д. Северо-понтийские города в конце II—I вв. до н. э. // Вестн. МГУ. 1949. № 7. С. 57.

¹⁹⁸ Предварительную информацию см.: Крыжицкий С. Д. и др. Раскопки центральной возвышенности и северо-западного района верхнего города Ольвии // АО 1977 г. М., 1978. С. 343 и след.; *Он же и др.* Основные объекты работ Ольвийской экспедиции // АО 1978 г. М., 1979. С. 355; ср.: Vinogradov. Olbia. S. 27.

κτίσις, которое должно было запечатлеться в памяти граждан. С этим событием Латышев связал свидетельство декрета Северовского времени в честь Каллисфена, сына Каллисфена (IOSPE. I². 42. 6), о его происхождении от предков, «основавших наш город» (κτισάντων τῆν πόλιν), истолковав это в том смысле, что здесь имеется в виду возрождение Ольвии после гетского разгрома¹⁹⁹. Однако как из детального повествования Диона, так и из результатов многолетних раскопок явствует, что возрожденная Ольвия никогда уже не достигла былого расцвета и благополучия — после разорения ее войнами Бурбисты территория ее застройки сократилась в несколько раз. Так печально и несчастливо закончились первые шесть столетий «счастливого города» на берегу Гипаниса.

---

¹⁹⁹ Латышев. Исследования. С. 146; Яйленко (Арханцеская Греция. С. 147 и след. и примеч. 45) хотя и допускает (не ссылаясь на Латышева), что в этом декрете «основателями полиса именуется те, кто возродил Ольвию после гетского разгрома», но предпочитает видеть в них один из олигархических родов первых колонистов. Такой интерпретации противоречит просопография: имя «Каллисфен», широко распространенное в Ольвии императорской эпохи, вообще пока ни разу не зарегистрировано на протяжении всего догетского периода, на что позже обратил внимание и сам Яйленко (Материалы к «Корпусу лапидарных надписей Ольвии» // Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник. М., 1985. С. 172 и след.). Иную интерпретацию этого выражения декрета дал Л. Робер (см.: Robert L. // Ant. Class. 1966. 35. P. 423 et suiv.): «основатели города» суть эвергеты, выговорившие у римлян ряд привилегий политического порядка (ср.: Stefan Al. Callatis... P. 165. Not. 51). Учитывая, что декрет в честь Каллисфена достаточно далеко отстоит от времени возрождения Ольвии, а также заметный подъем города в Северовское время, который может быть отчасти обусловлен вхождением в состав провинции и получением в этой связи ряда привилегий, с чем хорошо увязывается другой эпитет предков Каллисфена — «известные Августам» (σεβαστογυνάτων), толкование Робера кажется наиболее предпочтительным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы проследили эпоха за эпохой бóльшую часть тысячелетней истории Ольвийского полиса, основанного милетскими колонистами на берегах Гипаниса и Борисфена. Постараемся теперь ретроспективно окинуть взором основные результаты исследования и оценить тот вклад, которое оно может сделать в изучение истории общегреческой.

Как уже говорилось в начале книги, Ольвия не представляла собой «медвежьего угла» эллинской ойкумены: ее судьбы были тесно переплетены с судьбами всего греческого мира, ее развитие шло в ногу со временем, проходя те же стадии и порождая те же феномены, которые были присущи полисам Средиземноморья и Причерноморья. Однако все это не лишало Ольвийский полис свойственного ему неповторимого своеобразия, вызванного к жизни вполне определенной экологической, этнополитической и конкретно-исторической обстановкой. Именно в этом гармоничном неразрывном переплетении общего и особенного состоит, на мой взгляд, непреходящее значение Ольвии для общезеллинской истории. Попытаемся же определить, в чем главным заключалось то и другое.

Основным общим моментом, роднившим Ольвийский полис с его собратьями в Малой Азии и Великой Греции, в Галлии и Испании, в Ливии и Египте, было столкновение его буквально с первых шагов и вплоть до последнего вздоха с огромным и пестрым по своему составу миром варваров, характер взаимоотношений с которыми и определял на протяжении веков судьбу как самого полиса, так в значительной степени и его окружения.

Второй основополагающий общий момент, присущий очень многим областям греческой колонизации, состоял в столкновении с огромными неисчерпаемыми производственными ресурсами, которые при благоприятной на первых порах этнополитической обстановке привели к резкому взлету экономики, а последняя, в свою очередь, вызвала возникновение значительной поначалу имущественной, а затем и социально-правовой дифференциации жителей полиса, отчетливо прослеживаемой по нашим источникам уже с конца VI в. Имущественное и юридическое превосходство первых основателей над прибывавшими впоследствии добавочными колонистами не могло не вызвать социально-правового неравенства тех и других, стимулируя тем самым установление и укрепление аристократического образа правления. Дальнейшее развитие полиса в экстремальных условиях внешнеполитической угрозы со стороны варваров вынесло на гребень волны ольвийскую

тиранию. Изменение же политической обстановки в регионе привело к смене ее сначала умеренной, затем радикальной, а спустя известное время и элитарной демократией. Это был путь, которым прошли многие греческие полисы, например сицилийские.

Особенное же в историческом развитии Ольвии обуславливалось во многом тем существенным фактором, что полис в течение более чем пяти веков, т. е. на протяжении большей части своей истории вообще, не подчинялся мощным державам восточного типа, затем не входил в империю Александра Великого, а после ее распада не был интегрирован в состав ни одной возникшей на ее развалинах эллинистической монархии. Это отнюдь не означает, что Ольвия на протяжении всего этого времени оставалась в полном смысле слова автономным государством. Напротив, в данном, как, впрочем, и в соседнем западнопонтийском регионе возникает совершенно особая форма зависимости, для которой я предлагаю наименование «варварский протекторат». Этот своеобразный вид подчинения играл столь существенную роль в истории Ольвии, и не ее одной, что требует прежде всего выработки четкой дефиниции.

Под «варварским протекторатом» предлагается понимать установление определенных форм зависимости греческих полисов от того или иного варварского политического образования без интегрирования их в структуру последнего, выразившихся в контроле варваров в лице верховного правителя или его наместников и ставленников над экономической сферой жизни полисов и во внеэкономической эксплуатации различных видов; взамен этого — определенные, в той или иной мере соблюдавшиеся гарантии варварских протекторов по обороне полисов. Под сформулированный тип зависимости подпал не один Ольвийский полис, и доказывал он свою жизнеспособность не одно столетие. Можно уверенно сказать, что варварский протекторат стал универсальным длительным феноменом в обширном западно- и северопонтийском регионе на протяжении V—II вв. Однако ему, как и самой истории Ольвии, был присущ ряд общих и различных моментов.

Общее заключается, по моему мнению, в том, что независимо от экономического уклада и типа варварских обществ — будь то кочевое, полукочевое или оседлое, — независимо от степени развитости в них форм государственности при установлении протектората всем им было присуще главное: как правило, невмешательство во внутреннюю и внешнюю политику полисов, действие протектората распространялось преимущественно на сферу финансов и экономики. Вторым общим моментом, проявлявшимся в несколько иной сфере, было стремление варварских правителей привлечь к себе на службу греческих советников, экспертов, военных специалистов и т. п., в том числе и из полисов, которые находились под эгидой протектората. Таковыми были ольвиополиты Тимн при царе Ариалифе и Посидей при дворе Скилура, антиохиец Гермей у Канита, маронец Гераклид при Севте I, Антигон при Сариаке. Наконец, нередко варварские правители

от своего имени или от имени своих наместников выпускают в подвластных им греческих полисах монету как символ их подчинения: Скил в Никонии, Арих, Эминак и Скилур в Ольвии, Атей в Каллатисе, Канит и другие цари Малой Скифии в городах Добруджи.

Различие между отдельными варварскими протекторатами состоит прежде всего в разных формах и способах внешнеэкономической эксплуатации, которые опять же не были обусловлены типом общества, не зависели от времени их применения. Во-первых, это экономический диктат, проявившийся в Ольвии периода правления Ариапифа, Скила и Октамасада в переводе хозяйства на новые рельсы — в сворачивании земледелия и интенсификации транзитной торговли. Наиболее распространенной формой эксплуатации была регулярная дань — *φόρος*, уплачиваемая полисами варварам. Форос вносили города фракийского побережья царства Одрисов, Истрия Ремаксу, возможно, Византий Атею¹, тот же полис кельтскому царству в Тиле. Из Протогеновского декрета мы узнаём и об иной форме уплаты трибута, выразившейся в менее регулярных дарах (*δῶρα*), которые привозят в ставку Саитафарна либо сами ольвиополиты, либо за ними приезжают варвары, либо последние получают их по особому поводу (например, «дары по случаю проезда»). Наконец, еще одной разновидностью внешнеэкономической эксплуатации было кормление войска по типу «персидских угощений», о котором мы можем догадываться на основании рассказа Геродота о частных прикочевках Скилова войска к Ольвии.

В обоюдном процессе подобных греко-варварских контактов ни одна из сторон не участвовала пассивно. Установление протектората прежде всего стимулировало ускоренные темпы эллинизации варварских обществ. Однако темпы эти, как и сама степень акцептации варварами достижений эллинской цивилизации, не были одинаковыми, но зависели от множества объективных и субъективных факторов. Так, Атей приказывает чеканить в Каллатисе монету, но презрительно относится к великолепной игре прославленного флейтиста Исмения (*Plut. Apophth.* 174 E—F). Скил — кочевник, но в силу воспитания и образованности проникся греческим образом жизни и религией. Саитафарн и Ремакс только взимают дань соответственно с Ольвии и Истрии, а Ариапиф, Скил и Скилур используют Ольвию для вывоза своей продукции, привлекают к себе на службу ее граждан, хотя из последних троих двое кочевники, а третий — правитель царства эллинистического типа. Даже Буребиста, поправший все вековые нормы протектората, держит при себе греческого советника Акориона, родной город которого Дионисополь он не трогает.

---

¹ Несмотря на критику Д. Б. Шелова (Царь Атей // НСФ. 1965. 2. С. 26) гипотезы В. П. Невской (Византий в классическую и эллинистическую эпохи. М., 1953. С. 112), более убедительной кажется точка зрения ее и В. Илиеску, полагающего, что свидетельство Аристокрита (FGrH. 493 F 6) следует понимать в смысле неуплаты византийцами дани Атею. См.: *Iliescu VI. Die außenpolitische Krise...* S. 668. Anm. 70, 71.

Однако описываемый процесс нельзя представлять себе в виде некоего монолога, в котором требует и получает только варварская сторона. Несомненно, известные выгоды из подобного частичного ущемления своей элвтерии извлекали и греческие полисы, по меньшей мере определенные слои их жителей. Так, потеря Ольвией хоры в V в. компенсировалась за счет расцвета внешней торговли и ремесел, а потому в целом пагубно не сказалась на состоянии экономики полиса и, видимо, на благосостоянии большей части его жителей. Вхождение Ольвийского государства под протекторат позднескифского царства в Крыму кроме укрепления его обороноспособности должно было, несомненно, улучшить снабжение города продовольствием, усилить занятость его жителей в разных отраслях производства и коммерции, а потому повысить их жизненный уровень.

Резюмируя все сказанное, можно сформулировать основной, кардинальный итог всего исследования: история Ольвийского полиса во всех ее проявлениях общего и особенного, при всех показателях неодностороннего характера протекавших в ней процессов дает нам яркую иллюстрацию сложности и многообразия самого хода развития античного общества, новые аспекты и грани которого будут все полнее раскрываться по мере накопления источников и углубленного их изучения.

* * *

Расставаясь с городом, политические судьбы и государственная жизнь которого так долго останавливали на себе наше внимание, хочется сказать несколько слов и о той иллюстрации, которая помещена на обложке этой книги. Выбор ее не случаен. Осведомленный уже читатель сразу признает в ней фрагмент одного из немногих целых скульптурных изображений эллинистического времени, найденных в Ольвии. Данный рельеф, который как исторический источник занимает особое место в главе V, ольвийская коллегия ситонов после успешного завершения своей должности посвятила Герою внемлющему. Но не столько тесная связь с ольвийской историей и государственными древностями побудила выбрать это изображение в качестве *ἐπίσημον* книги. Смысл, скорее, в ином: перед нами пока что бесспорно единственный портрет реальных, живых ольвиополитов. Всмотримся в их лица: им радостно, они улыбаются, ведь им удалось раздобыть и запасти достаточно хлеба, чтобы их сограждане не голодали в эту лихую годину ольвийской истории. Я ничуть не намерен идеализировать картину — скорее всего, эти должностные лица принадлежали именно к тому разряду *ἐβλοροῦμενοι*, в руках которых фактически сосредоточились основные богатства и политическая власть, а потому им самим едва ли когда-нибудь приходилось заботиться о хлебе насущном. Но такими увидел их безвестный ольвийский художник и, пронеся через столетия, раскрыл перед нами запечатленную навеки в камне страницу истории своего родного города.

УКАЗАТЕЛЬ ЛАПИДАРНЫХ НАДПИСЕЙ

1. Надписи ольвийские

- IOSPE. I²**
20: 146
22: 146
23: 146
24: 12, 26—28, 146, 164, 218, 223
25+31: 18, 19, 146, 148, 153—164, 172, 223
26: 164, 223
27: 164, 223
29: 164, 223
30: 181, 198, 204, 209
32: 7, 12, 18, 159—161, 164, 167, 178—183, 187, 189—191, 194—199, 200—204, 206—209, 219, 223, 247, 256, 262
33: 164, 222, 223
34: 164, 183—188, 200
35: 12, 164, 184, 221, 223, 251—256
36: 184
37: 207
42: 272
46: 26
48+: 185
76: 206, 207
77: 242, 243
78: 242
105: 197
160: 135, 141, 148
164: 111
165: 171
166: 171
168: 242, 243, 250
174: 256
175: 256
176: 256
178: 197
179: 172, 195—197, 256
181: 256
183: 197, 256
184: 256
185: 256
186: 195—197
187: 148
188: 172
192: 255
201: 148, 182, 184, 220, 241, 255
209: 148
222: 255
223: 255
- 226: 239
270: 87—89
325: 26, 146, 164—168
HO
1: 15, 62
3A—B+12+107: 139, 140, 146, 171
3B: 139
4: 139, 140, 146
5: 130, 146, 171
6: 146
7: 146, 180
8: 139, 146
9: 146
11: 139, 140
14: 146
15: 146, 179, 180
16: 146
19+32: 179
20: 146
21+30+120: 184
24: 164, 223
25: 164, 223
26: 164, 221, 223
27: 164, 184, 241
28+29+123+IOSPE.I², 240: 18, 164, 198, 209—217, 222, 223
30: 164
34: 31, 184
35: 184, 241, 255
36: 184, 241, 255
37: 184, 241, 255
38: 184, 241, 255
39: 164, 215
42: 161
58: 112
64: 135
65: 147, 148, 150
71: 136, 147—149, 196
72: 190, 205, 276
74: 27, 184
75: 197, 256, 257
77: 197
80: 148
90: 148
103: 47, 76
106: 135
108: 146
113: 148

168: 149

ВДИ

1981. № 2. С. 74: 15, 18, 25, 109—111,
118, 119, 122, 129, 139

1981. № 3. С. 71+: 141—145

1984. № 1. С. 56: 15, 18, 164, 167, 180,
194, 198, 199, 202, 205, 206, 209, 219,
222, 223, 225, 226

СА

1982. № 1. С. 95 и след.: 139

Hansen. SEG, 173: 87—89

Moretti. *Isc. stor. ellen*. II 132: 209—217

Peek. GVI, 752: 239 1172: 87—89

SEG

III. 586: 188

XXVIII, 649: 179

XXXI, 701: 110 702: 141 712: 241

XXXII, 794: 153 795: 139

XXXIII, 616+617: 139

XXXIV, 758: 180

Syll.³

495: 182

730: 184, 188

II. Надписи других центров

Блаватская. ЗПГ. № 29: 270

ВДИ

1982. № 2. С. 76: 225

1985. № 3. С. 47: 238, 245, 246

1987. № 1. С. 66 и след.: 246

СА

XXVIII. 1958. С. 308: 246

1960. № 1. С. 261: 242

ATL. I

P. 116, fg. 38: 77

P. 157: 128, 133

BSA

58. P. 54: 70

Chiron

11. S. 6f.: 70, 113, 170

13. S. 285: 27, 139, 159

Hansen, SEG, 430: 144

IG

II², 495: 238

XII, 7, 69: 213

XII, Suppl. 168: 158

IGBR. I²

13: 265, 266, 296

37 bis: 200, 237

38 bis: 237

40: 230

41: 233, 236—238

42: 237

42 bis: 237

45: 197

46: 268

323: 269

392: 258

469 bis: 77, 128

IOSPE. I²

340: 224

341: 224

342: 224

343: 224

344: 224

345: 171, 224

347+: 225

349: 225

351: 225

352: 178, 185, 225, 249

353: 185

402: 225, 229

668: 246, 250

670: 242, 246

671: 242, 246

672: 243, 246

673: 246

691: 225

IvPriene. 11: 143

ISM. I

1: 199

4: 188

8: 188

9: 198, 211—214

15: 15, 168, 188, 199—203, 238

16: 188

18: 199, 200

19: 199

20: 191, 199

30: 200

54: 219, 252, 267, 268

57: 225

59: 199

62: 169

65: 162

144: 149

169: 149

170: 149

191: 268

193: 268

II. 2: 269

5: 261

JSav. 1976

P. 155: 219, 220

ML. 2: 62

5: 70—72

6: 119

14: 119

20: 72

30: 170

32: 122, 126

Milet. I. 3

122: 169

138: 159

Moretti. *Isc. stor. ellen*

I, 6: 238

II, 116: 246

117—119: 157

124: 236—238
130: 198, 211—214
131: 199
OGIS. 4: 139
218: 144, 147, 219
339: 208
Peek. GVI, 33: 89
Pleket. II, 33: 197
Schwyzzer. 336: 139
SEG
XVI, 497: 145
XVII, 392: 145
XVIII, 289+XXV, 789: 198, 211—214
XXIII, 253: 122
XXIV, 1095: 199
XXVII, 261: 197
545: 159, 207
XXX, 380: 62
SGDI. 61: 184
StV
II, 257: 142
280: 122
III, 407: 169
408: 12, 16, 26, 28, 69, 70, 157, 168—170
409: 169
453: 169
Syll.³
7: 70
35: 122
75: 254
141: 71
147: 142
163: 122
164: 254
284: 143, 144, 162
286: 12, 16, 26, 28, 69, 70, 157, 168—170
312: 238
332: 237
333: 238
342: 238
347: 238
348: 164
381: 238
421: 139
534: 139
560: 254
569: 254
627: 254
644—645: 238
656: 254
708: 219, 252, 267, 268
955: 212—214
976: 206
1043: 159
1104: 159
Taşluğlu. II
P. 204. N 1: 254
P. 227. N 2: 246

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГСП — Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1955
АИУ — Археологические исследования на Украине
АО — Археологические открытия
АП — Археологічні пам'ятки УРСР
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
Блаватская. ЗПГ — *Блаватская Т. В.* Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э. М., 1952
ВДИ — Вестник древней истории
Виноградов. Синопа и Ольвия. I, II — *Виноградов Ю. Г.* Синопа и Ольвия в V в. до н. э. Проблемы политического устройства // ВДИ. 1981. № 2, 3
Виноградов, Карышковский. Каллиник. I, II — *Виноградов Ю. Г., Карышковский П. О.* Каллиник, сын Евксена. Проблемы политической и социально-экономической истории Ольвии второй половины IV в. до н. э. // ВДИ. 1982. № 4; 1983. № 1
Віс. ОКК — Вісник Одеської комісії краєзнавства
Жебелев. СП — *Жебелев С. А.* Северное Причерноморье. М.; Л., 1953
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗОО — Записки Одесского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИБАИ — Известия на Археологический Институт България
ИВАД — Известия на Варненско археологическо дружество
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры
КБН — Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСОГАМ — Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея
Латышев. Исследования — *Латышев В. В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887
МАР — Материалы по археологии России
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НО — Надписи Ольвии. Л., 1968
НСф. — Нумизматика и сфрагистика
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ПИСП — Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959
Праці ОДУ — Праці Одеського державного університету
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
Труды ГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
Тезисы Парутино — Проблемы исследования Ольвии. Тезисы докладов и сообщений семинара. Парутино, 1985
УІЖ — Український Історичний журнал
АА — Archäologischer Anzeiger

- AEMÖ — Archäologisch-epigraphische Mitteilungen aus Österreich-Ungarn
 AJA — American Journal of Archaeology
 AJPh — American Journal of Philology
Asheri — *Asheri D.* Leggi greche sul problema dei debiti // SCO. 1969. 18
 Ath. Mitt. — Athenische Mitteilungen
 ATL — *Meritt B. D., Wade-Gery H. Th., McGregor M. F.* The Athenian Tribute Lists. Cambridge (Mass.); Princeton, 1939—1953. Vol. 1—4
 BCH — Bulletin de correspondance hellénique
Boardman — *Boardman J.* The Greek Overseas. L., 1980
 BSA — Annual of the British School at Athens
 Bull. ép. — *Robert J. et L.* Bulletin épigraphique // REG (Cm.: REG)
 CAH — The Cambridge Ancient History
 CIG — Corpus inscriptionum Graecarum
 DHA — Dialogues d'histoire ancienne
Ehrhardt — *Ehrhardt N.* Milet und seine Kolonien. Frankfurt; Bern; N. Y., 1983
 FGh — *Jacoby F.* Die Fragmente der griechischen Historiker
Harmatta. Studies — *Harmatta J.* Studies in the History and Language of the Sarmatians. Szeged, 1970
 Harv. St. Cl. Ph. — Harvard Studies of Classical Philology
 IG — Inscriptiones Graecae
 IGBR — *Michailov G.* Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae. Serdica, 1958—1970. Vol. I—IV
 IOSPE — *Latyshev B.* Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Petropolis, 1885—1916
 ISM — Inscriptiile din Scythia Minor
 Ist. Mitt. — Istanbuler Mitteilungen
 IvKalchedon — *Merkelbach R.* Die Inschriften von Kalchedon. Bonn, 1980
 JDAI — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts
Jeffery. LSAG — *Jeffery L. H.* The Local Scripts of Archaic Greece. Oxford, 1961
 JHS — Journal of Hellenic Studies
Le Bas — *Waddington* — *Le Bas Ph., Waddington W. H.* Voyage archéologiques en Grèce et en Asie Mineure. P., 1847—1877
 LSJ — *Liddell H. G., Scott R., Jouns S.* A Greek-English Lexicon. Oxford, 1973
 MCA — Materiale și cercetări arheologice
Michel — *Michel Ch.* Recueil d'inscriptions grecques. Bruxelles, 1900
 Milet — Milet. Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen seit dem Jahre 1899
Minns — *Minns E.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913
 ML — *Meiggs R., Lewis D.* A Selection of Greek Historical Inscriptions. Oxford, 1969
Moretti. Isc. stor. ellen. — *Moretti L.* Iscrizioni storiche ellenistiche. Vol. I—II. Firenze, 1967—1975
 Mus. Helv. — Museum Helveticum
 Nouveaux Choix — Nouveaux Choix d'inscriptions grecques. P., 1971
 OGIS — *Dittenberger W.* Orientis Graeci inscriptiones selectae. Leipzig, 1903—1905
 PCPhS — Proceedings of the Classical Philological Society
 Peek. GVI — *Peek W.* Griechische Vers-Inschriften. B., 1955
Pleket. Epigraphica — *Pleket H. W.* Epigraphica. Leiden, 1969. Vol. II
 RA — Revue archéologique
 RE — *Pauly A., Wissowa G., Kroll W.* Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft
 REG — Revue des études grecques
 Rh. Mus. — Rheinisches Museum für klassische Philologie
 RN — Revue numismatique
Robert. OMS — *Robert L.* Opera minora selecta. Amsterdam, 1969—1974. Vol. 1—4
Rostoutzeff. SEHW — *Rostoutzeff M.* The Social and Economic History of the Hellenistic World. Oxford, 1941
 RSA — Rivista storica dell'antichità
Schwyzler — *Schwyzler E.* Dialectorum Graecarum exempla epigraphica potiora. Leipzig, 1923
 SCIV — Studii și cercetări de istorie veche

SEG — Supplementum epigraphicum Graecum

Sokolowski. LSCG — *Sokolowski F.* Lois sacrées des cités grecques. P., 1969

St. Clas. — Studii Clasice

StV — Staatsverträge des Altertums. München, 1975. Bd. II. (Ed. Bengtson H.);
München, 1969. Bd. III. (Ed. Schmitt H. H.)

Syll.³ — *Dittenberger W.* Sylloge inscriptionum Graecarum. Ed. 3. Leipzig, 1915—
1924. Vol. I—IV

Tod — *Tod M. N.* A Selection of Greek Historical Inscriptions Oxford, 1946, 1948.
Vol. I, II

Vinogradov. Griechische Epigraphik — *Vinogradov Ju. G.* Griechische Epigraphik
und Geschichte des nördlichen Pontosgebietes // Actes du VIIe Congrès Inter-
national d'épigraphie grecque et latine. Bucaresti, 1979

Vinogradov. Historische Entwicklung — *Vinogradov Ju. G.* Die historische Entwick-
lung der griechischen Poleis des nördlichen Schwarzmeergebietes im 5. Jh. v.
Chr. // *Chiron*. 1980. 10.

Vinogradov. Olbia — *Vinogradov Ju. G.* Olbia. Konstanz, 1981

Vinogradov. Pontos Euxeinos — *Vinogradov Ju. G.* Pontos Euxeinos als politische,
ökonomische und kulturelle Einheit und Epigraphik // *Acta Centri Historiae*
Terra antiqua Balcanica. Trinovi, 1987

Wasowicz — *Wasowicz Al.* Olbia Pontique et son territoire. P., 1975

Wilhelm. Beiträge — *Wilhelm Ad.* Beiträge zur griechischen Inschriftenkunde. Wien,
1909.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
-----------------------	---

Глава I

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ОЛЬВИЙСКОЙ ИСТОРИИ

История Ольвии в современной историографии	7
1. Антикварный период (от начала XIX до 1885 г.)	7
2. Начало систематического изучения Ольвии и ее истории (1885—1917 гг.)	8
3. Расширение источниковой базы (1917—1960 гг.)	11
4. Совершенствование методики (с 1960 г. по настоящее время)	13
Источники	17
Методика исследования	19
Периодизация истории Ольвийского полиса	20
Политико-географическая топонимия Ольвийского полиса	25

Глава II

АРХАИЧЕСКАЯ ЭПОХА

Метрополия, дата основания, контакты с материнским городом, контингент колонистов	33
Принципы выбора места поселения. Причины и цели эмиграционного процесса	39
Возникновение и становление полиса в Нижнем Побужье	60
Политическая и социальная структура Ольвийского полиса	69

Глава III

ИСТОРИЯ ОЛЬВИИ V в. до н. э.

Историческая ситуация в Северном Причерноморье на рубеже IV—V вв.	81
Установление скифского протектората над Ольвией	90
Возникновение ольвийской тираннии	109
Ольвия и Афинский морской союз	126

Глава IV

ОЛЬВИЯ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ КЛАССИКИ И РАННЕГО ЭЛЛИНИЗМА (IV — первая половина III в.)

Позднеклассическая Ольвия	135
Осада Ольвии Зопирионом и период реконструкции жизни полиса	150

Глава V

ЭПОХА КРИЗИСА:

вторая половина III — первая половина II в. до н. э.

Причины кризиса	178
Средства борьбы с кризисом .	201
Политический строй .	217

Глава VI

ОТ СКИЛУРА ДО БУРЕБИСТЫ:

середина II — середина I в. до н. э.

Протекторат Скилура	230
Ольвия в составе державы Митридата .	250
Гетский разгром .	263
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	273
УКАЗАТЕЛЬ ЛАПИДАРНЫХ НАДПИСЕЙ .	277
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ .	280

Научное издание

Виноградов Юрий Германович

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЯ
ОЛЬВИЙСКОГО
ПОЛИСА**

VII—I вв. до н. э.

**Историко-
эпиграфическое
исследование**

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории
Академии наук СССР

Редактор издательства В. Н. Токмаков
Художественный редактор С. А. Литвак
Технический редактор Е. Ф. Альберт
Корректоры Р. В. Молоканова, Т. И. Чернышова

ИБ № 38855

Сдано в набор 23.08.88
Подписано к печати 02.10.89
А-03992. Формат 60×90¹/₁₆
Бумага офсетная № 1
Гарнитура литературная. Фотонабор
Печать офсетная
Усл. печ. л. 18. Усл. кр. отт. 18,38.
Уч.-изд. л. 22,8. Тираж 1800 экз. Тип. зак. 735
Цена 4 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485,
Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12